

Андрей Фролов
Падение «Хрустального Бастиона»

Текст предоставлен правообладателем http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=600097
«Падение «Хрустального Бастиона»»: Эксмо; М.:; 2011
ISBN 978-5-699-47849-1

Аннотация

Это – наше будущее. Число людей, на целые месяцы целиком погружающихся в манящий виртуальный мир, растет с пугающей быстротой. Реальная жизнь остается для каждого из них за бортом индивидуального игрового саркофага, в котором заживо разлагается от бездействия тело, покинутое разумом. Их называют вампирами, или ныряльщиками. Существуют специальные службы, устраивающие настоящие силовые операции, чтобы спасти людей, ставших виртуальными вампирами. Однако в последнее время начинают происходить странные и зловещие инциденты, когда разбуженные агентами вампиры пытаются уничтожить своих спасителей, демонстрируя невероятную силу и ловкость. Что-то чудовищное происходит в виртуальном пространстве, и тьма вот-вот хлынет из него в мир реальный...

Андрей Фролов

Падение «Хрустального Бастиона»

* * *

Однако стоит отметить, что звучащие в прессе предостережения не несут в себе аргументированной конкретики, а зачастую и вовсе намеренно искажают факты. Действительно, пессимистичные мнения представителей сферы здравоохранения, изучающих негативное влияние так называемых саркофагов для ныряния на сознание и физическое состояние человека, звучали еще в конце прошлого десятилетия. В частности, один из главных противников внедрения систем многоканального сенситивного соединения (МСС) человеческого мозга с моделируемой реальностью – академик отделения психиатрии РАН и почетный член РАЕН Лев Альбертович Штейн – еще три года назад заявлял, что «подмена реальности на столь высоком уровне натуралистичности рано или поздно, но неизбежно приведет пользователя к множественному личностному распаду».

По мнению господина Штейна, с 2029 года не должно было пройти «и пяти лет, как зависимость от альтернативной реальности станет русским бедствием, гораздо более объемным, чем наркомания или алкоголизм. Привыкание, вызываемое новым чудом кибернетики, будет во сто крат сильнее, чем любая известная науке аддикция».

К счастью, как на состоявшейся конференции прокомментировал мнение знаменитого академика Главный государственный санитарный врач РФ Петр Алексеевич Денисов, «слова Льва Альбертовича так и не стали пророческими. Несмотря на критику со стороны правозащитных и антиглобалистских организаций, сегодня изучение влияния «саркофагов» на психику пользователей до сих пор ведется в растущих объемах, предоставляя российским ученым необъятное поле для проведения изыскательских работ в области человеческого разума и сознания».

Журнал «Здоровье населения и среда обитания», 2032 год.

Уровень загрузки – 0%, загрузка началась.

Вывеска на двери выглядела усталой, несвежей и вытерпевшей несколько переездов. Многочисленные потертости, царапины и пыль еще не мешали прочесть фразу «Компания «Кобрятка». Лицензия на пробуждение», но и лоска ей не придавали.

В замешательстве застыв перед дверью офиса, Леша обвел взглядом пустынный коридор, взглянул на настенный хронометр. С одной стороны, первое появление на новом рабочем месте раньше назначенного времени – хороший способ показать начальству свое рвение. С другой стороны, и о пунктуальности забывать не стоило. А потому Алексей решил выждать еще несколько минут, прислушиваясь к гнетущей тишине, наполнявшей огромный деловой центр.

Когда стрелка электронного циферблата еще на пару делений приблизилась к заветной цифре, парень глубоко вдохнул, решительно постучав по вывеске. Ответили сразу, будто в кабинете только и ждали:

– Открыто, входите.

Голос был низкий, грубоватый, с хрипотцой, присущей заядлым курильщикам. Толкнув створку, Алексей шагнул внутрь.

– Заходи, присаживайся там, где найдешь. Матвеев? Алексей, ведь так? Хорошо, что не опоздал, я ленивых не люблю. – Как выяснилось, голос раздавался из соседней комнаты, дверь в которую отсутствовала. – Секретарши нет, так что кофе себе делай сам. Если хочешь, конечно. Я скоро...

Вдруг осознав, что волнуется, Леша присел на ближайший свободный стул для посетителей. В сотый раз стараясь внушить себе, что эта работа не отличается от любой

другой, осмотрел кабинет.

В комнате не было ничего неожиданного – так в городе выглядели сотни и даже тысячи офисных помещений небольших частных фирм. Копии лицензий, благодарственные письма и грамоты в рамках украшали правую стену, под ними располагался стол со вполне современной АйПи-станцией. Какие-то бумаги на углу стола, несколько пластиковых папок.

Многофункциональный аппарат для копирования и сканирования стоял у единственного окна, там же нашел свое место водяной комбайн на несколько сортов чая и кофе. Напротив стола разместились стулья для клиентов, одежная вешалка и высокий узкий стеллаж, запертый на ключ.

Пыльно, немного не прибрано, но вполне уютно и пригодно к работе.

Убранство второй комнаты Леша рассмотреть не мог, а потому уставился в окно на залитый вечерним солнцем город. Следует отметить, что, несмотря на не самый презентабельный вид, «Кобрятка» располагалась вовсе не на окраине, а в одном из самых старинных офис-центров.

– Еще пара минут, – попросил тот же хриплый голос из соседнего кабинета. – Не скучаешь там?

– Нет, спасибо, – выдавил из себя Матвеев, сообразив, что так и не перестал волноваться.

Казалось бы, причин для тревоги нет – просто новая работа с довольно привлекательными условиями. Гибкий график, небольшой оклад, щедрые проценты с клиентов. Да, работа необычная, незнакомая, но от того еще более интригующая. Можно даже сказать, романтическая. Еще год назад Леша и подумать не мог, что когда-нибудь станет спасать людей за деньги, и вот...

– Ну, здравствуй еще раз. – В кабинете наконец появился его хозяин. – Извини, что заставил ждать. Павел Покрышкин, рад знакомству. И давай без всяких отчеств, ладно?

И решительно направился к Алексею, старомодно протягивая руку. Леша поспешно поднялся, пожимая широкую ладонь, и понадеялся, что его откровенное удивление не будет заметно. Рассматривая нового начальника, он был одновременно озадачен, смущен и немного напуган.

Покрышкин, предпочитающий при знакомстве жать руку и общаться без отчеств, выглядел не совсем так, как его представлял себе Матвеев после разговора по видеофону. Это был плотно сбитый мужчина не самого высокого роста, лет на десять старше самого Алексея. Широкие плечи, крепкая рука, постоянный прищур темных глаз – с самого первого взгляда что-то выдавало в директоре «Кобрятки» деревенскую хватку и смекалку, которой так часто не хватает жителям мегаполисов.

Но странности, поразившие Матвеева, заключались не в прищуре Покрышкина или его коренастости. Странность номер один состояла в том, что на голове тот носил кожаный авиационный шлем столетней давности. Вторая странность крылась в белоснежном шелковом шарфе, туго завязанном на шее. А третьей странностью, причем немало напугавшей Алексея, были рукояти сразу двух пистолетов, видневшиеся под мышками Павла.

– Удивлен? – без тени смущения хохотнул тот, выпуская ладонь Матвеева.

Улыбка, скользнувшая по лицу Покрышкина, решительным образом преобразила этого хитроватого и настороженного человека. Преобразила настолько, что Алексей и сам невольно улыбнулся в ответ. Улыбнулся, все же не переставая бросать настороженные взгляды на кобуры с оружием.

– Так, – тут же уловил его реакцию Покрышкин. – Давай по порядку. Оружие в нашем деле необходимо, об этом ты должен был узнать из вакансии. Это, – он с нескрываемой лаской похлопал по правой кобуре, – двадцатизарядный «Шершень», заряженный капсулами с мощным транквилизатором. Зачем именно, расскажу по ходу пьесы. А вот старый добрый боевой «Грач». Всё оформлено, всё законно. Знаешь, на всякий случай... В нашем деле страховка всегда нужна. Да ты присаживайся, не стой столбом. Сейчас мы с тобой кофею

изопьем, будем планерку проводить...

– Планерку? – Алексея накрыла новая волна удивления. – Вдвоем?

– А кто нам еще нужен? – снова хохотнул Покрышкин, подходя к комбайну и что-то набирая на его сенсорной клавиатуре. – Сбор фирмы в полном составе – ты да я. Да-да, не удивляйся, в этом деле больше двух – уже обуза.

Он обернулся, неожиданно подмигнув Матвееву через плечо.

– Это значит, что вы берете меня на работу? – Брови Алексея продолжали свое путешествие вверх. – Вот так сразу?

Комбайн негромко загудел, готовя заказ, а затем в подставленные чашки ударила горячая струя.

– Во-первых, давай-ка на «ты». А во-вторых, отчего бы и нет? Считаю, что зачислен стажером. Половина оклада с сегодняшнего числа, премии за клиентов в полном объеме, как было обещано в предложении. Если тебе тут понравится, буду рад. Ну а если нет... Разберемся, в общем. Держи кофе, взбодрись. Коньячку плеснуть?

– Нет, спасибо. – Алексей забрал у нового начальника дымящуюся чашку, опускаясь обратно на мягкий офисный стул.

– Ну, как хочешь. – Тот удобно устроился в высоком кресле за столом, вынимая из ящика ополовиненную бутылку коньяку и пепельницу. – Так на чем я остановился?

– На пистолетах.

– Ах, да. Ну, в этом случае ты специфику поймешь сразу. Уже сегодня, полагаю. Тебе, конечно, оружие пока не дозволено, но сварганить лицензию – не проблема. Теперь про шлем и шарф. Ты, Леша, должен... ничего, что я так фамильярно? Ну и славно... Так вот, ты, Леша, должен знать, что моим прадедушкой был сам Александр Иванович Покрышкин. Да-да, тот самый ас Великой Отечественной войны. Трижды герой Союза и маршал авиации – наш, сибиряк, новосибирец! Сим фактом я горд безмерно, а посему ношу эти вещи в его память. Фирму вот назвал в честь его самолета...

Павел замолчал, а в глазах его что-то промелькнуло. Гордость, печаль или тень гнетущих воспоминаний – Алексей разобрать не смог. Открутив крышку, необычный начальник Матвеева плеснул себе в кофе немного алкоголя.

– Шлем, кстати, – сделав глоток, Покрышкин провел пальцами по мягкой и истрескавшейся коричневой коже, – настоящий артефакт. Не уверен, что принадлежал он именно моему предку, но то, что это исторический экспонат, в котором летал кто-то из русских летчиков, доказано достоверно. Купил в свое время за большие деньги. Счастливый шлем, клянусь тебе. С тех пор на работе не снимаю, ни в жару, ни в холод, чтобы удачу не сглазить.

– Здорово, – только и смог вымолвить Матвеев. – Действительно здорово, когда память не растворяется в прожитых годах...

Теперь он смотрел на диковинный облик шефа чуть иначе. Конечно, если бы Павел работал в крупной корпорации или государственном учреждении, такой вид вызвал нарекания. Но, учитывая специфику «Кобрятки»...

Вспомнив о работе, Алексей вновь взволновался. Поставил нетронутый кофе на край стола.

– Так что у нас с планеркой? – решив проявить хоть каплю инициативы, поинтересовался он.

– Идет она уже. – Неопределенно махнул рукой Павел. – Расскажи давай-ка мне о себе Леша. Мы, конечно, не на боевой вылет уходим, но мне важно знать, кто отныне станет моим ведомым.

– Так ведь всё есть в резюме, – пожал плечами Матвеев, в очередной раз удивившись. – Если откроете, могу каждый пункт прокомментировать...

– Не-не-не. – Покрышкин опять отмахнулся. – И бумага – не то. И файлы – все не то. Ты своими словами давай, самое важное, как считаешь. Кратенько, по существу.

– Ну... – невольно замялся Алексей. – Лицей окончил, затем институт в Томске.

Специальность – антикризисный менеджмент, в мою студенческую молодость это было одной из самых модных профессий. Потом, конечно, кризис прошел, а вот спецов по борьбе с ним осталось хоть отбавляй. – Начав рассказ, Матвеев вдруг почувствовал, как напряжение и нервозность уходят. – Год в армии после института. Ракетчиком, но тут и рассказать-то нечего. Потом начал работать... По специальности не удалось, но перепробовал много. Сразу после принятия плана Смолянинова на вахту ездил на север Красноярского края, потом тут вертелся... Пью мало, не курю.

– Выгоняли откуда-нибудь? – в лоб спросил его Покрышкин, поглядывая из-за края кофейной чашки.

В летном шлеме, с неизменным прищуром, сейчас он выглядел так, словно смотрел на нового сотрудника через прицел авиационного пулемета. Однако, к собственному приятному удивлению, Матвеев не смутился.

– Нет, не выгоняли, – он даже помотал головой, – этим горжусь. Уходил по-разному, где по сокращению штата, где по ликвидации предприятия, но никогда за проступки. В непростое время живем, как говорят...

– Простых времен не бывает, – вдруг отрезал Покрышкин, вновь демонстрируя мгновенную смену облика. Вынул из кармана рубашки пачку сигарет, щелкнул зажигалкой, закурил. – А последнее место работы?

– Оператор кибернетических машин по уборке улиц. – Алексей машинально опустил взгляд. – Дворник, если проще. Ушел по сокращению. Нашу бригаду уборочных автоматов на Ключ-Камышенском плато расформировали. Парк устарел, ремонта нет, людей мало. Кто хотел, перевелся на Юго-Западный округ. Я не захотел...

– И правильно! – Покрышкин сделал еще глоток, затянулся сигаретой. – Нечего такому крепкому и толковому парню в мусоре ковыряться. Ну ничего, мы из тебя еще охотника сделаем. – Он подмигнул стажеру сквозь сигаретный дым, отчего тот невольно улыбнулся. – Тебе лет-то сколько? Двадцать семь, вроде?

– Двадцать восемь.

– Самое время для начала карьеры! – Дотянувшись до комбайна, Павел сунул пустую чашку в ополаскиватель. – Ну вот, теперь мы и знакомы, Леша. Пора приступать к работе.

Он встал, обходя стол и снимая с вешалки легкий теплоотталкивающий плащ. Принялся рассовывать по карманам сигареты, зажигалку, ключ от машины и еще какую-то мелочовку.

– Видишь, возле тебя чемоданчик стоит? – не оборачиваясь, поинтересовался Покрышкин, продолжая шелестеть невесомой серебристой тканью.

– Конечно, – подтвердил Алексей, рассматривая пузатый чемодан, похожий на саквояж XIX века.

– Сие, мой друг, отныне твой рабочий инструмент. – Павел набросил плащ на плечи, застегиваясь на пару крючков и скрывая пистолеты. – Оружие тебе пока не положено, но к содержимому данного ридикюля рекомендую отнестись предельно внимательно и осторожно. В нем, можно сказать, львиная доля нашей непростой работы. И именно ее тебе предстоит осваивать в ближайшие дни.

С растущим любопытством Леша нагнулся, поднимая чемоданчик на колени. Саквояж оказался на удивление увесистым, сшитым из толстой натуральной кожи коричневого цвета, с латунными защелками. Щелкнув ими, Матвеев в очередной раз не сдержал удивления и принялся рассматривать гаджеты, наполняющие кожаные недра.

– Кстати, как там у тебя насчет предрасположенности к психическим отклонениям или серьезным заболеваниям? – неожиданно меняя тему, но все с той же прямоотой уточнил Павел, перегибаясь через стол и вытряхивая пепельницу в мусорную корзину.

– Сложно сказать, – решил не лукавить Леша, отводя взгляд от инструментов и аккуратно закрывая саквояж. – Обычные исследования не выявили ничего, кроме возможной гипертонии после сорока лет... А к генопровидцам меня так и не сводили – родители были недоверчивыми ретроградами.

– Это ничего... – понимающе хмыкнул шеф, покивав. – Я и сам анализ ДНК не делал, а детские записи уничтожил. Угнетает это, когда точно знаешь, что ждет завтра.

Все-таки он производил крайне любопытное впечатление, этот крепкий мужичок в старинном летном шлеме и при пистолетах. Меняющий стиль разговора, как заправский следователь, цепкий, прямолинейный. А еще какой-то... устаревший, что ли?словно на полшажка отставший от стремительного роста насквозь техногенной цивилизации и ее веяний.

Разглядывая его, сейчас перебирающего какие-то бумаги на столе, Матвеев задумался, что начинает испытывать к новому начальнику откровенную симпатию. Однако уже через секунду представил, каков тот может быть в гневе, и заставил себя смотреть на вещи трезвее.

– Ну что, ведомый Матвеев? – Осмотрев кабинет, словно опасаясь что-то забыть, Покрышкин взялся за ручку двери. – Готов к первому вылету?

– Наверное. – Алексей улыбнулся, но вышло не очень убедительно.

Он встал, ощущая в руке тяжесть кейса, и шагнул в приоткрытую начальником дверь.

– Тогда идем, Леша. – Шеф пикинул электронным замком. – Детали расскажу в машине. Хотя знаешь, сказать по чести, не так уж они и важны. Обычно отличается только место операции, возраст клиента, количество комнат в квартире и марка гроба. А все остальное – шелуха, по большому-то счету...

Они шагали по безлюдному коридору, скрипя резиновыми подошвами по блестящему полу. Покрышкин, как и полагается ведущему пилоту, шел чуть впереди и справа. Матвеев старался не отставать, уже пожалев, что на увесистом саквояже нет наплечного ремня.

Старенький, но идеально бесшумный лифт доставил их на первый этаж. Как рассказал Павел, приезжал он рано, еще до сумерек, а потому машину предпочитал хранить не под землей, а прямо за зданием, чтобы дать батареям лишний глоток солнца.

Сонный охранник на вахте почти не обратил на них внимания. Приподнял взгляд из-за электрокнижки в затертом до дыр чехле и вернулся к чтению. Дверь-вертушка выпустила их на улицу, и уже через секунду приятная прохлада холла осталась за спиной, а на плечи обрушился изнуряющий вечерний зной. Щурясь от заходящего солнца, Алексей накинул капюшон жароотталкивающей куртки, а Покрышкин надел солнцезащитные очки, идеально дополнявшие его гротескный вид.

– Эх, сейчас бы за город! – мечтательно причмокнул губами Павел. – Да чтобы на речку, да в тихое место, чтобы без зверья всякого дикого... У вас, Леша, еще была дача или ты этот период уже не застал?

– Была, – кивнул Матвеев, перекладывая поминутно тяжелеющий чемодан в другую руку. – Разграбили, а почти сразу после этого война... Потом уже восстанавливать руки не дошли.

– У меня похожая ситуация. – Они обогнули здание, выходя на разомлевшую от солнца парковку. – Такое место славное было. Сейчас там, наверное, уже и фундамента не осталось...

Как и предполагал Леша, машин тут почти не наблюдалось. Разгружался у служебного входа небольшой грузовик, да несколько легковушек блестели активными уловителями, впитывая потоки вечерних лучей.

– Вот он, мой верный «Ишак», – с гордостью улыбнулся Покрышкин, бреломом указывая на старенький китайский джип, припаркованный в самом центре пустынной автостоянки. – Куча боевых вылетов, масса сбитых противников...

Алексей понимающе покивал, но в голове вдруг вспыхнула важная мысль, робко ворочавшаяся еще с первого видеофонного собеседования.

– А вообще их много было?... – шагая по еще мягкому асфальту вслед за Павлом, поинтересовался Матвеев. – Ну, я имею в виду сбитых противников... Клиентов много было? Пробужденных?

– Да понял я, о чем ты. Говоря по чести, немало. – Покрышкин неторопливо кивнул, поправляя шарф. – Как-никак, уже шестой год этим ремеслом кормлюсь. Ну а вообще,

«воюем не для счета», как говорил мой легендарный прадед. Запрыгивай-ка в кабину.

Пискнула сигнализация, а последнюю фразу он произносил уже с водительского сиденья. Аккуратно поставив тяжелый чемодан в багажник, Матвеев устроился рядом с шефом, прикрывая тихонько скрипнувшую дверь.

Машина была не новой, лет пятнадцати от роду, но на вид казалась крепкой рабочей лошадкой, еще способной дать жару.

– Как насчет музыки? – Покрышкин вынул из внутреннего кармана плаща АйПи-фон, вставил в паз на приборной доске. Выбрал в меню музыкальную станцию, включил. – Классика любишь?

И не успел Матвеев ответить, как из многочисленных динамиков, часть которых похрипывала, в салон полился вибрирующий голос Элвиса Пресли.

Загудел мотор, в борта и крышу мягко втянулись заполненные энергией солнечные аккумуляторы. Плавно развернув тяжелую машину, Павел направил джип к выезду с парковки.

– Так кто же он, наш сегодняшний клиент? – когда машина выкатилась на проспект, решил поинтересоваться Алексей. Ему показалось, что пришло время вновь проявить инициативу.

– Захар Алферов, сорок два года, директор небольшого предприятия по производству пищевых полуфабрикатов. Котлетки всякие, пельмешки, – покачиваясь в такт музыке и лениво поглядывая на пустынную дорогу, принялся рассказывать начальник. – Ушел в загул четыре недели назад. Раньше баловался, но работе это не мешало. А тут вдруг в штопор. Алименты не платит, предприятие почти встало, люди негодуют и требуют праведного суда. Вернем заблудшую овцу – нам сразу сорок человек спасибо скажут.

– Нам? – Алексей, пытавшийся угадать звучащую песню, не успел сдержать изумления.

– Нет, конечно, – хохотнул Покрышкин, довольный неожиданной шалостью. – Государству они спасибо скажут. Органам соответствующим, ведомствам. Ну да и черт с ними, Леша, мы с тобой не за аплодисменты работаем. Согласен?

– Согласен...

Немного смутившись, Алексей уставился в окно, разглядывая идущий на обгон японский грузовик. Зато сразу вспомнил, что песня называлась «В гетто» и рассказывала о судьбе несчастного чернокожего мальчика. Мелодия была грустной и вполне соответствовала пейзажу, пролетающему за окном.

Вечер вступал в свои законные права, и город оживал. Редкие еще прохожие торопливо брели по делам. Некоторые катились на стоячих мини-скутерах, разговаривая по АйПи-фонам или просматривая через них свежие заметки на новостных лентах. Ярko сверкали плазменные рекламные панели. Немногочисленные электромобили, бесшумно плывущие по улицам города, казались блестящими рыбами с бриллиантами накопителей вместо плавников.

Над проспектом, плавно завернув за высотное здание, пролетела стайка небольших пузатых птиц. Алексей с интересом придвинулся к лобовому стеклу, задирая голову, а Покрышкин многозначительно покивал, лишь мельком взглянув в окно.

– Голуби, небесные крысы... Возвращаются потихонечку, уже и в центре обосновались. Возле дома ворону недавно видел. Скоро их как раньше будет, вот увидишь...

Птицы на самом деле все активнее возвращались в Новосибирск. Сначала робко, с недоверием селясь вокруг замолчавших приборов отпугивания, но затем всё смелее. Эпидемия миновала, популяция городских пернатых сократилась до критической нормы, и в двадцать восьмом врачи официально дали отбой тревоге. Поэтому вот уже почти десять лет вышки с акустическими пушками ржавели, превращаясь в подставки под гнезда, а над улицами вновь зашуршали птичьи крылья.

Ехать оказалось неблизко, но небольшое количество машин дало возможность добраться до Чемского округа за какие-то пятнадцать минут. Подъезжая к густому жилмассиву, блестящему на закатном солнце сотнями окон, Павел сбросил скорость. Здесь и

электромобилей, и прохожих было еще меньше, чем в старом центре, а оттого улицы производили и вовсе не самое приятное впечатление. Особенно с наступлением темноты.

Когда-то, сразу после строительства третьего моста через Обь, этот округ стал стремительно развиваться. На пустырях шустро выросли новые офисные и торговые центры, к двадцатым годам старые пятиэтажные «хрущевки» пошли под снос, а вместо них к небесам рванулись высотки. Но после войны, эпидемии и волны вампиризма, последовавшей сразу за Малой депрессией, Чемской снова превратился в то, чем был еще в конце прошлого века – обыкновенную окраину крупного города. Своего рода гетто, если говорить языком Элвиса Пресли...

Развернув на приборной панели гибкий экран электромобильного навигатора, Покрышкин активировал «Супер-ГЛОНАС». Прямо на ходу, чуть прижавшись к обочине, задал маршрут, сразу после чего мягкий женский голос принялся координировать путь машины.

Включив фары, свернули во двор, где высотные строения бросали на детские площадки густую тень. Выкрутив руль, Павел остановил машину возле ближайшего подъезда. Не торопясь выходить на ускользящую дневную жару, достал сигареты и закурил.

– Нам сюда? – поинтересовался Алексей, подбородком указывая на дверь подъезда.

– Нет, Леша, нам не сюда. Первое правило – никогда не лезь к вампиру, не осмотревшись. Второе правило – постарайся сообщить ему о своем визите как можно позднее. – Шеф выдвинул пепельницу. Не дав Элвису начать еще одну песню, выключил музыкальную станцию, кладя АйПи-фон в карман. – Эти люди, Леша, изобретательнее героиновых наркоманов будут, уж поверь мне. Прежде чем в гробы свои укладываться, они не только капканов от непрошенных гостей понаставят, но и систем наблюдения-оповещения не поленятся купить...

Рассуждая о неизвестных Матвееву вещах обыденно и с легкой скукой, Покрышкин внимательно рассматривал двор, электромобили у соседнего дома, приоткрытые окна тех, кто не мог позволить себе кондиционер. Несмотря на совсем ранний вечер, на качелях и горках уже играло несколько детей.

Вслед за начальником разглядывая пустынный и ничем не примечательный пятак между высотками, Алексей вдруг подумал, что тревоги и напряжения в его новой работе все же чуть больше, чем романтики...

– Ну, с богом, – кашлянул Покрышкин, загасив окурок и открывая дверь.

Вышел из машины, дождался, пока следом выберется Матвеев и возьмет из багажника саквояж. В наступавшей ночи было душно и пахло, как из старого подвала.

– Итак, приступим. – Павел потер ладони. – Наша цель – подъезд номер четыре. Двенадцатый этаж, квартира номер три-пять-девять. Рекомендую открыть кейс и держать наготове, вскоре мне понадобится львиная доля его содержимого...

И Покрышкин неторопливо побрел вдоль дома, поглядывая на десятки одинаковых окон, завешенных жалюзи, занавесками, шторами или специальной изоляционной пленкой. Последовав совету знающего человека, Леша поставил саквояж на сгиб локтя, приоткрыл и поспешил за шефом, неожиданно ощутив себя доктором Ватсоном...

– Знаешь статистику по вампирам, Леша? – с ленцой, будто и впрямь находился на прогулке, поинтересовался Павел, не поворачивая головы.

– Нет, не знаю, – честно сознался Матвеев. – Слышал, что их очень много, но цифрами как-то не интересовался...

– Зря, зря, – посетовал Покрышкин. – Теперь придется, это часть твоей работы. Вот смотри – в одном таком подъезде расположены девяносто шесть квартир. Ближе к ста, поэтому пример будет наглядным, хоть и округленным. Знай, мой юный ученик, что из ста живущих в этом доме семей работают всего одиннадцать процентов. Для справки, кстати... еще в девятом году в стране трудилась ровно половина населения. Еще три-четыре процента живущих тут, – дети и пенсионеры. Еще восемнадцать процентов представляют собой ту массу, что перебивается разовыми рабскими заработками, но не брезгует и криминалом.

Знаешь таких? Что вечером грузят вагоны, а днем выходят на большую дорогу?

Они миновали уже несколько подъездов, верно приближаясь к двери с крупной трафаретной четверкой. Однако Павла это, казалось, ничуть не тревожит. Беспечно вертя головой, он продолжал:

— А вот остальные почти семьдесят квартир — это вампиры. Наши клиенты. Конечно, почти треть из них время от времени выходит из спячки, принося пользу обществу. Есть среди них и те, кто умеет совмещать болезнь и работу — царство спящих тоже должен кто-то обслуживать, не так ли? Но с вычетом этих двадцати пяти процентов мы получаем почти половину. Представляешь себе? Почти половину жильцов одного подъезда, дома, микрорайона, города, области и страны, в конце концов. Огромную массу людей, которым братья Бескровные подарили вечное блаженство...

Когда до подъезда оставалось метров десять, Павел вдруг прервал свою лекцию и остановился, оборачиваясь к напарнику.

— У тебя там в сумке пачка сигарет должна быть, подай? — настолько невинно попросил он, что Алексей далеко не сразу врубился.

— Так у вас же в кармане... — брякнул парень в ответ, но тут же покраснел и принялся лихорадочно рыться в саквояже. Вынул слишком тяжелую для сигарет пачку с незнакомой этикеткой, протянул, едва слышно промямлив: — Прошу прощения, больше не повторится...

Вместо упрека Покрышкин наклонил голову, чтобы из-за очков были видны глаза, и подмигнул стажеру. Поднес пачку к губам, словно готовился вынуть сигарету, а затем невзначай повернулся к подъездной двери.

Если бы не сгустившийся вечерний сумрак, Алексей никогда бы не разглядел тонюсенького лучика, протянувшегося от лживой сигаретной упаковки ровно к объективу видеокамеры, вмонтированной в пульт с номерами квартир. Подержав луч на камере несколько секунд, Павел выключил прибор и небрежно бросил «пачку» обратно в саквояж.

— Тут готово, обычную камеру обмануть несложно, — продолжил он наставления, шагая к подъезду. — Эта просто ослепла, а в течение нескольких минут будет показывать выбранный нами стоп-кадр. А вот на своем этаже гад мог поставить личные средства наблюдения, и потому будет сложнее. Ну, разберемся... Дай-ка мне вот эту полезную штучку.

Последние слова Покрышкин говорил, уже роясь в саквояже. Извлек оттуда новый гаджет, явно самодельного производства, и ловко вставил его разъемы в электронный замок на двери. Примолкший Матвеев, ощущавший себя чуть ли не взломщиком государственного объекта, подавленно наблюдал за манипуляциями начальника.

— Ты, Леша, главное, ничего не бойся. — С удовлетворением прислушиваясь к звукам отпирающегося замка, Павел вернул отмычку напарнику. — Нас власть полномочиями наделила, ни одна шавка в нашу сторону пискнуть не посмеет, ты уж мне поверь. Конечно, любые неприятности — это только наши неприятности... Но так ведь в любом частном бизнесе, пусть ты хлеб печешь или на вампиров охотишься, да? Ну не хватает у органов ни людей, ни технических возможностей, что поделать? Всегда так было — в американской полиции издавна в избытке машин, людей и боеприпасов, а у нас — нет. В Европе в каждой опорке свой личный пост борьбы с кибернетическими преступлениями, у нас — один на район. Да ты заходи, дружище, не тушуйся...

И он улыбнулся, приветливо открывая перед Алексеем только что взломанную дверь. В лицо мгновенно ударила волна духоты, и Матвеев невольно замер на пороге. Всего на секунду, а затем шагнул внутрь, но за эту секунду в голове пронеслись сотни мыслей...

Лишь сейчас он признался себе, что новая работа не просто впечатляла — она настораживала. Самому Алексею было нечего опасаться — ложь или недомолвки при собеседовании были непозволительной роскошью, а скрытые полиграфы стояли даже в самых мелких фирмах. Именно поэтому он честно ответил на вопросы Павла, запоздало осознав, что тот, в свою очередь, ничего не рассказал о предстоящем выезде. И вот они уже вскрывают подъездную дверь, предварительно отрубая системы наблюдения...

Начальник тем временем уже достиг лифтовой площадки, внимательно прислушиваясь к наполнявшим подъезд звукам. Было тихо, лишь из-за одной двери неслись звуки какого-то слишком громкого фильма. Даже не взглянув в сторону лифта, Покрышкин направился к лестнице, поманив напарника за собой.

Свет горел через один этаж, как и предписывали правила, в тусклом энергосберегающем режиме. Узкие окна лестничных пролетов были неловко заклеены тонирующей пленкой, отчего внутри разливались влажная жара и полумрак.

Достав из саквояжа крохотный, но очень мощный фонарик, Павел молча двинулся вверх, старательно обходя валяющийся на ступенях мусор. Прижимая к груди саквояж, Алексей крался следом, с каждым шагом чувствуя себя всё неудобнее.

Первую передышку сделали в полумраке между шестым и седьмым этажами. Отдыхали чуть больше минуты, при этом Алексей с недовольством убедился, что запыхался гораздо сильнее курящего шефа. Кругом по-прежнему царила тишина, она же властвовала за большинством закрытых квартирных дверей. Собравшись с силами, продолжили подъем.

– Так, Леша, а теперь внимание... – на одиннадцатом этаже Покрышкин неожиданно повернулся к напарнику, принявшись рыться в бездонном саквояже. – Ты должен запомнить, что вампиры не любят гостей. А некоторые вампиры очень не любят гостей. Настолько, что выставляют на нашего брата всевозможные ловушки. Сигнализацию, сонный газ, ядовитых змей, медвежьи капканы... Я не утрирую, поверь. На что только не идут бледнокожие, чтобы сохранить в неприкосновенности свое забвение, ты бы знал. Ну ничего, как-нибудь за кружечкой чая я тебе таких баек расскажу...

Павел наконец нашел в саквояже пару незнакомых Алексею приборов, удовлетворительно кивнув. Один из них, оказавшийся сканнером, он тут же включил, сосредоточенно разглядывая крохотный экран. Алексей, все еще не до конца проникшийся реалистичностью происходящих перед ним шпионских игрищ, боялся даже пошевелиться.

– Так-с... – Покрышкин пожевал нижнюю губу, водя прибором из стороны в сторону и даже приподнимая его над головой. – Что тут у нас? Света нет, будешь держать фонарь. Ага, камеры, камеры... Много. А ведь соседи нашего клиента тоже вампиры, как я погляжу. Хм, любопытно. Пожалуй, даже хорошо, что нам к Алферову, а не к его соседям... Ладно...

Он сунул сканнер Матвееву, взамен изъяв из саквояжа новую загадочную штуковину.

– Поднимаемся на этаж, – негромко отчеканил Павел, – я вырубаю камеры. Придется действовать жестко, палить электронику, но другие варианты сложнее и требуют больше времени. Затем я занимаюсь дверью, а ты подаешь инструменты и следишь за тылами. Все ясно?

Алексей, жадно вдыхавший душный воздух подъезда, лишь согласно помотал головой.

– Тогда вперед! – Не дожидаясь ответной реакции, Покрышкин легко просеменил по ступеням, поднимая над головой плоскую черную коробочку.

Что-то щелкнуло, на торце коробочки мигнул красный огонек, но других видимых эффектов Алексей заметить не сумел. Стараясь не отставать от начальника, он торопливо забежал на двенадцатый этаж, забирая протянутую ему глушилку и стараясь не раскачивать луч фонаря.

– Смотри, Леша, – приказал шеф, кивая в сторону нужной двери. – Что видишь?

– Дверь... – чувствуя неловкость, выдавил из себя Матвеев, ощущая полнейшую никчемность.

Он и впрямь не обнаруживал ничего особенного – лишь массивную железную дверь с матовыми цифрами номера, аккуратную кнопку звонка, влажное око видеокamеры и потертый коврик у порога.

– Э, брат, глубже зри! – поучительно, но без намека на издевку, прошептал Покрышкин. – Коврик видишь у двери? А чего это он, спрашивается, такой большой? А это, Леша, чтобы посетитель на него в любом случае наступил... Свети сюда.

С этими словами Павел аккуратно перевернул потертый половик, откладывая его в сторону. В полумраке подъезда блеснули датчики давления, равномерно распределенные по

изнанке коврика. Алексей невольно сглотнул нервный комок.

Шеф тем временем уже был у двери. Присел на корточки, заглядывая в замки, махнул напарнику рукой. Тот приблизился, и Покрышкин на ощупь вынул из саквояжа кожаный чехольчик. Вытряхнув из него на ладонь десяток отмычек, он без тени смущения принялся подбирать нужные.

С замками Павел ковырялся на удивление недолго, будто заправский взломщик. Однако, когда те щелкнули, открываясь, распахивать дверь не стал. Сначала приклеил к краю косяка полоску фольги, напоминающую обертку от жевательной резинки. Когда сигнализация была блокирована, он осторожно, будто чего-то опасался, приоткрыл створку внутрь, оставив щель в ладонь шириной. Нашел в саквояже еще один прибор – небольшой экран с длинным гибким видеощупом. Просунув щуп в образовавшуюся щель, Покрышкин принялся внимательно осматривать дверь изнутри.

– Знаешь, Леша, в нашем деле главное – не упускать мелочи, – пробормотал он, не отрывая взгляда от экранчика. – А то вампиры обычно изобретательностью не отличаются. Привяжет такой вот умник с той стороны двустоволку охотничью, а веревку на дверь накинёт. Открываешь – ба-бах...

– Такое на самом деле бывает? – постарался не сильно побледнеть Матвеев.

– К сожалению, да, – помрачнел его шеф, смахнув каплю пота, выползшую на висок из-под шлема. – Я лично знал охотника, которому из гарпуна чуть руку не отрезало... Но тут вроде чисто... ни ловушек, ни сторожевых собак...

Он поднялся на ноги, складывая приборы в саквояж и вынимая крохотный лазерный резак.

– Глаза прикрой, – посоветовал он ведомому, с легкостью перерубив массивную цепочку. – Ну, Леша, вот теперь входим...

И мягко толкнул дверь, открывая проход в логово вампира.

В квартире – типовой трехкомнатной, каких тысячи, – было темно, но уже через несколько секунд Алексей убедился, что тьма не была полной. Свет не горел ни в прихожей, ни в кухне, ни в ближайшей комнате, а шторы и жалюзи на окнах были глухо задраены. Однако из конца коридора, играя на светлых обоях призрачными переливами, доносилось приглушенное свечение. Там, именно там, и это понял даже Матвеев, находился гроб, освещающий часть коридора мерцанием дисплеев.

Запах – спертый и застоявшийся запах помещения, не проветриваемого уже как минимум неделю, – вырвался в подъезд, обволакивая взломщиков неприятной волной. А еще к запаху застоя и пыли примешивался легкий душок, какой бывает в квартирах больных стариков – отталкивающая смесь человеческих выделений, туалета и медикаментов. И пусть Леша заранее готовил себя к подобному, невольный позыв рвоты был вынужден сдержать.

Мужчины осторожно и бесшумно вошли в квартиру, аккуратно прикрывая за собой дверь. Приложив палец к губам, Покрышкин выразительно зыркнул на ведомого, забрал фонарь, взглядом приказал двигаться следом, а затем медленно пошел по коридору.

Алексей, в этот миг ощущавший себя матерым медвежатником, заочно приговоренным к смерти, с ужасом услышал, как начальник расстегнул кобуры пистолетов. Прижимая мгновенно потяжелевший саквояж к груди, он постарался сдержать судорожный сиплый вздох. Взглянул на шефа – само воплощение уверенности, и приказал себе собраться.

Павел вновь преобразился. Из неторопливого и чуть расслабленного мужичка, прикуривавшего у подъезда, он вдруг превратился в четкий и отлаженный механизм, экономящий каждый жест. Не спеша проходя в комнату с клиентом, он быстро проверил все прилегающие помещения, заглянув даже в туалет.

Яркий лучик его фонарика выхватывал из темноты самые привычные предметы обихода – книжные полки, светильник, рулончик туалетной бумаги, телевизионные панели или АйПи-фон на стенах, напольные вентиляторы, кухонную электронику. Рассматривая эти вещи, что найдутся в любой квартире города, и прислушиваясь к электрическому фону из комнаты с вампиром, Леша закусил губу. В этот момент он искренне и честно пообещал себе

провести с шефом самую детальную и информативную на свете беседу...

– Все чисто, – негромко пробасил Покрышкин, заставив стажера вздрогнуть. – Заходим в главную комнату. Я слежу за клиентом, а ты проверишь спальню, ясно? Если там кто-то есть, пулей летишь в коридор, понял меня? Саквояж поставь у порога.

Эти команды, в которых, словно щука в водорослях, ловко укрывалась необъяснимая угроза, заставили ладони Матвеева похолодеть. Покрышкин, к удивлению парня, его реакцию каким-то образом углядел.

– Да не дрейфь ты, – он ободряюще сжал предплечье Алексея, вкладывая в руку еще один крохотный фонарь, – всё нормально. Просто клиенты иногда оставляют дома жить прислугу. Иногда горничную или повара... иногда, конечно, и охранника, но это единицы, такие больше в коттеджах живут.

И вдруг, что было весьма неожиданно, Алексей действительно почти перестал волноваться. Словно одного слова, жеста или прикосновения этого странного и предельно любопытного человека было достаточно, чтобы подбодрить в трудную минуту. Испытывая чуть ли не зависть, Матвеев кивнул шефу, опуская саквояж к стенке.

Теперь они вплотную приблизились к комнате с гробом, и тусклого света на ее пороге стало предостаточно. Работали, судя по всему, сразу два или три экрана – сменяющиеся на них изображения создавали на стенах рябь, будто кто-то пытался смоделировать миниатюрное северное сияние. Гудели вентиляторы АйПи-станций, мерно тархтел массивный радиатор, одновременно охлаждающий и приборы, и капсулу гроба.

Отсюда, с порога, Алексею ее не было видно – только самый краешек. Но и этого зрелища хватило, чтобы волнение вернулось: по стеклянному краю крышки скользили отражения с дисплеев, пучки проводов темнели переплетениями лиан. Павел, чуя замешательство напарника, легонько хлопнул того по плечу. Спohватившись, Леша скользнул вперед.

Комнату он рассмотрел совсем мельком, безотчетно не желая вдаваться в детали. Но все равно успел заметить плотно задернутые шторы, АйПи-станции на письменном столе, чехарду изображений на трех широких экранах и массивную, огромную и тяжелую пулю гроба, покоящуюся ровно посередине комнаты...

Пригнувшись, словно из спальни в него могли выстрелить, Матвеев толкнул дверную створку, направляя в темноту ярко-желтый луч. Зажмурился, будто ждал, что сейчас навстречу что-то метнется, но тут же заставил себя открыть глаза и медленно вошел.

В спальне не было ничего необычного – широкая кровать, шкафы и тумбы, выключенная панель телевизора на стене. Леша повел фонарем из стороны в сторону, а затем выглянул в комнату с гробом и собрался уверенно кивнуть шефу... И опешил, разглядывая его, стоящего возле гроба с пистолетом в руке и держащего капсулу на прицеле.

– Это... это обязательно? – против собственной воли прошептал Матвеев, пытаясь в полумраке рассмотреть, какой именно пистолет зажат в руке начальника.

– Не помешает, Леша, – терпеливо объяснил тот, обходя капсулу и становясь рядом с мониторами. Рука с оружием даже не вздрагивала, будто Павел был машиной. – Знаешь, они иногда излишне буйно реагируют на визиты... Давай, неси сюда наш волшебный чемоданчик.

Вернувшись в темный коридор, Матвеев забрал саквояж, опуская его на пол возле центральной АйПи-станции. Приготовившись выслушивать новые распоряжения начальника, он только теперь смог близко, в мельчайших деталях рассмотреть и их клиента, и его пугающее ложе.

Гроб, стоящий в центре комнаты, был довольно новым, из последней линейки моделей. Обтекаемый, словно его хозяин собирался устанавливать в нем рекорд скорости, он походил на гладкую блестящую ракету. Верхняя часть была прозрачной, позволяя видеть внутреннее убранство – мягкую обшивку, подушечки и массажеры для тела, эластичные ремни крепежей и яркие провода. А еще чуть пыльное стекло позволяло рассмотреть владельца гроба, их клиента, Захара Алферова, в гости к которому без приглашения они только что явились...

Бледный, обнаженный, но умиротворенный, он покоился на уютном ложе, одновременно пребывая сейчас далеко-далеко. Тело покрывали многочисленные датчики, похожие на разновидность какой-то странной сыпи. Синие припухшие вены змейками ползли по его рукам и ногам, капельницы с растворами казались их продолжениями. Лица почти не было видно из-за массивной маски с питательной трубкой и общим центром контроля.

Конечно, за три недели вампир еще не успел потерять форму. Хотя и за этот не самый большой срок его мышцы обмякли, свисая с костей вялыми пластами плоти, а жирок на боках стал приобретать болезненный цвет. Однако, и в этом Леша мог поклясться, последнее, что сейчас тревожило господина Алферова – это его внешний вид. Матвеев мог видеть только верхнюю часть лица клиента, но одного взгляда на нее хватало, чтобы убедиться, что вампир пребывает в самом настоящем блаженстве.

Не в силах больше разглядывать гроб и его содержимое, Алексей отвернулся к столу. Бегло осмотрел вполне современную технику, десятки шлейфов, соединяющих АйПи-станции с гробом, мониторы. Один из них был разбит на четыре сектора, в каждом из которых в активном режиме отображались какие-то графики и показатели. На втором Матвеев узнал рабочую оболочку для входа в сеть, она пестрела какими-то техническими данными и особенного интереса также не представляла.

А вот на третьем экране творилось настоящее действо, и неосведомленный человек вполне мог бы подумать, что наблюдает фрагмент нового фантастического фильма. Огромный минотавр, вооруженный двуручной секирой и длинноствольным пистолетом, находился на палубе космического корабля. За бортом проплывали созвездия и чужие галактики, а от чудовища веяло какой-то необъяснимой скрытой добротой...

Конечно, и об этом Леша догадался сразу, это и был господин Алферов собственной персоной. Вовсе не обрюзгший и дряблый, по ту сторону панели он являлся сильным и красивым героем чего-то эпического, могучего, вечного. Разодетое в длинные золоченые одеяния, существо стояло у широкого иллюминатора, озадаченно почесывая густую песочную гриву, заплетенную в причудливые косички. Нервно пофыркивая, минотавр не сводил глаз с крохотного прибора на широченном запястье.

– Э... Павел? – Матвеев поднял взгляд, обнаружив на краю третьего дисплея крохотную пуговку камеры. – Кажется, клиент уже знает, что мы тут...

Как оказалось, пока Алексей глазел на экраны, его шеф времени не терял – на ковре перед гробом, выложенный в аккуратном и заранее определенном порядке, покоился десяток новых, неизвестных Матвееву приборов.

– Ну, я догадывался, – кивнул Покрышкин, от чего на его кожаном шлеме блеснули блики от мониторов. – Хотя это ничего и не меняет... Да, господин Алферов? Конечно, вы со мной согласны...

И Павел принялся подключать к панели управления гробом сразу несколько компактных приборов из саквояжа. Пистолет, как отметил при этом Матвеев, покоился на полу рядом с коленом шефа.

– Ты погляди только. – Директор «Кобрятки» заинтересованно склонился над идентификационной пластиной капсулы. – «Ковчег-2035», совсем новая модель. Восемь режимов, полная автономность. Больших денег стоит, хочу заметить. Представляешь себе, Леша, какие бабки наши клиенты тратят на то, чтобы уйти в свои дальние плаванья?..

Он покачал головой, и Алексей вдруг различил в голосе начальника что-то искреннее, словно тот на самом деле переживал о сказанном. Это простое, хоть и мимолетное проявление эмоций заставило Матвеева с новой силой ощутить всю тяжесть духоты, скопившейся в квартире, запахи медикаментов, уныние и пустоту.

– Безусловно, – продолжал негромко рассуждать Покрышкин, подключая шлейфы и что-то набирая на сенсорных панелях гроба, – принудительное пробуждение гораздо хуже естественного. Временами даже болезненнее. Оказывает влияние на психику. Но что, Леша, нам делать, если эти умельцы попросту выжигают в своих игрушках таймеры, способные

прекратить процесс через, скажем, десять часов?

Подключенные к капсуле приборы засветились, а по графикам на первом мониторе лихорадочно побежали новые цифры. Алферов вздрогнул, немало напугав этим Алексея, и тревожно зашевелил пальцами. Павел, демонстративно не обращая на это внимания, продолжал настраивать системы взлома.

– Сначала производим насильственный, но плавный выход из системы, – обращаясь к напарнику, он комментировал свои действия. – Знаешь, если случайно грохнуть аккаунт, эти упыри могут и в суд подать. Можешь себе такое представить? Совсем оборзели, честное слово... Поэтому работаем предельно мягко – не вырываем клиента, а принудительно заставляем покинуть систему...

Леша повернулся к третьему дисплею, увидев, что сейчас на нем сменилась картинка. Вместо палубы космического корабля и потрясающих по красоте пейзажей в центре экрана вертелся лейбл «WarChronicles». Чуть ниже Матвеев успел прочитать, что в данный момент загружено самое актуальное обновление системы под загадочной аббревиатурой «ГХБ».

Удар по стеклянной крышке гроба был таким резким и неожиданным, что Леша чуть не подпрыгнул на месте, внезапно вспомнив, что хочет в туалет. Развернулся, чуть не своротив на пол один из мониторов, и замер, распахнутыми от ужаса глазами глядя на саркофаг.

Алферов просыпался, неловко корчась на своем удобном ложе и невольно постукивая костяшками пальцев по стеклу крышки. Глаза его всё еще были закрыты, но сознание медленно возвращалось в потяжелевшее тело.

– Почти готово, – поделился наблюдениями Павел, – отсоединение произведено, осталось вернуть этого парня в реальность, после чего мы с тобой пойдем и хлопнем по пивку...

Он еще немного поколдовал над своими гаджетами, после чего выдернул шлейфы, свернул, бросил на дно саквояжа. Пистолет по-прежнему покоился у его ног. Там же, где белел в полумраке длинный продолговатый предмет, напоминающий осиновый кол.

Клиент просыпался все активнее. Принялся сжимать и разжимать кулаки, попытался согнуть ноги. С откровенным равнодушием наблюдая за его неуверенными движениями, Покрышкин резко щелкнул замками саркофага.

– Приготовься, – предупредил он, заранее морщась, – сейчас пахнет...

И откинул крышку, выпуская в комнату целое облако смрада. Запахи больницы, причем очень бедной и запущенной, тут же наполнили помещение, заставив Матвеева задержать дыхание. Когда внутрь попал обычный воздух, тело Алферова выгнулось дугой. Эластичные ремни натянулись, а затем вампир опал обратно на лежанку. Под его закрытыми веками суматошно вертелись глаза.

– Приоткрой окно, Леша, – попросил шеф, с отвращением отворачиваясь от гроба и поднимая с пола осиновый кол.

Матвеев, диким взглядом наблюдая за приготовлениями начальника, просьбу все же выполнил. На негнущихся ногах дошел до подоконника, отдернул край шторы, приоткрыл окно в режим проветривания. Он до сих пор не мог понять, что именно задумал Павел.

А тот, склонившись над клиентом, внимательно изучал данные медицинского планшета, встроенного в саркофаг. Убедившись, что все идет согласно плану, Покрышкин вдруг резко вскинул кол над головой и, не успев Леша даже вскрикнуть, с силой вонзил его в грудь вампира.

Только спустя бесконечную минуту, пока Алферов задыхался, извиваясь в собственных крепежах, Алексей понял, что произошло. Понял и устыдился собственного воображения, нарисовавшего осиновый кол вместо длинного шприца с адреналином, который Павел ввел их клиенту в сердце... Пока же он лишь оторопело наблюдал за муками вампира, будто бы пытавшегося покинуть любимый гроб.

– Ну тише, тише, мой хороший, – словно ребенку, пришептывал Покрышкин. Отложив шприц, он медленно поворачивал голову клиента из стороны в сторону, рассматривая прорезиненные ремни. – Все почти закончилось, да. Сейчас все будет хорошо... Леша,

включи настольную лампу, немного света не помешает. Ага, спасибо.

Осторожно, чтобы ненароком не навредить клиенту, шеф снял с Алферова маску. Трубка, уходящая глубоко в горло, вышла из рта вампира с характерным хрипом и бульканьем. Постепенно приходя в себя, тот попробовал открыть глаза, что-то простонав. Придерживая его голову на весу, Павел принялся аккуратно откручивать штекеры, соединяющие саркофаг с затылком.

– Вот и все, мой хороший, – продолжал начальник Матвеева, отсоединяя машину от человека. – Сейчас я процессор твоего «Ковчега» выну и заберу с собой. Ты его сможешь потом через суд обратно получить, честное слово. А еще вот тебе повесточка, дружок. Чтобы потом ты не говорил, что это гнусные воры к тебе залезли, да? Ты ведь меня слышишь уже, я ведь точно знаю...

Вампир обессиленно кивнул, все еще не спеша открывать глаза, а Покрышкин вынул из внутреннего кармана пластиковую карту повестки. Расстегнув один из крепежей и освободив левую руку клиента, принялся профессионально снимать на датчики карты отпечатки пальцев Алферова. После этого оставил необходимые документы в изголовье саркофага, прикладывая к шее мужчины крохотный шприц. Вживленная под кожу электронная повестка на протяжении месяца будет напоминать о себе легким зудом, а если ее носитель и после этого не явится в суд, датчик потребует медицинского вмешательства...

– Вот и всё, Леша, – хохотнул Павел, разом сбрасывая с плеч накопившееся напряжение. – Не такие уж они и страшные, вампиры эти, правда? Сейчас позвоним в «скорую», милицию вызовем, чтобы квартиру опечатали на время отсутствия хозяина...

Убедившись, что вручение повестки запротоколировано и прошло в соответствии с нормативами, Покрышкин убрал шприц в карман плаща, отодвигаясь от саркофага.

И в этот самый момент вампир вдруг напал на него...

Нет, это не было нападением из фильма ужасов – с проросшими клыками, углями зрачков и змеиным шипением. Это больше походило на припадок, причем очень серьезный и яростный.

Рванувшись вперед всем телом, Алферов с внезапной легкостью разорвал мягкие крепежи, удерживающие его в саркофаге. Разорвал так, словно это была не специальная гигиеническая резина, а бумажная салфетка. А затем он вертикально сел в своем техногенном гробу и так мощно влепил Покрышкину с разворота, что тот отлетел в другой конец комнаты.

Павел упал, сбивая с тумбы пыльную вазу и стопку книг, врезался в угол шкафа и тяжело рухнул на ковер. Матвеев, от неожиданности даже забывший вдохнуть, окаменел, глядя на деревянные движения проснувшегося клиента.

Теперь вампир, бледный, заросший щетиной и обрюзгший, повернулся к Алексею. Глаза его были полуприкрыты, руки на ощупь расстегивали уцелевшие ремни.

– Бастион, – чуть слышно прошептал Алферов пересохшими губами, и от звуков его неестественного, глухого и треснувшего голоса Матвееву стало еще страшнее.

– Пушка... – выдавил Покрышкин, пытаясь встать, но все еще покачиваясь от удара в ухо. – Хватай пушку!

Леша, застывший у мониторов, даже не пошевелился. Опешив, он в панике переводил взгляд с освобождающего себя вампира на пистолет, до сих пор лежащий на полу под саркофагом. Графики и индикаторы на мониторах за его спиной принялись показывать что-то совсем уж фантастичное.

– Не трогайте бастион, – всё тем же могильным голосом произнес Алферов, расстегнув последнюю пряжку.

С удивительной для сонного вампира ловкостью он вдруг выскочил из гроба, бледной размытой тенью застыв между Матвеевым и его начальником. Повернулся к парню, сделал шаг. В этот момент Павел наконец вскочил на ноги, бросаясь в атаку. Полагая, что сейчас обессиленный клиент «Кобрятки» будет жестоко избит, Леша чуть не отвернулся...

Но он ошибся. Клиент был вовсе не обессилен. Более того, он вдруг оказался не только

сильнее, но и значительно быстрее Покрышкина. За мгновение до того, как крепкие пальцы охотника сомкнулись на его шее, Алферов сделал шаг в сторону, развернулся и снова ударил своего противника.

Удар, пришедшийся Павлу точно в живот, был столь силен, что у вампира сломалось запястье. С противным оглушительным хрустом, будто кто-то оторвал ножку жареной курицы. А Павел со стоном сложился вдвое, отлетел обратно и с грохотом проломил стенку шкафа.

Бросив на изувеченную руку быстрый и чуть удивленный взгляд, вампир вновь повернулся к Матвееву. Теперь он действительно был похож на персонажа фильма ужасов – бледный, со свисающей кожей и неестественно вывернутой кистью.

– Не смейте трогать бастион, – четко разделяя каждое слово по слогам, произнес вампир, глядя в сторону Алексея. – Я есть Бог. Я рожден повелевать. Я не позволю...

– Ах ты, гаденыш, – всё еще крихтя, Покрышкин неловко поднялся сначала на четвереньки, затем встал в полный рост. – По-плохому, значит, захотел, паскуда? Ну получай!

И он с коротким криком перешел в повторное наступление, несколькими ударами ноги угодив вампиру в плечо, шею и голову. Тот отскочил, едва не сбив с ног застывшего истуканом Матвеева, но не упал, как этого можно было ожидать. Здоровой рукой оперся о стол, роняя с него один из мониторов, а затем ловко отбил еще несколько ударов, нацеленных в челюсть.

Однако Павел и не собирался загонять противника в угол импровизированного ринга. Оттеснив Алферова от саркофага, он одним плавным движением нагнулся, подхватывая пистолет, отпрыгнул на шаг, и уже через секунду в комнате хлопнули три выстрела.

Вампир еще какое-то время постоял, с удивлением рассматривая торчащие из груди полые иголки, а затем мешком осел к ногам Матвеева и щедро обмочил ковер.

Леша, только сейчас осознавший ужас произошедшего, неловко отодвинулся, машинально поднимая саквояж и громоздя его на стол вместо свороченного дисплея. Он лишь спустя какое-то время услышал, как громко и витиевато матерится Покрышкин, нервно расхаживая по комнате, куря и потирая отбитое ухо.

– Что... что это было? – Матвеев переводил взгляд с шефа на голого мужчину у своих ног. – Это... это нормально, да?

– Нет, Леша, – сквозь зубы сцедил охотник, но было видно, что злость эта направлена не на опростоволосившегося напарника, – это вовсе не нормально... – и добавил еще несколько крепких эпитетов, весьма точно характеризующих ситуацию. – Ты, кстати, не тушуйся. Все правильно сделал, молодец. Другой бы на твоём месте уже давно из подъезда выбегал, а ты ничего, удержал штурвал...

Леша чуть не поперхнулся. И это начальник говорит про него – стоящего столбом все время этой скоротечной и неожиданной драки? Однако от слов Покрышкина на душе стало легче, а нервная дрожь в коленках сама собой принялась успокаиваться.

– И часто они вот так? – Леша подбородком указал на Алферова.

– Так? – Вопрос будто застал шефа врасплох. – Вот именно так, если честно, на моей памяти вообще первый раз. Бывают, конечно, припадки. И с оружием на нашего брата кидаются, и себе вред причинить пытаются. Но чтобы вот так, будто кукла... Ладно, это потом всё успеем обсудить. Давай-ка лучше, Леша, помоги мне тут прибраться маленько, чтобы потом счет не получить за причинение материального вреда. Я пока «Ковчег» вскрыю, а ты отнеси парнишу в спальню. Книжки вон рассыпанные прибереи...

Охотно подчиняясь приказам, Алексей принялся наводить в комнате какое-то подобие порядка. Двигался, словно автомат, скупой на движения и мимику, даже не задумываясь о вещах, которые поднимал с пола и водружал на законные места. Затем подхватил мирно спавшего Алферова и по мягкому ковру коридора оттащил его на кровать. Ему было неприятно, даже мерзко, но парень предпочел не демонстрировать эмоции, пытаясь дать объективную оценку произошедшему.

А в голове никак не укладывалось. Первая ночь необычной работы, и тут тебе такое... Это не вампир, это настоящий псих какой-то... Матвеев задумался, насколько реально сойти с ума, лежа в спячке, и почему-то решил, что такое вполне возможно. Ведь если гроб подменяет тело, то с сознанием он не делает ничего противоестественного, а это значит, что у того есть шанс сломаться и в Зазеркалье...

Бастионы. Алферов просил не трогать бастионы. Всё еще пребывал в виртуальности? Не успел проснуться, представляя себе полчища врагов, идущих на штурм родного города? По всему выходило, что да. Глядя на пластиковые иглы со снотворным, торчащие из груди вампира, Леша встряхнулся, поведя плечами.

В соседней комнате Покрышкин звонил по АйПи-фону, вызывая бригаду «Скорой помощи» и наряд милиции. Коротко отчитался о собственных полномочиях, продиктовал идентификационный номер. Затем перезарядил пистолет. Закончив, появился на пороге спальни, включил верхний свет. Зажмурились одновременно, привыкая.

Пряча в нагрудный карман широкий процессор саркофага, Павел склонился над Алферовым, аккуратно выдергивая из тела вампира опустошенные снаряды «Шершня». Какое-то время они с Матвеевым постояли над спящим, со смесью презрения и опаски разглядывая заросшее неопрятной щетиной лицо.

– Что заставляет их? – не очень-то ловко сформулировал свою мысль Алексей, отводя взгляд.

– Глупый вопрос, – не пытаясь его обидеть, ответил Покрышкин, устало вздохнув. – А что заставляет наркоманов втыкать в себя иглу? Что заставляет их нюхать клей? Что заставляет молодых парней и девчонок, грезящих о дозе адреналина, прыгать на резинках с мостов? Думаешь, они понимают, что на одной чаше весов лежит их жизнь, а на другой – удовольствие? Нет. Они думают только о второй чаше... С вампирами всё так же.

– Очень жаль, – еле слышно прошептал Матвеев. – Особенно жаль не найти в этом ни капли здравого смысла...

– Если тебя это утешит, – Покрышкин направился к выходу, выключая в комнате свет, – то можешь считать, что сегодня здравый смысл общества, его иммунитет, его бессознательный защитный барьер – это именно мы. Ты, я, другие охотники... Может быть, от этого тебе станет легче? А теперь идем, Леша, тут нам больше делать нечего. Но перед возвращением в офис нужно кое-куда заглянуть...

Параграф 2.4. Стратегия «12—12» о стратегическом энергосбережении (см. также «План Смолянинова – Фрейзера») – стратегическая программа, принятая в 2030—2031 гг. на государственном уровне в 24 странах мира (см. также «Резолюция ГА ООН «О выходе из энергетического кризиса 2027 года»), разработанная при активном сотрудничестве российских и британских ученых.

К началу 30-х годов XXI века, в связи с резким ростом среднегодовой дневной температуры, дневные энергозатраты на 78% территории Российской Федерации и в большинстве стран Северной Европы превысили рекомендуемый Генеральной Ассамблеей порог. Единственным выходом из сложившейся катастрофической ситуации стала программа Д.Н. Смолянинова и его английского коллеги Д. Фрейзера, предложивших радикальный переход жизни европейских стран и северной части РФ на ночной образ жизни.

Учеными было доказано, что расходы электроэнергии на ночное освещение улиц, предприятий, школ, магазинов и жилья на территориях упомянутых государств будут значительно меньше расходов энергии, затрачиваемой на дневное использование систем кондиционирования, вентилирования и контроля за влажностью, получивших невероятное распространение в конце прошлого десятилетия.

Фрагмент статьи, учебник «Экономика и социальная политика» для учеников 10—11 классов, 2032 год.

Уровень загрузки – 8,7%

– Рассказ твой, Паша, требует самого внимательнейшего рассмотрения...

Сказано это было таким тоном и голосом, что позавидовал бы любой университетский преподаватель – с расстановкой, густым баритоном, заставляющим внимать каждому слову.

Алексей, смутившийся от этого неожиданного сравнения, уткнулся в чашку чая.

– Не стану скрывать, подобные случаи в последнее время происходили, мне регулярно докладывают, – продолжал академический баритон, – но когда мне о таком излагает не сопливый летеха, а такой матерый волчара, как ты... Заставил ты меня призадуматься, дружище...

Говоривший неожиданно замолчал, словно собирался немедленно предаться раздумьям. Воспользовавшись паузой, Матвеев поднял глаза, вновь и вновь разглядывая этого могущественного человека, с которым познакомился меньше получаса назад.

Василий Андреевич Ломовой, в чьем кабинете они чаевничали, больше всего напоминал богомола. Высокий, невероятно худой, благодаря нескладной комплекции он выглядел значительно моложе своего возраста. Седые волосы были аккуратно зачесаны на сторону, щеки сверкали синевой от бритья, а ежик усов топорщился, стоило Ломовому нахмуриться. Учítывая, что хмурился хозяин шикарного кабинета почти каждую минуту, смотрелось это весьма забавно.

Однако таковым обманчивое несерьезное впечатление оставалось весьма недолго, поскольку работал художавый богомол начальником управления кибернетической безопасности ГУВД Новосибирской губернии. А это, что понимал даже самый неосведомленный отшельник, в условиях войны с вампирами делало Ломового одной из самых значимых персон города.

– Есть у меня, Андреич, пара мыслей. – Покрышкин, сидящий напротив Алексея, невесело поглядывал в чашку, катая на ее дне последний глоток кофе. – Надо бы помозговать, согласен. Но как-то мысли путаются...

И начальник Матвеева многозначительно замолчал. В тишине, неожиданно наступившей над длинным деревянным столом, собственные умозаключения еще раз постарался привести в порядок и Леша, разложив по полочкам необычную и весьма сумбурную ночь.

Сразу после того, как Алферов был уложен почивать, они покинули квартиру, не дожидаясь приезда ни медиков, ни милиции. Просто прикрыли дверь и торопливо ушли, постелив на место коврик. Затем Покрышкин какое-то время курил у машины, подставляя лицо прохладному ночному ветру, а Алексей ковырялся в саквояже, аккуратно сворачивая пучки проводов и выключая брошенные второпях приборы.

Затем выехали со двора, причем Павел сделался на удивление неразговорчив и хмур. Даже не включил любимую музыку, а потому ехали в гнетущей тишине. И уже через пятнадцать минут после старта Матвеев выяснил, куда именно собирался заглянуть его шеф перед возвращением в офис...

Майор Ломовой тепло встретил Покрышкина, задал Алексею несколько вопросов, а затем пригласил обоих пить чай, внимательно и не перебивая выслушав историю о недавнем пробуждении Алферова.

Всё это время Алексей, неловко приютившийся на краешке стула, был предоставлен самому себе. Попивал вкусный напиток, с любопытством фантазируя, какие именно события прошлого позволяли его шефу так неформально и по-дружески общаться с Василием Андреевичем Ломовым.

– Ладно, Паша, ладно, – наконец смиростивился майор, поднимаясь из-за стола и неспешно подходя к стенному шкафу. – Помогу твоим мыслям собраться...

Жесты его были плавны и размашисты, придавая высокой фигуре еще больший рост. Открыв дверцы, Ломовой выставил на стол бутылку коньяка и три стопки. Там же нашлось блюдо с нарезанным лимоном, отчего Алексей сделал вывод, что частым гостям майор весьма даже рад.

– Другое дело, Андреич! – Покрышкин потер ладони, придвигая бутылку к себе. – Ведь

не пьянства ради потребляем сей нектар, а ради просветления мыслей...

Он принялся чинно разливать коньяк по стопкам. Тем временем Ломовой вернулся во главу министерского стола, задумчиво уставившись в парящий перед лицом голографический экран. АйПи-станция у кибербезопасника – и это понял бы даже дилетант – была самая современная, ультрамодная и производительная. Просматривая какие-то статистические данные сквозь прозрачную кромку экрана, Василий Андреевич наблюдал за Покрышкиным.

– Ну, будем здоровы! – во второй раз потер ладони тот, наклоняясь над столом и раздавая наполненные стопки. – Ради ясности ума!

Алексей, неуверенно принявший из рук шефа свою порцию, лишь чуть пригубил. Коньяк оказался хорошим, очень хорошим, но Матвеев был уверен, что после пережитого алкоголь скорее усыпит его мозг, чем заставит работать активнее.

Мужчины же выпили до дна, с аппетитом закусив лимоном. Сразу после этого Ломовой вновь уставился в экран, а Павел придвинул к себе пепельницу, в которой уже красовались два окурка.

– Ты только посмотри, Паша, – хмурясь, пробасил долговязый майор, посасывая лимонную корочку, – вот статистика по прошлому месяцу. Отчеты еще не все обработаны, но картина в целом ясна.

Он провел рукой над пультом управления дисплеем, разворачивая парящий экран к Покрышкину.

– Только за последнюю неделю сентября три случая, схожих с твоим... то есть вашим. Наши архаровцы, конечно, с клиентами не так церемонятся, но запротоколировать догадались... Припадки, буйство, попытки сопротивления. Причем всё не после пробуждения, как это бывает в жанре «Я сам волен решать, от чего умру». Если верить отчетам, нападения на моих ребят «клиенты» совершали в полудреме, как и твой Алферов. Насчет бормотания, правда, ничего не скажу, но в остальном очень похоже...

Покрышкин, внимательно всматривающийся в таблицы отчетов, только качал головой. Пожевал верхнюю губу, поправил на голове неизменный шлем. По-прежнему глядя в экран, ловко налил еще коньяку себе и майору. В сторону едва початой стопки Матвеева он даже не взглянул.

– Ты же за рулем, Паша, – укоризненно покачал головой Василий Андреевич.

– Я таблетку съем, обещаю, честное слово.

– А какой смысл тогда выпивать, если через полчаса все равно как стеклышко будешь? – зажмурившись от удовольствия, майор вновь закусил лимоном. – Ну ладно, давай делись мыслями просветлевшей головушки...

– Наркотики, – неожиданно быстро ответил Покрышкин, и Алексей понял, что шеф уже давно приготовил свою версию.

– В каком это смысле? – удивился майор, хотя по глазам было видно, что понимание настигло его мгновенно. – Какие еще наркотики?

– Еще не знаю. – Павел пожал плечами. – Вероятно, новые. Необходимо связаться с ФСКНом, пусть подключаются.

– Думаешь, все буйные были наркоманами?

– А почему нет? Уверен, что мысли о совмещении виртуальности и наркотиков витают в воздухе уже давно... Так отчего бы не попробовать? Блаженство, помноженное на два. Суперкоктейль, мегабомба. Взрыв мозгов. Хоть патентуй...

– Вот так идея. – Ломовой выпрямился в кресле, мгновенно нависая над присутствующими. Его усы топорщились, морщины прочертили лоб. Глядя в стол перед собой, он машинально ослабил узел форменного галстука. – А ведь действительно, реакция весьма схожа... Ну, Пашка, ну светлая голова!

– Ты погоди радоваться, Андреич. – Тот поднял ладонь, но было заметно, что похвала ему льстит. – Перво-наперво нужно отправить спецов проверить гробы. Если моя мысль верна, то саркофаги наших буйных должны быть переоснащены. Кустарно, разумеется. Ну, а

если это правда, то в резервуарах по производству пищевой смеси или лекарственных отсеках обязательно что-то найдется. Кстати, можете начать с Алферова – его «Ковчег» самый свежий...

Жадно ловя каждое слово начальника, Леша незаметно для себя потер виски. Еще вчера безработный и даже не подозревавший о специфике новой работы, за несколько часов он с головой рухнул в новый для себя мир. Спонтанное и чуть скомканное знакомство с новым шефом, весьма экстравагантным человеком... Силовое проникновение в квартиру клиента, произведенное самым обыденным и привычным для Покрышкина способом... Неожиданный бунт вампира, нападение и напугавшая Матвеева схватка... А теперь один из высших милицейских чинов города, предлагающий ему коньяк... Такое может спутать мысли.

Прислушиваясь к неторопливой беседе Павла и майора, Алексей поймал себя на том, что находит версию шефа весьма реалистичной. Перед глазами всё еще стоял Алферов, безразлично держащий на весу только что сломанную руку. Что-то бормочущий, будто в забытии. Он запросто мог быть обдолбанным... Сетезависимым, а в довесок еще и наркоманом. Вспоминая силу и равнодушие, с которыми вампир набросился на Покрышкина и порвал крепежи, Леша вздрогнул – если шеф прав, они стали свидетелями одного из самых опасных сочетаний в мире.

Вообще Алексей не считал себя трусом. Героем или храбрецом тоже не считал, но и в трусости упрекнуть себя не мог бы. А потому старался воспринимать произошедшее ранней ночью как можно более спокойно и обыденно – если Покрышкин привык к такой работе, не находя в ней ничего сверхъестественного, то и он сумеет. Особенно вспоминая сумму, озвученную ему шефом после того, как оба покинули квартиру Алферова. Один только процент с пробуждения был равен его прошлой месячной зарплате...

Задумчиво поглаживая рифленый край наполненной стопки, Матвеев продолжал размышлять. Только сегодня он впервые так близко столкнулся с теми, о ком до этого только слышал или читал. С теми, кто был откровенно презираем. С теми, на чьих жизнях врачи, психологи и социологи уже не первый год ставили жирные кресты. С теми, кого обычные люди привыкли воспринимать по другую сторону баррикад, окрестив вампирами...

Покрышкин и Ломовой тем временем продолжали изучать данные на экране, тыча в голограмму пальцами и что-то негромко обсуждая. Наконец майор свернул окно, устало отодвигаясь из-за стола. Потянулся в кожаном кресле, звонко хрустнув суставами, и Матвеев вдруг понял, что сейчас разговор свернет в новое русло.

И не ошибся...

– А ведь, Паша, я тебе не только по этому делу звонил, – покручивая затекшей шеей, начал майор, наблюдая, как Покрышкин разливает по третьей.

– Ну так рассказывай, Андреич, раз по моему Алферову вопросов больше нет. Или желаешь приватно?

– Нет, отчего же. – Майор внимательно взглянул на Матвеева, нахмурившись и подергав ус. – Раз Алексей теперь твой новый напарник, секретов у меня от него не будет. Правильно, Леша?

И он многозначительно замолчал, не сводя взгляда со стажера. Матвеев, в этот момент вновь потерявший покой и собранность мыслей, далеко не сразу сообразил, что последний вопрос предназначался именно ему. Он вскинулся, рассматривая сидящих напротив мужчин. Приподняв стопки, те ждали его реакции.

Вообще это было нечестно – не успел Алексей еще ничего понять в новой работе, а от него уже требовали фактического подтверждения лояльности. Причем требовал не кто-то, а человек, в устах которого любой вопрос звучал, как требование присяги по неразглашению государственных тайн.

– Да, конечно, – не очень уверенно выдавил из себя Алексей, но уже в следующую секунду вдруг осознал, что и правда хочет остаться на этой работе. Решительно взялся за чуть початую стопку, на этот раз посмотрев на Покрышкина с уверенностью. – Всё правильно.

Майор удовлетворенно крикнул, и они выпили, закусив пластинками лимона. Придвинувшись поближе к столу, Ломовой сцепил пальцы рук, доверительно понижая голос:

– Работа есть, Паша. Только для тебя. Срочная. И конфиденциальная, – поглядывая теперь то на Покрышкина, то на его напарника, всё тем же менторским тоном отчеканил Василий Андреевич. – Даже и не знаю, что бы делал, если бы не смог обратиться к тебе... Откажешься, я пойму, но надеюсь, что этого не произойдет. Тарифы, опять же, хорошие. О стандартном вознаграждении за пробуждение никто не говорит, но заказчик будет щедр, вот увидишь.

– Ну, давай подробности, – пожал плечами Павел, жуя корочку.

Матвеев, вдруг почувствовавший себя свидетелем чего-то важного и совсем не предназначенного для посторонних ушей, чуть задержал дыхание. На его глазах милицейский начальник просил об услуге. О непростой услуге, это было ясно сразу.

– Клиент – парень двадцати лет. Из богатой... нет, не так... из очень богатой семьи. Нырнул первый раз лет в пятнадцать, если не ошибаюсь. А последний год и вовсе подсел. Сначала отец глаза прикрывал. А тут вдруг не сдержался... Хочет разбудить.

– Разумный папаша, – хмыкнул Павел, почесав голову под шлемом, от чего коричневая кожа приятно заскрипела. – А мы зачем? У таких ведь денег, что у дурака фантиков, – пусть в клинику специальную обратится. Сейчас подобных заведений десятки, если не сотни.

– Не выйдет, Паша. – Ломовой опустил глаза в стол. – Не хочет заказчик огласки. Поэтому не будет обращаться ни в органы, ни к врачам. Клиника частная есть, куда клиента доставят, но вот найти и вынуть парня должен кто-то со стороны. Кто-то верный, надежный, не болтливый. Опытный.

– Понятно, – протянул Покрышкин, качая головой. Он вновь стал задумчив и собран. – Ну, показывай своего клиента.

– Значит, возьметесь? – с неприкрытой радостью спросил обоих Ломовой, будто мнение стажера здесь кого-то интересовало.

– Посмотрим. – Павел предупреждающе поднял палец. – Но в принципе, отчего бы не взяться...

Ломовой сдержал улыбку, ловко вынув из стола тонкую пластиковую папку. Не иначе как заранее приготовил... Не открывая, протянул ее Покрышкину.

– Отдать не могу, читай тут. Еще раз повторю – если возьмешься, награда будет щедрой.

– Да понятно, Андреич, не начинай... – Директор «Кобрятки» забрал папку, положил ее перед собой и открыл. Несколько секунд смотрел в бумаги, а затем негромко поинтересовался: – Это тот самый?

– Да, Паша, тот самый.

– М-да... понятно. – Покрышкин принялся перелистывать несколько листов, наполнявших папку. – Не ожидал...

Матвеев, старавшийся как ни в чем не бывало рассматривать грамоты и благодарственные письма, стоящие в шкафу майора, вдруг ощутил жгучее любопытство. Убедив себя, что это действует алкоголь, нервно повел плечом.

– Ладно... – вновь протянул Павел, медленно закрывая папку. – А теперь признавайся, в чем сложность...

– Парень находится в притоне, – спокойно ответил ему майор, прищуриваясь. – В этом и кроется сложность. Посылать туда телохранителей нельзя, наломают дров. Наших тоже – поднимется шум. Поэтому и прошу тебя. С вас спрос маленький, все это знают. Ни хвостов, ни заказчиков через вас не найти. Зашли, разбудили оптом, потом вызвали стандартные бригады – вместо них на точке будут дежурить личные врачи, они заберут всех, но клиент в пути потеряется в нужном направлении.

– Значит, всё дело в силовом воздействии? – улыбнулся Павел, и Алексей понял, что еще не видел подобных улыбок в арсенале своего шефа. – Непокорных ломать, следов не

оставлять?

– Ну, Паша, я тебя умоляю... – сморщился майор, будто съел что-то кислое. – Зачем ты так? Разве стал бы начальник управления ГУВД НСГ просить тебя о подобном? Ну так что, возьметесь?

– Отчего бы и не взяться? – вопросом на вопрос ответил Покрышкин, что-то обдумывая. – Значит, говоришь, дело срочное?

– К сожалению, да. – Василий Андреевич развел руками. – Мог бы заранее предупредить, обязательно бы сообщил. А тут, словно ком на голову, да прямо с вечера... А ты на выезде... Ну кто мог знать?

– Полно тебе, Андреич, не оправдывайся. – Павел позволил себе легкую дружескую усмешку. Вынул из кармана рубахи пачку таблеток, две из них сунул в рот и разжевал. – Спасибо за коньячок. Ну, мы тогда двинули...

– Бог в помощь, ребятки. – Ломовой встал из-за стола, суеверно перекрестился. – Адресок-то запомнил?

– Запомнил-запомнил, – трезвея прямо на глазах, скривился Покрышкин. – К утру созвонимся...

И они покинули кабинет, забрав из шкафа плащи и вежливо попрощавшись с симпатичной секретаршей. Всю дорогу до машины Павел был погружен в свои мысли, идя на пару шагов впереди Алексея и не оборачиваясь. Матвеев, удрученно разглядывающий широкую спину шефа, так и не смог сообразить, был тот погружен в продумывание новой операции или же замкнулся от неожиданного – и не совсем чистого – предложения майора.

Ночной город, освещенный фонарями и рекламными панелями, принял их в свои объятия. Электромобилей на дорогах прибавилось, как и спешащих по делам пешеходов. Открылись магазины, кафе, парикмахерские и почтамты. Жизнь закипела, но, казалось, она совершенно не интересует Павла, сосредоточенно глядящего прямо перед собой.

Всё так же не произнося ни слова, Покрышкин припарковался у закусочной с сомнительным названием «На любой вкус и достаток». Даже не спросив Матвеева, купил ему и себе по два горячих бутерброда и по стакану чая.

В полной тишине машины, стараясь не накапать жиром на сиденье, Леша съел свой неожиданный обед, искоса поглядывая на шефа и ожидая хотя бы какой-то эмоции. Поели, выбросили упаковки и пустые пластиковые стаканы. Павел выкурил сигарету, по-прежнему глядя в окно. А затем вдруг завел мотор, сворачивая в ближайший двор, и лишь тогда заговорил.

Вышел, жестом поманив за собой. Открыл багажник и принялся рыться в его недрах.

– Вот, Леша, держи. – Он протянул Матвееву что-то, тускло блеснувшее в полумраке ночного двора. – Дай бог, чтобы не пригодилось, но лучше пусть будет под рукой... Знаешь, стажер, мне не очень ловко брать тебя на такое задание, лукавить не буду...

Всё еще протягивая Алексею что-то увесистое и блестящее, он смотрел парню прямо в глаза.

– Понимаю, первая ночь, и тут сразу столько происходит... Но врать тебе не стану – с твоей помощью мне будет проще выполнить поручение Ломового. Поэтому, разумеется, если ты не передумал, держи и будь начеку...

Облизнув пересохшие губы, Леша взглянул на небольшой пистолет, лежащий на широкой ладони шефа. Компактный, двустольный. Похожий на игрушку.

– Это паралитический, как мой «Шершень». – Покрышкин перехватил взгляд напарника. – Если в глаз не попадешь, никого не покалечишь, не переживай. Разница только в емкости магазинов – в этом всего четыре иглы. Уверен, что он тебе не понадобится, но если возьмешь, мне спокойнее будет...

– Да, конечно, – постарался как можно увереннее ответить Леша. Он волновался, сильно волновался, но вопреки этому не собирался отказываться от произнесенных в кабинете майора слов. – Как снять с предохранителя?

– Вот эта кнопка, – показал шеф. – Больше премудростей нет. Наводишь, стреляешь.

Помни, всего четыре выстрела, цель в ногу или в грудь. – Кивнув, он захлопнул дверь багажника.

– Шеф? – вопрос, заданный Алексеем, остановил Покрышкина, уже собиравшегося вернуться за руль. – Я хотел спросить, а почему сейчас вы работаете один? Ваш предыдущий... напарник... он уволился, ведь так? По какой причине?

Павел замер вполоборота. Свет рекламы, летящий с оживленной улицы, бросал на его летный шлем разноцветные отблески, лицо казалось выточенным из густых теней.

– Я мог бы соврать тебе, Леша, что мой прошлый напарник уволился, как это делали несколько парней до него, – негромко произнес он, глядя куда-то поверх машины. – Но не стану. С моим прошлым напарником произошел несчастный случай. Уверен, что сейчас не лучшее время, чтобы рассказывать это, но ты сам хотел знать. Мы шли брать вампира, а тот оказался не в гробу. Вылез, сука, чтобы фильтры в саркофаге сменить и новую жрачку в отсеки закачать... Взял пистолет и выстрелил моему напарнику в грудь. Тот выжил, не думай, но и к работе вернуться уже не смог. Вот что с ним стало. Доволен рассказом?

Алексей молчал, всё еще взвешивая в руке агрессивную тяжесть оружия.

– Спасибо за честность, – наконец сказал он, пряча пистолет в карман. – Я постараюсь быть аккуратнее...

Покрышкин хотел еще что-то добавить, но передумал, вздохнул и открыл машину, забираясь на сиденье. Хронометр на приборной панели показывал половину первого.

– В бардачке есть заряженные шприцы, – выруливая на проспект, распорядился Покрышкин, – достань сразу штук шесть. Уложишь в саквояж, как приедем. И фонарик себе возьми, чтобы в кармане всегда был.

Больше инструкций не последовало, и Матвеев принялся смотреть в окно. Конечно, его взволновал только что состоявшийся разговор. Но показать это сидящему рядом мужчине или даже самому себе Леша не мог – он ощущал себя щенком, брошенным в воду, чтобы научиться плавать. Если нынешней ночью он выкарабкается, эта работа всецело станет его. Но стоит ему дать слабину, и уже завтрашним вечером он не заставит себя вновь появиться на пороге «Кобрятки».

Джип плавно катил по улицам города, приближаясь к Среднему Центру. Вокруг становилось все больше модных магазинов и все меньше забегаловок, где можно перекусить или выпить кружку пива. Осматриваясь по сторонам, Леша заерзал на сиденье.

– Да, хороший район, – словно отвечая на его молчаливый вопрос, покивал Покрышкин. – Дорогой. Престижный. Возможно, Леша, когда-нибудь и нам перепадет удача купить себе тут по гнездышку...

И он повернулся, неожиданно подмигнув напарнику. Матвеев, вовсе не ожидавший от шефа очередной смены настроения, робко улыбнулся в ответ.

– А вот и наш домик, – выкручивая руль, прокомментировал Павел, останавливаясь перед въездом в просторный и чистый двор.

За шлагбаумом, перегородившим дорогу, виднелись три громадины элитных небоскребов, построенных совсем недавно. Мордатые мужики с автоматами, охранявшие въезд, начали сверяться с бумагами, настороженно поглядывая на джип и его пассажиров.

Наконец барьер стал подниматься, а стоящий на пороге караулки автоматчик небрежно махнул рукой, приказывая проезжать.

– Я и не сомневался, что нас ждут... Оперативно Ломовой работает. – Покрышкин натянуто улыбнулся. – Смотри, как нас встречают.

Он выставил подбородок, указывая на две черные тонированные иномарки, припаркованные с торца здания. Возле машин, о чем-то болтая и куря, топталась пара крепких молодых людей, в чьей профессии можно было не сомневаться по выправке. Заметив въезжающий на парковку джип, один из них будто бы невзначай указал сигаретой на третий подъезд, тут же отвернувшись к товарищу.

– Те самые обезьяны, Леша, что заставляют нас, котов, таскать из огня каштаны. – Выключая мотор, Павел с излишним драматизмом покачал головой. – Останутся чистыми

при любом исходе операции... Ну да ладно, чужим счастьем не согреешься, пошли помаленьку...

Они выбрались из электромобиля, и Алексей тут же принялся наполнять саквояж здоровенными шприцами, похожими на осиновые колья. Джип поставили за углом, чтобы не было видно ни от подъезда, ни из окон.

– Чутье подсказывает мне, что в отключении систем обнаружения необходимости нет, – негромко делился наблюдениями шеф, разглядывая красивые подъездные двери. – Даже замок уже разблокирован, я заметил. А вот в конспирации нужда присутствует...

Он закурил. Продолжал говорить, не сводя глаз с окон:

– В общем, Леша, сделаем так. Тыходишь первым, поднимаешься на двадцать шестой этаж и ждешь меня. Я подойду не сразу, минут через пятнадцать, не раньше. Уверен, что если в притоне и наблюдают за периметром, таких, как мы, точно не ждут. Не шуми, ни с кем не разговаривай. Если вдруг наткнешься на жильцов, скажешь, что курьер, никак не можешь свериться с выданным адресом, понял?

– Понял, – кивнул Матвеев, вновь почувствовав в кармане вес оружия.

Закрыв саквояж, собрался с духом.

– Ну, я пошел, – и уверенно направился к дверям, стараясь не смотреть на объективы камер.

Возле нужного подъезда задержался, словно бы изучая номера квартир. Потянув тяжелую створку, действительно открытую, вошел.

Внутри оказалось прохладно, как на морском побережье. Самые современные системы кондиционирования создавали идеально сбалансированный микроклимат, заставляя жильцов забывать о пекле, царящем снаружи. Мягкий приглушенный свет был приятен глазу, ступени покрывала ковровая дорожка. Буквально вспорхнув по этим ступеням, Алексей повернулся к лифту.

– Вы к кому, молодой человек? – резкий вопрос, брошенный в спину, чуть не заставил Матвеева вскрикнуть.

Обернувшись, он уставился на пожилую консьержку, с интересом разглядывающую его через стекло дежурки. А затем вдруг сделал то, что заставило его гордиться собой.

– Курьерская доставка, женщина, – спокойно и чинно ответил он, пожалев, что шеф сейчас не видит, с какой легкостью его новый стажер выходит из непредвиденной ситуации.

– Квартира какая у вас? – прищурилась на него старушка из-за толстых очков.

– А вот это, женщина, уже не ваше дело, – вполне натурально нахмурился Алексей. – Понятие конфиденциальности вам о чем-нибудь говорит?

– Чего понятие? – покривилась консьержка, смущенная встречным натиском.

– Профессиональная тайна, – отрезал в ответ Леша, входя в распахнувший двери лифт. – Ваше дело – пылесосить ковры и поливать цветы на окнах, мое – хранить секреты. Не навлекайте на себя проблемы, женщина...

И нажал кнопку, злорадно наблюдая, как хранительница подъезда не может найти нужных слов. Парня натурально трясло от этой небольшой, но такой неожиданной победы. От этой лжи, от чувства чего-то запретного, но оставшегося позади. Поднимаясь на двадцать шестой этаж в скоростной кабине модного лифта, он был настолько увлечен переживаниями, что не обратил внимания ни на ненавязчивую музыку, ни на богатое убранство кабины.

Вышел на нужном этаже, слыша в ушах тяжелое биение пульса. Словно не заметив мягких пуфов у стен, сел прямо на ступени бетонной лестницы, опуская саквояж между ног. Возбуждение постепенно проходило, заставляя дышать реже. Всё еще чему-то улыбаясь, Алексей принялся разглядывать стильный дизайн лестничных площадок и квартирных дверей.

Шум вызванного снизу лифта заставил вздрогнуть, но одним глубоким вздохом Матвеев взял себя в руки. Взглянул на запястье, убедившись, что прошло чуть больше пятнадцати минут, и встал со ступеней.

Покрышкин сделал из кабины всего один шаг. Остановился, окинув просторную

лестничную площадку цепким взглядом, чуть обернулся, через плечо подмигнул напарнику.

– Как вы обошли ту придиричивую бабку внизу? – невольно понижая голос, спросил Матвеев.

– Как? Пристрелил, конечно же, – продолжая осматривать убранство подъезда, усмехнулся Павел. Заметив вытянувшееся лицо парня, спешно добавил: – Да не глупи ты... Морду сделал тяпкой и прошел. Бабки эти, что гиены, только шпану малолетнюю гонять умеют, учуяв страх.

Он выглянул на лестницу, прислушиваясь к редким звукам, доносящимся из-за закрытых квартирных дверей.

– А это место, куда мы идем, – приготовившись, что шеф подколлет его за очередную глупость, все же не удержался Леша, – это настоящий притон?

– Ну, это как сказать, – неожиданно терпеливо ответил Покрышкин, расстегивая плащ. – Были бы мы с тобой на окраине, был бы нам притон со всеми положенными атрибутами. И бронированная дверь в наличии, и охранники у подъезда, и сигнализация. Однако мы с тобой вовсе не в трущобах, а потому, скорее всего, имеем дело с флэтом богатеньких дурачков, прожигающих денежки предков и позволяющих делать это своим друзьям. У них это вовсе не притоном называется, а местом тусовки...

Он взглянул на примолкшего Алексея, кивнув, словно подтверждая весомость своих слов. Добавил, чуть помедлив:

– Но все равно держаться рекомендую настороже. У молодых мажоров инстинкт самосохранения притуплен образом жизни, однако врожденное чувство превосходства часто перерастает в открытую агрессию.

Забрав саквояж, директор «Кобрятки» принялся рыться в его удивительном содержимом. Сунул что-то в карман, в другой, а затем вдруг запихнул за ремень брюк самые настоящие кусачки на длинной рукояти – мощные и профессиональные, с крохотным гидроприводом. Закончив приготовления и поманив напарника за собой, Павел передал ему саквояж и начал неспешно подниматься на нужный этаж.

– Сейчас станет пасмурно, доставай фонарь, – неожиданно скомандовал он, вынимая небольшой сенсорный пульт. – Пока ты меня тут ждал, я совершил небольшой визит в подвал, осмотрел их систему энергоснабжения. Перебой будет недолгим, поэтому не мешкай...

Они замерли на лестнице, не торопясь подниматься на площадку. Чуть высунувшись из-за угла и многозначительно указав на дверь в конце коридора, Покрышкин что-то набрал на пульте. В следующее мгновение Леше показалось, что он разобрал легкий хлопок, а затем свет в подъезде и алые индикаторы камер на дверях разом погасли.

Удовлетворенно хмыкнув, шеф Матвеева уверенно двинулся по площадке, освещая себе путь ярким желтым лучом. Стараясь держаться чуть позади и сбоку, Леша шел следом, невольно втянув голову в плечи.

Аварийные генераторы включились, едва они достигли нужной двери. Лампы над головами судорожно моргнули, а затем засияли в полную мощь, явно бóльшую, чем это было предписано городскими властями.

Не теряя времени, Покрышкин мелко и противно забарабанил по двери рукоятью фонаря. Эта экспрессивная, напористая и совершенно хаотичная тактика настолько отличалась от вдумчивого проникновения в квартиру Алферова, что Леша лишь подавленно ожидал приказов.

Стучать пришлось не один раз, и в какой-то момент Алексею даже показалось, что внутри никого нет. Однако шеф всё стучал и стучал, и Матвеев в очередной раз подумал, что эта операция очень сильно отличается от пробуждения предыдущего клиента. Тот, лежа в гробу и витая в мире иллюзий, уж точно не открыл бы им дверь, даже если бы расслышал стук. Это означало, что Покрышкин точно осведомлен о наличии внутри не только нырнувших, но и живых... В подтверждение размышлений динамик возле двери наконец-то ожил.

– Ну кто-о там еще-е? – Сонный, чуть замедленный голос наполнил подъезд, а Павел сразу и бесцеремонно прикрыл объектив камеры ладонью. – Кто там, я спра-ашиваю?

– Свои-и! – уверенно, но подражая неторопливой манере чужой речи, затянул Покрышкин в микрофон. – Открывай, брата-ан, чо-о ты ждешь?

– Какие еще свои-и? – почти без удивления, вполне привычно спросил голос. – Граблю уберу с объектива-а, да?

– Брата-ан, ты открое-ешь уже или нет? – продолжал Покрышкин, взглядом приказав напарнику сделать шаг в сторону. – Мне Варло-ок сказал, что тут помогут, чо-о те еще знать надо-о?

– Варлок?! – От неожиданности голос за дверью даже потерял былую тягучесть. – Он чо, думает, его корешам тут ночлежка, что ли-и? – возмутился динамик, прибавив несколько жестких и нелитературных эпитетов в адрес этого самого Варлока.

Однако, к искреннему изумлению Алексея, сразу после этого дверные замки принялись щелкать. Когда отомкнулся последний, а между дверью и коробкой едва-едва образовалась щель, Покрышкин ринулся вперед. Навалившись плечом, быстро сунул в щель кусачки, одним отработанным движением ловя на резак толстую дверную цепочку. Хрустнул металл.

Дверь распахнулась, а плечистый Павел еще и помог – коротким ударом ноги отбрасывая и металлическую створку, и стоящего за ней парня. Тот отлетел, вращая круглыми от непонимания глазами, роняя на пушистый ковер прихожей дымящуюся сигарету с синтетической марихуаной.

– Ты чего, козлина?! – мигом проснувшись, встрепенулся паренек.

Невысокий, щуплый, с какой-то неопикуемой прической, состоящей из косичек, цветных лент и выстриженных участков головы. Отлетев к зеркальному шкафу, он попытался подняться на ноги, все еще не приходя в себя и поливая Покрышкина тоннами отборного мата.

Но шеф Матвеева не был настроен внимать оскорблениям. Юркнув в квартиру и неведь как умудрившись затащить следом Алексея, он быстро закрыл за собой дверь, нависая над привратником. Грубо, нарочито грязно втоптал в ковер косячок, размазывая пепел по дорожному ворсу.

– Да ты хоть знаешь, бычара, куда попал?! – продолжал распаляться щуплый, пытаясь встать. – Ты хоть понимаешь, что Варлок теперь ваще не жилец?! Да ты хоть представляешь, гнида, что с тобой мой батя сделает?!.

Договорить он не успел. Наклонившись, Павел влепил ему звонкую пощечину, бросившую паренька обратно на пол. Удар был звонким, хлестким, с характерным перестуком зубов в последних аккордах.

– Да мне наплевать, малыш, не за тобой пришел, – хрипло, очень-очень негромко просипел Покрышкин, поднимая наркомана за грудки и поднося к своему лицу. – И на Варлока я чихал, это я наугад... В вашей гнилой тусне таких погремух, как дерьма за баней... А вот если ты сейчас не заткнешься, дитя цветов, я с тебя лицо срежу кухонным ножом, ясно?

Резким рывком подняв побледневшего и притихшего юношу на ноги, он предельно быстро и профессионально обыскал его мешковатую одежду. Вышвырнул в угол новенькую музыкальную АйПи-приставку, без жалости бросил за ней крохотный АйПи-передатчик с возможностью проекции видео. Удерживая жертву на весу, свободной рукой открыл полупустой шкаф с верхней одеждой.

– Ты будешь сидеть тут. Два часа. Выйдешь раньше или попытаешься позвать на помощь, гаденыш, прострелю тебе коленные чашечки. Это ясно? – все это Павел сказал наркоману прямо в глаза, уже посветлевшие от улетучившегося дурмана.

В ответ тот что-то просипел, лихорадочно мотая головой в знак согласия, отчего копна прически смешно задергалась. На его щеке, багровея с каждой секундой, расплывался след удара.

Больше не обращая на паренька никакого внимания, Покрышкин зашвырнул его в шкаф, словно старую тряпку. Захлопнул зеркальную створку, щелкнул задвижкой. Только теперь обернулся на Алексея, истуканом привалившегося к двери... и вдруг подмигнул как ни в чем не бывало.

Морщины на лице шефа задвигались, когда лицо расплылось в улыбке, но в этот раз Матвеев не поверил переменам. В том, что угрозы наркоману были игрушечными и театральными, сейчас его не могла убедить ни одна улыбка на свете.

Приложив палец к губам и не переставая ухмыляться, Павел выглянул в коридор. Справившись с возбуждением, охватившим его после вторжения и скоротечной драки, осмотреться в квартире заставил себя и Алексей.

Хоромы были и правда царскими, под стать подъезду и всему дому. Просторный коридор, совершающий как минимум два поворота, двери в обеденную зону и три комнаты, лестница на второй этаж квартиры. Рассматривая дорогие обои, Леша не удержался и даже покачал головой, оценивая благосостояние хозяев. Вход в кухню был оформлен в виде римской арки с лепными колоннами, потолок украшали незатейливые, но очень гармоничные и приятные взгляду узоры.

Свет горел почти везде, выдавая полнейшее безразличие хозяев к государственным законам экономии электроэнергии. Из соседней комнаты и со второго этажа неслась музыка, разная, но одинаково громкая. В дальней комнате было темно, но уже знакомое мерцание выдавало работающие там дисплеи. В воздухе витал дым и сигаретный и наркотический. Еще пахло какой-то едой, определенно прокисшей.

Поманив напарника за собой, Покрышкин двинулся в кухню. Он опять напоминал Матвееву скупой на жесты автомат или сжатую пружину, готовую ударить в любой момент. Заглянул, быстро возвращаясь за угол, но затем спокойно вошел и с любопытством осмотрел лепнину арки.

Кухня была огромной, способной уместить внутри чуть ли не всю квартиру Матвеева. Разделенная дизайном и мебелью на несколько зон, она казалась настоящим раем для тех, кто любит и умеет готовить. Но с первого же взгляда становилось понятно, что местные жители к таковым не относятся.

Повсюду валялись картонные упаковки от пищи, чипсов, пустые коробочки китайской еды, невымытые тарелки, целлофановые пакеты. На огромном столе засыхали крошки хлеба, недоеденные корки покрывал тонкий налет плесени, на тумбах громоздились невымытые стаканы. Гору столь же грязной посуды Леша рассчитывал найти и в раковине, но ее там не оказалось. Назначение мойки, отчего Павел лишь хмыкнул и покачал головой, сменили вовсе – кран был выкручен, а сама емкость щедро, почти до верха, засыпана разноцветными таблетками. Кормушка для наркомана – хоть горстями черпай...

Осмотрев пустую кухню, Покрышкин вернулся в коридор, внимательно прислушиваясь к доносящимся из комнат звукам. Теперь сквозь громкую музыку, летящую из-за ближайшей приоткрытой двери, были слышны голоса и смех. Повернувшись к напарнику, Павел уверенно поднял вверх четыре пальца. А затем по-хозяйски толкнул створку и вошел внутрь.

Сначала никто даже не понял, что произошло. Четыре молодых человека, как и угадал Павел – три парня и девушка, – по-прежнему болтали между собой, развалившись на удобных лежаках. Больше мебели в комнатухе не было – только лежаки и картонные коробки, наполненные какими-то свертками. Играла музыка. В центре дымился агрегат, напоминающий кальян.

Но затем Покрышкин нагнулся, рывком выдергивая из розетки шнур питания музыкальной станции, и в комнате стало удивительно тихо. Леша, безмолвной тенью застывший за плечом шефа, старался сдерживать растущее волнение.

Четыре пары глаз уставились на невысокого крепкого мужчину в лётном шлеме, появившегося на пороге. Изучали, пытались понять, кто перед ними и чего хочет. Напряжение, вмиг сгустившееся в помещении, было таким ощутимым, что Матвееву стало трудно дышать. Все его чувства обострились, и теперь ему казалось, что он способен в

мельчайших деталях, как под микроскопом, рассмотреть лица сидящих перед ним наркоманов. Он видел их тяжелые веки, крупные поры кожи, похожие на кратеры, расширенные зрачки и помутневшие белки глаз. В этих глазах он вдруг прочитал удивление и страх.

– Ну и кто тут за старшего?! – одной фразой вдребезги разбивая сковавшее всех оцепенение, отчеканил Покрышкин. – Кому вопросы задавать?

Молодые люди после этого словно очнулись от транса. Девушка вскрикнула, закрывая рот ладошкой, сутулый паренек в обвислой майке отодвинулся от Павла, его сосед зачем-то замотал головой, а четвертый – плечистый юноша с нагловатым лицом, вдруг принялся подниматься с лежака.

– А ты вообще кто такой, папаша?! – тягуче и с вызовом начал он. – Ты вообще вникаешь, какого?..

Больше он сказать ничего не успел. Матвеев даже не смог заметить, как в руке шефа оказался «Шершень», но в комнате вдруг прозвучал глухой хлопок, а в плече любознательного наркомана появилась полая игла. Тот сонно взглянул на нее, сию секунду что-то сказать, но затем повалился навзничь, упав прямо на девчонку.

Она от неожиданности и страха вскрикнула в полный голос, и по комнате тут же пронесся хлопок второго выстрела. Застонав, девушка попыталась выдернуть из своего бедра иглу транквилизатора, но тут же брезгливо отдернула пальцы, скривившись. Голова ее запрокинулась, и наркоманка мирно обмякла под боком у нагловатого парня.

Убедившись, что оба находятся в глубокой отключке, Покрышкин присел на корточки, стволом пистолета почесывая ухо под шлемом. Он не смотрел ни на кого конкретно, но оба оставшихся в сознании торчка замерли, как кролики под взором змеи.

– Ну что, милки? – с приторной лаской поинтересовался Павел. – Так кто тут, я не расслышал, у вас за старшего?

Тот, что раньше мотал головой, указал на сутулого соседа. Быстро, одним движением, словно чего-то боялся. И отвернулся, будто от стыда. Длинношей в обвисшей майке, не без презрения взглянув на сидящего рядом предателя, робко кивнул.

– Ну, я тут за старшего, допустим... дальше-то чо? Или всех нас перестреляешь?

– Надо будет, перестреляю, – невозмутимо заявил Покрышкин, поворачиваясь к наркоману и заглядывая ему в глаза. – Сколько на хате еще народу? Сколько торчков, сколько ныряльщиков?

– Ну, так походи да посчитай, – сонно облизывая пересохшие губы, попробовал огрызнуться держатель притона, за что получил легкий, но качественный тычок стволом в кадык.

– Будешь шипеть, гнида, я в тебя весь магазин разряжу, а потом иголки выну и скажу, что ты от передоза лапты склеил, ясно? – Сейчас Матвееву казалось, что на корточках рядом с ним сидит не его начальник, а какой-то совершенно чужой и дикий мужик. – Вопрос повторить?

– Не надо, гад фашистский... – За это сутулый получил уже настоящий удар в ухо. Зашипев, но прекратив огрызаться, он прижался к стене, затравленно глядя на незнакомцев. – Кто по колесам, тех трое, они наверху, где музыка... С ними кальянишки еще... двое. По-тяжелому кто увлекается, такой сейчас один, он в соседней комнате...

– Вампиры где?

– Напротив через коридор, четверо их, – всё еще поскуливая от боли, бормотал сутулый.

– Ну-ка, милейший, расскажи мне теперь, давно ли в гробы стали наркоту примешивать? – прищурился Павел, но у наркомана вполне естественно расширились глаза.

– Ты чо несешь-то, папаша? – искренне удивился он, словно забыв про боль в ухе. – Это ж кому такое в голову придет? Это ж верный кирдык... Не-е, наши таким не балуются, я тебе точно говорю. Кто хочет глотнуть или покурить, с нырянием не смешивает, отвечаю. А если и есть такие психи, я их не знаю...

– Ну смотри, касатик, если врешь...

– Да с чего мне врать-то? А тебе вообще какой интерес? Вы двое хоть понимаете, что тут совсем непростые люди собираются, а? Вам ведь проще банк ограбить, целее будете, ей-богу...

– Не упоминай всуе, – равнодушно ответил Покрышкин, поднимаясь на ноги. – Соберешь иголки и догоняй меня...

Последняя фраза, как чуть запоздало догадался Алексей, предназначалась ему. А Павел, уже выходя из комнаты, небрежно обернулся и, почти не целясь, по разу выстрелил в сутулого и его молчаливого предателя. В коридоре Покрышкин деловито осмотрелся, меняя магазин, и двинулся в сторону лестницы. Ошеломленный Матвеев вдруг остался один.

Осторожно, чтобы не наступать на лежащих повсюду людей, Леша прошел внутрь, склоняясь над девушкой и парнем с нагловатым лицом. Боязливо, будто те могли проснуться, выдернул иглы, не без брезгливости вытер капли крови об одежду наркоманов. Убедившись, что сутулый и его Иуда тоже спят, выдернул оставшиеся заряды «Шершня». Аккуратно, чтобы не уколоться, Леша спрятал иглы в отдельный карман саквояжа.

В это время в коридоре слышались многочисленные шаги и приглушенные голоса. Похолодев от ужаса, Матвеев бросился к двери и выглянул в щель...

Он так и не узнал, что именно Покрышкин сказал находящимся на втором этаже наркошам. Но те, боязливо оглядываясь и обуываясь чуть ли не на ходу, торопливо покидали квартиру. За ними, будто пастушья собака, брел сам Павел, неспешно покуривая сигарету.

Выпроводив за дверь последнего из гостей притона, он опять закрыл все замки и прислушался к происходящему в стенном шкафу. Удовлетворенно кивнув, стряхнул пепел на богатый ковер прихожей и, приглашая, указал на комнату с выключенным светом.

– Ну вот, коллега, теперь нам никто не помешает. – Алексей не без облегчения услышал уже привычный басок начальника, лишенный бандитских ноток. – Приступим к работе?

Однако на пороге комнаты, где, по словам сутулого, хранились гробы, Матвеев дотронулся до локтя шефа.

– Павел? – неуверенно спросил он, кивая в сторону спящих наркоманов. – Я насчет проблем, о которых говорил этот паренек... Ну, что тут непростые детки... Они ведь нас видели, не так ли?

– Ага, – с готовностью подтвердил Покрышкин, поворачиваясь к напарнику. – Но ты не переживай, Леха, всё будет пучком. Я тебе потом в офисе краткую лекцию прочитаю про наши полномочия, чтобы тебе спокойнее было, ладно? Ну да, видели они мою рожу, шлем приметный. Да только кому расскажут? Ментам? Те за нас. Папкам своим богатым? Это могут. Да только словам наркомана даже отец родной верит не всегда. Ну, а если кто из родителей захочет за поруганную честь сынишки вступить, то я уж как-нибудь с этой проблемой разберусь... Есть у тебя еще вопросы?

И Леша, в какой-то степени умиротворенный ладным рассказом шефа, отрицательно покачал головой.

– Тогда, Леха, пойдем-ка будить наших засонь, – бодро подвел итог Павел, шагая в темную комнату и сразу же включая верхний свет.

Под потолком вспыхнули яркие белоснежные лампы, наполняя комнату ослепительной стерильностью элитного морга. Помещение оказалось просторным, почти как кухня, но вот загаженности или мусора тут не было и в помине. Чистый пол со змеящимися по нему свитками проводов мыли каждый день по два раза. Протирали пыль со стеклянных крышек саркофагов, проверяли уровень питательных смесей, настройки программ.

Всего гробов в комнате было четыре, все занятые. Стояли в рядок у левой стены, напоминая больничную палату. Напротив разместились столы с АйПи-станциями и дисплеями, по которым скакали уже знакомые Матвееву графики и таблицы. В углу виднелся массивный куб генератора на случай перепадов энергии, над ним висели огнетушитель и аптечный шкафчик. Шторы единственного, хоть и очень широкого окна

были плотно задернуты.

Покрышкин деловито прошелся мимо гробов, заглядывая внутрь каждого. Заметив, что напарник застыл в дверях, махнул ему рукой, придвигая один из офисных стульев, стоящих у столов. Леша, всё еще оглядываясь в пустой коридор, неуверенно вошел, поставил саквояж на стул и распахнул его пошире.

– Проснись, красавица, проснись, – принялся воодушевленно бормотать его шеф, возвращаясь к первому саркофагу. – Открой сомкнуты негой глазки...

Он звонко щелкнул двусторонними запорами крышки, поморщившись от вырвавшегося изнутри воздуха. Перешел ко второму гробу, защелкал его замками, продолжая бормотать стихи:

– Пусть птичьих песен трели лаской тебя разбудят в эту жизнь. – Затем запоры отомкнулись на третьем и на четвертом гробах.

В комнате откровенно испортился воздух, а еще теперь Алексей смог рассмотреть обнаженные тела ныряльщиков, рядом лежащие перед ним. Двое выглядели более-менее сносно – их степень ожирения не превзошла того же Алферова. Видимо, ушли в запой сравнительно недавно... А вот третий и четвертый вампиры ничего, кроме отвращения, не вызывали. Толстые, обрюзгшие, они казались бесформенными тушами жира и сала, ловко залитыми в мягкие удобные лежанки саркофагов.

Несмотря на то что в гробах были установлены системы очистки кожи, кое-где их огромные тела покрывали следы пролежней. Кожа была бледной, рыхлой, и даже без экспертизы Алексей мог бы предположить, что вампиры лежат в своих убежищах не первый месяц...

Порхая между саркофагами и их станциями управления, Павел что-то виртуозно набирал на клавиатурах, успевая молниеносно сверяться с показаниями приборов жизнеобеспечения.

– И забурлит, и заиграет, – казалось, что недавняя стрельба в людей, пусть даже лишь шприцами, вдохнула в Покрышкина какой-то новый заряд бодрости, – душа, на подвиги маня...

Он вынул из саквояжа уже знакомые Алексею приборы взлома и подключил их к гробам. Что-то набирал на сенсорных панелях, продолжая сновать между капсулами и мониторами, после чего переходил к следующему вампиру. От обыденности и какого-то азарта этого оптового отключения Матвееву даже стало чуть дурно.

– Быть может, глазки потирая, ты вдруг не вспомнишь и меня, – закончил литературные чтения Павел, несколько переиначив классика. – Готов к подвигу, Леха?

Он настолько резко и неожиданно обратился к напарнику, что тот вздрогнул.

– Я беру на себя двух толстожопых, а ты отключаешь стройняшек... Видел, как я Алферова сегодня будил? Разъем, защелка, всё просто. Трубку из горла осторожно, капельницы из вен. Уколы сам сделаю, договорились?

Алексей, захваченный врасплох, не смог издать ни звука. Человек, ставший его начальником считанные часы назад, уже предлагал ему самостоятельно выполнить часть весьма непростой работы... Заметив, что напарник погрузился в глубокие раздумья, Павел щелкнул пальцами, привлекая его внимание.

– Леша? Ау? Мемуары планировать потом будешь... – Покрышкин деловито вводил данные в устройство вживления электронных повесток. – Ну так что, возьмешься пробовать?

– А, простите... – Матвеев шагнул вперед. – Да, конечно, я справлюсь...

Парень мельком взглянул на экраны, где сустились персонажи вампиров. Один из них был стройной и красивой балериной, второй космическим пиратом с тяжелым бластером вместо руки, третий каким-то хищным животным, а четвертый – корпоративным наемным убийцей.

В уголке искусственных мирков, созданных гробами и отображенных дисплеями, вертелись уже знакомые логотипы «ТХБ». Склоняясь над первым из вампиров, которого ему предстояло разбудить за свою карьеру охотника, Алексей подумал, что о популярности

«Хроник Войны» никогда не смогут мечтать ни музыканты, ни режиссеры, ни политики...

Парень в нерешительности замер, усилием воли заставив себя прикоснуться к шее клиента. Тот был совсем молоденьким, не старше семнадцати. Кожа оказалась прохладной, чуть влажной. Преодолевая отвращение и специально отвернувшись от Покрышкина, чтобы скрыть гримасу, Леша приподнял голову вампира. Свободной рукой нащупал зажим кабеля, уходящего в затылок, приготовился расстегнуть.

В этот момент в квартире погас свет.

Разом во всех комнатах и коридорах, погрузив помещение с саркофагами во тьму. Конечно, через мгновение стало ясно, что мониторы на столах дают немало света, но сперва Матвееву показалось, что обрушившаяся темнота была крошечной. Он вздрогнул, вдруг осознав, что оказался в этой темноте один на один с вампиром, чью голову держал в своих руках. Невольно отшатнулся, спиной упираясь в соседний гроб.

С характерным для кожи звуком Павел вынул из кобуры пистолет.

– Отойди к двери и встань рядом, – негромко скомандовал он.

– Думаете, наркоманы вызвали крышу? – шепотом ответил Леша, отходя от капсул и прижимаясь к стене.

– Не похоже. – Покрышкин пощелкал фонариком в пол, проверяя мощность заряда. Он смотрел в темный коридор, из которого не раздавалось ни звука. – Эти быки рубанули бы всю систему электропитания, заработал бы аварийный генератор... Тут что-то другое.

И тут вампиры принялись просыпаться. Один за другим, но почти одновременно, они сели в своих гробах, отчего затылочные кабели натянулись до предела. Алексей судорожно вдохнул от неожиданности, стараясь еще сильнее вжаться в стену, а Павел отпрянул к столам с аппаратурой, поднимая оружие.

В отсветах экранов кожа просыпающихся вампиров казалась мертвенно-серой с неприятным голубым отливом. Сонно покачиваясь, все четверо потянулись к своим затылкам, одновременно расстегивая зажимы шнуров. На экранах мгновенно заплесали новые данные, отчего по обнаженным телам и стенам метнулись тени.

Как по команде, все четверо столь же слаженно вынули из своих ртов мягкие обслюнявленные трубки и уронили их в глубь гробов. Принялись отстегивать крепежи, вынимать иглы капельниц и снимать датчики. Сами, несмотря на риск и неуверенность движений, но при этом в унисон.

– Что они делают? – как будто сквозь вату в ушах, расслышал Матвеев свой собственный голос. Его рука нащупала в кармане небольшой пистолет, и сейчас парень сжимал его, не зная, что предпринять.

– Понятия не имею, Леша, – через зубы ответил Покрышкин, бросая взгляд то на вампиров, то на дверь. – Но мне это очень не нравится...

А затем вампиры начали вылезать из своих гробов. Неуверенно, будто лунатики или очень больные люди, они опускали босые ноги на прохладный пол, держась за края саркофагов. Удалось не всем – один из толстяков и вовсе не смог покинуть капсулу, беспомощно барахтаясь на ортопедическом ложе, а второй неловко перевалился через борт, рухнув с полуметровой высоты и звонко треснувшись лбом о телескопическую опору гроба.

А вот более подвижные вампиры всё же выбрались наружу. Повернувшись к охотникам, они замерли возле своих капсул.

– Граждане вампиры, – Павел включил фонарь, направив луч в лицо ближайшего, – прошу соблюдать спокойствие и благоразумие. Мы обладаем всеми необходимыми лицензиями на пробуждение. С повестками на эту операцию в отношении вас сможете ознакомиться в суде...

Он перевел луч на лицо второго вампира, и Леша с ужасом убедился, что оба до сих пор не открыли глаз. На небритых подбородках блестела слюна и питательная смесь, вытекающая из пищевых трубок.

– Это станет вторым предупреждением, – вдруг предельно отчетливо, будто бездушный механизм, произнес вампир, стоящий ближе. – Не испытывайте терпение, в третий раз мне

придется применить силу.

– Прошу прощения? – спокойно поинтересовался Павел, но Матвеев видел, как тот целится в грудь клиента. – Что вы имеете в виду?

– Не трогайте бастион, – неожиданно ответил второй, заставив Алексея похолодеть и машинально вскинуть оружие. – Не трогайте его... или мне придется наказать вас.

– Расцениваю, как угрозу, – будто дождавшись нужных ему слов, Покрышкин дважды выстрелил в дальнего, попав в левое плечо. – Вынужден применить санкции...

Однако уже в следующую секунду вампир, одним движением выдернув из себя оба отработанных шприца, двинулся вперед.

– Отступаем, – мягко приказал Павел, пятясь к выходу, и снова выстрелил в паренька.

Второй раз Леше приказывать нужды не было – он пулей выскочил из комнаты, запоздало подумав про забытый саквояж. В темноте чуть не врезался в колонну, вспомнил про фонарь, полез во второй карман.

Стреляя на каждом шагу, в коридор вперед спиной вышел и Покрышкин. Луч его фонаря не отрывался от идущего следом вампира, чью грудь украшали новые трубки шприцов. Наконец «Шершень» иссяк, и Павел спрятал оружие.

Похожий на странного дикобраза юноша замер в дверях комнаты, широким взмахом сбив с себя опустошенные заряды. От этого удара кожа кое-где прорвалась, брызнула густая кровь. Но даже сейчас вампир не открыл глаза до конца, продолжая рассматривать мир сквозь крохотные щелки.

– Ну, гнида, ты сам напросился. – Быстро перекинув фонарь в другую руку, Павел обнажил боевое оружие.

В этот же момент за спиной раненого юноши показался второй, тот самый, кого собирался отключать Матвеев – он тоже брел вперед с полужакрытыми глазами. Будто самые настоящие зомби, оба вышли в темный коридор, освещаемые лишь двумя подрагивающими лучами фонарей. Шли медленно, чуть покачиваясь, шлепая по полу босыми ногами.

Где-то за спиной вдруг раздался жуткий вопль, причем настолько резкий и истошный, что Алексей от неожиданности и страха чуть не подавился собственным языком. Едва не выбив дверь стенового шкафа, на волю вырвался чудаковатый малый, впустивший их в квартиру. Матвеев не мог знать, что именно измененное сознание наркомана нарисовало ему, когда тот увидел двух обнаженных вампиров, наступавших на вооруженных охотников. Но предположить было несложно...

Рванувшись к двери, паренек со смешной прической из косичек и ленточек принялся открывать замки так лихорадочно, что с мясом вырвал ноготь на правой руке. Не обращая внимания на дикую боль и не оборачиваясь, бывший пленник вылетел из квартиры, с воем покотившись по лестнице.

Отвлечшись на его неожиданное бегство, Алексей чуть не упустил момент, когда вампиры приблизились.

– Не трогайте бастион и его детей, – голосом, заплетающимся от слоновьей дозы снотворного, произнес израненный «Шершнем», вышагивавший впереди. – Не заставляйте меня прибегать к крайним...

Он все шел и шел на Покрышкина, когда тот чуть опустил пистолет и вдруг выстрелил вампиру в левое бедро. Грохот ударил по ушам, коридор наполнился запахом пороха, но наступление это остановило. Молодой вампир осекся, будто успокаивающие снадобья принялись разом действовать, и рухнул на пол, истекая кровью.

Однако вместо того, чтобы прицелиться во второго, Покрышкин неожиданно спрятал «Грача».

– Этого нельзя, Леша, – с досадой проворчал он, резко скидывая плащ и отбрасывая в сторону. – Уж не знаю, что на них нашло, но этот – наш... Ты посвети мне, пока я не закончу...

Протянул напарнику свой фонарь и вдруг бросился вперед, словно заправский борец, ударив второго вампира плечом в живот. Другой бы от подобного удара сложился внутрь,

как бумажный лист, или просто отлетел.

Но юноша, за которым они пришли в этот притон, повел себя иначе. Как и Алферов, он словно не заметил внушительной массы Павла. Обхватил его за шею, приподнял, и оба повалились на пол.

Держа свой пистолет под мышкой, Матвеев мог лишь подсвечивать драку, стараясь направлять оба луча в одно место. Он закусил губу, дыша тяжело и надрывно, будто сам сейчас сражался с обезумевшим вампиром, но больше ничем помочь начальнику не мог. В шаге от дерущихся, вдоль стены растянулся раненый, наконец-то потерявший сознание.

Схватка была скоротечной, но яростной. Как и Алферов, новый клиент Покрышкина испытывал, казалось, полнейшее пренебрежение к боли, сражаясь так, будто был сделан из железа. Хрустели кости и суставы, раздавалось яростное сопение и приглушенные ругательства охотника. Стараясь не покалечить, Павел мял и ломал паренька, чтобы ухватить в наиболее надежный залом. Тот выкручивался, словно был намазан салом, не обращая внимания на растяжения или вывихи.

Наконец мужчине удалось скрутить вампира. Навалившись на него сверху, он придавил побежденного коленом, шумно переводя дух.

– На... на... наручники, Леша, – сумел выдохнуть Павел, мотнув головой в сторону саквояжа. – Давай неси...

Но наручники не понадобились, как и умиротворение оставшихся в комнате толстяков. Паренек в захвате Покрышкина приподнял голову, прошептал единственную фразу и обмяк, полностью отключившись. Столь же внезапный сон накатил и на вампиров, не сумевших поучаствовать в сражении.

В следующую секунду в квартире зажегся свет, болезненно ударив по глазам. Щурясь и все еще с недоверием поглядывая на распростертого у ног клиента, Покрышкин встал в полный рост. Он был помят, перепачкан в разлитой по полу крови, рубаха порвалась, элегантный шарф перекрутился и развязался, а на щеке вспухал свежий кровоподтек. Покачиваясь, он принялся осматривать поле боя, пытаясь сообразить, что делать дальше.

– Леша? – наконец кивнул шеф, утирая губы. – Действуем быстро, сейчас вызываю врачей и милицию, скоро будут... Пока я наложу жгут этому подстреленному гаврику, собери-ка пустые иглы. Еще собери инструменты в комнате, постарайся ничего не забыть. Найди гильзу. А еще, если получится, выдерни из их станции хотя бы один диск... Только аккуратно, чтобы сразу не заметили.

Он легонько ткнул мыском ботинка неподвижное тело у ног.

– Слишком многие что-то угрожающе начали, я погляжу. – Покрышкин усмехнулся. – Хочу лично разобраться, что за кутерьма тут происходит... Сумеешь?

– Конечно. – Взявший себя в руки и окончательно привыкший к яркому свету, Матвеев направился в комнату. – Шприцы, гильза, чемоданчик. Жесткий диск одной из станций. Будет сделано.

Покрышкин был прав – слишком многие за последние пару часов угрожали им. Сначала наркоманы, платиновые детишки из дорогой квартиры, превращенной в притон. А затем спящие вампиры, не боящиеся боли. Собирая иглы, Леша еще раз взглянул в лицо побежденного Павлом парня. Землисто-серое от долгого пребывания в гробу, но умиротворенное и по-детски невинное. Матвеева все еще потряхивало от того, как перед отключкой тот успел весьма внятно и спокойно сказать им обоим:

– Тогда вы пожалеете...

Наш мир перевернулся с ног на голову, став миром абсурда и беззакония. Год за годом мы живем в темноте, под ее мрачным покровом, превратившись в «детей ночи», выползая из нор, словно крысы. Встаем на работу не в 8 утра, как это делали наши отцы, а под вечер, когда спадает жара и можно обойтись без кондиционеров. Наших детей, которым раньше не позволяли гулять допоздна, теперь матери зовут с балконов домой, едва на горизонте забрезжат первые лучи солнца, ставшего врагом. Братья Бескровные, сотворившие настоящее чудо,

превратились в Оппенгеймеров нового века – сами того не подозревая, они породили новую расу, проводящую сознательную жизнь в стеклянных гробах. Морфеус ликует, став единственным богом нового мира, его паства, пребывающая в дремотных грезах, велика настолько, что ей завидует сам Христос. И в этой темноте, невидимые и бесшумные, вампиры ловят вампиров. Те, кому это поручили, идут в дома тех, кто выбрал свой путь сам. Проникают за надежно запертые двери, вскрывают гробы, как это было в мистических романах XIX века, вбивая электронные осинового колья в сердца наших близких. Так ушел наш общий друг и товарищ Лихой, которого многие знали по «ВарКрону» и социальным сетям. После того как очередной «будильник» вынул его из саркофага, на АйПи-центре перегорели восемь процессоров. Родители не смогли купить Лихому новое железо, потому что в семье не хватало денег – сгоревший гроб парню подарили на шестнадцатилетие, откладывая деньги несколько лет. Не в силах переносить мрак действительности, позавчера Лихой самовольно ушел из жизни, не оставив даже записки. Пусть земля будет ему пухом.

**Запись в электронном дневнике
пользователя FilosoFF,
ниже 1406 ответов, 2036 год.**

Уровень загрузки – 18,2%

По-настоящему Алексея потрянуло уже в машине. Крепко передернуло от одной мысли о произошедшем, а перед глазами вновь встали образы уходящей ночи – бледные тела взбеленившихся вампиров в ярком свете фонарей. Парень обхватил плечи руками и отрешенно уставился в окно, рассматривая вывеску магазина.

Вообще-то он хотел бы отправиться домой. Рабочее время подходило к концу, на востоке давно брезжил подступающий рассвет. Надеясь забраться в постель еще до наступления жары, Матвеев намеревался шефу, что ночь на исходе, но тот и слушать не хотел.

– Слишком многое произошло, Лешенька, – с невеселой фамильярностью ответил Покрышкин, в зеркало заднего вида изучая синяк на щеке, – чтобы мы так просто отпускали ускользающий день. Сейчас мы с тобой отправимся в офис, перекусим немного... возможно, даже выпьем... и вот там всё основательно обмозгуем. Ведь теперь, если не ошибаюсь, ты – это пятьдесят процентов мозгов нашей дружной фирмы. Второе, так сказать, полушарие. А выводы лучше делать по свежим следам...

И всё – на этом спор был окончен, а Матвееву пришлось вспомнить о ненормированном графике работы. Поэтому они погрузились в джип и отправились в ближайший к офису магазин, торговавший продуктами и спиртными напитками. Денег с напарника Павел принципиально не взял, бодро направившись в светлые недра супермаркета.

Всё еще силясь отбросить волну страха и неприятных воспоминаний, Леша принялся читать рекламные плакаты в освещенной витрине. «Напитки «Perfect Health: вкусное здоровье», гласил один, с аппетитным изображением бутылки лимонада. Под объемной голографической картинкой мерцала бегущая строка – «Первый слабогазированный сок в России, изготовленный из генно-модифицированных овощей и фруктов с целительным эффектом. Специально скорректированные геномы наших персиков, апельсинов, томатов и моркови помогут вам победить гипертонию, последствия инфарктов и инсультов!» Чуть ниже на стенде, как обычно, виднелась приписка, нанесенная самыми крохотными буквами: «Не является лекарственным препаратом. Имеются противопоказания. Отдельные компоненты продукта могут отличаться по вкусу от натуральных продуктов. Предупреждение: в ряде случаев ГМО способны вызвать мутации генного кода».

Чтение не особенно помогло... Алексей всё еще слишком хорошо помнил, как шеф принес ремень одного из спящих в соседней комнате наркоманов, как перетягивал простреленную ногу вампира. Помнил резкий запах крови, наполненной медикаментами и растворами гроба. Помнил умиротворенное лицо парнишки, пообещавшего им, что они пожалеют. Помнил суету и спешку, с которой они покидали притон, едва на улице заиграли

сирены карет «Скорой помощи».

Уехали далеко не сразу – еще какое-то время сидели в электромобиле, украдкой наблюдая из темноты, как врачи и милиция выносят из подъезда тела. Было заметно, как с другого конца дома за суетой наблюдали крепкие парни, встреченные чуть ранее. И лишь убедившись, что одно из тел словно ненароком погружено в реанимационный микроавтобус, стоявший чуть отдельно, Покрышкин облегченно вздохнул. Хотя мотор завел и вовсе после того, как специальная машина «Скорой помощи» покинула двор в сопровождении прилизанной черной иномарки...

Миновав стеклянные двери магазина, к джипу направился Покрышкин – в его руках, словно гири тяжелоатлета, мягко покачивались два полиэтиленовых пакета, наполненные продуктами. Леша выскочил навстречу, радуясь возможности наконец-то отвлечься от тягостных воспоминаний, и открыл багажник. Аккуратно сгрузили ношу, что-то звякнуло. Когда вновь заняли передние сиденья, Павел с пульта усилил тонировку стекол и включил музыку. На этот раз из динамиков потекла саксофонная патока Чарли Паркера.

Было видно, что шеф устал. Может, не так, как более молодой напарник, но все же. Два пробуждения за одну ночь, оба с применением силы и оружия, в том числе огнестрельного... Алексей мог поклясться, что при всем опыте и стаже работы, подобные ночки случались у Покрышкина нечасто.

Джип тем временем подкатил к офисной башне, откуда этим вечером сотрудники «Кобрятки» отправились на выезд. Развернувшись посреди пустой парковочной площадки, Павел оставил машину на прежнем месте, устало выбрался наружу.

Забрали пакеты и саквояж, вошли внутрь делового центра. Охранник, на этот раз другой, но все с той же электронной книгой, поприветствовал Покрышкина ленивым кивком, что-то отметив в журнале. В молчании поднялись на нужный этаж, побрели по пустынному коридору. Войдя в уже знакомый кабинет, Алексей вдруг подумал, что рад возвращению. А еще ему показалось, что последний раз он был в офисе целую тысячу лет назад...

Сгрузив пакеты на стол, Павел определил плащ на вешалку и принялся расстегивать кобуры. Не дожидаясь, когда ему намекнут, Матвеев быстро разделся, начал разбирать пакеты. Вынул хлеб, колбасу в вакуумной упаковке, банку оливок и банку огурцов, пачку майонеза, упаковку шпрот, кусок сыра. Из другого пакета на столешницу перекечевали несколько баночек мощного энергетического напитка, пара бутылок питьевой воды и бутылка водки, причем далеко не самой дешевой.

Глядя куда-то вдаль, Покрышкин тяжело опустился в свое кресло. Потер лоб под краем шлема, на ощупь достал из ящика стола две стопки и стаканы. Продолжая изучать стену все тем же отсутствующим взглядом, Павел взял водку, со знанием дела, предельно чинно откупорил бутылку. Почти не глядя на стопки, налил, совсем не расплескав. Алексей, торопливо сооружающий бутерброды, с беспокойством наблюдал за шефом.

– Это что же, Леша, получается? – задумчиво пробормотал тот, все еще погруженный в себя. – Два удивительных случая за одну ночь. Учитывая, что в совпадения я не верю, приходится обратиться к статистике. И тут она, друг мой, демонстрирует нам совсем уж неприятные тенденции.

Он взял стопку и, не дожидаясь ответных действий со стороны напарника, одним глотком осушил ее. Нашупал бутерброд, закусил. Меланхолично пережевывая, выловил из банки огурец.

– Могу с весомой долей уверенности заявить, что странные случаи с пробуждениями вампиров участились до неприличия. Осмелюсь предположить, – его взгляд начинал теплеть, становясь не таким хрустальным, – что совсем скоро таких случаев станет подавляющее большинство. Это, в свою очередь, – он похрустел огурцом, – говорит о том, что мы имеем дело с какой-то эпидемией. Ох, Андреич ругаться станет...

– Может быть, – неловко предложил Леша, отодвигая свою стопку, все еще наполненную водкой, – ему прямо сейчас позвонить и все рассказать?

– Не стоит, – мягко возразил Покрышкин, и теперь было видно, что он оттаял и всецело

вернулся к разговору. – Он уже в курсе, я уверен. Рвет и мечет, в этом тоже сомнений нет. Так зачем нам под горячую руку? Выждем до завтра, пусть остынет. Такой он человек, наш Андреич...

Теперь к трапезе присоединился и Матвеев. Кушать перед сном парень не очень любил, но натерпевшийся за ночь организм требовал, и он не стал спорить. Даже пригубил водки, закусив шпротиной. Шеф, подобревший и даже взбодрившийся, продолжал рассуждать:

– Не нравится мне все это, ох как не нравится. – Канцелярским ножом он отрезал еще кусок сыра. – Не могу пока разобраться, что происходит, но интуиция... – Многозначительно постучал себя пальцем по лётному шлему. – Ты вот, Леша, веришь, что наркоманы сказали правду? Ну, о том, что в гробы ничего не подмешивают?..

– Наверное, да, – пожал плечами Алексей, придвигая свой стул ближе и устраиваясь поудобнее. – Какой смысл ему был врать? Всё равно же это легко проверить. Да и больно искренне он говорил, когда о подельниках рассказывал. Думаю, не врал, не добавляют наркотики в саркофаги. А если и добавляют, то нашим золотым обкурывам про это ничего не известно...

– Согласен, – кивнул Павел, – и сам так считаю. Но, тем не менее, вампиры из притона вели себя так же, как наш Алферов или нарушители из сводок Ломового. Если дело не в наркотиках, что могло заставить их всех действовать столь схоже и безумно?

– Психотропная программа? – осторожно предположил Леша, наливая себе стакан воды. – Я читал, что на заре разработки гробов несколько экспериментов с подобными программами закончились плачевно. Да и до сих пор есть желающие поиграть с сознанием.

– Хм... интересная мысль... – Покрышкин плеснул себе еще водки. – Но тогда по тусовке ныряльщиков уже давно прокатилась бы нужная информация. Вампиры стали бы осторожнее, рисковать с новым продуктом захотели бы лишь единицы. А тут пять случаев за одну ночь!

– А может быть, – вдруг спохватился Матвеев, наклоняясь и расстегивая чемоданчик, – вы были правы, и мы сумеем найти хоть какую-то зацепку тут?

И он с легким стуком выложил на стол, точно между шпротами и колбасой, увесистый брикет жесткого диска, отстегнутого с одной из АйПи-станций притона.

В глазах Покрышкина блеснуло оживление. Он придвинулся вперед вместе с креслом и вынул сигареты. Не сводя с винчестера любопытного взгляда, прикурил, доставая пепельницу. Сейчас он, как никогда раньше, был похож на летчика, вернувшегося с боевого вылета – рубаха порвана и испачкана в крови, шарф завязан небрежно и тоже вымаран, в уголке рта тлеющая сигаретка.

– А может, Леха, – возбужденно прошептал он, – это и в самом деле золотой ключик? В таком случае я знаю одну Тортилу, способную в этом ключике разобраться...

– Сами, значит, подключать не будем? – С неожиданным разочарованием вдруг догадался Алексей.

– Нет, рискованно, – покачал головой Павел, стряхивая пепел и наливая себе еще водки. – Кто знает, что там кроме игр? Наверняка устройство защищено от несанкционированного доступа. Или подаст в сеть сигнал тревоги. Нам это надо? Зато я знаю человечка, которого сия вещичка весьма заинтересует... Сейчас вот перекусим и отвезем ему железку эту.

Он усмехнулся, поднимая стопку в сторону Матвеева, словно салютуя, и выпил. Тот, постаравшись никак не реагировать на возможное продолжение рабочей ночи, ненавязчиво упомянутое шефом, вежливо улыбнулся в ответ.

– А что, кстати, скажешь про отключение света? – закусывая оливками, поинтересовался Покрышкин через несколько секунд. – Странно, не правда ли?

Он подтянул к себе кобуру, лежащую на дальнем конце стола. Вынув из тумбы набор для чистки оружия, расстелил на свободном уголке тряпицу и стал разбирать боевой пистолет. Из сейфа за спиной достал две коробки, заполнил магазины «Шершня». Всё еще ожидая ответа на свой вопрос, принялся за неспешную чистку «Грача».

– Конечно, странно. – Леша задумчиво откусил от бутерброда. – Если не рассматривать совпадения, разумеется... Ведь как вы заметили еще в притоне, была отключена не вся система, а лишь освещение. Такое чувство, что тот, кто выключил свет, наблюдал за нами, сделав это в самый подходящий момент.

– Ага, в самую точку, – довольно крикнул шеф, гася окурок в пепельнице. – А еще он... или она?... или они?... тьфу!.. в общем, он знал, что вампиры встанут из гробов и поведут себя агрессивно. Знал и ждал, чтобы сбить нас с толку.

– И ему это почти удалось... – смущенно пробормотал Леша, запивая водой.

Павел, к счастью, конфуза в голосе напарника не услышал, поглощенный новой мыслью.

– А зря мы наркомана одного на допрос не взяли, – мечтательно протянул он, продолжая прочищать ствол специальным ершиком и глядя в освещенное солнцем окно.

Над огромным городом уже вовсю занималось утро, начиная раскалять асфальт и стены домов. Рабочая ночь катилась к концу, по домам разбредались даже самые заядлые трудоголики, машин на улицах становилось все меньше.

Покрышкин отложил детали пистолета, встал, подошел к подоконнику, с крохотного пульта на раме усилил тонировку оконного стекла. Неторопливо закрыл жалюзи.

– Можно было бы порасспросить, не было ли у них с клиентурой подобного раньше... Ну и вообще узнать, откуда ветер дует. Хотя, полагаю, об этом нам тоже черепаха расскажет.

Он вернулся за стол, и в тот момент, когда опустил в кресло, в комнате разом затрезвонили два АйПи-фона...

Первый – Покрышкина. Второй – Матвеева.

Одновременно.

Алексей от неожиданности чуть не подавился куском сыра, а Павел вдруг подобрался, стряхивая легкий налет хмеля. Наспех протер перепачканные оружейным маслом пальцы, вынул из поясного чехла прибор, закрепил на ухе. Видя замешательство напарника, кивком подбодрил – доставай, мол, свой аппарат, чего сидишь?

Спохватившись, Леша вынул АйПи-фон. Простенький, похожий на старые мобильные телефоны, совсем не такой современный и неприметный, как покрышкинский. Надпись на дисплее гласила «абонент неизвестен». Аппараты продолжали наигрывать мелодии вызова, наполняя кабинет трелями.

Они смотрели друг на друга – ведущий и ведомый крохотной эскадрильи, без лишних слов понимая, что этот одновременный утренний звонок является чем-то необычным. Чем-то, вполне возможно, связанным с их ночными приключениями. Новым кивком Покрышкин приказал напарнику поднять АйПи-фон, после чего первым ответил на вызов.

– Слушаю, – негромко произнес он в крохотный микрофон, выдвинувшийся к его губам из наушника.

Через какое-то мгновение на зеленую сенсорную клавишу нажал и Алексей, с легкой тревогой прикладывая аппарат к уху.

– Доброе утро, господа, – мгновенно произнес мягкий мужской голос в динамике, и Матвеев тут же догадался, что поступивший им обоим звонок был двойным. – Надеюсь, не сильно отвлекаю от столь важной и любопытной беседы?

По хищному прищурю Покрышкина стажер увидел, что шеф сейчас слышит те же самые слова.

– С кем имею честь беседовать? – сухо поинтересовался Павел, и Леша услышал голос начальника в собственном динамике, будто на конференц-связи. – Вероятно, вы ошиблись номером...

– Нет-нет, Павел, я не ошибся, – тут же спохватился незнакомый мягкий голос, но теперь в нем словно просквозила усмешка. – Именно вам я и собирался звонить. Вам с Алексеем.

– Мы знакомы? – продолжал вести беседу шеф, все еще щурясь. Его пальцы принялись машинально собирать «Грача». – Или, быть может, вы знакомы с моим сотрудником? Не

могу узнать ваш голос.

– Мы все трое знакомы косвенно, – подтвердил незнакомец. – Через моих детей, коих вы все еще норовите обижать...

– Детей? – Леша от удивления икнул, а брови Покрышкина полезли вверх, едва не коснувшись края шлема. – Каких еще детей? Что вообще означает этот звонок?

– Он означает предупреждение, – спокойно и раздельно произнес странный мужчина с мягким голосом, заставив Матвеева задержать дыхание. – Поскольку вы не готовы поверить моей пастве, я, словно Иисус Фоме, буду вынужден пояснить лично. Показать раны от копья, так сказать... С другой стороны, мне это совсем не сложно...

– Знаешь-ка что, приятель? – все еще собирая пистолет, но глядя куда-то мимо Матвеева, сквозь зубы произнес Покрышкин. – А иди-ка ты на...

– Не стоит так горячиться, господин Покрышкин, – с какой-то неясной бравадой воскликнул голос, прерывая на полуслове. – Или, быть может, мне стоит величать вас несколько иначе?

Павел вдруг нахмурился, поник плечами, но грубый ответ проглотил. Глаза его теперь и вовсе превратились в крохотные щелки.

– Что за хамство, право слово? – притворно возмущился звонящий. – Берите пример со своего сотрудника, в конце концов – помалкивает, вежливо слушает. На чем я остановился? Ах, да... Как вам уже было сообщено, причем не один раз, не трогайте бастион. Вообще. Чтобы не рисковать, и вовсе прекратите работу. Может быть, отпуск? На месяцок, например? Осмелюсь профинансировать, если угодно. Куда желаете? Норвегия, Исландия? Могу организовать даже тур в Антарктиду.

Покрышкин сокрушенно молчал, глядя перед собой и играя желваками. Леша, боящийся издать хотя бы невольный звук, притих, напротив. В его висках толчками пульсировала кровь, а рука с АйПи-фоном начала предательски затекать.

– Кто вы, – наконец не выдержал Павел, но голос на этот раз повышать не стал, – черт побери, такой? Если отец кого-то из задержанных мной наркоманов или ныряльщиков...

– Нет-нет, что вы! – с явной улыбкой в голосе изумился незнакомец. – О своей пастве, как о детях, я говорил в переносном смысле. А к финансово успешным родителям неразумной молодежи отношения не имею вовсе. Я – Бог. Молодой, но очень могущественный.

И замолчал, позволяя насладиться произведенным эффектом.

Матвеев взглянул на шефа, неуверенно покрутив у виска пальцем, а тот устало откинулся на спинку кресла, растирая лицо ладонями. Если начальник и разделял предположения напарника, вида не подал.

– Чудесная шутка, – со сдерживаемой злостью произнес он, дотягиваясь до бутылки с алкоголем. – В таком случае я – Микки-Маус, а напротив сидит племянник Будды.

– О, сарказм неуместен, – тут же ответил незнакомец, – в моих словах нет ни капли юмора или метафоры. Я действительно новое Божество, и у вас еще будет время услышать обо мне подробнее.

– Знаете что? – Покрышкин склонил голову набок, будто рассматривал какую-то необычную картину. – Мне начинает надоедать этот нелепый диалог...

– Хорошо, я докажу, – мгновенно парировал странный человек на другом конце соединения.

А в следующую секунду в помещениях «Кобрятки» погас свет.

– Леша, к стене... – только и успел скомандовать Павел.

Наполненная стопка полетела на стол, когда шеф проворно выскочил из кресла, снимая «Грач» с предохранителя и досылая патрон. Утреннего света, пробивавшегося сквозь жалюзи и тонировку, хватало, чтобы в кабинете не воцарилась крошечная тьма, но оба сразу вспомнили притон...

– Не стоит волноваться, – произнес незнакомец в динамиках АйПи-фонов, после чего свет зажегся как ни в чем не бывало. – Это лишь демонстрация, не более. Чтобы пресечь

разговоры о нелепости моего звонка...

Покрышкин занял позицию справа от двери в офис, жестом приказав напарнику забиться еще дальше в угол, чтобы не было видно ни от входа, ни от окна. Едва он приложил ухо к косяку, прислушиваясь к звукам в коридоре, разом включилось сразу несколько приборов.

АйПи-станция шефа внезапно активировалась, отправив задачу компактному печатному комбайну сбоку от стола; кондиционер над дверью вдруг остановился, плотно смежив пластиковые шторы; небольшой стереовизор, установленный на сейфе, принялся беспорядочно переключать каналы, хаотично играя с громкостью.

У Матвеева в горле встал кусок бутерброда. Растерявшись и наблюдая за безумием техники, он жадно ловил каждый жест шефа, с беспокойством ожидая его реакции. А тот, застыв у двери с пистолетом в руке, словно чего-то выжидал.

Приборы отключились столь же неожиданно, как начали работу. Погас объемный экран стереовизора, перестал шуметь вентиляторами блок АйПи-станции. Кондиционер ожил, вновь наполняя комнату прохладой.

Дотянувшись до печатного устройства, Павел выдернул из лотка лист бумаги, с усмешкой прочитал и развернул к Матвееву.

«УВЕРУЙТЕ» – крупным шрифтом было отпечатано на листе, и от этого единственного слова Алексею вдруг почему-то стало плохо. Почувствовав, что напряжение спадает, он тяжело опустился на ближайший стул и перевел дух.

– Желаете еще демонстраций? – поинтересовался вежливый голос, и Леша вдруг спохватился, что до сих пор прижимает к уху свой аппарат связи.

– Нет, не нужно, – ответил Покрышкин, оставаясь на посту у дверей. – То, что вы имеете несанкционированный доступ к виртуальным сетям, мне ясно и так. Думаете, что добились в этом божественного просветления – ваше право. Но что понадобилось от меня? От нас вам чего угодно?

– Повторюсь, – согласился незнакомец, – это предупреждение. Не трогайте бастион и его детей. В следующий раз придется применить силу, и это будут не просто мои невыспавшиеся дети... Уходите в отпуск, перестаньте брать контракты. В случае необходимости компенсации я готов это обсудить. Еще вопросы будут?

Глядя на технику, только что подчиненную воле неведомого взломщика сетей, Покрышкин задумчиво пожевал губу. Хакерство еще десятилетия назад стало столь распространенным явлением современного мира, что ему не удивлялись – с развитием электроники и появлением новых стандартов и унитарных форматов техники виртуальные преступники могли взломать что угодно, от проигрывателя музыки до государственной базы данных. Но сейчас, глядя на шефа, Матвеев подумал, что речь идет вовсе не о каком-то обычном хакере...

– В таком случае, – вероятно решив, что молчание Покрышкина является ответом, подвел черту незнакомец, – позволю себе попрощаться. Надеюсь, надолго...

И связь прервалась, позволив Леше наконец-то опустить затекшую руку. Сглотнув комок, стоящий в горле, он ждал, что скажет шеф. И тот сказал. Сорвав с уха передатчик и швырнув его на стол меж банок. Бросив следом пистолет. Сказал негромко, но цветасто и с фантазией, заставив Матвеева вспомнить матерых вахтовиков, чем-то крепко раздосадованных.

Проверив, закрыт ли дверной замок, Павел вернулся в кресло. Задумчиво подобрал опрокинутую стопку, наполнил ее до края. Выпил в тишине, хрустнул огурчиком. Алексей, выбравшись из угла, тоже вернулся к столу.

– Значит, все дело в некоем гаденыше, умеющем ломать? – негромко пробормотал Покрышкин, с прищуром глядя на напарника. – А ведь сдается мне, Леха, ты прав оказался. Насчет программ психотропных. Дилер это, как пить дать. Может быть, даже и разработчик. А эта братия нашу ох как не любит...

Спустя несколько минут после этого странного и тревожного звонка на Матвеева вновь

навалилась усталость. Он неловко облокотился на край стола, вполуха прислушиваясь к рассуждениям шефа. В голове гудело, ноги стали тяжелыми и ватными. Озадаченно нахмурившись, Леша вспомнил, что Павел обещал отвезти его домой. Однако у того, казалось, есть свои планы на наступающий день.

– Ну-ка, Лешик? – Павел что-то протянул стажеру, свободной рукой открывая баночку с энергетическим напитком. – Выпей-ка вот. Сейчас спать не время, пока железо горячо. А как хоть один ответ получим, на крыльях домчу до квартиры твоей, обещаю...

Матвеев машинально принял из рук начальника две крохотные красные таблетки, бросил их в рот и запил энергетиком. Реакция наступила почти мгновенно, через несколько секунд. Сердце забилось чаще и ровнее, в лицо словно плеснули прохладной водой.

Леша непроизвольно выпрямился на стуле, хрустнув шейей, и с удовольствием сделал еще один глоток. Конечно, через несколько часов организм вззоет уже по-настоящему, осознав, как жестоко обманут. Но это будет лишь через несколько бесконечных часов...

Покрышкин тем временем тоже принял таблетку – как догадался Алексей, против опьянения.

– Вот ведь прав Ломовой, черт эдакий! – недовольно фыркнул Павел, запивая таблетку водой. – С нашим графиком работы от горячительных никакого удовольствия. Только водку переводить...

Он встал, накидывая на плечи кобуры.

– Мне одному показалось или звонивший вел себя так, будто прослушивал нас? – чувствуя прилив сил, поинтересовался Матвеев, снимая одежду с вешалки.

– Не показалось тебе, – кивнул Покрышкин. – Завтра же проверю весь этаж. Хотя, как сам понимаешь, от профессиональной прослушки не убережешься... Он может нас слушать и через окна, и через стены. Через технику может, через системы офис-центра. Способов сотня. И это лишний раз доказывает, что мы раскопали что-то интересное. – Он взглянул на стол, где среди упаковок и банок, чуть забрызганный водкой, лежал брикет винчестера. – Если ты прав, Леша, тут куча любопытного. Иисус доморощенный нам на это почти напрямую указал, не так ли? Поэтому прямо сейчас поедem, подай-ка мой плащик, будь ласков...

Покрышкин поправил шарф, принял из рук Матвеева плащ. Надев, спрятал во внутреннем кармане сигареты и коробочку жесткого диска. Спорить с шефом относительно необходимости столь срочной поездки, как сообразил уже Леша, было бесполезно...

– Чемоданчик брать?

– Оставь, не пригодится...

Они вышли в коридор, внимательно прислушиваясь к наполняющей здание тишине. Задержавшись еще на пару секунд, Павел отключил все источники беспроводных сетей в офисе, после чего запер дверь не только на электронный замок, но и на старомодный ключ.

Улица встретила их вставшим солнцем, охотно готовым разогреть воздух и асфальт. Жара была еще вполне терпимой, утренней, а каменный мешок Новосибирска только начинал раскаляться. Надев солнцезащитные очки, Павел и его напарник пересекли парковку, в который раз за эти длинные сутки устраиваясь на передних сиденьях джипа.

Погруженный в раздумья Покрышкин наугад включил радиостанцию и повел машину на юг. Матвеев, которому тоже хотелось собрать мысли в одну кучу, впервые был благодарен шефу за это неловкое транспортное молчание.

Город за бортом машины сверкал ограненным бриллиантом, завораживая яркостью и красотой картины. Солнце билось на куски о бетонные углы высоток, ныряло в тонированные окна жилых домов, поблескивало на хромированном железе перил и ограждений. Как когда-то ночь представлялась человеку чем-то таинственным и полным загадок, так сегодня солнечный полдень подхватил корону романтики, заставляя сердце биться чуть чаще.

Матвеев и впрямь почувствовал, что сердце колотится быстрее обычного. Вероятно, вторая таблетка энергетика была все же лишней... Он откинулся на спинку кресла, искоса

взглянул на шефа.

Наверное, Алексею стоило считать себя счастливым. Первый день на работе, первый выезд на операцию и тут – такое... Вампиры, которых он всегда считал не более чем говорящими овощами в человеческом обличье, ведут себя как истинные потомки Дракулы. Чудаковатый, но открытый Покрышкин учит его обходить системы наблюдения и штурмовать притоны наркоманов. Один из высших офицеров милиции угощает коньяком. Сумасшедшие хакеры угрожают расправой. Что еще готовит ему продолжение дня, Леша даже не хотел гадать...

Размышляя о психе, возмнившем себя богом, Матвеев не заметил, что они уже прибыли на нужное место. Осмотрелся и опешил, вдруг осознав, что тысячу раз бывал в этом районе города, но совершенно не замечал двухэтажного дома-барака, возле которого припарковался Покрышкин.

Казалось, покосившееся деревянное строение носит волшебную вуаль, скрывающую его от посторонних и ненужных взглядов. Кругом высились однообразные жилые муравейники, многоэтажные автоматизированные стоянки для машин, а этот ветхий домишко, которому на вид было не меньше ста лет, мирно дремал среди них, неприметный и серый.

Как потом рассказал Павел, своему отшельничеству в центре города дом был обязан хозяину, год за годом выводившему барак из любых электронных архивов и реестров. Инспекции снова и снова включали дом в программу сноса, но уже через какое-то время он опять исчезал из документов, продолжая кривиться и ветшать меж плечистых соседей...

Выходя из машины, Леша с любопытством рассматривал обшитые досками стены, старенькие пластиковые стеклопакеты, облезлую дверь единственного подъезда. Было заметно, что жильцы нескольких квартир барака еще не спят – из кухонных вытяжек доносился запах еды, колыхались жалюзи, за плотными шторами время от времени мелькали силуэты.

Пока Павел закрывал машину, Матвеев ждал его у подъезда. Ему было странно видеть дверь, лишенную видеофона и камеры наблюдения – лишь табличка с фамилиями жильцов, напротив каждой из которых виднелась крохотная кнопка звонка. Однако подошедший Покрышкин задрал голову, улыбаясь и помахивая куда-то в темный угол под козырьком подъезда, и Леша сообразил, что не всё так просто.

Шеф нажал кнопку одного звонка, следом зачем-то позвонил в другую квартиру, затем снова в первую. Терпеливо прислонился к косяку, вынимая сигареты. Ждать пришлось не очень долго – из скрытого динамика раздался сухой неприятный голос:

– Кто это с тобой, Паша?

– Новый напарник, свой человек.

– Ты на часы смотрел, Покрышкин? – продолжал немолодой мужчина, определенно пребывающий не в настроении. – Хоть позвонить мог?

– Не мог, есть причины. Ну и для столь позднего визита причины тоже, как ты понимаешь, есть. – Он натянуто улыбнулся темному углу, затягиваясь сигаретой. – Давай открывай...

Будто послушавшись этих слов, внутри хлипкой с виду двери защелкали отпирающиеся замки.

– Поднимайтесь, я на втором, – пробормотал динамик, отключаясь.

– У него что, двухъярусная квартира? – невольно удивился Леша, вслед за шефом входя в полутемный подъезд.

– Увидишь, – отчего-то улыбнулся тот, закрывая за ним входную дверь. – Кстати, можно не разуваться...

И он уверенно повел напарника к лестнице, после чего Матвеев всё понял. Не сразу, конечно, но почти – заглянув в приоткрытые двери трех квартир на крохотной лестничной площадке. Рассмотрев пучки проводов, убегающих из-за одной двери и скрывающихся за другой. Сначала подумал, что они попали в коммуналку, где никто не отгораживается от

соседа дверью или засовом, но затем понимание всё же пришло.

Дом, от его фундамента до крыши, принадлежал одному человеку. Тому самому, к которому они поднимались по скрипучим ступеням старенькой лестницы. Всё остальное – тени в окнах, запах варящегося борща или колышущиеся шторы, – было работой механизмов, наполнявших каждую из шести квартир барака. Алексей разглядел магазинные манекены, установленные на подвижные штативы, специальную машину, выстреливающую в форточку струйки сигаретного дыма, кухонный комбайн, неспешно готовящий пищу.

Сам хозяин этого странного во всех отношениях места встретил их на площадке второго этажа.

– Роман Давидович, – представил Павел худощавого старика, с лестницы казавшегося просто великаном, – но можно просто Мастер-Чиф. Это, Мастер, мой новый напарник – Алексей.

Старик чинно кивнул Алексею, старомодно потряс руку Покрышкина. Казалось, он лишь из вежливости мирится с поздним визитом гостей, недовольно поджимая морщинистые губы.

Если знакомый шефа и напоминал упомянутую ранее черепаху, то только потерявшую панцирь – больше Мастер-Чиф был похож на ящерицу или змею. Высокий, худой, морщинистый, он выглядел словно ушедшая на позднюю пенсию рок-звезда. На плечи ниспадали седые редкие космы, узловатые пальцы теребили висящую на длинной шее безделушку. Одет Роман Давидович для своего возраста тоже был весьма импозантно – в потертые обтягивающие джинсы, застиранную черную футболку с абстрактным узором на груди и замшевые мокасины.

Обернувшись, он молча побрел в ближайшую квартиру, чуть шаркая ногами. Последовавшие за ним гости с интересом разглядывали убранство комнат – Павел вскользь, Алексей с откровенным удивлением. Потому что, если на первом этаже дома еще можно было обнаружить кровать или кухонную печь, то второй этаж был заставлен исключительно столами и верстаками.

На них, кое-где разложенная в строгом порядке, а кое-где громоздясь бесформенными грузами, хранилась разобранная электроника. Много. Очень много, причем среди плат встречались как совсем новенькие, так и двадцатилетней давности. А в одном месте Леша разглядел скопище и вовсе ламповой техники прошлого века, какую можно было встретить только в музее. Стены покрывали обои, по большей части отклеивающиеся и местами ободранные, деревянные перекрытия скрывал старенький линолеум.

Однако рабочий кабинет Мастер-Чифа музей не напоминал совершенно. Больше он походил на стерильный центр оперативного управления в штабе армии или, на худой конец, лабораторию Силиконовой долины. Светлые стены, белоснежный потолок, отсутствие окон, мягкий молочный свет ламп, едва уловимое дыхание кондиционера.

Несколько столов вдоль стен были сплошь заставлены АйПи-станциями – современными, мощными, удобными. Дисплеи объемного изображения проецировались прямо из массивных столешниц, клавиатуры с изменяемой геометрией были развернуты и ювелирно настроены именно так, как было удобно хозяину.

Напротив этого царства техники расположился пульт наблюдения за системами охраны. Тут тоже были мониторы, но постарше, двухмерные, хоть и проекционные. Целая настенная мозаика крохотных дисплеев позволяла следить за происходящим в доме и за его периметром. Рядом расположились верстаки с набором старинных виртуальных шлемов и перчаток, а также массой незнакомых Матвееву гаджетов. А в соседней комнате через неплотно прикрытую дверь виднелся...

– Осуждаете ныряльщиков, молодой человек? – перехватив его жадный взгляд, со скрипучим недовольством в голосе поинтересовался Мастер-Чиф. – Или просто боитесь того, о чем знаете только из гляцевых журналов?

Все той же шаркающей походкой он неторопливо добрел до двери, прикрывая ее. Необычный угловатый гроб исчез из виду, а слова хозяина дома заставили Матвеева

вспыхнуть. Столь же неспешно Роман Давидович опустился в громадное кожаное кресло, царственно занимавшее всю центральную часть комнаты.

– Вероятно, Павел не предупредил вас, что я тоже своего рода... как это сейчас принято говорить... вампир? – поинтересовался он, отбрасывая седую прядь и поворачиваясь боком.

Разъемы на его морщинистой коже располагались необычно – почти на шее под правым ухом, и были совсем не похожи на современные порты ныряльщиков. Скривившись в подобии победоносной улыбки, старик расправил волосы.

Покрышкин, молча наблюдавший за демонстрацией из дальнего угла, лишь усмехнулся и покачал головой. Если Леша правильно расценил этот жест, то он означал: не дергайся, Лешик, просто дай старику провести все необходимые ритуалы, а уже потом переходить к делу...

– К вашему сведению, молодой человек, – поучительно продолжал Мастер, со старческим прищуром изучая Матвеева, – я прошел через процедуру вживления еще в конце двадцатых, когда о глубинном нырянии только начинали говорить. Конечно, современная техника имеет гораздо больше возможностей. Не тот спектр передаваемых эмоций или ощущений, не то погружение... Но, в отличие от вампиров, я до последней секунды контролирую свое пребывание в виртуальном мире. Я – один из последних людей, слившихся с машиной в симбиозе, а не позволивших поработить свои чувства виртуальному суррогату жизни.

Он говорил так, словно хотел проучить за неосторожный взгляд, брошенный на гроб. Алексей, не очень понимавший, как реагировать на затянувшуюся тираду, просто молчал, изредка кивая. Ему казалось, что так он выглядит как минимум вежливо. Однако в какой-то момент Покрышкин все же не удержался, беззлобно усмехнувшись:

– Ты ему еще про Вовку расскажи...

– Про какого Вовку? – Леша был рад отвести взгляд от бесцветных глаз Романа Давидовича.

– Не про какого, а про какой, – туманно поправил старик, развернув махину кресла в сторону Павла. – И расскажу, а что? Молодежь должна знать историю падения мира... – Он плавно вернулся в прежнее положение, вновь глядя на Алексея снизу вверх. – Вовка – это сленговое сокращение названия старинной игры «Ворлд оф Варкрафт», одного из самых успешных онлайн-проектов на Земле. Миллионы пользователей, сотни миллионов заработанных и растраченных долларов. Космические объемы информации. Годы потерянного игроками времени. Так всё начиналось, именно так...

– Ну хватит уже, Мастер. – Продолжая улыбаться, Покрышкин подошел к креслу сзади, наваливаясь на спинку и фамильярно нависая над стариком. – Хорош моему напарнику мозги пудрить нотациями, у нас и без того непростая ночь была...

– Никакие это не нотации. – Роман Давидович извернулся, погрозив Павлу костлявым пальцем. – Твой напарник работает с вампирами, поэтому должен знать, что стояло у истоков эпидемии.

– Неужели вампиризм... ныряние, как-то связано с онлайн-играми прошлого? – решившись вступить в диалог, осторожно спросил Алексей.

– Лично я считаю, что да, – кивнул Мастер-Чиф. – Как первый искусственный спутник планеты дал толчок к сегодняшней колонизации Луны, так и многопользовательские игры дали импульс к развитию онмайндовых проектов. Вы ведь, молодой человек, знаете, что такое онмайндовые проекты?

В ответ Леша лишь покивал.

Конечно, он знал, причем еще до начала работы в «Кобрятке». Это знал любой, кто так или иначе сталкивался с сетью и ее приятными жадными щупальцами. Как и понятию «вампир», именно братьям Бескровным мир был обязан новому термину «онмайндовый», объединившему все игры, социальные проекты или рабочие программы, требующие глубокого погружения в виртуальность. И если еще в начале века сетевые продукты определялись серым понятием онлайн, то уже к двадцатым годам в обиход человечества

прочно вошла яркая маркировка онлайнд. Микросхема в мозг, специальные платы в нервные центры, разъем, гроб – свобода. Проекты «на линии» уступили трон проектам «на сознании», и Матвеев считал, что более меткой характеристики происходящему придумать было нельзя.

– Ну ладно, Мастер. – На этот раз Покрышкин тряхнул кресло, заставляя необычного старика сменить тему. – Хватит. Мы в другой раз заедем обсудить проблемы глобального порабощения разума, ладно? А сейчас лучше взгляни на это...

И он вынул из кармана жесткий диск, передавая Роману Давидовичу. Прикосновением пальца к виску тот подстроил вживленную в глаза оптику, с интересом принявшись вертеть устройство в руках. Похмыкал, поцокал, покачал головой.

– Понимаю, что еще можно сказать, – целый набор статей УК. Незаконное проникновение в жилище, воровство, неправомерный доступ к частной компьютерной информации, наверняка еще и нанесение телесных. Вижу, в этой коробочке кроется изрядный набор, лет на пятнадцать потянуть может...

– Ой, Роман Давидович, я тебя умоляю, – покривился Покрышкин, – не учи ученого, ладно? Я Уголовный кодекс не только чту, но и знаю.

– В таком случае, чего ты от меня хочешь, Паша? – Вопрос сопровождался пожатием худых костлявых плеч. – Чтобы я рассказал тебе его характеристики? Скорость, объем, производитель?

– Нет, Мастер. – Покрышкин обошел кресло, опираясь бедром на столы с АйПи-станциями затворника. – Показав тебе этот винт, я просто хотел привлечь внимание. А уже после того, как я закончу свой рассказ, ты подключишь эту коробку к своим шайтан-машинам и уже, в свою очередь, поведаешь нам что-нибудь интересное. Леха, ну-ка притащи пару стульев, я в соседней комнате видел. А то, пока не снахальничаешь, от нашего хозяина и предложения присесть не дождешься...

Рассказ Павла занял не больше пятнадцати минут. Леша принес стулья, они сели по разные стороны от огромного черного кресла, и шеф Матвеева принялся делиться подробностями ночных приключений. Рассказывал подробно, почти ничего не тая, умело отбрасывая маловажные моменты и акцентируя нечто необычное.

Слушал старик заинтересованно, кивая и поднимая седые брови, но вопросы задавать не торопился. Всё это время его узкие пальцы жили, казалось, собственной жизнью – одновременно Мастер-Чиф подключал трофейный жесткий диск к одной из своих машин, причем делал это через многочисленные переходники и фильтры.

К моменту, когда Павел в своем повествовании дошел до странного звонка, стереодисплеи на столах Мастер-Чифа ожили, засверкав красочными переливами. В воздухе повисли объемные таблицы и символы, замерцали графики, с которых старик не сводил внимательного взгляда. Расстегнув напульсник на левом запястье, Роман Давидович обнажил нейроразъем, присоединив к нему одну из АйПи-станций. От мельтешения картинок и строк, будто искры пляшущих над столешницей, у Алексея зарябило в глазах.

Покрышкин закончил, задумчиво откинулся на спинку стула и вынул сигареты. Спихватился, виновато осмотрев светлую комнату, спрятал обратно. Продолжая колдовать над содержимым винчестера, Мастер начал деловито задавать вопросы:

– Ты не мог случайно нарушить протокол подключения к сети? Когда будил вампиров?..

– Обижаешь... не первый год в деле и суть вопроса знаю в деталях... Да и пятерых подряд?

– Резких сигналов пробужденным тоже не давал? Свет в глаза, громкие звуки?

– Нет.

– И версию с наркотиками, как говоришь, уже проверили?

– Насколько это возможно. Последнее слово скажет лаборатория знакомых ментов.

– Отследить звонившего пробовал?

– Ну... попробовал своими скромными силами, но я уверен, что он был хорошо прикрыт и от более профессионального слежения.

– Это мы сейчас выясним... – Одной рукой, подключенной напрямую к машине, старик продолжил ковыряться в содержимом трофея, а другой принялся что-то набирать на проекционной клавиатуре соседней АйПи-станции. – Номер, я полагаю, ты не менял?

На последний вопрос, явно риторический, Покрышкин не ответил. Почесал лоб под летным шлемом, принялся задумчиво вертеть в руках зажигалку. Было видно, что ему жутко хочется курить.

– Странно, – поглядывая то на один, то на другой дисплей, пробормотал Мастер-Чиф через пару напряженных минут. – Если верить моим данным, звонок на ваши аппараты был сделан не через сети российских операторов связи. И не через зарубежных. И не через сетевых. И не через онмайндовых, которых сейчас развелось, как мошки€ над болотом...

– С Луны он нам звонил, что ли? – покривился Павел, потирая краснеющее ухо.

– И не с Луны, это я тоже проверил, – задумчиво отозвался Мастер-Чиф. – Он звонил из ниоткуда. Вероятно, настоящий профи... Профессионал и псих... Интригует. Сейчас оставим, Паша, раз все так непросто, но позже я обязательно уделю этому минутку...

Было видно, что Роман Давидович не лукавит – кто-то со способностями, не уступающими его собственным, только что бросил Мастер-Чифу негласный вызов. Пройти мимо старик явно не мог, это было очевидно и после получаса общения с ним.

– По поводу винта порадовать тоже не могу. – Он склонил голову, вчитываясь в парящие над столом строки программного кода. – Обычный винт ныряльщика, ничего интересного или запретного. Онмайндовая операционная система, программы подключения и серфинга, несколько проектов, в том числе «ВарХрониклз». К нему еще дополнение, в начале осени вышло, я что-то про это слышал.

– А что за дополнение? – Матвеева вдруг кольнуло в бок.

– Вот, – Роман Давидович погрузил иссохший палец в объемный дисплей, указывая на знакомый обоим охотникам логотип, – «ТХБ». По слухам, нечто революционное. Сам еще не изучал, но издатель сулил настоящий переворот в классе онмайндовых миров... Расшифровывается, если не ошибаюсь, как «Триумф Хрустального Бастиона»...

В комнате стало очень тихо. Мастер-Чиф, почувявший перемену настроения гостей, глянул по сторонам, удивленно поднимая брови. Павел и Алексей сидели на стульях прямо, будто аршин проглотили. Смотрели друг на друга, словно пытаясь установить телепатическую связь, и почти не моргали. Казалось, они даже перестали дышать.

– Значит, бастион, – наконец процедил Покрышкин, во второй раз машинально схватившись за сигареты. Зло помял пачку в пальцах, спрятал. – А чуть подробнее, Рома, ты можешь про это дополнение рассказать?

– Могу, конечно. – Вовсе не оскорбившись фамильярностью, старик повел худым плечом. Он искоса наблюдал за поведением гостей со смесью интереса и легкого недоумения. Перевел взгляд на экраны. – Только я не очень понимаю, что именно ты хочешь...

И вдруг тоже замолчал, всматриваясь в одному ему понятные строки и символы. Выпрямился в кресле, засеменил ногами, подъезжая поближе к столу. Свободной рукой отбросил волосы назад. В пальцах невесть откуда оказалась резинка, и Мастер-Чиф одним цепким движением перехватил седые космы в хвост. Выудил из системного блока длинный гибкий щуп, подключил его к разъему за ухом.

– Что случилось? – негромко, но настойчиво спросил Павел. – Что-то нашел?

– Возможно, – протянул Роман Давидович. – Пожалуйста, Паша, побудь тихо, мне нужно кое-что проверить...

И его правая рука погрузилась в голографическую клавиатуру, запорхав над летающими клавишами и ловко управляясь с трехмерным манипулятором. В кабинет вернулась тишина, лишь гудели машины и негромко дышала система кондиционирования. Время от времени Мастер-Чиф что-то бормотал, общаясь сам с собой, но Матвеев не мог разобрать ни слова.

Энергетические таблетки всё еще действовали, не позволяя усидеть на месте и тем

более молчать. А потому Алексей, против собственной воли, ерзал на стуле, надеясь, что этим не сильно отвлекает маэстро от работы. Покрышкин, изнывающий совсем от другого, тоже начинал раздражаться все сильнее. Вертел в руке зажигалку, поглядывая то на старика, то на дверь, и кусал губы.

И в тот момент, когда шеф Алексея уже был готов выйти в подъезд, чтобы все же выкурить сигарету, Роман Давидович выдернул из-за уха щуп и вальяжно откинулся на спинку кресла.

– Если я ничего не путаю, – неспешно начал он, но за мягкостью голоса определенно крылось подавленное возбуждение, – то вы нашли настоящую бомбу...

– Давай же, не томи! – Не скрывая раздражения, Покрышкин рубанул рукой воздух.

Встал со стула, принявшись мерить комнату шагами, поглядывая то на экраны камер наблюдения, то на объемные таблицы с содержимым вампирского винчестера.

– Дело, дорогие мои, – Роман Давидович задумчиво сцепил пальцы, – вовсе не в наркотиках. Конечно, мне предстоит еще самый настоящий взлом «Бастiona»... а я взломаю его, даже если на это уйдет неделя... так вот, уже на первый взгляд я могу сделать кое-какие выводы. Кстати, никто не хочет кофе? Или, может быть, чай? У меня есть с бергамотом...

Алексей от такого резкого поворота в разговоре даже поперхнулся, а Павел шумно выдохнул, шагая к двери.

– Иди ты, Мастер, со своими шуточками... я курить...

– Да подожди ты, – лицо старика расплылось в довольной улыбке, – и не злись. Пошутить уже нельзя, что ли? Алексей, вы уж последите, чтобы ваш начальник пилюли для успокоения принимал, а то с такой работой нервные клетки разрушаются быстрее обычного...

– Издеваешься, Рома? Может, не надо? Не заставляй меня применять силу, а? – По всему было видно – подобным образом Павел позволяет играть с собой очень и очень немногим. Роману Давидовичу отчего-то позволял, несмотря на побагровевший лоб и раздувающиеся ноздри. – Ты долго будешь ломать комедию?

– Ладно-ладно. – Требуя примирения, Мастер-Чиф показал Покрышкину открытые ладони. – В двух словах постараюсь... Как я уже сказал, дело не в наркотиках. Дело в самой программе. Это не простой онмайнд. Это уникальная и очень тонкая система, позволяющая вступать в прямой контакт с сознанием человека. А еще – с бессознательным. Изучать его и, возможно, оперировать. Вносить изменения. Корректировать. Видоизменять.

– Это в двух словах? – все еще потирая уши, недовольно спросил Павел.

– Я хочу сказать, – терпеливо продолжил Роман Давидович, – что эта программа позволяет управлять сознанием вампиров. Программировать их на необходимые действия, пока они мирно толстеют в своих гробах. Теперь доступно?

Теперь было доступно. Уже сунув в рот сигарету, Покрышкин словно забыл, что собирался выйти в коридор. Он невидящим взглядом смотрел на объемные дисплеи Мастер-Чифа, пытаясь сопоставить факты и новую информацию. Сопоставлялось, судя по всему, гладко и четко, как простенький пазл.

А вот последовавшего затем разговора Матвеев почти не понял.

Павел вдруг начал сыпать компьютерными и сетевыми терминами, о существовании которых Леша даже не подозревал. Тем более не подозревая, что они известны этому простенькому крепкому мужичку, похожему на фермера из Болотного или Чулыма.

Мастер отвечал быстро и столь же загадочно, будто двое принялись играть в словесный пинг-понг на специальном секретном наречии. Выхватывая из диалога отдельные фразы, вроде «релятивность погружения» или «время отклика», Алексей попытался сделать из услышанного собственные выводы.

Выходит, конечно, если верить Роману Давидовичу, что они столкнулись с одной из запрещенных программ. Опасных программ, подчас смертоносных... Точнее, с ее вариацией, спрятанной в самой популярной и массовой «альтернативной жизни» на Земле. Причем не с разработкой, но уже с работоспособной версией, на деле проявившей себя и свои

возможности.

Леша вспомнил агрессивность вампиров, и события миновавшей ночи принялись неспешно выстраиваться в стройную линию. От обилия новых вопросов у Матвеева даже заболела голова, и он снова заерзал на стуле. Однако, к его счастью, беседа шефа и старика-хакера уже подходила к концу.

– Я перезвоню ночью, – подвел итог Покрышкин, наконец-то вспомнив о сигарете. – Если узнаешь что-то раньше, звони сам...

– Непременно. – Роман Давидович тяжело поднялся из глубокого кресла. – Теперь меня это волнует не меньше вашего... Идемте, я провожу до прихожей.

С неловкостью осознав, что рад окончанию затянувшейся аудиенции, Алексей вышел на лестничную площадку вслед за начальником. Тот уже дымил, задумчиво вертя сигарету в пальцах.

Затем все трое спустились на первый этаж, где Роман Давидович принялся неспешно отпирать дверные засовы.

– Если будешь общаться со своими ментами, – словно напутствуя в дорогу, сказал Мастер-Чиф, не торопясь открывать последний замок, – пусть изымают продукт из продажи, пока я не смогу выйти на изготовителя или номер зараженной партии. Звони, не теряйся. Всего вам доброго, Алексей.

– И вам, Роман Давидович, спасибо, – отчего-то смутился Матвеев.

Потом Павел еще раз старомодно пожал Мастеру руку, сотрудники «Кобрятки» вышли на улицу, а причудливый старик закрыл за ними тяжелую подъездную дверь, снаружи выглядевшую блекло и обветшало.

– Вот тебе, Лешик, и программка... – Прикуривая новую сигарету от первой, Покрышкин направился к машине.

Набросили капюшоны – припекало уже вовсю, а спящий город, казалось, просто плавал в ярком желтом мареве. На улицы выбирались специальные службы – чистильщики, дневные патрули милиции, ремонтные бригады.

Запиликала сигнализация покрышкинского электромобиля, отпирая дверные замки. Неторопливо докуривая, Павел первым шел к джипу, глядя под ноги.

Где-то на проезжей части гудели асфальтотремонтные машины, но в крохотном дворике возле двухэтажного дома было по-прежнему тихо и одиноко. Только верно нагревался их джип на залитой солнцем площадке да вдоль соседней стройки брели по своим делам двое мужичков. А еще один приближался из-за угла двухэтажного особняка Мастер-Чифа. И еще один шел от шоссе. Да еще двое вдруг пересекли детскую игровую зону, уверенно огигая качели и фонарные вышки.

Запоздало спохватившись, Алексей застыл столбом, глядя на приближающихся со всех сторон людей. Среднего возраста, все в одинаковых солнцезащитных куртках с капюшонами, в темных очках, закрывающих половину лица, крепкие и подвижные... Сначала предчувствие, а затем и горькое ожидание скорой беды нахлынули на Матвеева, от неожиданности чуть не потерявшего дар речи.

– Ам-м... Павел?.. – просипел Леша, вертя головой.

Но Покрышкин уже и без оклика вынырнул из раздумий, мгновенно сориентировавшись в ситуации. Остановился в трех шагах от джипа, что-то быстро прикинул в уме, осмотрелся. Их брали в кольцо, теперь не было ни малейших сомнений – до приближавшихся людей в одинаковых куртках оставались считанные метры. Но Матвеев все еще находился от машины предательски далеко. Непростительно далеко...

Невесело вздохнув, Павел достал «Шершня».

В эту же секунду плечистые парни со всех сторон бросились к ним, уже не пытаясь изображать случайных прохожих. Телескопические дубинки в их руках с характерным свистом приняли боевой вид. Двое бросилось к Матвееву, остальные попытались навалиться на Покрышкина.

Отскочив в сторону, Павел успел выстрелить всего один раз. По двору метнулся

сочный щелчок выстрела, тут же потерявшись в нагромождениях многоэтажек.

Схватившись за короткую иголку, торчащую из груди, первый нападавший отшвырнул ее прочь, но было поздно. Ноги его подкосились, голова безвольно запрокинулась. Сделав в сторону джипа еще пару неуверенных шагов, он завалился на землю, роняя оружие. А потом пистолет выбили из руки Павла.

Удар пришелся по предплечью, снизу вверх. Не успев отдернуть руку, Покрышкин заскрежетал зубами от боли, выпуская «Шершня», и тот по плавной дуге скрылся за машиной. Что произошло дальше, Матвеев рассмотреть не успел...

Справа и слева навалились, первый метко и больно пнул в бедро, а затем что-то обожгло плечи, будто под теплозащитную куртку вылили стакан кипятка. В принципе, Леша умел драться, кулаки в ход приходилось пускать не только в школе. Но против таких противников шансов не имел, и понял это почти сразу.

Вскинул руки, пытаясь прикрыться от следующего удара, но воздух со свистом рассек телескопический штырь, и вдруг стало невозможно вдохнуть. Попробовал прикрыть ухо, но второй нападавший ловко сместился, кулаком припечатал в затылок. Сразу стало тяжело, мир поплыл, а сила притяжения увеличилась в сотни раз. На Алексея вдруг надвинулась земля – плотно утрамбованная ногами горожан, с проглядывающим из-под пыли старым растрескавшимся асфальтом.

Он упал на правый бок, сквозь мутную пелену на глазах наблюдая, как еще двое противников избивают его шефа. Стараясь не потерять сознание, Матвеев с чувством едкой гордости успел подумать, что Покрышкина врагам так просто не взять...

Один из них уже отлетал к джипу, выронив оружие и зажимая руками вмятый в лицо переломанный нос. Ударился о багажник, срикошетил на асфальт, где и остался лежать неподвижно. Второй все еще пытался свалить Павла на землю, в основном целя по ногам или в голову. Но не сумел – отпрыгнув, Покрышкин подхватил упавшую дубинку, принявшись с ловкостью мушкетера парировать сыпавшиеся на него удары.

Если неизвестные дрались молча, сосредоточенно и даже как-то скупно, то начальник Матвеева не ограничивал себя в эмоциях. Он что-то выкрикивал при каждом ударе, успевал осыпать врага отборной матерщиной, когда рвал дистанцию, и столь же злобно ругался, пропуская случайный удар. Темные очки, разбитые пополам, слетели с его лица.

Однако вскоре бой вновь стал неравным – свалившие Лешу крепыши бросились к машине, замахиваясь, словно по команде. Павел, по лицу которого уже стекала кровь, отпрыгнул. Прижался спиной к электромобилю, поднимая дубину и потянувшись за боевым пистолетом. Было ясно – если успеет, картина боя изменится. Если нет...

Призвав на помощь всю злость и отчаяние, Алексей попробовал подняться, чтобы броситься на выручку и хотя бы отвлечь на себя внимание. Но грудь вновь сковала лютая боль, рука подкосилась, и он тяжело упал обратно, подняв облачко горячей пыли. Со стоном задрал голову, Леша увидел, как трое двинулись в атаку, заходя на его начальника с разных сторон...

Воздух расколол выстрел.

Не сухой бесцветный хлопок «Шершня», но сочный и яркий грохот настоящего залпа. Заметавшись среди бетонных гигантов, эхо бросилось вверх, еще несколько секунд звеня в ушах Матвеева надоедливый гулом.

Все трое противников Покрышкина застыли, будто выключенные роботы. Обернулись.

Павел мгновенно воспользовался заминкой, выхватывая «Грача». Отбросил дубину, рванул затвор, твердо прицелился в лицо ближайшему.

Всё изменилось. Нападавшие вертели головами, медленно пятась от машины, но и к лежащему у подъезда Алексею не приближались. Изнывая от боли, он заставил себя перевернуться на спину, взглянув на дом Мастер-Чифа. Радостно вскрикнул, тут же скривившись от нового спазма.

Роман Давидович стоял на пороге подъезда, сжимая в руках огромный, самого страшного вида дробовик. Из ствола, нацеленного поверх голов, еще вился дымок. Волосы

старика были до сих пор собраны в седой хвост, глаза шурились недобро и презрительно.

– Всем застыть на месте, порешу без раздумий, я свое пожил! А тебя, Паша, ни на секунду оставить нельзя, – хмыкнул он, левой рукой почесав выпирающий кадык. Тяжелый ствол в руке даже не дрогнул. – Сразу с хулиганами связался...

Но Покрышкин не стал тратить время на разговоры со стариком. Держа на прицеле ближайшего из трех мужчин, он быстро сместился к их распростертому на земле товарищу, усыпленному «Шершнем». Присел, все так же не опуская пистолета, другой рукой быстро обшарил карманы нападавшего.

Оставшиеся на ногах крепыши не торопились что-то предпринимать. Рассмотрев боевого «Грача», они послушно побросали дубинки, подняв руки. Молчали, словно продолжая оценивать обстановку, но по бесстрастным лицам и легким кивкам Алексей догадался, что они используют ларингофоны.

Словно в доказательство этого, Павел сорвал с шеи спящего противника крохотный передатчик, чувствительный настолько, что позволял не открывать рта. Обучали умению внятно излагать свои мысли в режиме сжатых губ явно не в средних школах города, а потому Мастер-Чиф понимающе присвистнул.

– Ну, друзья, – трогая языком опухающую губу, поинтересовался Покрышкин, – рассказывайте, что все это значит?

Его пальцы продолжали профессионально шарить по одежде спящего. Нашли легкий кастет, связку ключей без брелока, тонкий бумажник с несколькими рублями и без каких-либо карточек или бумаг. А затем на свету полуденного солнца блеснул электронный ключ с маркировкой службы безопасности, но без логотипов или иных опознавательных знаков.

Заметив, что Покрышкин нашел карточку, один из нападавших все же заговорил. Сухо, безжизненно, будто пленный солдат в застенках вражеской контрразведки.

– Это силовое предупреждение, – негромко отчеканил он, глядя то на Павла, то на Матвеева. – Подробностей не знает ни один из нас.

– Ух ты, – усмехнулся Мастер-Чиф, прицеливаясь точно в говорящего. – Смотри-ка, Паша, а ведь ты кому-то крепко дорогу перешел...

Повернувшись к старику, крепыш смотрел точно в ствол жуткого ружья.

– Пожалуйста, уберите оружие, – столь же бесцветным голосом попросил он. – Если вы позволите нам уйти, мы гарантируем, что не доложим начальству о вашем вмешательстве.

– И кто у нас начальник? – с недоброй усмешкой поинтересовался Павел, вертя пластиковый ключ перед глазами.

Как и ожидалось, вступивший в переговоры силовик промолчал. Стараясь не стонать, Матвеев поднялся на ноги, благоразумно уходя с линии возможного огня. Встал в сторонке, ощупывая отбитые мышцы. Жара, словно решившая умножить дискомфорт от побоев, усиливалась буквально с каждой минутой.

– Ну, можем и по-другому. – С пониманием кивнул Павел. – Я вызову своих знакомых ментов, и через полчаса вы запоете звонче, чем детский хор при католическом костеле.

– Через полчаса мы впятером выйдем из милиции, даже не прибегая к помощи адвокатов, – отрезал силовик, и теперь в его голосе мелькнуло что-то, напоминающее эмоцию. Презрение? Гнев? Леша не разобрал. – Полагаю, что решением этой патовой ситуации будет одно – разбежаться в разные стороны. Или начинайте стрелять.

– Сами решим, не торопи события, – огрызнулся Покрышкин, поднимаясь с корточек. Поправил съехавший набок шлем, сощурился от солнца. – Ну, тогда поделись, мил человек, о чем вы хотели предупреждать после того, как переломали бы нам пальцы?

– Сам знаешь, – жестко парировал тот. – Вы продолжаете лезть, куда не следует. Прекратите расследование, уходите в отпуск. В таком случае, вас больше никто не тронет. Мы гарантируем.

– Как много вы гарантируете... – Обогнув джип, Павел вооружился вторым пистолетом. – Значит, от слов решили перейти к делу?

На последний вопрос ему никто не ответил. Возникла нелепая пауза.

– Ты тоже когда-то выполнял приказы, – наконец ответил силовик, поворачиваясь к Покрышкину. – Так зачем пустые вопросы?

– Паша, ну так что, мне кончать этих отморожков или как? – не скрывая веселья, поинтересовался Мастер-Чиф.

Двое нападавших, не участвующие в переговорах, заметно взволновались, обернувшись к старшему и ожидая приказов. Было видно, люди не из пугливых, и если дело вновь дойдет до стрельбы, неподвижными мишенями не станут... Но Павел махнул рукой.

– Проваливайте, – холодно приказал он, кивнув головой. – Забирайте своих тупаков и проваливайте. В следующий раз встречу, стрелять буду не из этого, ясно?

Он помахал в воздухе «Шершнем», но его собеседник лишь покачал головой.

– Разумное решение, господин Покрышкин. Но если мы увидимся вновь, то первыми стрелять начнут мои люди. Это не угроза, не подумайте. Но примите совет – шагните в сторону...

Коротко кивнув своим, он направился к выбывшим из боя коллегам. Подобрал ключи и бумажник, спрятал в карман куртки. Двигался торопливо, но с чувством собственного достоинства, словно и не находился под прицелом. Павел, Леша и Мастер-Чиф терпеливо выжидали, внимательно наблюдая за противниками.

Подхватив бесчувственные тела под руки, нападавшие ретировались, больше не произнеся ни слова. Скрылись за углом ближайшего административного здания.

Вертя отбитой шеей, Алексей осмотрелся – тонированные или заклеенные светоотражающими пленками окна многоэтажек оставались бесстрастны, словно на пустыре перед стареньким баракком ничего не произошло. Даже если выстрел и разбудил кого-то из законопослушных горожан, они предпочли не вмешиваться в происходящее.

Словно прочитав его мысли, Роман Давидович кивнул.

– В этом районе не лезут в чужие дела... за то и люблю... – Он поставил ружье на предохранитель, положил на плечо. – Но милицию вызвать все же могли, так что проваливайте и вы... И кстати, Паша, пожалуйста. Не стоит благодарностей, так сказать.

– Да перестань ты, Мастер, – хамовато оскалился Покрышкин, вертя в руках разбитые очки. – Знаешь ведь, что я долги отдаю...

– Всего доброго, господа. – Роман Давидович хитро подмигнул Алексею, закрывая подъездную дверь. Казалось, происходящее действительно взбодрило старика. – Постарайтесь быть осторожнее.

По мнению российских военных экспертов, настолько ощутимо снизить боевые потери в живой силе (убитыми и ранеными) союзным Вооруженным Силам обороны Индии в текущем году удалось только благодаря использованию новой модели боевого робота «Каштан-4М». Например, потери в сражении под Амритсаром (в сравнении с потерями в оборонительной операции «Малиновый гром») были меньше: российский контингент – на 68%, индийский контингент – на 36%, китайский контингент – на 49%.

Использование бронированных самоходных роботов на гусеничном ходу, оснащенных новейшим автоматическим вооружением, ракетометными установками и современными системами наблюдения за врагом, позволило войскам ВСОИ не только оперативно отреагировать на попытку прорыва демаркационной линии, но и молниеносно контратаковать. Каждый «Каштан», управляемый расчетом из 6 человек, за 1,5 минуты превращался в мобильную стрелковую точку, способную противостоять в огневом бою трем танкам противника или целому пехотному подразделению.

Журнал «Российское военное обозрение», 2021 год.

Уровень загрузки – 27%.

Матвеев повалился на кровать. Прямо как был – в одежде и обуви, раздеваться не было сил.

Казалось, из тела выжали все соки. Действие энергетических препаратов давно

прекратилось, незаметно сменившись крупной дрожью и ощущением ненатуральности происходящего.

За окном давно царил жаркий день, приближающийся к самому пику. Город спал, потев во сне, законопослушно экономя электроэнергию и собственные силы, на улицах было безлюдно и тихо.

Покрышкин, как и обещал раньше, отвез его домой. Не сразу после драки, но почти. Сначала свернули в соседний двор, где Павел из электромобильной аптечки обработал свои раны и дал Матвееву несколько таблеток обезболивающего. Будто заправский доктор, он деловито осмотрел кровоподтеки и ссадины стажера, не обнаружив ничего серьезного. Били профессионально – чтобы разукрасить, но не искалечить.

К сожалению, этого нельзя было сказать о травмах самого шефа. Когда нападавшие поняли, что жертва обороняется пуще ожидаемого, лупить начали на убой. Сломанное ребро и мизинец на левой руке были лучшими доказательствами жесткости подхода, но Покрышкин не унывал.

Выкурил сигарету, затем еще одну. Попил минералки из найденной в бардачке бутылки. А затем принялся рассуждать, включив на проигрывателе беззаботные ритмы Чака Берри.

– Вот что получается, Лешка. – Устроившись на водительском сиденье боком и свесив ноги из машины, он обрабатывал ссадины на лице. – Судя по сноровке дубинаторов и вот этому ключу, работают они в крупной и серьезной конторе. Вероятно, в той же самой, где трудится наш телефонный хулиган с неограниченными возможностями по маскировке. Согласен?

Уже не в первый раз чувствуя себя доктором Ватсоном, Матвеев кивал, поглубже натягивая капюшон куртки. Он стоял перед машиной, лезть в тесное прохладное нутро не хотелось, к тому же на улице поднялся приятный ветерок.

Конечно, Леша был напуган и взволнован. Слишком много событий, слишком непростых событий. Внимательно выслушивая рассуждения шефа, он с опаской ждал, когда тот наконец откровенно поинтересуется, готов ли Алексей уйти с новой работы.

Однако ждал, уже точно зная, что ответит. Вспоминая не вполне уместный задор седовласого Романа Давидовича, он ловил себя на мысли, что нападение неизвестных что-то подстегнуло и в его душе. Что-то, не позволяющее признать чужую победу. Даже если это чревато драками и угрозами...

– Очень хорошо, примем это как факт, – продолжал разглагольствовать шеф. – Значит, за нами следят. Следили в офисе, выследили наш визит к Мастер-Чифу. Однако об украденном с вампирского притона жестком диске речь не вели, а это значит, что и про участие Романа Давидовича им тоже не известно. Так?

– Наверное, – отвечал Леша, пожимая плечами и тут же морщась от боли. Рассуждения шефа на самом деле казались ему весьма стройными.

– Отлично! – Складывалось впечатление, что Покрышкин действительно находил в происходящем что-то отличное. – В таком случае, остается выяснить, что это за структура. Предполагаю, речь идет о частной лавочке, причем вполне законопослушной. Если бы нами заинтересовались органы или бандосы, не кушать бы нам бутербродов своими зубами, причем уже сегодня.

Матвеев поежился, словно на улице было вовсе не плюс тридцать.

– Осталось сдать электронный ключ своим товарищам из сыскного отдела, а затем установить, на кого работали мордовороты. К этому времени, полагаю, Роман Давидович закончит изучение содержимого программы. А может быть, даже вычислит координаты звонившего нам...

И снова Леша кивал, мысленно следя за протянутой Павлом нитью логики.

– Вероятнее всего, – Павел сбрасывал содержимое аптечки обратно в короб кейса, – речь идет о разработке, тестировании и внедрении новой психотропной программы, способной работать в формате онлайновых проектов. О ее разработке русскими светлыми

головушками для последующей перепродажи за бугор, как это у нас в стране до сих пор принято. В нужные места уже занесены крупные суммы наличности, поэтому вокруг вампиров-зомби не поднимается шум, соответствующие инстанции прикрыли глаза. И тут появляемся мы.

– И нас просят не лезть, – закончил мысль Леша, задумчиво потирая подбородок. – Наверное, речь идет о больших деньгах.

– Видимо, – кивнул Павел, извернувшись и рассматривая себя в зеркальце заднего вида. – И именно поэтому, чтобы ненароком не пострадать, мы в пекло лезть не будем.

– Совсем? – с неожиданным удивлением спросил Леша. Ему казалось, что нового начальника не остановит даже тайфун.

– Не совсем, – ухмыльнулся тот. – Разведем, передадим дело куда следует. Пусть вон Ломовой новую звездочку на погоны прикрутит, наша хата все равно с краю будет. Но в баталии кровавые я тебя втягивать больше не хочу, а то еще сбежишь. Хочется ведь сбежать?

И он как бы лукаво подмигнул, в то же время предельно внимательно наблюдая за реакцией напарника.

– Нет, не сбегу, – просто и без лишних эмоций ответил Алексей.

– Хм... – сказал на это Покрышкин, склоняя голову. – Рад, что не ошибся в тебе, Лешик...

И вдруг протянул ему правую руку, широко раскрыв ладонь. Чувствуя неловкость, перемешанную с гордостью, Леша ответил на рукопожатие, уставившись в асфальт.

– Молодцом, Лешка! Так держать! – Павел еще раз кивнул, забрасывая ноги в машину. – На борт, дружище, поехали тебя спать укладывать...

И Алексей, в очередной раз удивившись забавной фамильярности шефа, покорно полез в джип.

Потом они какое-то время колесили по Новосибирску, пытаясь понять, нет ли «хвоста». Довольно быстро выяснили, что никто за их машиной не следил – дороги были пустынные, если не считать карет «Скорой помощи» и патрульных броневиков милиции. И только тогда Покрышкин повез Матвеева домой.

Всё это было чуть раньше, а сейчас... сейчас Леша лежал на кровати, невидящим взглядом уставившись в стену. Синяки болели и медленно наливались цветом, в голове шумело от пережитого и невероятных объемов новой информации. С того момента, как он постучал в дверь «Кобрятки», не прошло еще и суток, но Матвееву казалось, что миновала целая неделя. Он заворочался, вдруг ощутив в кармане что-то угловатое.

Перевернулся на бок, вынимая из кармана забытый пистолет. Сдвинул стоящие на прикроватной тумбе книги и фоторамки, положил оружие рядом. Он не был уверен, что сможет без раздумий пустить пистолет в ход, но от его вида и присутствия становилось чуть спокойнее.

Обессиленно опустившись обратно на подушку, Алексей прикрыл глаза, постаравшись собрать мысли в кучу, и...

Когда он открыл глаза в следующий раз, циферблат на тумбе показывал без четверти семь. Несколько часов, проведенных в тревожном, но глубоком сне, пролетели одним миготом.

Тело ломило еще сильнее, но Леша все же почувствовал, что отдых пошел ему на пользу. Заставив себя опустить ноги с кровати, он сел и принялся расшнуровывать ботинки. Разделся, побросав одежду на стул, устало поплелся в ванную.

Они с Павлом договорились созвониться в районе восьми-девяти. Если будут срочные новости – раньше. Умостив АйПи-фон на зеркальной полочке над раковиной, Матвеев встал под душ.

Он и раньше не очень доверял общему мнению, что теплая вода снимает усталость, убедился в своей правоте и на этот раз. Усталость никуда не ушла, а синие пятна на ногах и спине навевали тоску и болели так, что не прикоснуться. Однако, не лукавя, он все же признал, что душ помог немного взбодриться и скинуть остатки дремоты.

Чуть позже, сидя на кухне и запивая чаем суррогатное картофельное пюре со вкусом

свинины, он вертел в пальцах АйПи-фон, полностью погрузившись в невеселые мысли. Несколько раз порывался набрать номер шефа, но заставлял себя не делать этого. Если есть новости, Покрышкин перезвонит сам, сомнений не было. Но вдруг с ним что-то произошло? Нет, не такой Павел человек, чтобы позволить чему-то произойти – эта не основанная ни на чем вера почему-то придала Алексею уверенности.

Опустив тарелку и стакан в посудомоечную машину, Матвеев вернулся в комнату. Проглотил таблетку обезболивающего. Переоделся в свежее – если Покрышкин позвонит, он хотел быть готовым немедленно выехать в офис. Приподнял краешек липкой пленки, покрывающей окно, выглянув во двор. Вечерело. Пекари и водители общественного транспорта уже отправлялись на работу.

Скользнув взглядом по окнам стоящей напротив бетонной двенадцатиэтажной глыбы, Леша тяжело вздохнул. Он попытался представить, как сотни людей за плотно закрытыми окнами сейчас пребывают в дремотной неге, созданной для них гробами. Куснув губу, Матвеев подумал, что никогда раньше не испытывал такого страстного желания вытряхнуть эти «овощи» из ультракомфортных саркофагов, вернув к настоящей жизни, пусть даже и силой...

Неожиданный звонок в дверь заставил его вздрогнуть, выдергивая из раздумий. С сомнением взглянув на часы, Алексей вдруг услышал, как громко и тревожно заколотилось сердце. Все еще стоя у окна, он прокручивал в голове самые мрачные картины, пытаясь представить, кому могло понадобиться наносить ему столь ранний визит.

В дверь позвонили еще раз, теперь настойчивее, и сердце окончательно ушло куда-то вниз, наполнив живот гадкой тяжестью. Стараясь унять легкую дрожь в коленях, Матвеев вышел в коридор, включая дисплей домофона. Облегченно выдохнул, мысленно проклиная себя за малодушие.

На лестничной площадке, глядя в камеру, стояла Лилия Александровна, его соседка. Хорошая женщина, только жуткая сплетница и болтушка. Пенсионерка, жила одна, со здоровьем не всё в порядке – Леша неоднократно помогал ей что-то сделать по дому, повесить полку или привезти с рынка мешок картошки. Отзывчивая женщина в ответ на это подкармливала соседа разными вкусностями – кулинарные способности самого Алексея назвать шедевральными было нельзя.

Чтобы успокоиться и не дать Лилии Александровне заметить свой испуг, Леша открыл дверь не сразу.

– Здравствуйте, Лилия Александровна, – произнес он в микрофон, нажимая кнопку.

– Доброе утро, Лешенька, – закивала женщина, и Матвеев заметил, что она бледна и явно нездорова. – Ты мне не поможешь, мой хороший?

– Да, конечно. – Отпирая замки, Леша хмурился. Оставалось надеяться, что, постучав к соседу, «Скорую помощь» женщина уже вызвала. – Вы не очень хорошо выглядите, что случилось?

Последнюю фразу он произнес уже в открытую дверь, разглядывая белое лицо пенсионерки и взлохмаченные со сна волосы.

– Ты уж прости меня, Лешенька, что так вышло, – с горечью сказала она, пряча взгляд. – Я не могла по-другому...

– Вы о чем, Лилия Александровна? За что простить-то?

Но уже в следующую секунду Матвеев все понял и сам.

Чьи-то руки мягко отодвинули соседку в сторону, а в дверном проеме возникли две мужские фигуры. Ближайшая сделала шаг вперед, уверенно ставя ногу на порог квартиры.

– Здравствуйте, Алексей, – с ним говорили мягко, но настойчиво, как это умеют делать лишь проповедники и коммивояжеры. – Простите, что потревожили вашу чудную соседку, но другого выхода у нас не было. Как говорится, путь праведника усей богоугодными хитростями, врагу противостоя...

Вмиг похолодев и тут же покраснев от нестерпимого жара, залившего лицо, Матвеев рассматривал говорившего.

Высокий, с коротким ежиком светлых волос, мужчина средних лет выглядел так, словно не меньше половины жизни прожил в жестокой пустыне. Обветренное загорелое лицо было гладко выбрито, узкий подбородок украшала ямочка, серые глаза смотрели прямо и не мигая. Одет он был в длинный солнцезащитный плащ свинцового цвета, такого же цвета ботинок Леша рассмотрел на ноге незнакомца, подставленной так, что дверь стало невозможно закрыть. А во лбу высокого мужчины сверкал изящный бриллиантовый штифт, выполненный в форме креста.

– Меня не интересуют проповеди, – Леша услышал собственный голос как бы со стороны.

Конечно, сектанты и члены различных религиозных течений постоянно ходили по подъездам, навязывая свою литературу или зазывая на сборища. Но с подобной тактикой Алексей столкнулся впервые, и что-то подсказывало ему, что это произошло неспроста.

Лихорадочно соображая, что делать дальше, он надавил на дверную ручку, бросая на Лилию Александровну умоляющий взгляд. Дверь не шелохнулась. Глядя твердо и с легкой насмешкой, высокий проповедник ногу не убрал – вместо этого мягко толкнул дверь на Матвеева. Тут же выяснилось, что помощи от соседки ждать не придется – один из странных миссионеров ласково приобнял женщину за плечи, уводя в ее квартиру. Перехватив взгляд Матвеева, человек с крестом во лбу понимающе кивнул.

– Не бойтесь, Алексей, мы не причиняем вреда праведникам... у вашей доброй соседки лишь побудут в гостях, пока мы не закончим...

Мужчина не уточнил, что именно они собираются заканчивать, но Леше и без того становилось все дурнее с каждой секундой. Проповедник еще сильнее надавил на створку, двинулся вперед.

Наверное, Алексей мог бы попробовать драться. Попытаться отпихнуть наглеца и захлопнуть дверь, попробовать накинуть цепочку, поднять крик на весь подъезд о пожаре или придумать что-то еще. Но он не сумел – так ловко и неожиданно застали его врасплох странные вечерние визитеры.

– Мы пришли не проповедовать, – со стальной ноткой в голосе заявил ему мужчина с загорелым лицом, коротко кивая стоявшим за спиной коллегам. – Но если захочешь, в твой дом будет принесено слово Божье.

И он решительно, на этот раз без всякой мягкости, надавил, заставляя Алексея отшатнуться в глубь коридора. Открыл дверь, быстро входя в квартиру, а следом за ним вошли еще двое. Только теперь Леша смог подробнее рассмотреть других проповедников – оказалось, они выглядят почти копиями друг друга. Одинаковые, похожие на униформу сине-серые плащи с отливом, высокие ботинки, едва ли не армейские, короткие стрижки. Только кресты во лбах у них были попроще – бронзовые и без бриллиантов.

Зашедший последним мягко прикрыл дверь, тут же запирая ее на все имеющиеся замки.

– Что... что вам нужно? – Алексей уперся спиной в стену, затравленно рассматривая непрошенных гостей. – Это что, такое непростое ограбление?

– Воровать грешно, – отрезал человек с бриллиантовым крестом во лбу. – Я смотрю, ты уже одет, Алексей... прекрасно. Обувайся и бери куртку.

Сказано было негромко, но тоном, не оставляющим сомнений. Лидер проповедников стоял посреди коридора, прямой и длинный, как рельс. Один из его сопровождающих тоже был здесь – замер за плечом лидера, не сводя с Матвеева внимательного взгляда. Второй же по-хозяйски сунулся в кухню, санузел и комнату, проверяя. Вернулся через минуту, с довольной улыбкой вертя в руках найденный на тумбе пистолет.

– Обувайся, Алексей, – повторил бриллиантовый крест, брезгливо покосившись на оружие.

– Зачем? – ляпнул Матвеев, выходя из охватившего его ступора.

– Поедешь с нами, нужно поговорить.

– О чем? Зачем куда-то ехать?..

– Протянешь еще минуту, – старший проповедник наклонил голову, глядя на Лешу

исподлобья, – и я разряжу в тебя эту обойму. Потом мои братья отнесут твоё тело в машину, и мы все равно сделаем так, как нужно мне. Какой из вариантов выберешь?

– Первый. – Леша пригладил волосы, рассеянно глядя на полку с обувью. Интересоваться, по какой причине слугитель Господа так откровенно говорит о применении силы, не хотелось...

Принялся обуваться. Снизу вверх поглядывая на проповедников, больше напоминающих головорезов, он заметил, как те принесли с кухни его АйПи-фон. Выключили, вынули батарею и чип-карту, а старший убрал аппарат в карман своего плаща, куда уже положил пистолет.

Завязав шнурки, Леша выпрямился, снимая с вешалки куртку.

– Спускаемся в машину, – скомандовал миссионер со сверкающим крестом, открывая замки. – Без глупостей, Алексей. Не пытайся превратить дружескую, наставительную беседу в допрос, хорошо? И помни о своей соседке...

Выключив с пульта в прихожей всю электронику квартиры, Матвеев послушно поплелся к двери вслед за ним. Колени чуть подгибались, но настоящий страх ещё не пришел, затаившись где-то в груди. В голове стучала лишь одна мысль – о происходящем как можно скорее должен узнать Покрышкин. Не милиция или ФСБ, а именно его новый шеф...

Последний из проповедников закрыл дверь найденным на коридорном крючке ключом, затем двинулись вниз – пешком, неспешно и настороженно. Зажатый спереди и сзади, Леша чувствовал себя заключенным, взятым под конвой. Мир утонул в густом дремотном киселе, погасившем краски и звуки. Все происходило как бы во сне и вовсе не с ним, а с кем-то посторонним. Ведь Матвеева похищали не какие-то бандиты, а представители церкви, пусть и незнакомой. словно спохватившись, он обернулся к замыкающему.

– А вы вообще кто? – Ничего умнее придумать не удалось, но парень с бронзовым крестом во лбу охотно ответил:

– Мы смиренные слугители Международной Христианской Истинной церкви Благословенной Ады Августы Байрон Кинг. – Он мелко и быстро, как это обычно делают католики, перекрестился.

– Ты всё узнаешь в свое время. – Каким-то образом их беседу услышал предводитель воинствующих миссионеров, спускавшийся первым. – Узнаешь и поблаговаришь за нашу защиту. Мы и дом твой покидаем, потому что так безопаснее...

Однако объяснять про церковь не было необходимости – про адистов сегодня не знал только отшельник или тупой. И если в девяностых прошлого века глаза россиянам мозолили Свидетели Иеговы со своей Сторожевой Башней, в тридцатых годах их корону подхватили адисты. Станный и непонятный многим симбиоз христианства и веры в вычислительную технику так быстро и основательно опутал сознание тысяч людей, что течение мигом превратилось в культ.

– Я ничего не понимаю, – попробовал начать Леша, вдруг уловив в голосе лидера сектантов нотки доброжелательности. – Мне угрожает опасность? Может быть, тогда?..

– В свое время, – отрезал тот, не оборачиваясь. – Все поймешь чуть позже. А пока замолчи и следуй за нами.

Из подъезда вышли так, словно Алексей был VIP-персоной, а сопровождавшие его похитители – охранниками высокого класса. Настороженно осматриваясь, его быстро довели до ожидавшего перед крыльцом электромобиля – просторного немецкого микроавтобуса. Внутри было прохладно и уютно, а на мягких откидных сиденьях мог с легкостью разместиться десяток пассажиров. За рулем ждал ещё один парень с бронзовым крестом во лбу, а потому сразу после загрузки машина тронулась с места.

Усевшись напротив, старший миссионер усилил тонировку стекол, не позволяя Матвееву сообразить, куда именно они направляются. И если сначала Леша невольно пытался гадать, следя за поворотами микроавтобуса, то вскоре бросил это бесполезное занятие.

Сел поудобнее, с любопытством глаза на конвоиров. С непроницаемыми лицами они смотрели прямо перед собой, молча и сосредоточенно, будто медитировали или молились. И только лидер группы не отводил от Матвеева взгляд. Говорить начал не сразу, старательно подбирая слова:

– Можешь называть меня старейшиной Захарием. Теперь, когда мы знакомы, Алексей, я хочу задать тебе несколько вопросов. Ты знаком с Библейскими писаниями?

– Приходилось листать, – уклончиво ответил Лёша, удержавшись от ремарки, что визит в его дом стоило начать вовсе не захватом заложников, а именно таким вопросом.

– Сможешь ли в таком случае ответить на вопрос, кто правит миром?

– Бог? – Подчиняясь мягкому, но настойчивому голосу, задумался Леша. – Любовь? Доброта?

Судя по всему, ответы Матвеева новизной не блистали. Захарий кивнул, как учитель кивает не совсем точному ответу нерадивого ученика.

– Значит, ты полагаешь, что это Бог толкает человечество к войнам? Разбрасывает по земле язвы эпидемий и катастроф. Заставляет брата идти на брата, а целые народы сгорать в ядерной и химической лихорадке. Или, быть может, их заставляет делать это любовь?

Матвеев не нашелся, что возразить. Заумные споры никогда не были его коньком, а уж когда дело доходило до дебатов с профессионалами... Он попытался вспомнить все, что читал об адистах. Кажется, они считали своей покровительницей некую Аду Байрон Кинг, еще в начале девятнадцатого века написавшую первую компьютерную программу для аналитической машины, а также придумавшую термины «цикл», «рабочие ячейки» и еще много подобной ерунды, интересной только вампирам и создателям гробов. Кажется, в ее честь даже называли один из языков программирования, ныне устаревший. Кажется, даже признали святой, правда, неофициально...

А вот теологическая основа, на которой базировалась церковь Ады, была не такой простой. Разноцветный коктейль из основ математики, управляющей мирозданием, апокалиптической идеологии и псевдохристианских концепций иеговистов так крепко бил в голову, что адистов искренне считали сумасшедшими. Кто-то рассматривал их как тоталитарную секту, кто-то – как транснациональную корпорацию. А кто-то, и вполне обоснованно, – как международное бандформирование, потому что одним из направлений деятельности церкви Ады Кинг была борьба с вампирами. Зачастую – вооруженная борьба.

Леша не смог вспомнить причин этого противостояния. Возможно, дело было в особенном отношении служителей обновленной Сторожевой Башни к человеческому телу. И если уж те считали смертными грехами переливание крови или замену органов, то их точка зрения на системы жизнеобеспечения гробов была предсказуема и прозрачна. Возможно, истоки конфликта лежали в идеологии – новоиспеченные пророки Благословенной Ады несколько иначе представляли себе единение машины и человека. Как бы то ни было, теперь Матвеев окончательно осознал, что попал в руки не самых нормальных на свете людей...

– Наверное, у вас есть правильный ответ? – уклонился он, наконец обдумав вопрос.

– Есть. – Старейшина склонил голову. – Миром правит падший ангел. Сатана. Библия ясно указывает на это. Не оставляя вопросов или ложных надежд. Ибо сказано, что «весь мир лежит во власти Злого».

– Впервые слышу столь пессимистичную оценку Писания, – осторожно пожал плечами Леша, но Захарий был готов и к подобному недоверию.

– «Называемый Дьяволом и Сатаной, вводящий в заблуждение всю обитаемую землю», – продекламировал он терпеливо. – Когда Зверь искушал Господа нашего Иисуса Христа, тот не отрицал, что Сатана правит миром. «Взял Дьявол его на необычайно высокую гору и показал ему все царства мира и их славу, и сказал ему – все это дам тебе, если падешь и поклонись мне». И тогда Иисус ответил – «Отойди, Сатана». Как ты считаешь, Алексей, стал бы Сатана искушать Божьего сына, если бы на самом деле не владел перечисленными царствами? Сам Иисус не опроверг этого, как обязательно сделал бы, не обладай Зверь

истинной властью.

Он сделал паузу, дожидаясь, когда зерна размышления упадут в душу слушателя. Автобус мягко покачивало, накрывая на поворотах.

– Значит, ответ на поверхности. Миром правит зло?

– Нужно лишь уметь искать. Библия называет Сатану «богом этой системы вещей», – продолжил старейшина Захарий, пытаясь своими безжизненными серыми глазами удержать взгляд Матвеева. – Верующим доподлинно известно, что Сатана правит миром. Причем делает это не один, но с помощью целой армии демонов. Таких же падших ангелов, каким был и сам...

– Демонов? – Алексей все еще не мог понять, куда клонит проповедник. В то, что его выкрали из дома, чтобы просто цитировать Библию, верилось с трудом. – Как в кино?

– Как в кино, – с ноткой пренебрежения согласился адист. – Они владеют душами людскими, творя раздоры и вводя в заблуждение. Спиритизм, общение с умершими, хиромантия и астрология – через эти ложные науки голоса демонов опутывают души честных христиан. Чтобы развивать человеческую склонность к греху, они содействуют появлению литературы и фильмов, пропагандирующих безнравственное поведение и сексуальные извращения. А с недавнего времени к смертоносному арсеналу армии Зверя добавилась всемирная виртуальная сеть и онлайновые проекты.

Он замолчал, и Матвеев забыл отвести взгляд. Теперь он начал понимать, куда клонит сектант. Не то чтобы понимание посетило его, дав ответы на все вопросы. Но нитка, протянутая Захарием через неторопливый рассказ, заблестела в лучах догадок.

Однако продолжить разговор они не успели. Машина остановилась, и сидящие у входа младшие адисты с бронзовыми крестами на лбах тут же открыли дверь. В салон ворвался влажный вечерний воздух, пахло сочной листвой, и еще до того, как выйти наружу, Алексей обреченно понял, что его вывезли за город.

Испугаться не успел. Захарий кивнул, приглашая на выход, и ждущие на улице братья-сектанты расступились, освобождая дорогу. Алексей спрыгнул с высокой подножки, осматриваясь с любопытством и легким страхом. Он все еще не мог поверить, что служители Господа способны вывезти его из города, чтобы причинить вред. Даже такие странные, как эти адисты... Возможно, надежда была наивной, но думать иначе он просто не хотел.

Машина была припаркована на съезде с узкой проселочной дороги, убегавшей в лесок. Когда-то ее заасфальтировали, но это было очень давно – сейчас сквозь покрытие пробивалась трава. Неподалеку от съезда виднелось здание – небольшой домик, похожий на заброшенную закусочную. Окна его были заколочены досками и щитами фанеры, прорехи в крыше закрывали листы жести. Обернувшись, Матвеев разглядел среди деревьев широкую ленту федеральной трассы, ведущей к городу. По ней, сверкая фарами, неслись редкие машины.

Вечерело все сильнее, и после ярко освещенного ночного города лес казался еще более мрачным и непроглядным. В кронах ухала птица, что-то трещало, ветер гонял по полянкам пыль и листья.

– Это не наша церковь, не думай. – Захарий сухо улыбнулся, проследив за взглядом Алексея. – Просто тут тихо и безопасно. Брат Даниил за этим проследит...

Водитель заглушил мотор, вышел из микроавтобуса. Сразу стало ясно, что это и есть упомянутый брат Даниил. Он вынул из кармана потертую книжицу с крестом на обложке, прислонился к теплему боку машины и принялся читать, подсвечивая себе крохотным фонариком-авторучкой. Однако было заметно, что большую часть времени адист наблюдает за окрестными кустами, а вовсе не за содержанием страниц.

Остальные двинулись к домику, и теперь Матвеев заметил, что сквозь щели в заколоченных оконцах пробивается слабый свет. Поднявшись на широкое шаткое крыльцо, они вошли внутрь.

В принципе, Леша вообще ничего не ожидал от внутреннего убранства лесного убежища. Тем сильнее удивился, почувствовав себя разочарованным. Внутри оказалась одна

большая комната, разгороженная ровно пополам самодельной занавеской. Желтые стены, несколько голых лампочек под потолком. Справа, прикрытые занавесом, виднелись ряды потертых деревянных лавок, выставленных рядами, как в зрительном зале сельского клуба.

Слева же открывалась несколько иная картина – несколько мягких кресел и диван были установлены напротив огромной стереовизионной панели, висящей на стене. И пусть модель стереовизора явно не хвастала новизной, впечатление все равно производила. Небольшой холодильник в углу, кондиционер, пара вентиляторов и раскладной стол завершали меблировку лесной кают-компания.

Однако первое уютное впечатление оказалось обманчивым, и Леша вздрогнул, едва его взгляд наткнулся на два охотничьих карабина, висящих на стене рядом с серыми церковными плащами. Он также заметил несколько коробок с патронами и небольшой револьвер, лежащий на полочке под стереопанелью...

Кроме вошедших, внутри оказалось еще двое сектантов – именно один из них открыл усиленную засовами дверь, отозвавшись на условный стук. Как только адисты и их гость очутились внутри, засовы были водружены на место.

– Здравствуй, брат Самсон. – Захарий легко поклонился привратнику, обернулся к Матвееву и протянул руку, указывая на кресла. – А ты располагайся, как будет удобно.

Остальные служители Ады Кинг уже устраивались на отдых, расстегивая плащи и негромко переговариваясь. На Захария и его собеседника никто не смотрел, будто их тут и не было.

– Если тебе будет удобнее, – старейшина перехватил взгляд Алексея, – мы можем поговорить там...

Он кивнул на занавеску и тут же перешел на другую сторону дома, поманив следом. Еще раз покосившись на массивные дверные запоры, Леша шагнул за ним. На металлической струне качнулось тонкое покрывало, создавая иллюзию уединенности. Захарий опустил на ближайшую лавку, Леша сел рядом, невольно осматриваясь.

Тут, как и показалось на первый взгляд, не было ничего, кроме лавок. Только желтая рейка, покрывающая стены, наглухо заколоченные окна и небольшое, совсем крохотное распятие на уровне глаз напротив входа.

– Я хочу, чтобы ты понял, Леша, – мы твои друзья. – Старейшина широко расставил ноги, облокачиваясь на колени и наклоняясь вперед. – Господь не желает тебе зла, он послал нас в помощь.

– Чтобы похитить меня из собственной квартиры? – не сдержался Матвеев, которому начали надоедать витиеватые рассуждения об абстрактных понятиях. – Вы так собираетесь желать мне добра?

– Да, именно так, – кивнул Захарий. – Объяснять что-то – значит терять время. А вдруг бы ты не захотел говорить? А вдруг бы отказался ехать? Не поверил бы нам? И тогда я спросил Господа, и он в милости своей подсказал мне правильное решение.

– Что вам от меня нужно? – Леша почувствовал, как начинает злиться. – Я никогда не был верующим, но и в грешники меня не записать...

– Не торопись, Алексей. – Старейшина поднял ладонь. – Всему свое время. Отсутствие терпения ведет к злости и алчности, они ведут к гордыне и тщеславию, а те заставляют забыть законы Божии. Нетерпение – одно из греховных искушений, я убедился в этом на собственном опыте.

– Уважаемый старейшина Захарий, – Матвеев глубоко вдохнул, стараясь унять раздражение, – пожалуйста, объясните мне, что здесь происходит? Зачем я тут? О какой опасности вы говорите?

Кажется, просьба подействовала, потому что старейшина опустил голову, будто собираясь с мыслями перед полноценным ответом. Из-за тонкой отгородки доносились голоса адистов и монотонное бормотание какого-то религиозного канала.

– Зверь обратил на тебя взор свой, – наконец сказал Захарий, качая головой. – Алчет того, что есть у тебя, подвергает твою жизнь угрозам. Если мы не поможем, он заберет и ее,

и твою душу.

Матвеев закатил глаза. Едва не воззвал к Господу, но вовремя спохватился, что сейчас это было бы не очень уместно. Еще раз вздохнул, будто разговаривал с умалишенным.

– Ну какой еще зверь, уважаемый старейшина?

– Тот, что правит миром, конечно же. – Он вдруг выпрямился, ловя глаза Леша в прицел своих серо-стальных. Лавка под сектантом скрипнула. – Неужели ты ничего не понял из нашего разговора в машине?

– П... понял, наверное, – сбитый с толку этим пронизывающим взглядом, Матвеев даже начал заикаться. – То есть вы считаете, что спасаете меня от самого Сатаны?

– Именно так. – Чинно кивнул Захарий, разом перечеркнув любые надежды на остатки благоразумия. – От него или подручных демонов, разница не велика. Непросто тому, на ком застыл взор волка, Алексей. Но мы поможем, будь спокоен...

А вот это было последним, чего сейчас хотелось Матвееву. Только в этот миг тот понял, что действительно влип, причем весьма капитально. И если в подъезде или даже микроавтобусе Леша не представлял себе всего ужаса картины, то сейчас она позволила осмотреть себя всецело.

– С чего вы вообще это взяли? – промямлил он, чувствуя, как раздражение куда-то ушло.

– Потому что мы – воители армии Господа нашего. – Медленно и величественно Захарий поднялся на ноги, нависая над Матвеевым. – Мы – дозорные Сторожевой Башни, и внимательно следим за каждым шагом врага. Следим там, где первой сделала шаг святая Ада Августа Байрон Кинг, завещав этот путь остальным. Сражение, в которое вступил ты и твой старший товарищ, не миновало нашего внимания. А потому заверяю, Алексей – в этой битве мы выступим одним фронтом, можешь на нас положиться!

– Сражение? Фронт? Старший товарищ? Да вы вообще о чем?! – Леша заерзал, уколовшись сквозь штаны о грубую поверхность лавки, но так и не решившись вскочить. – Вы что, следили за мной?

– Мы следили за противником, отныне ставшим и твоим врагом... – спокойно и хладнокровно молвил Захарий, медленно прохаживаясь по единственному ряду между лавками. – И пусть мы не располагаем полной информацией, но знаем, что вы завладели чем-то важным. Важным для Зверя. Чем-то, что он хочет заполучить, вас столкнув в бездну...

– Зверя?.. Заполучить?.. – не обратив внимания, что бубнит себе под нос, Леша устался на грубые доски пола, наконец-то начиная прозревать.

Этот адист с глазами маньяка действительно думает, что за созданием несанкционированной психотропной онлайн-программы стоит сам Сатана... Он не просто думает так, он в это верит. И еще он считает, что отныне Нечистый начал войну с Матвеевым и его шефом.

Чувствуя, как затекла от напряжения шея, Леша скосил глаза, поглядывая на дверь. Сбросить засовы и бежать в лес... Но там, снаружи, ждет брат Даниил. Да и куда бежать? К трассе? Догонят. А кто их, психов, знает – быть может, после этого разговор пойдет совсем по-другому...

– Что вам от меня нужно? – стараясь держаться как можно спокойнее и бодрее, спросил он.

Захарий остановился рядом, сверля глазами. Кажется, пытался угадать, насколько его собеседник поверил словам о Звере. Наконец присел обратно, вновь оказавшись напротив Матвеева.

– Нам нужно нечто, за чем охотится Сатана и его слуги. Нечто, что они хотят у вас забрать. И еще нам нужны любые данные на эту тему. Ваши версии, предположения, анализ ситуации. Если ваш друг из сферы кибернетического бандитизма тоже включен в игру, нам нужны его наработки и исследования.

Теперь Захарий был не очень похож на проповедника, пытающегося излечить дремучую душу заблудшего прихожанина. Голос его перестал быть вкрадчивым и мягким –

он зазвенел, будто стальной трос, приказывая и не оставляя сомнений.

– Слишком многое поставлено на карту, чтобы сомневаться или слабеть верой, Алексей. – Он прищурился, отчего бриллиантовый крест во лбу поймал луч лампы и сверкнул. – Силы, стоящие за спиной вашего противника, хотят нанести человечеству новый удар. Сокрушительный удар, и на этот раз в битве за людские души мы можем проиграть...

Алексею тут же подумалось, отчего это Сатане наносить удар по человечеству, раз он и так, с точки зрения адистов, правит миром. Но Матвеев смолчал, неотрывно глядя во влажные, такие гипнотизирующие глаза Захария.

– Что бы ни попало к вам в руки, – продолжал тот, не двигаясь и не мигая, – будь то информация, новая программа или оборудование, вам не совладать. Отдайте находку в руки церкви, спасите сотни тысяч человеческих душ...

– Но я не... – попробовал ответить Матвеев, но старейшина продолжал, не позволив себя перебить:

– Мы знаем, у вас имеется некий предмет. Возможно, электронный носитель информации. Также мы знаем, что его у тебя нет, – судя по тону Захария, не осталось ни малейших сомнений – за минувшие полчаса каждый клочок квартиры Алексея был обыскан и просканирован, – но предполагаем, что это находится у твоего шефа. Павла Покрышкина, кажется, так он себя называет? Однако выйти на него оказалось труднее, чем мы предполагали. Поэтому у меня к тебе есть одна небольшая просьба...

Захарий вынул из кармана плаща разобранный АйПи-фон Матвеева. Не опуская глаз, на ощупь вставил идентификационный чип, подключил батарею, закрыл крышку, протянул.

– Возьми, Алексей. Набери своему начальнику. Убеди вступить с нами в переговоры и поделиться оружием в борьбе со злом...

Матвеев машинально взял аппарат, раздумывая над реакцией шефа, когда тот услышит его предложение. Облизнул пересохшие губы. Казалось бы, еще не так давно он просто мечтал о звонке Покрышкину, но теперь откровенно тянул, не спеша нажимать на сенсорный экран.

– А что если он не поверит мне? – спросил старейшину Леша. – Что если откажется вступать с вами в переговоры?

И тогда Захарий дал ему еще один честный, предельно откровенный ответ, от которого стажера чуть не стошнило, столь сильным оказался накотивший страх...

– А в таком случае, – произнес старший адист без тени эмоций, – мы проверим, насколько твой начальник дорожит физическим и психологическим здоровьем своего подчиненного. Уверен, Господь простит нам излишнее рвение в борьбе с Нечистым. Даже такое, в котором придется немного испачкать руки...

В помещении для молитв и проповедей, отгороженном занавеской, наступила тишина. Старейшина, предельно ясно изложивший свои мысли, не торопил собеседника. А тот, задумчиво вертя в пальцах крохотный АйПи-фон, обдумывал услышанное.

Пока в голове Матвеева все укладывалось не очень-то складно. Да, последователи Ады Кинг действительно составляли тайную оппозицию вампирам. Но чтобы настолько... чтобы похищать людей и шантажировать... угрожать пытками... Алексей подумал, что, если благополучно выберется из этой переделки, ему придется основательно пересмотреть свои взгляды на иеговистов, адистов и других сектантов.

– Я не тороплю тебя с ответом, – понимающе кивнул Захарий спустя пару минут. Все это время они неподвижно сидели друг напротив друга, не издавая ни звука. – Но дам тебе еще четвертину часа. Если за это время ты не наберешь своему шефу, это сделаю я, воспользовавшись твоим пальцем, договорились?

Старейшина поднялся с лавки, поправляя плащ.

– Пусть Господь направит тебя на верный путь и подскажет правильное решение, Алексей. – Он смиренно склонил голову, будто только что вовсе не угрожал лишением пальца. – Я принесу тебе попить...

И отодвинул занавеску, выходя в другую половину дома. Мягко хлопнул холодильник,

в стакан потекла струя.

Оставшись один, Алексей почувствовал, что зародившийся в нем страх сейчас только крепнет. Он вспомнил, как еще этим утром Покрышкин рассуждал о пекле. О том, что лезть в него – вовсе не их работа. О том, что нужно любыми способами избежать кровавых битв.

Вернулся Захарий, протянул стакан ледяного сока. Леша с опаской взял, поблагодарил, но пить все же не стал, осторожно поставив на соседнюю лавку. Сдерживая слово и давая заложнику собраться с мыслями, старейшина опять скрылся за занавеской, оставляя его в одиночестве.

Еще позавчера не в состоянии даже представить себе такую жизнь, сегодня Леша уже успел поучаствовать в двух пробуждениях, драке, грабеже, а также попасть в плен к сумасшедшим сектантам, равновелико почитающим и Христа, и вычислительный алгоритм... И это, по мнению Павла, не лезть в самое пекло?

Почти собравшись с духом, Леша прикоснулся подушечкой пальца к специальному сенсору, включая аппарат. Ввел разблокирующий код, боязливо оглянувшись через плечо. Теперь он был уверен, что предупредительные беседы с ним – настоящая вежливость. Если бы он хоть попробовал артачиться...

Однако набрать номер что-то мешало. Что-то, все еще пытающееся протестовать насилию адистов. Невидящим взглядом Леша уставился на дисплей АйПи-фона, покусывая губу. Очень хотелось пить, но он боялся, что Захарий мог что-то подсыпать ему в сок. Что-то, делающее более покладистым и разговорчивым.

– Ровно четвертина часа, Алексей, – раздалось над плечом, и Матвеев чуть не подскочил.

Пятнадцать минут пролетели одним мгновением, и он даже не заметил, как рядом вновь появился старейшина адистов. Захарий обошел его справа, уселся на прежнее место. Внимательно и участливо заглянул в глаза.

– Вижу, ты принял правильное решение, Алексей. – Без какой-либо иронии, одними губами улыбнулся он. – Нам, как союзникам, вовсе ни к чему начинать сотрудничество с причинения боли...

Он протянул руку, мягко, но уверенно забирая у Леша АйПи-фон.

– Вижу, Господь не дал тебе твердости сделать последний шаг. – Он повел ногтем по экрану, просматривая списки недавних вызовов. – В таком случае, я помогу...

Найдя номер Покрышкина, он начал вызов, одновременно включив громкую связь. Приподнял аппарат, заботливо поднося его поближе к Алексею. Глаза Захария настоятельно рекомендовали не делать ничего предосудительного или глупого...

Дом сектантов наполнила музыка Второго романса Бетховена. Призванная чаровать, сейчас она вызывала тоску, и от этого стало еще более жутко. Скрипичные аккорды окружали застывшего камнем старейшину, его подручных, внимательно наблюдавших за происходящим из-за покрывала, потертые лавки, на которых проповедники зомбировали новых послушников. Эти тонкие, мягкие переливы музыки звучали в самом сердце лесной глуши, где никто не услышит не только криков, но даже выстрелов...

Покрышкин ответил не сразу, далеко не сразу, дав окружающим насладиться классикой не меньше минуты. Ответил, а Леша чуть не отшатнулся – голос в трубке принадлежал не Павлу.

– Ну прямо сюрприз за сюрпризом... Алло? Леша, да? Ну здорово, Леша... – И когда Матвеев открыл было рот, чтобы что-то объяснить Захарию, тот не удержался, первым вступив в разговор:

– Здравствуйте, Павел, – все так же держа АйПи-фон на вытянутой руке, он говорил в его микрофон негромко, но отчетливо. – Вы не знаете меня, но нам необходимо поговорить.

– Чо?! – изумился аппарат в руке адиста.

– Алексей рядом со мной, не стоит беспокоиться, – холодно продолжил Захарий. – Но до того, как он объяснит вам суть вопроса, я бы хотел, чтобы серьезность ситуации осознали обе стороны. Павел, вы слушаете?

АйПи-фон молчал, словно на другом конце соединения собирались с мыслями. Что-то шуршало, играла музыка, кто-то негромко переговаривался. Когда старейшина вновь открыл рот, чтобы повторить вопрос, ему все же ответили:

– Я не знаю, с кем базарю, но серьезность ситуации ухватываю, – раздалось из динамиков, и Леша мог бы поклясться, что этот голос слышит впервые. – Теперь важно, чтобы и ты ее ухватил, ясно? Где Матвеев?

– Он рядом. – Адист придвинулся, нахмурившись и тыча аппаратом чуть ли не в лицо Алексея. – Сейчас вы его услышите.

– Я тут, да... – кивнул Леша, словно при видеоконференции. – Павел?

Последний вопрос определенно задавался зря, ведь ответ Матвееву и так был очевиден. Однако трубка АйПи-фона среагировала мгновенно:

– Вот и чудненько! – Казалось, кто-то даже прихлопнул в ладоши. – Налево тут поверни... Так, а теперь слушайте меня. Жопы от стульев не отрывать, никуда больше не звонить.

– Павел, мне кажется, мы не совсем поняли друг друга... – Леша заметил, как на висках Захария набухли вены. Челюсть адиста сжалась, и следующие слова он говорил, почти не расцепляя зубов: – Сейчас не в ваших интересах диктовать условия. Мы уже объяснили серьезность происходящего вашему напарнику, теперь он объяснит ее вам...

– Все он объяснит, можешь не сомневаться, братан, – весело и вальяжно согласился голос в трубке, и теперь по лицу старейшины скользнула тень догадки. – И ты, если захочешь, к ним присоединишься. А пока – не мельтеши, дай Леше трубочку еще разок...

Резким чиркающим ударом ногтя Захарий прервал соединение. Взглянул на Матвеева полными ярости глазами, уже не скрывая гнев.

– Это был не Покрышкин? – спросил сухо, и Леша подумал, что старейшина с трудом сдерживается, чтобы не ударить его.

– Нет, – сглотнув комок, замотал головой Алексей. – Это был не Покрышкин.

– Сука... – совершенно неподобающе для своего статуса выдавил Захарий, поднимаясь на ноги. Швырнул АйПи-фон Матвеева в угол, где тот с грохотом разлетелся на несколько частей.

Отдернув занавеску, заглянул Самсон.

– Что случилось, брат Захарий?

– Нужно уезжать. – Старейшина потирал подбородок и не сводил с Матвеева взгляда. – Кажется, нас вычислили...

Однако выложить подробности собрату-сектанту он не успел. За окнами послышалось урчание электромобильных моторов, а потом, почти сразу, что-то закричал брат Даниил.

Адисты повыскакивали из кресел, словно ошпаренные. Двое, в том числе Самсон, схватились за карабины, торопливо дергая затворы. Один подобрал револьвер.

Леша сжался в комок, едва не упав с лавки, а лицо Захария исказила жуткая гримаса, сделав его похожим на злобного тролля. Старейшина хотел что-то рывкнуть, но звуки пальбы, долетевшие с улицы, опередили.

Стреляли из нескольких стволов, это было понятно даже Матвееву. Хлопали двери машин, что-то кричали люди, с треском лопалось стекло. Канонада продолжалась недолго – десяток, может быть чуть больше выстрелов, и все утихло...

В это время вооруженные адисты заняли позиции у двери и крохотных бойниц, замаскированных в заколоченных окнах. В руках Захария тоже появился пистолет, сверкающий хромом, почти как бриллиантовый крест во лбу. Сектанты возбужденно переговаривались, совершенно забыв про Лешу, кто-то начал бормотать молитву. Сам Матвеев, повинаясь голосу разума, осторожно сполз с лавки, усевшись у дальней стены, прямо под распытием.

– Слышь, братва?! – Голос был знакомым, и уже через мгновение Алексей сообразил, что именно его слышал в динамиках собственного АйПи-фона. Кричали с улицы, зычно и не скрываясь: – Чобы потом без обид или предьяв было, ладно?! Ваш бычара первым стрелять

начал! Пацаны соврать не дадут, поговорить ехали! А тут на тебе – и сразу шмалять...

Захарий, дослав патрон в ствол, занял позицию у одной из бойниц. Приоткрыл, не высовываясь, закричал в ответ:

– Кто вы такие? Что нужно вам от служителей Господа?

В ответ раздался дружный ржач сразу трех или четырех прокуренных глоток, но он тут же смолк, как по велению дирижерской палочки.

– Сам знаешь, чо нужно... парня, которого вы у нас из-под носа умыкнули. – Алексей, вслушивающийся в перепалку, похолодел, а ноги отнялись, отказываясь повиноваться. – Отдавайте Лешку... а я точно знаю, что он у вас... отдавайте парня, и мы отчаливаем. Любые вопросы потом порулим, я отвечаю.

Неужели это и есть слуги Сатаны, пожаловавшие за его душой? С первого взгляда демоны больше напоминали обычных бандитов... Хотя, признаться честно, от этого легче не становилось. Он взглянул на Захария, возбужденно потиравшего лоб стволом пистолета.

– Он под защитой Бога и Истинной церкви Благословенной Ады Августы Байрон Кинг! – звонко ответил сектант, стараясь сквозь крохотную щель рассмотреть количество противников. – Ему угрожает опасность, и мы защитим его от нее. Ради спасения душ человеческих, сокрушим воинство демонов.

На это напавшие на домишко ответили далеко не сразу. Тишина густела, растекаясь по лицам, сковывая мышцы. Наконец все тот же беззаботный и разнузданный голос прокричал из темноты:

– Я реально не догоняю, о чем ты меня паришь, папаша... Ты чо, хочешь сказать, что мы черти, а вы его от нас защищаете?!

На этот раз ничего не ответил старейшина Захарий. Он негромко переговаривался с братьями адистами, и по обрывкам беседы Леша вдруг понял, что те на самом деле не намерены сдаваться.

– Слушай, дружок, ща у меня терпение лопнет! – донеслось с улицы через минуту. – Я так и не догнал, чо ты там гнал про свою секту, но парня отдай. Или будет хуже – мне его велено доставить любой ценой... Это ясно?

Матвеев закусил губу. О нем, сидящем тут же, рассуждали, будто о ярмарочном баране, причем в считанных метрах от места, где только что застрелили человека, пусть и сектанта. Он дотянулся до АйПи-фона, лихорадочно пытаясь собрать обломки. Но пальцы не хотели слушаться, батарея все время выскальзывала из рук, и в итоге он лишь доломал центральную плату... Отбросил в сторону, сдерживая отчаянный стон, но заставил себя сосредоточиться и спрятать в карман хотя бы чип-карту.

– Именем Господа нашего приказываю вам убраться! – вдруг крикнул Захарий, причем так неожиданно и громко, что Леша вздрогнул. – Он под нашей защитой!

– Ах ты, сектант... – ответили с улицы, добавив к обращению несколько неприличных прилагательных. – У нас одна церковь, православная, а ты, гнида сектантская, уж лучше бы помалкивал! Хотя смотри сам, я тебя предупреждал! Леша, приляг там на пол, ладно?..

– Ты подавишься своими словами, безбожник! – рявкнул Захарий, выставил в бойницу ствол и нажал на спуск.

Стрелять тут же начали с обеих сторон. Грохот выстрелов, наполнивший домик адистов, был таким оглушительным, что у Матвеева мигом заложило уши. Поплыл пороховой дымок, на пол посыпались гильзы. Вооруженные ружьями братья встали у бойниц, открыв огонь, их лица были безмятежны.

В дом ворвались пули. Много свинцовых пчел, разрывающих на своем пути хлипкие стены. Лишенный слуха, вжавшийся в пол, со слезящимися от дыма глазами Алексей наблюдал, как ветхое убежище адистов превращается в решето.

Издрыбленный и лопнувший на пол грохнулся стереоэкран, из порванных пулями кресел летела вата и обломки дерева, расщепленная рейка со стен брызгала во все стороны, занозами вонзаясь в руки и лица людей. Изодранная занавеска летала по воздуху, сорванная со струны, будто жила собственной жизнью. Падали изуродованные вентиляторы, гулко

отзывался на попадания холодильник.

Казалось, дом окружен, таким плотным огнем его накрыли штурмующие. Конечно, сектанты отбивались бесстрашно, но одно дело – бить в темноту сквозь крохотную бойницу, и совсем другое – лупить по неподвижной мишени.

Упал один из вооруженных адистов, его карабин тут же подхватил другой, занявший место у окна. Самсон схватился за плечо, передавая свое ружье соседу и забирая у того револьвер. Захарий перезаряжал пистолет, пригнувшись, будто в окопе.

Несколько пуль угодили в стену недалеко от Матвеева, заставив невольно вскрикнуть. Расколотое дробью распятие упало со стены, с глухим стуком переворачивались лавки. Было трудно дышать, дым все сильнее ел глаза.

Самсона нашла вторая пуля, на этот раз в грудь. Выронив оружие, он мягко осел на обломки дивана, обеими руками схватившись за красное пятно. Остальные продолжали отбиваться, умело перезаряжая карабины.

Однако уже становилось очевидно, в чью именно пользу складывается ситуация. Заколоченные ставни превратились в дуршлаг, два из трех засовов на двери были сбиты пулями. От мебели не осталось почти ничего, настолько она была исковеркана. Совсем скоро на пол повалился еще один адист – ему попали прямо в лоб, чуть левее бронзового креста. Кровь забрызгала стены и серые плащи последователей Ады Кинг.

Что-то бормоча и сверкая глазами, Захарий стал похож на безумца, и в этот момент Матвеев был на самом деле готов поверить, что старейшина защищает его от демонов. Вставляя в горячий пистолет уже третью или четвертую обойму, тот стрелял в ночь с упорством фанатика. Но и это не могло продолжаться вечно.

В Захария попали сразу с двух направлений – в живот и шею. Он выронил пистолет, попытался встать, зажимая рану над ключицей, но поскользнулся в крови и упал, ударившись головой о край столика. Больше старейшина не двигался.

Это словно стало сигналом к передышке, причем стрелять перестали с обеих сторон. Оставшиеся в строю адисты переглядывались, о чем-то торопливо договариваясь, атакующие тоже прекратили огонь. Сквозь вату, забившую уши, Алексей разобрал крики, летящие снаружи:

– Живой вообще? Лешик? Подай голос, родной!

Леша попытался что-то крикнуть в ответ, но не услышал собственного голоса. Крикнул еще раз, и тут сектанты повернулись к пленнику. Во взглядах, направленных на него, Матвеев не прочитал ничего доброго. Словно приняв решение, один из проповедников направился к нему, пригибаясь...

И тогда Леша стал кричать, что было сил. Кричать о том, что его идут убивать и, если атакующие хотят заполучить его живым, им следует поспешить. Не слышал, что кричит. Думал, что и вовсе шепчет, но продолжал надрывать связки, глядя на медленно приближающегося сектанта. Тот поднял ружье, и теперь Матвеев до конца убедился, что адисты решили не оставлять его в живых. Логика, достойная любой фанатичной веры...

А через миг в дом ворвались люди. Их было трое, может быть, четверо – Леша не успел рассмотреть. Один из них появился в окне, прикладом ружья сбивая остатки самодельных ставней, остальные вломились прямо через раскуроченную дверь.

Сектанты не ожидали прямого штурма, это стало понятно сразу. Тот, что находился у дверей, еще попытался вскинуть оружие, но его расстреляли в упор, превратив лицо в кусок фарша. Второй, шедший казнить Матвеева, успел только обернуться. Его, получившего сразу десяток пуль, откинуло в сторону, роняя на обломки стереовизора.

В дыму коренастые вооруженные фигуры и вправду казались демоническими существами, покинувшими ад. Деловито и быстро убедившись в смерти всех проповедников, они посчитали, что опасность миновала, и лишь тогда обступили зажавшегося в угол Алексея.

Тот смотрел на них снизу вверх, все еще ошарашенный этой неожиданной чудовищной перестрелкой, не в силах даже встать на ноги. Ему помогли, подняв и прислонив к дырявой

стене. Похлопали по щеке. Похлопали сильнее, приводя в чувство...

Теперь он мог рассмотреть своих неожиданных спасителей. В черных куртках из искусственной кожи, лысые, с широкими челюстями, сломанными носами и ушами, они могли быть представителями лишь одной социальной прослойки. Той самой, что и в лютый мороз, и в страшную жару носит именно черные куртки, словно демонстрируя окружающим свой статус.

– Эй, Лешик, не задело? – наконец смог разобрать Матвеев. – Цел, спрашиваю? Ну и славно... даже и не знаю, что бы пришлось придумывать, зацепи тебя шальная...

Лидер штурмовиков, тот самый, что вел переговоры с покойным ныне Захарием, придвинулся вплотную, короткими толстыми пальцами приоткрывая Леше правое веко и рассматривая зрачок. Он выглядел точно так же, как остальные – невысокий, спортивный, лысый, в куртке и с ружьем в руке, но было видно сразу – это их старший.

– Ну и друзей ты себе завел, Леша, – сплюнул на пол он, и остальные радостно заржали. – Пойдем, горемычный...

– Кто... кто вы такие?... – Матвеев все еще с трудом слышал собственный голос. – Куда вы меня тащите?

Его действительно тащили – с обеих сторон, подхватив под руки и не давая упасть. Конечно, никто не ответил. Выволокли на улицу, бережно прислонили к борту машины. Теперь электромобилей здесь стало больше, к микроавтобусу адистов добавились два суровых угловатых джипа. Борту машин украшали свежие пулевые отверстия.

Пока боевики, трое из которых оказались китайцами, курили, обменивались шуточками и перезаряжали оружие, Леша рассмотрел убежище сектантов. Отныне оно было больше похоже на мишень из тира – дом все еще дымился, с крыши осыпалась труха, раскачивались исколотые пулями доски.

Ему вежливо предложили сигарету, он невнятно отказался. Казалось, с этой секунды на него вообще перестали обращать внимание, но Матвеев знал, что это ощущение ложно – каждый из своры, напавшей на сектантов, не сводил с пленника цепкого, настороженного взгляда.

Удивительно, что никто из боевиков не был серьезно ранен – одному вскользь зацепило предплечье, другому рикошетом попало в бедро. Похлопывая друг друга по плечам, они поздравляли себя с победой, беззлобно подшучивая над подстреленными. Один из китайцев, матерясь сквозь зубы, собирал гильзы, будто отработывал провинность.

Затем перекур окончился. Двое из восьми человек, решивших домик, занесли внутрь тело брата Даниила, а затем и сами вошли туда с канистрами в руках. Остальные принялись грузиться в джипы, побросав оружие в багажники. Матвеева втокнули на просторное заднее сиденье, поджав с обеих сторон. На переднее пассажирское уселся сам вожак.

Наблюдая, с какими равнодушными лицами штурмовики поливают трупы и обломки мебели горючим, Леша вдруг понял, что дикий страх куда-то ушел. Он только что побывал в руках адептов поддельной церкви, угрожавших ему, а затем пытавшихся убить, лишь бы не оставить врагу. Поэтому теперь, разглядывая, как сноровисто и умело крепкие парни готовятся сжечь лесное убежище, Алексей лишь отстраненно фантазировал, в чьи сети попал на этот раз.

Беспокоило только одно – с номера Покрышкина ответил именно лысый, командовавший штурмом, но Матвеев приказал себе не развивать эту мысль...

Двое оставшихся стрелков покинули дом, и уже через секунду тот ярко запылал, становясь адистам братской могилой. Хлопнули дверцы, машины торопливо развернулись, подняв из-под колес фонтаны земли и сухих листьев.

Крохотный караван шустро выскочил на федеральную трассу, покотив в сторону города. Слух постепенно возвращался к Алексею, губы отчаянно просили пить, но он не спешил обращаться к своим новым пленителям. Рассматривая пролетающие за окнами перелески, Матвеев невольно размышлял о судьбе шефа.

Не секрет, что открытие и массовое внедрение МСС позволило разработчикам компьютерных игр за самое короткое время вновь получить сверхприбыли. Однако, не затрагивая экономический пласт вопроса, с точки зрения обычного русского геймера, мы говорим им спасибо. Переизданные однопользовательские хиты игровой компьютерной индустрии прошлого, такие как «Doom», «Half-Life», «Resident Evil» или «Heroes of Might and Magic» позволили нам с новыми силой и азартом (а молодому поколению игроков – впервые) окунуться в глубины признанных шедевров, испытать совершенно иные высоты страха, напряжения и сопричастности процессу.

Восторг, испытываемый геймерами при повторном «личном» прохождении игр, не измерить никакими рейтингами или оценками. Каждое переиздание хита – событие мировой величины, ожидаемое миллионами людей. Именно поэтому сегодня мы искренне рады представить на ваш суд обзор нового продукта, выпущенного компанией «Копати» и уже принятого к локализации в России. Встречайте – под светом софитов новая интерактивная версия леденящего кровь ужасника «Silent Hill».

Журнал «Лучшие компьютерные игры», 2026 год.

Уровень загрузки – 35,8%

Час назад Лешу окружали непроницаемые лица сектантов, заперших его в своей машине. Сейчас не изменилось почти ничего, только на физиономиях новых знакомцев не было штифтов и никто не спрашивал Матвеева о том, кто правит миром.

Внедорожник, откровенно изрешеченный пулями, мягко катил по трассе, приближаясь к городу. Вожак курил в приоткрытое окно, остальные молчали. Музыка никто не включил. Теперь Алексей мог разглядеть, что старейшина Захарий вывозил его на север, в сторону Томска, хоть не очень далеко. А вот то, что мордовороты в кожанках и не думали скрывать от него дорогу, настораживало до предела.

Ночь таяла по мере приближения к мареву городских огней. Машины шли ровно, на хорошей скорости, без стыда минуя один милицейский пост за другим. От этого Леша погрузнел еще сильнее, но виду старался не подавать. Рассуждая логически, он предположил, что, пожелай похитители его смерти, грохнули бы вместе с адистами...

Немного обнадеженный, он попробовал заговорить. Повернулся к сидящему справа головорезу-китайцу, вежливо поинтересовавшись:

– Вы не скажете, куда мы едем?

Но ответил не громила, а его командир, развалившийся на переднем сиденье.

– Узнаешь, Леша, все узнаешь... – почти скопировал он слова старейшины Захария, произнесенные в подъезде.

Только вот о том, что теперь Матвеев в безопасности, никто даже не заикался.

– Откуда вы меня знаете? Что с Павлом? – попробовал развивать наступление Алексей. – Откуда у вас его АйПи-фон?

– Не будь таким настырным, Леша, – все так же не оборачиваясь, попросил его вожак, – а то нос сломаю и скажу, что так и было... Живой твой Покрышкин, живой...

Угроза прозвучала обыденно, простенько, но Леша сразу поверил в ее реальность. Глубоко, насколько позволяли сжимающие с боков боевики, вдохнул и погрузился в свои мысли. Почему-то он принял слова о том, что шеф жив, за правду, и от этого стало теплее на душе...

На Пашинском переезде повернули направо, объезжая город против часовой стрелки. Глядя в темное окно джипа, Алексей обреченно размышлял, где сейчас может находиться его начальник.

По всему выходило, что он тоже попал в руки бритоголовых. Матвеев справедливо рассуждал, что устроить перехват звонка вместо обычного похищения человека тем было бы гораздо сложнее. Вместе с начальником, что логично, в руки бандитов попал и АйПи-фон. Однако сразу вычислить Лешу те не смогли – вероятно, потому, что Захарий разобрал устройство.

Но как только чип-карта и батарея снова оказались вместе, крепкие парни в кожаных куртках тут же установили местонахождение адистов. А звонок Покрышкину только способствовал этому, приблизив гибель старейшины...

Оставалось угадать, что за люди окружают его на этот раз. На конкурирующую с адистами религиозную конфессию они точно не походили. На представителей службы безопасности какой-либо организации – тоже. И на спецназ милицейского «Управления «К», занимающегося преступлениями в сфере информационных технологий, не очень. Значит, наемники. Бандиты. Некая третья сила, вмешавшаяся в возню вокруг загадочного Бастиона.

Было бы неплохо определить серьезность их намерений, и тут Матвеев вновь начинал горевать, почему окна машины до сих пор прозрачны, а на его голове нет хотя бы мешка... Тем временем внедорожники свернули в сторону Заельцовского кладбища, и сердце Алексея неприятно зануло.

Однако по-настоящему испугаться он все же не успел – машины нырнули вправо в лес, выворачивая на идеально ровную дорогу, каких городские власти никогда себе позволить не могли. Она, чуть освещенная редкими фонарями, вела прямо в чащу. Но и лесные дебри страху не нагнали – почти через километр по обе стороны от дороги открылся коттеджный поселок.

Он определенно относился к числу элитарных – шикарные домики тут вовсе не были прижаты друг к другу, упираясь забор в забор, как можно встретить на Обском побережье. Каждый особняк имел вокруг себя по сорок-пятьдесят соток земли, на которых располагались парковые зоны, веранды, бассейны, так называемые летние кухни, домики охраны, красивые подъездные аллеи и даже комплексы фонтанов. Все это Леша рассмотрел там, где ограды были коваными или из пуленепробиваемого стекла, однако по большей части хоромы новосибирской олигархии и чиновничества скрывались за крепкими кирпичными заборами в три человеческих роста.

Не сбавляя скорости, машины летели через городок, больше похожий на игрушечный макет, и Леша уже подумал, что сейчас они снова углубятся в лес. Но на самой окраине миниатюрный караван притормозил, мягко вкатываясь в широкие ворота, распахнувшиеся точно перед бампером первого электромобиля. Матвеев глянул в окно и чуть не ахнул...

Домовой комплекс, на территорию которого они въезжали, являлся, пожалуй, самым впечатляющим и претенциозным на весь поселок. Разместившись на площади небольшого микрорайона, он был окружен забором, больше подходившим для военного форта. Через равные интервалы забор украшали сторожевые башенки, причем не декоративные, а вполне функциональные – на каждой из них Алексей рассмотрел вооруженного охранника.

Вообще же подъезд к особняку напоминал миниатюрную копию европейских дворцов семнадцатого века – лабиринты живых изгородей, музыкальные фонтаны, сотни ослепительных фонарей, с презрением к экономии и законам превращавших ночь в яркий день. Везде царили строгая симметрия и безупречная чистота, олицетворявшие торжество благородства и огромных денег. Охранники, парами патрулировавшие дворы по изумрудным лужайкам, были одеты вовсе не в куртки, как можно было ожидать, но в строгие костюмы с галстуками и светлыми рубашками. Часть из них явно выходила родом из Китая, а оттого имела вид, грозный до предела.

Черные машины, изрешеченные пулями, а также их самого brutального вида экипажи казались чужими на этом празднике чистого света и ухоженной красоты. Однако ошибки не было – машины въехали во двор и, шурша гравием дорожек, двинулись к огромным воротам подземного гаража, расположенного слева от дома.

Здесь у Матвеева появилась еще одна возможность убедиться в том, что его привезли на военную базу, а вовсе не в жилой особняк – оказалось, что наравне с живыми людьми патрулированием территории занимаются несколько боевых роботов. Конечно, это были не самые новые модели, списанные после второй афганской войны, не чета современным милицейским или фронтовым образцам. Однако это ни в коей мере не умаляло их боевую мощь.

Похожие на самодвижущиеся тумбочки, увешанные огнестрельным оружием и манипуляторами, они шустро передвигались по лужайкам на мягких прорезиненных гусеницах, скрупулезно сканируя окрестности многочисленными системами наблюдения.

Модель, охранявшая пандус в гараж, была полуавтономной, управляемой из удаленной точки, и Леша сразу представил возможности местной охраны, способной позволить себе настоящий центр управления...

Перед пологим спуском в гараж джипы остановились. Боевики вылезали, хлопая дверцами, потянули наружу и Матвеева. Он ступил на мелкий гравий, щурясь от ярких фонарей вокруг клумб и газонов, затравленно осмотрелся.

Домина и его пристройки определенно впечатляли. Три этажа, выполненных в безупречном барокко, многочисленные колоннады и лепные барельефы словно сошли со страниц учебника по истории или архитектуре. То здесь, то там фасад украшали кариатиды, полуобнаженные девы с корзинами или цветами. Статуи поменьше – нимфы, грации, фавны и феи – дополняли их ансамбль. Два мускулистых атланта поддерживали балку над входом, над оконными проемами корчили рожи маски животных и людей.

Такие же колонны и барельефы украшали абсолютно все постройки комплекса, от будки охраны на въезде до спуска в подземный гараж. Представив себе лишь примерную стоимость этого великолепия, Матвеев задышал еще чаще.

Когда в машинах остались лишь водители, ворота гаража раздвинулись, и помеченные пулями электромобили укатили в прохладные недра парковочного яруса. Оставшиеся на улице боевики, вежливо поманив Алексея за собой, направились прямо к парадному входу в особняк. Миновали ряд прекрасных цветочных клумб, широкую аллею для гостей, ступени высокого крыльца.

Из невидимых динамиков неслось мелодичное птичье щебетание, спрятанные в газонах увлажнители воздуха и кондиционеры делали ночь прохладной и чуть влажной, как на море. Если бы не эта недавняя перестрелка, в которой погибли люди, затем бесцеремонно сожженные в собственном убежище, Леша бы подумал, что попал в санаторий...

Уже перед мраморным подъездом четверо бойцов свернули куда-то влево, в сторону пристроек.

С пленником остались лишь вожак и еще один бритоголовый, с виду русский.

– Подними руки, – сипло попросил он и, не успев Леша сообразить, сам помог Матвееву, разведя его руки в сторону. – Да не дергайся ты...

Быстро и профессионально обыскал, отступил на шаг. Дождавшись окончания процедуры, вожак штурмовиков подошел ко входной двери и аккуратно постучал специальным бронзовым кольцом на ручке.

Открыли сразу, что было неудивительно. Вожак вошел первым, за ним бритоголовый подтолкнул Алексея и замкнул процессию. Слуга-китаец, отворивший дверь, наметанным взглядом осмотрел визитеров, ретировавшись быстро, но с достоинством. Поманив за собой, лидер группы захвата уверенно двинулся через холл к одной из многочисленных дверей.

Как и предположил Матвеев, внутри дом оказался столь же блистателен, как снаружи. Золоченая лепнина покрывала потолок и стены, увешанные репродукциями Рубенса и Караваджо, повсюду взгляд натывался на богатую мебель или удачно замаскированные под старину новинки отрасли современных технологий. Где-то в дальней комнате тихонечко звучала классическая музыка, сквозь анфилады запертых комнат доносились мягкие фортепианные аккорды.

Скрипя подошвами армейских ботинок по дорожному паркету, лысый вожак открыл перед Матвеевым одну из дверей. Вошел первым, опять поманил пальцем.

Атмосфера происходящего оказывала на Алексея самое противоречивое впечатление. С одной стороны, он попал в руки к безжалостным уголовникам, сжигающим свои жертвы. С другой – в подобном доме не мог жить убийца или палач, в нем было место лишь утонченной и изысканной натуре, не способной на жестокость... Понимая, что пытается успокоить сам себя, Леша поплелся за бандитом, не дожидаясь нового тычка в бок.

Его провели через комнату, обставленную для удобства ожидающих гостей. Распахнули еще одну дверь, миновали комнату, явно предназначенную для чаепитий. И лишь когда за спиной закрылась третья дверь, Алексей понял, что они на месте. Боевик, обыскивавший его на входе, на этот раз остался снаружи.

В просторном зале, центр которого занимал великолепный бильярдный стол для «русского», кроме вошедших находились еще три человека. Двое из них определенно были охранниками – это выдавали и осанка, и строгие черные костюмы, и места, занятые подле еще одной двери и окна совсем не просто так.

А вот третьим человеком, неспешно прогуливавшимся вокруг стола с кием в руке, был, судя по всему, сам хозяин дома.

– Доброго здоровьяца, Капкан, – сказал лысый вожак, и Леша поразился переменам в его голосе. Вся жесть и шероховатость куда-то исчезли, уступив место заискивающей мягкости. – Вот, доставили, как было велено. В целости и сохранности...

– Ромыч, твою мать... – не отрывая глаз от причудливо расположившихся шаров, прервал его хозяин дома. Пригнулся над сукном стола, внимательно целясь. – Ну сколько раз я просил не называть меня так при посторонних?..

Лысый побледнел, будто получил тяжелое огнестрельное ранение. Поперхнулся:

– Виноват, Валерий Валерьевич, исправлюсь... Горячка боя, знаете ли, не сдержался... Прошу великодушно простить...

Хозяин дома приподняв уже готовый к удару кий, словно передумал. Повернулся, наконец-то позволяя Матвееву в деталях рассмотреть себя.

Это был невысокий, щуплый мужчина в возрасте, однако пластические операции и современная косметика не позволяли даже примерно определить год его рождения. Седина в каштановых волосах определенно являлась вовсе не небрежностью стилистов, а намеренной и яркой деталью. Легкая синева покрывала гладко выбритые щеки, узкие веки были полуприкрыты, пряча глаза. Одет Валерий Валерьевич, он же Капкан, был в льняной домашний костюм – светлые штаны, рубаша и пиджак, – на ногах виднелись желтые мокасины. Украшений не носил.

– Горячка боя, говорите? Как интересно... – Он побарабанил пальцами по лакированному борту стола. – А если чуть подробнее?

– Ну... – замялся лысый Ромыч. – Этот... то есть Алексей... оказался у сектантов одних... я про них читал, они всю Библию перевирают, только детей наших зомбируют...

– Так, и что же дальше? – с откровенным любопытством поинтересовался Капкан, приглаживая длинные волосы, зачесанные назад. – Я заинтригован.

– Ну, они отказались Лешу отдавать. А вы сказали, что любой ценой... ну я и решил Русь-матушку от язычников и безбожников маленько почистить... Может, не надо было? – Он виновато потупился, исподлюбя глядя на хозяина.

– Отчего же, – вдруг пожал плечами тот. – Я сектантов с детства не люблю, туда им и дорога... – Ромыч выпустил воздух сквозь сжатые зубы, пряча волнение. – У нас кто-то пострадал?

– Нет, Валерий Валерьевич, – уже охотнее отчитался лысый, – двоих поцарапало, да и то пустяки!

– Вот и славно, – подытожил Капкан, вновь поворачиваясь к столу и поднимая кий. Но ударить все еще не спешил. – А что, позвольте поинтересоваться, безбожникам вашим было нужно от Алексея?

– Э... тут я, прошу прощения, уточнить не успел... но отдавать не хотели, честное слово! Уперлись прямо.

– Вот как? Любопытно, любопытно, нужно будет узнать... Но вы идите, Роман, отдыхайте. И людям своим отдых устройте, да чтобы качественно. Вы сегодня хорошо потрудились...

– Спасибо, шеф... то есть Валерий Валерьевич, – расцветая в улыбке, поклонился Ромыч, не скрывающий радости, что беседа окончена. – Всегда в вашем распоряжении...

И он, пятясь, вышел из комнаты, плотно прикрывая дверь и оставляя Матвеева в обществе хозяина дома и охранников.

Алексей, боясь не только что-то сказать, но и пошевелиться, в отчаянии наблюдал за Капканом. Услышанного им короткого диалога хватило, чтобы понять, что плен у адистов был ерундой и детской забавой по сравнению с новой неприятностью, сейчас катающей шары по зеленому сукну.

А Валерий Валерьевич, казалось, вообще забыл про существование в комнате постороннего. Обошел стол, примериваясь с разных сторон, наконец выбрал позицию. Пригнулся, вымеряя удар долго и старательно. Отвел правую руку, шелкнул от души, и зал наполнил характерный костяной стук. С огромной скоростью один из шаров влетел в узкую лузу, мягко скатываясь в приемник по кожаному чулку. Только теперь Капкан отложил кий, потер ладони и заговорил:

– Вероятно, для начала нам нужно познакомиться. – Если со своим псом тот общался мягко, будто с ребенком, хоть и не самым одаренным, то с Матвеевым сейчас говорила власть в ее человеческом обличье. – Кто вы, Алексей, я знаю. Господин Матвеев, две тысячи девятого года рождения, родители умерли, братьев или сестер нет. Не женат. Сменил кучу профессий, но на днях устроился работать в компанию «Кобрятка» по лицензированному пробуждению так называемых вампиров. Я верно излагаю, Алексей?

Матвеев лишь кивнул, все еще не понимая, что он тут делает, где Покрышкин и что произойдет дальше?

– А меня, как вы уже, наверное, догадались, зовут Валерием Валериевичем. Фамилия моя Капканов, если вам это о чем-то говорит. Но я бы не рекомендовал вам, Алексей, спекулировать на данную тему...

Да, теперь кое-что сошлось. Однако падать в обморок было поздно. Это следовало сделать еще на въезде в особняк – и так стоило догадаться, что везут Матвеева не к простому государственному служащему...

Капкан – бандит, это почти все, что Леша слышал про стоящего перед ним человека. Бандит крупный, управлявший целой группировкой, вхожий во многие сферы, от власти до градообразующего бизнеса. Нефть, транспортные перевозки, наркотики или проституция – чем именно богател Валерий Капканов, Алексей не знал, да и знать не хотел. Но время от времени все же наталкивался на эту фамилию в сводках криминальных новостей или сюжетах о громких судебных процессах...

– А теперь, когда мы знакомы, – продолжал Капкан, и Леша вдруг понял, что тот разговаривает с окружающими, вообще не поднимая глаз, – я хочу задать вам вопрос.

К этому, собственно, и шло, а потому Матвеев напрягся, будто его собирались бить. По залу, растекаясь от Капкана к дверям физически ощутимой волной, прокатилось нечто, сжирающее свежий воздух и затрудняющее дыхание.

– Вам знаком юноша, которого зовут Артем Капканов?

И замолчал, ожидая ответа. Стоял в расслабленной позе, вертя в руках извлеченный из лузы шар.

– Нет, – слишком тихо произнес Алексей, и тут же поправился, заставив себя говорить четче и громче: – Нет, впервые слышу. А он должен быть мне знаком?

– Наверное, – пожал плечом Капкан. – Ведь вы пробудили его вчера ночью. Пробудили криво, руками, растущими из жопы, по-другому и не сказать. С грубейшими нарушениями процедуры. Не имея на это никаких разрешительных документов. Вы выдернули моего сына из его виртуальных игр, одним махом превратив в овощ.

Он закончил, чуть повысив голос, и со стуком уронил шар обратно на стол. Алексей вздрогнул, словно шар угодил не на сукно, а ему под дых.

Не успел Валерий Валерьевич дать устояться первому, весьма зловещему впечатлению, произведенному на Матвеева, как тут же добил новостью, которой тот совершенно не ожидал. В голове пронесся ураган мыслей, но ни одна из них не была толковой или складной. Парень попытался восстановить в голове картину вчерашней ночи, вспомнить

схватку с вампирами в притоне, но та никак не хотела становиться цельной, распадаясь на рваные фрагменты.

– Вероятно, произошла ошибка... – только и придумал выдать из себя Алексей, а на скулах Капкана мгновенно заиграли желваки.

– Заводите второго, – приказал он, мотнув головой, и стоявший у дверей слева охранник стремительно снялся с места.

Вышел, вернувшись почти тотчас же.

Перед ним, придерживаемый за руку, брел Покрышкин. Взглянув на шефа, Леша чуть не ахнул и с подленьким облегчением подумал, что сам пока отделался весьма легко.

Павла били, пусть немного, но очень точно, будто намеревались именно раскрасить. На левой скуле переливался оттенками багрового смачный кровоподтек, глаз заплыл, на скуле виднелась свежая ссадина. Шеф «Кобрятки» шел, чуть покачиваясь, но стараясь лишний раз на руку охранника не опираться. Перепаханный кровью шарф на шее был повязан небрежно, рубаха порвана на плече, неизменный шлем чуть съехал набок, придавая заливчатый вид, но Покрышкин не замечал этого.

Взглянул на Матвеева, попробовал подмигнуть, но скривился в болезненной гримасе.

– Значит, ошибка? – с необъяснимым спокойствием поинтересовался Капкан, уходя в дальний угол зала. Открыл сервант, вынул стакан и бутылку, налил себе минеральной воды. – А ваш начальник мне тут рассказывает небылицы про вампиров, нападавших на людей. Кому верить?

– Так ведь это правда... – Леше все еще казалось, что воздух в комнате сгустился, мешая дышать. – Так ведь и было...

– Действительно? – глядя в стакан, спросил Валерий Валерьевич. Все его фразы падали так же тяжело и гулко, словно костяные шары на плиту бильярдного стола. Почуввав беспокойство патрона, охранники зашевелились, переминаясь с ноги на ногу. – Послушаем вашу версию?

И тогда Алексей заговорил, собрав все оставшиеся силы. Конечно, его не метелили в бандитских застенках, но и он сегодня через многое прошел, чтобы сохранять хладнокровие. Взглянул на шефа, уверенно кивнувшего в ответ на немой вопрос, и заговорил.

Завороженно наблюдая, за Капканом мелкими глотками пьющим воду, он принялся объяснять, как будили малолетних вампиров. Про их внезапное пробуждение, про жуткую программу, что-то меняющую в мозгах пользователей. Про схожие случаи, с одним из которых они столкнулись накануне. Про агрессию и нападения, про соблюдение процедур пробуждения, про опасность, которой пока почти никто не замечал.

Валерий Валерьевич слушал внимательно, не перебивая и не поднимая глаз. Вернулся к столу, поставив пустой стакан на борт. Задумчиво покатал ближайший шар.

Когда Алексей, сбивчиво заполняющий пробелы повествования собственными домыслами, закончил, описав нападение сразу четверых вампиров, Капкан тряхнул рукой, будто сбрасывая с пальцев невидимые капли. Леша мгновенно замолчал.

– Какое поразительное сходство историй, – задумчиво произнес Валерий Валерьевич, потирая подбородок, и Алексей понял, что тот не верит. Ни единому слову. – Какая филигранная точность показаний... Этому вас надоумил господин Покрышкин?

– Ничему я его не доумил, – вдруг нарушил молчание Павел, с трудом ворочая распухшим от жажды языком. – Парень рассказывает все как было. Чистую правду.

– Чистой правды не бывает, – ответил Капкан, словно ожидавший такой реакции. – И слишком многое в вашем рассказе заставляет меня усомниться. Потому что мой Артемка сейчас лежит на втором этаже этого дома, гадя под себя на испанские простыни, а вы кровно заинтересованы в том, чтобы спасти свои шкуры. Разве нет?

– Нет, – вновь попробовал улыбнуться Павел, заставив Алексея похолодеть. Растянул губы, обнажая кровоточащие десны. – Я не мальчик, и кто вы такой – прекрасно понимаю. Кто я такой, вы тоже в курсе. Ни врать, ни тем более покушаться на вашего сына не стал бы ни за какие коврижки...

Удивительно, но эта наглость побежденного заставила Капкана задумчиво склонить голову. Казалось, он согласен с логичностью услышанного, но и признавать правоту слов Покрышкина бандит не спешил.

– Смелость, с которой вы ведете переговоры, Павел, заставляет меня думать, что вам совершенно нечего терять. – Такой неожиданный вывод чуть не выбил почву из-под ног Матвеева. – А это значит, что вы будете до конца стоять на своей точке зрения.

Он медленно подошел к Покрышкину, останавливаясь в двух шагах. Исподлобья осмотрел растрепанный вид пленника.

– Вы знаете, – Валерий Валерьевич задумчиво потер узкие пальцы, – я совершенно не одобряю увлечений своего сына. Никогда не одобрял.

Матвеев, загипнотизированный странным диалогом, незаметно привалился к двери, чтобы не упасть без сил. Откровения бандита делали беседу еще страшнее.

– У моих коллег дети тоже не всегда идут по нелегкому пути мудрых отцов. Кто-то тратит бесценную жизнь на казино, кто-то на наркотики, кто-то на женщин и выпивку. Погружения в виртуальность для меня ничем не лучше – тот же бестолковый размен на удовольствия и лень. Но Артем остается моим сыном. И за то, что произошло с ним вчера ночью, мстить буду я, его отец. Как вы считаете, я сумею?

– Безусловно, – кивнул Павел, – вы сумеете. Но я уже сказал, и Леша лишь подтвердил мои слова – произошел несчастный случай. Уверен, что через какое-то время жертв программы таких, какой стал ваш сын, станет много больше...

– Программа, да-да, конечно... – задумчиво, скорее рассуждая сам с собой, покивал Капкан. – Я обязательно изучу суть вопроса. Возможно, в этих проклятых гробах на самом деле не все чисто, я давно это подозревал... Но пока я считаю виновником именно вас, а не какого-то программиста, решившего заработать на человеческом горе. У вас есть что возразить?

На этот раз Покрышкин перед тем, как ответить, какое-то время размышлял, глядя прямо на бандита. Попробовал сглотнуть сухой комок, но чуть не закашлялся. Облизнул с губы кровь.

– Пока нет. – Он невесело усмехнулся, пожав плечом. – Но в одном я уверен – вы не из тех людей, кто принимает скоропалительные и незрелые решения. А потому верю, что докопаетесь до правды и без наших рассказов.

Все так же не поднимая глаз, Капкан кивнул, возвращаясь к бильярдному столу. Хотел что-то сказать, но в дверь за спиной Матвеева мягко постучали.

Алексей вздрогнул, словно это сама Смерть похлопала его по плечу, и чуть не споткнулся на ровном месте, пошатнувшись вперед. Затравленно обернулся.

Тактично постучав еще раз, в холл вошел молодой человек с набором секретарских имплантов на висках, ушах и затылке. Мазнув по пленникам безразличным, совершенно лишенным любопытства взглядом, сразу направился к Валерию Валерьевичу, разворачивая в руке упругий веер наладонной АйПи-станции.

– Валерий Валерьевич, я искренне прошу прощения, что перебиваю, но вы просили напомнить...

– Да, Петенька, конечно-конечно, что там у нас? – чуть смягчив тон, поинтересовался Капкан, заглядывая в планшет.

– Вот и вот, и еще встреча. У меня помечено как очень важная, – пальцами секретарь Петя профессионально тасовал по мягкому дисплею информационные файлы. – Через четверть часа.

– Да, спасибо, конечно... Подготовь там все, хорошо?

Легким кивком Капкан отпустил слугу, выскользнувшего за дверь столь же мягко и бесшумно. Собираясь с мыслями, бандит потер виски, возвращаясь к прерванному разговору:

– Хороший ответ, Павел. Смелый, такой же, как вы. И как ваш напарник, нужно заметить... Однако сейчас мы вынуждены закончить диалог. Полагаю, будет лишним

напоминать, что до его возобновления вы останетесь в моей власти?

Покрышкин сдержал усмешку, но плечом дернул, а Леша лишь хлопнул глазами, не совсем понимая смысл формулировки. Дошло почти сразу, и он сдавленно икнул.

Охранник двинулся в его сторону, второй вновь придержал Покрышкина за локоть, но тут выяснилось, что Капкан сказал не все, что собирался. Опершись обеими руками о борт стола, он взглянул в окно, где расцветал искусственный электрифицированный день, и негромко отчеканил в напутствие:

– Говорят, Павел, что люди, как снежинки, столь же уникальны и не похожи друг на друга. – Охранник, уже разворачивающий Покрышкина к дверям, замер. – Пожалуй, я соглашусь, но поправлю утверждение на основании жизненного опыта. Так случилось, что снежинки, окружающие меня уже много лет, хоть и уникальны, но по большей части слеплены из дерьма. Не знаю, почему, но мне кажется, что вы не такой... Причин этого предположения найти пока не могу, но своей интуиции доверяю. А потому желаю вам и вашему напарнику как можно скорее обмануть мои наихудшие ожидания...

Алексей подумал, что Павел что-то ответит, продолжая дерзкую беседу с хищником, но тот лишь еще раз пожал плечом, поворачиваясь к Капкану спиной. Больше в эту ночь они не сказали друг другу ни слова...

На этот раз Матвеева вывели через дверь слева, откуда появился Покрышкин. Первый охранник помогал идти начальнику «Кобрятки», второй замыкал, стараясь, чтобы Леша не отставал. Мордovorотов в бильярдном зале заменила новая пара телохранителей, до этого момента поджидавшая снаружи.

Вновь в глаза бросились дорогие мелочи, которыми со вкусом был напичкан дом Капкана. Устройства для внутренней связи, камеры наблюдения, реагирующие на движение лампы, датчики, сканеры и многочисленные точки доступа в сеть. Оформлена электроника была богато, с позолотой и иными вычурными украшениями. Человек, нанявший профессионального секретаря, отдавшего тело карьере, мог позволить себе и не такое...

Охрана провела их через очередную анфиладу комнат. Миновали музыкальный салон, просторный зал для одновременного просмотра десятка огромных стереопанелей, транслировавших многочисленные новостные передачи и биржевые сводки. Приложив оснащенную специальным чипом ладонь к датчику в стене, первый охранник отпер не приметную серую дверь. За ней, по-спартански бетонная и лишенная изысков, взгляду Матвеева открылась стелящаяся вниз лестница.

– Пошел! – приказал один из телохранителей, в подтверждение мотнув головой.

Щурясь в полумрак, пришедший на смену буйству яркого света, Покрышкин и Леша принялись спускаться, придерживаясь за стену. Тут было еще прохладнее, но заслуг систем кондиционирования в этом не содержалось – в лицо Леше дышал настоящий подвал, пригодный для хранения дорогих вин. И пленников.

Худшие опасения подтвердились, когда они достигли дна и осмотрелись. В три стороны разбегались коридоры с рядами одинаковых дверей, вдоль стен тянулись провода и трубы. Было чисто, а потолочные лампы давали мягкий, хоть и тусклый свет. Конечно, тут не наблюдалось даже намек на пирующую наверху роскошь – простые бетонные плиты покрашены в светло-синий, пол и потолок оставались серыми, а бытовую электронику и системы безопасности даже не пытались спрятать или замаскировать под интерьер.

Охранник, снова занявший место во главе процессии, толкнул Павла в левый коридор. Двинулись сквозь прохладу, шагов через двадцать остановились перед железной дверью – массивной, с тяжелым электронным засовом и открывающимся посередине окном для передач... Алексей рассмотрел еще несколько таких же дверей – они находились в настоящей подземной тюрьме на три-четыре камеры...

Он с опаской взглянул на Покрышкина, пытаясь понять, как вести себя в этой непростой обстановке. Но Павел оставался невозмутим, будто попал на курорт, а не в застенки, и Леша сник.

Охранник набрал код, отпер дверь. Довольно грубо, хоть и без лишней силы, впахнул

пленников в камеру. Все так же равнодушно закрыл створку, из-за которой до Матвеева донеслось лишь пиликанье электронных засовов.

Камера оказалась тесноватой, но и на ледяные застенки средневековой Бастилии не походила. Крашенные бетонные стены, две узкие откидные кровати вдоль них, устройство связи с охраной, крохотный дисплей, умывальник и унитаз в углу – за годы работы на вахтах Алексей видел гостиницы, обставленные хуже. Освещались новые хоромы сотрудников «Кобрятки» двумя длинными лампами дневного света, сейчас горевшими в полную мощь.

Павел тяжело вздохнул, только наедине с напарником позволив себе не держать струной больную спину. Повалился на тонкий матрас, притягивая отсыревшую подушку, побряхтел, устраиваясь удобнее. Не зная, с чего начать долгожданный разговор с шефом, Алексей беспокойно обернулся на толстую дверь.

– А разве это законно, делать в подвале своего дома настоящую тюрьму? – спросил он, продолжая озираться.

Покрышкин в ответ хохотнул, переворачиваясь на бок. Наивный вопрос пропустил мимо ушей, но все же заговорил, одобрительно покачав головой:

– Ты молодец, Лешка. Правильно держался, спокойно. И говорил все правильно, честно, зря я волновался за тебя. Нам скрывать нечего... Тебя, кстати, не тронули? – Матвеев покачал головой. Про сектантов и перестрелку в лесном убежище он решил рассказать чуть позже. – Это хорошо... правильно сделал, что не сопротивлялся, только хуже было бы.

И шеф многозначительно прикоснулся к опухшей щеке.

– Эти люди... Валерий Валерьевич... – Леша прошел в глубь камеры, но все еще оборачивался на дверь, словно боялся подслушивания. Вопрос, который он собирался задать шефу, был не из простых или корректных. Однако ситуация располагала, а потому он все же решился. – Это его сына Ломовой попросил вытащить из гроба?

– Сына Капкана? – Павел попробовал прыснуть, но застонал и закусил разбитую губу. Подсунул подушку под поясницу, привставая, чтобы видеть напарника. – Нет, Леха, конечно, нет, на кой хрен нам эти проблемы?.. Просто так совпало, что шваль общается со швалью... Взаимопритягивается, так сказать. Вот сынок Капканова и угодил в притон, где наш объект зависал. Верить, нет, но я даже не знаю, какое из оставшихся трех тел было его отпрыском.

Замолчали. Покрышкин все ворочался на шконке, пытаясь удобнее устроить битое тело, Алексей присел на край второго лежака. Затхлый воздух подвала не оставлял ни шанса мыслям о скором освобождении. Где-то за несколькими стенами работал генератор, и в тишине его тихое гудение становилось навязчивее с каждой минутой.

– Что с вами случилось? – наконец спросил Леша, в первую очередь, чтобы разрушить гнет молчания. – Как вы попали сюда?

– Вероятно, так же, как ты, – ответил Павел, даже не подозревая, насколько ошибается. – Перед работой, ранним вечером. Взяли, когда в машину садился. Она у меня во дворе стоит обычно, я тебе говорил про батареи. Ну вот перед машиной и повязали. Я, конечно, пробовал отбиваться, но результат ты видишь на моем лице...

Он усмехнулся, краем когда-то белого шарфа промокнув кровотокающую ссадину.

– Потом повезли сюда. Допрашивали. Я, когда сообразил, что происходит, сразу правду говорить начал, мне скрывать нечего... Но это Капкана, как ты понял, особенно не убедило...

– Заметил. – Матвеев кивнул, вспоминая гладко выбритое лицо хозяина особняка. То, что он до сих пор не сумел взглянуть бандиту в глаза, пугало сильнее, чем открытая угроза. – Но ведь Капканов не собирается на самом деле нас расстреливать?..

Последний вопрос был задан чуть менее мужественно, чем на это рассчитывал Леша, но Покрышкин будто не уловил слабину.

– Кто их знает, Леха, бандитов этих? Но на званый ужин я бы тоже надеяться не стал, если ты понимаешь, о чем я.

– Нас должны искать, ведь так? Нельзя же просто похитить человека, чтобы об этом

никто не знал... – Отчаяние отступало, стоило лишь затеплить в душе огонек надежды. – Моя соседка обязательно позвонит в милицию, расскажет, как все произошло. Вас тоже должны будут хватиться... может быть, жена? У вас ведь есть жена, мне почему-то так казалось?

Прежде чем ответить, Павел задумчиво почесал за ухом. Ему очень не хотелось рушить ожидания напарника, но и смолчать он не мог.

– В нашей стране ежегодно без вести пропадает примерно сто пятьдесят тысяч человек. Три-четыре тысячи из них в мегаполисах. А жены у меня нет. Была в свое время. – Его голос, к удивлению Матвеева, вдруг дрогнул, словно прочная лодка самообладания вдруг щелкнула скулой по подводному камню. – Не выдержала моей работы. Так что только на соседей уповать и остается. А как меня брали они точно не видели. Вот так-то...

Казалось, что возникающие в разговоре паузы лишь увеличивают сырость воздуха, делая камеру все неуютнее.

– Но ведь нужно что-то делать. – Алексей поднялся с нар, от волнения не в силах усидеть на одном месте. Принялся мерить крохотную клетку шагами. – Нужно что-то предпринять, нельзя сидеть сложа руки.

– А что ты предлагаешь? – Павел машинально потянулся за сигаретами, спохватился, бессильно опустил руку. – Может, побег запланировал?

– Нет, конечно! – Леша вспомнил тяжелые корпуса боевых роботов, охраняющих периметр. – Но нам нужно как можно скорее доказать Капканову правоту своих слов. Даже если для этого придется рассекретить Мастер-Чифа и предъявить его разработки. Когда Валерий Валерьевич увидит доказательства того, что психотропная онлайновая программа существует, он снимет с нас вину...

– Ох, Леша... да ведь мы же с тобой не в суде, чтобы с нас вину снимали... Хотя, лукавить не буду, об этом я тоже думал. Последний козырь, так сказать. Ох, Мастер-Чиф расстроится. Да и бес с ней, с программой этой. – Покрышкин сел на кровати, свесил ноги. Поморщился, потер ребра. – Не знал про нее никто еще вчера, и сегодня пусть не знает. Доѐхнуть за нее точно не намерен, а игры оставим большим дядям... так в чем дело, Леша?

Он устало склонил голову, вкрадчиво заглядывая напарнику в глаза. Сдержаться и не перемениться в лице, слушая шефа, Алексей так и не смог. И сейчас поза Павла говорила лишь об одном – выложить начистоту все же придется...

Усевшись напротив и стараясь ничего не упустить, Алексей рассказал. В памяти снова пронеслись вечерний визит, соседка-заложница, похищение и лесное убежище. О душеспасительных беседах Матвеев почти не упоминал, посчитав лишним, но про точку зрения адистов и непосредственное участие Сатаны поведал, не удержавшись от едких комментариев.

Когда рассказ дошел до штурма и невольного спасения Леша от скорой казни, Покрышкин потряс головой. Наклонился вперед, оперся локтями в колени, потер виски.

– Значит, дьявольская программа, пожирающая человеческие души, потребовалась неогоевистам? – Он дождался, пока Леша кивнет в знак того, что рассказ окончен. – В таком случае их появление гармонично пополняет набор придурков, окружающих нас в последние дни. Сначала Бог звонит по телефону, потом парни с крестами во лбах утверждают, что это Дьявол. – Павел хохотнул, причем совсем ненаигранно. – Корпорации просят не лезть в это дело, а бандиты собираются карать за совпадение. Ну, раз уж ты упомянул о ней, для полного счастья в картине не хватает появления моей бывшей жены.

Он продолжал похихатывать, и этот легкий заразительный оптимизм невольно передался и Леше. Ежась от прохлады и сырости, стажер улыбнулся.

– Вот это коктейль, Лешка! – Павел набросил на плечи тонкое одеяльце. – Ладно еще какой-то больной, решивший превратить игру в оружие, но сектанты-то тут при чем? Это даже хлестче, чем моя командировка в Казахстан. Напомни мне когда-нибудь за рюмочкой чая, я обязательно расскажу, как...

Но Покрышкин не успел даже намекнуть, что за поездку совершил в Казахстан и чем

она была похожа на безумный ураган, подхвативший «Кобрятку» пару ночей назад. Динамик, вмонтированный в стену у дверей, включился со звонким щелчком. С легкими помехами, чуть спотыкаясь в конце каждого слова, в тюремную камеру ворвался негромкий мужской голос:

– Доброй ночи, мужчины. – Шеф и Алексей переглянулись, и по заблестевшим глазам Покрышкина Леша сообразил, что голос показался знакомым не только ему. – Сожалею, но вынужден прервать вашу интересную и не лишённую логики беседу.

Павел нахмурился. Здраваться в ответ он явно не спешил.

– С кем имеем честь говорить? – Зябкая прохлада заползала за ворот легкой рубахи, и он плотнее запахнул одеяло на плечах.

– Максим. Вы не знаете меня, Павел. И вы, Алексей, тоже не знаете. – Матвееву почудилось, что при этих словах мужчина легко поклонился, но отсутствие видеосвязи – прямая дорога к фантазиям. – Полагаю, что это повод для знакомства. Особенно учитывая, что о вас мне кое-что известно...

– Ах, оставьте, – небрежно отмахнулся Покрышкин, словно собеседник мог его видеть. – Если ты, Максим, доверенное лицо Капкана, то можешь не надрываться. Говорить я буду только с ним. Лично.

На несколько секунд наступила тишина, и Леше даже показалось, что посыльный Капкана сдался, выключив переговорное устройство. Но тот все же ответил. И после того, как смысл сказанного неторопливо достиг сознания, у Матвеева чуть не скрутило живот.

– Вообще-то, Павел, вы неверно меня поняли. Я не имею никакого отношения к Валерию Капканову. Однако имею отношение к вам с Алексеем, а потому и начал этот разговор. Я... – Максим задумался, словно подбирая слова. – Я хочу помочь вам покинуть этот небезопасный дом.

Пока Матвеев боролся с волнением, охватившим его, Покрышкин среагировал мгновенно:

– Это шутка, да? Заскучавший тюремщик решил побаловаться? Так вот, парень, я не обломаюсь передать это Капкану. Вот тогда тебе точно не станет скучно...

– Нет-нет, Павел. – Голос Максима стал еще мягче, будто он испытывал неловкость. – Я вовсе не охранник. Я действительно могу вытащить вас отсюда. Прямо сейчас. Вытащить в целости и сохранности. В обмен на одну небольшую услугу.

Алексей сумел взять себя в руки, но щеки горели, несмотря на подвальную прохладу. Закусив губу, он наблюдал за шефом, в свою очередь, не сводящим глаз с динамика у двери. Покрышкин прищурился, словно хотел одним взглядом испепелить переговорное устройство. Произнес тягуче, с откровенным вызовом:

– Если Капкан решил организовать наш «побег», чтобы пристрелить в спину, то зря старался. – Леша, которому такое и в голову прийти не могло, вздрогнул. – Пусть лучше уж тогда расстреляет на заднем дворе, у бассейна. А если руки пачкать не хочет, роботам прикажет...

– Нет и еще раз нет, Павел... – Теряющий терпение голос казался Алексею все более знакомым, но встрять в разговор он так и не решился. – Я предлагаю самый настоящий побег. И не имею никакого отношения к Валерию Капканову.

– Разговаривая по устройству внутренней связи? – скривился Павел.

– А кто вам сказал, что нельзя перехватить управление системами особняка, не находясь внутри?

В наступившей тишине стало слышно, как в системе канализации шумит вода. Теперь Матвеев окончательно убедился в своей догадке, вскакивая со шконки.

– Это он! – Леша вытянул руку, нацелив указательный палец, словно оружие, прямо на динамик. – Максим – не человек Капкана. Это он звонил в офис вчера утром. Он угрожал нам!

Павел взглянул на напарника снизу вверх, затем в его глазах вспыхнуло понимание. Однако Максим опередил любые слова, вздохнув тяжело и устало.

– Вы не совсем правы, Алексей. – Было сложно представить, что бездушный механизм так качественно и четко передаст эмоции разочарования и душевной пустоты. – Дело в том, что у нас очень похожие голоса. У нас с братом. Вчера утром в своих АйПи-фонах вы слышали именно его. И, кстати, я уже проинформирован об этой глупой и эксцентричной выходке.

– Что такое ты несешь? – Покрышкин тоже встал с нар, сбрасывая одеяло. – Хочешь, чтобы мы поверили в такую чушь? Теперь и я узнал тебя, молодой и могущественный Бог, – последние слова он произносил, уже совсем не скрывая издевки. – Не смог воспользоваться безопасниками, так натравил бандитов?

– Я устаю повторять одно и то же. – Максим, казалось, собирается с силами, чтобы не повысить голос, и от этой простой реакции Леша вдруг почувствовал, что его теория не совсем так прочна, как думалось минуту назад. – Вы разговаривали с моим братом. Вы втянуты в неприятную историю с его программным детищем, весьма опасным, как вы уже знаете. До этого нет дела ни охотникам, ни милиции, ни конечным пользователям программы. Но есть мне и есть вам. Потому я и хочу спасти вас от бандитов.

Покрышкин бросил на напарника быстрый взгляд, и Леша с легким разочарованием подумал, что броня шефа только что треснула. Теперь оставалось лишь уповать, что это не было признаком мягкотелости, а скорее являлось доказательством острейшей интуиции.

– Почему ты думаешь, что мы поверим? – спросил Павел, оборачиваясь к динамику.

– Если начистоту, – Матвееву опять показалось, что собеседник пожал плечами, – у вас нет выбора. Все предельно просто. Мы не ладим с братом, вы в этом замешаны, оказываете мне услугу в обмен на спасение, разбегаемся...

– Тебя послушать, так Капкан нас вовсе на блюще преподнес, в плен взяв. А ты – рыцарь в сверкающих доспехах, прибывший нас спасти, так?

– Ну, если честно, то да. – Этот чистосердечный ответ удивил Алексея, теперь смущенного своим недавним вмешательством в разговор. – А то и не знал, как к вам подступаться...

– Ну что же... – Покрышкин, якобы поверивший в откровенность Максима, развел руками. – Осталось лишь доказать, что ты и правда можешь нас отсюда вытащить.

Он болезненно улыбнулся, подмигивая Алексею, и точно в это мгновение в двери щелкнули электронные замки. Чуть слышно скрипнув, она приоткрылась на ладонь, впустив в камеру струю свежего воздуха.

– Мои способности удивят вас, Павел, – ответил динамик несколько секунд спустя. Все это время Покрышкин и Матвеев молча смотрели на щель в двери, будто оттуда сейчас должно было наброситься на них что-то страшное. – Скажем так – весь этот напичканный электроникой дом у меня в руках. У вас еще остаются сомнения?

Сомнения у Леши были – уж больно точно он вспомнил, как неизвестный хакер, названный сейчас братом Максима, устраивал им весьма похожую демонстрацию своей силы. Но Павел, казалось, не заметил сходства, уже приступив к обсуждению деталей:

– На улице вооруженные патрули и армейские радиоуправляемые роботы. Несколько постов охраны, мощные ворота. Как ты планируешь отступление?

– Оставьте это мне. Лишь четко выполняйте инструкции и не пытайтесь геройствовать. Будут жертвы, но вас это тревожить не должно.

– Как будем держать связь?

– Любой динамик в этом доме отныне стал моим, но и без связи вы все поймете, я верю. Вы готовы?

– Почти, – кивнул Покрышкин. – Но помни, Максим, что если вдруг ты...

– Да-да, – не дослушав, согласился динамик, – если я вдруг обману, ты найдешь меня, и я пожалею. Но этого не произойдет. Если готовы, то...

– Стой! – Алексей, шагнувший поближе к микрофонам переговорного устройства, испугался собственного порыва. К щекам прилила кровь. – Еще кое-что...

– Слушаю, – терпеливо ответил Максим.

– Эти люди снаружи... охранники и слуги. Я хочу, чтобы во время нашего побега никто не пострадал. Если ты так силен, как утверждаешь, то сможешь не допустить смертей.

Они ждали ответа несколько тягучих секунд. Павел, оценивающе щурясь, поглядывал на стажера, продолжавшего удивлять. Динамик молчал.

– Хорошо. – Максим наконец заговорил. – Никто не умрет, анализ ситуации позволяет провести операцию без жертв. И теперь я точно знаю, что не ошибся, выбрав в помощники именно вас...

Фыркнув, Павел что-то прошипел сквозь зубы, вновь поразив Матвеева знаниями в области русского мата. Выглянув наружу, поманил к себе.

Осторожно приоткрыв дверь чуть шире, напарники вышли в пустой коридор.

Однако прежде чем перешагнуть порог подземной камеры, Покрышкин ухватил Лешу за рукав. Говорить ничего не спешил, многозначительно взглянув на динамик и микрофон переговорного пульта. Но по глазам шефа Матвеев все понял и так – тот спрашивал парня, готов ли он пойти за ним, доверившись неожиданному, но очень странному спасителю.

Леша кивнул, почти не раздумывая.

– И еще, – уже за закрывающейся дверью, негромко прошепел динамик им вслед, – постарайтесь сохранять хладнокровие...

Последний совет, как убедился Матвеев, был совсем не лишним. Едва пленники покинули камеру, как где-то наверху, над головами и метрами бетона, взревела сирена тревоги. Покрышкин вздрогнул, отшатываясь влево и прижимаясь к стене, но уже через миг посмотрел на Лешу, многозначительно покачав головой – судя по всему, Максим слов на ветер не бросал. Конечно, Алексей хотел поинтересоваться, как это они планируют выскользнуть из особняка под рев тревоги, но счел уместным промолчать...

Сирена гудела до отвращения надрывно, что было слышно даже в подzemелье особняка. Однако больше ничем проявлять себя Максим пока не спешил.

Хищно щурясь, Павел повертел головой, пытаясь определить, в какую сторону им стоит идти. Вправо тянулись ряды камер и виднелась развилка с лестницей, по которой их привели. Налево коридор упирался в зеленую дверь, за пару шагов до нее раскалываясь на еще одно разветвление...

Зеленая дверь, замыкавшая тюремный блок, тут же открылась, мягко распахиваясь на механическом доводчике. Не мешкая ни секунды, Покрышкин подскочил к ней, замахиваясь для удара, но опустил руку. За порогом не было никого, и лишь зеленый огонек на электронном замке намекал на то, кто именно открыл проход.

Едва Павел и Леша миновали дверь, она плотно закрылась за их спинами. Осмотревшись, обнаружили себя в техническом блоке. Их окружали переплетения труб и нагромождения электрических шкафов. Где-то в полумраке гудели генераторы, верхний свет был скуп и разгонял мрачные тени подвала далеко не в каждом углу. Сирена наверху продолжала концерт и не собираясь умолкать.

Потащив напарника за собой, Покрышкин двинулся в глубь подвала, внимательно осматриваясь по сторонам. Высунувшись из-за пучка изогнутых труб, сразу юркнул обратно, отталкивая Лешу... Но тут же облегченно вздохнул, показывая, что тревога была ложной.

Вышли на пункт диспетчера, сейчас пустующий. Два кресла, шкаф для спецодежды, большой стол... С одной стороны, отсутствие диспетчеров было странным, с другой – могло являться частью плана Максима. А тот, легок на помине, снова дал о себе знать.

На столе, заваленном газетами, кофейными кружками и техническими схемами подвала, ожил коммуникатор. Не попросил ответить на вызов, не издал сигнала – просто включился, и беглецы вновь услышали голос своего проводника.

– Пройдете через подвал, следуйте указателям на полу, – Максим инструктировал без спешки, но было понятно, что повторяться он не намерен, – очутитесь в системе обслуживания оранжереи. Там подниметесь наверх, через подсобные помещения попадете на задний двор. Будет ждать машина, она ваша. За руль не садитесь – падайте на заднее сиденье и постарайтесь не попасть под шальные пули... Про выезд с территории тоже не

переживайте. Это все, вперед!

Услышав про пули, Леша похолодел, но адреналин уже делал свое дело, и останавливаться или переживать было поздно. Стараясь не отставать от Павла, он бросился за ним через подвал, высматривая на полу трафаретные указатели.

И тут они впервые встретили прислугу. В конце одного из коридоров, образованного распределительными щитками и трубами, показался коренастый китаец в синем рабочем комбинезоне. Заметив чужаков, оторвался от приборов на щитке, чьи показания изучал, а глаза его распахнулись. Однако поднять тревогу или убежать слуга не успел.

Слева от подвального работника, прямо на уровне головы, располагалось несколько тонких труб. Именно на одной из них вдруг от перегрузки лопнул клапан, со свистом выстрелив в лицо человека струей обжигающего пара. Китаец заверещал по-звериному, вцепляясь в обожженные щеки, повалился на пол и покатился, подвивая и скрежеща зубами. Свист пара и неожиданный шум воды в трубах заглушил его вопли...

Алексей примерз к месту, глядя на муки случайного свидетеля их побега. Казалось бы, после похищения и перестрелки в лесу человеческой жестокости можно было не удивляться, но он застыл, не в состоянии пошевелиться. Максим обещал не убивать охрану или прислугу. Но теперь Матвеев не знал, что было бы гуманнее...

Из ступора его вывел Покрышкин, рванувший за воротник в соседнее ответвление. На полу, светясь в полумраке люминесцентной краской, виднелась стрелка и надпись «Оранжевый 10 м».

Переставляя ноги, словно во сне, Леша бежал за шефом, раз за разом невольно прокручивая в голове, как белоснежный щуп пара вонзается работнику в лицо... Хладнокровие и расчет, с которыми Максим вывел слугу из строя, поражали своей бесчеловечностью. О том, что такой бесчеловечный расчет спасает их шкуры, сейчас Матвееву как-то не думалось...

Здесь было прохладнее – работа систем вентиляции и охлаждения пышного сада делала воздух влажным и по-морскому свежим. Миновали запертый пандус, грузовые лифты, которыми в подвал на обслуживание доставлялись растения, выскочили к широкой открытой лестнице. Над головами виднелись сверкающие стекла стен и буйство зелени, тени которой плели на ступенях причудливую паутину.

Пригибаясь, Покрышкин выглянул из-за края лестничного подъема. Леша не отставал. В другое время настоящие джунгли, окружившие его со всех сторон, поразили бы до потери речи. Сейчас же, слушая зловещую сирену и вспоминая китайского рабочего, все это казалось блеклым и безразличным.

А вообще сад впечатлял – лестница, расположенная посередине огромного стеклянного помещения, была окружена самыми разнообразными растениями: от родных ромашек до экзотических лиан, спускавшихся с потолка. Специальные жалюзи оставались полуприкрытыми, создавая иллюзию светлой осенней ночи и отгораживая сад от искусственного освещения территории. Так же, как снаружи, где-то звучала фонограмма птичьего пения, едва различимая, когда сирена на секунду переводила дыхание.

Не выпуская рукав Матвеева, начальник повел его по зеленому лабиринту, стараясь как можно мягче наступать на мелкие камушки дорожек и пригибаясь. Камеры, наблюдавшие за искусственным лесом, услужливо отворачивались или вовсе отключались, стоило беглецам приблизиться к сектору обзора. Ни слуг, ни охраны тоже не было заметно...

Однако дверь, ведущая на задний двор, упорно не попадалась на глаза, скрытая дикими зарослями. Сделав по саду почти полный круг и безбожно ругаясь вполголоса, Павел сплюнул, в отчаянии махнув рукой в сторону дома. В отличие от внешнего входа, к внутренним дверям вела широкая аллея, пропустить которую было очень сложно.

– Выбираемся через подсобки в доме, прямого выхода не вижу, – прошептал Покрышкин на ухо напарнику, надеясь, что тот услышит сквозь жуткую песню сирены. – За мной...

И снова бросился вперед, не дав перевести дух. По стеклянным стенам оранжереи

заметались лучи прожекторов, но делали это хаотично, беспорядочно, навевая мысли то ли о вторжении на военную базу, то ли о ночном клубе...

Двустворчатая дверь услужливо открылась ровно за два шага до нее. Зеленые огоньки, подмигивающие Матвееву, говорили – Максим следит и прикрывает. А уже внутри, в помещении для садовников, выводящем в дом, их снова заметили. И на этот раз не просто прислуга...

Охранников было двое – все те же строгие черные костюмы, сверкающие сорочки, галстуки. В руках – короткоствольные автоматы. Очевидно парни охраняли здесь одну из лестниц на второй этаж, но паника и неразбериха на улице сбивали с толку, заставляли нервничать. Водя стволами из стороны в сторону, они словно не могли решить, оставаться на месте или бежать вверх, к своему вожаку.

Дверь, через которую беглецы попали в дом, и автоматчиков разделял широкий холл, увешанный произведениями живописи. Покрышкина и Матвеева заметили сразу, но первые несколько секунд, как показалось Леше, принимали за слуг. Один из охранников даже махнул рукой, сопроводив пожелание убираться с глаз цветастым матом. Однако тут же спохватился, вздрогнул, вскрикнул и принялся поднимать оружие...

В этот момент снаружи началась дикая пальба, причем вовсе не случайно, как можно было догадаться. Чуть позже, попав на улицу, Алексей узнал, что в симфонию включились автоматические пулеметы на сторожевых башнях. Сразу после вступления к их тяжелому рокоту присоединились боевые роботы, запустившие сразу несколько ракет.

Одна угодила в фонтан, оставив на его месте гору мраморных обломков и упругую пенную струю, лупящую в ночное небо. Вторая разрушила угловую башню охраны, сейчас пустующую, пробив в кирпичной кладке немалую брешь. Еще две взорвали лестницу, ведущую к парадному входу, заставив высыпавшую на улицу гвардию Капкана искать укрытия. Но все это происходило где-то там, снаружи, и Матвееву еще лишь предстояло оценить последствия неожиданного бунта машин...

А здесь и сейчас пули вдруг принялись крошить стеклянный купол оранжереи.

Все четверо – и беглецы, и автоматчики – невольно пригнулись, вскидывая руки, словно потолок рушился прямо над их головами. Этой короткой заминки хватило Максиму, чтобы снова дать о себе знать.

В холле неожиданно погас свет. Не весь – из нескольких десятков самых разных ламп остались гореть лишь несколько, освещавшие лестницу и охранников у ее подножия. Остальной зал погрузился в темноту, и Павел рванул напарника вправо, роняя на пол. В следующую секунду в темноту, где только что находились беглецы, ударили пули автомата, кроша дверь, резные столики для журналов и рамки картин на стенах.

– Охренел?! – Второй охранник ударил по стволу, отводя оружие в сторону. – Попадешь в картины, Капкан шкуру спустит!..

– Какого?.. – всматриваясь в темноту, неожиданно окутавшую зал и пышный сад Капканова, заматерился второй. – Центр, центр, что за херня со светом, сектор восемь?! Димон, ты их видишь?

Последняя фраза предназначалась второму автоматчику, тоже пытавшемуся связаться с системой управления домом. Однако манипуляции с сенсорным лацканом пиджака ни к чему не приводили – связь молчала. За стенами дома продолжали лупить пулеметы, по просьбе Матвеева крошившие лишь камни и стекло, но почти не трогавшие людей.

Воспользовавшись замешательством охраны, Покрышкин чуть ли не ползком потащил Лешу вперед и вправо, вдоль стены. Матвеев до боли сжал зубы, стараясь не отставать, и в этот момент почувствовал себя на настоящей войне. Оставалось лишь молиться высшим силам и надеяться, что Максим внимательно наблюдает за их перемещениями...

Таким образом, только за первую половину 2029 года рост прибыли отечественных компаний – производителей приборов и АйПи-станций для подключения к онлайновым сетям – составляет более 48%. При этом, по мнению экспертов, к концу года эта цифра может быть увеличена практически вдвое.

«Уровень спроса на так называемые саркофаги в стране сегодня настолько высок, что у производителей есть все возможности для трехкратного увеличения объемов производства, – уверен директор по маркетингу компании «МайндСтэйшн Про» Леонид АЛЕКСЕЕВ (г. Томск). – При осуществлении самых скромных прогнозов, в нашей компании мы планируем к концу года увеличить продажи еще на 25%. И это тенденция всего рынка. Она, в свою очередь, приведет к очередному снижению цен на бюджетные, социальные модели».

Газета «Континент Сибирь», 2032 год.

Уровень загрузки – 44,5%

Как выяснилось, наблюдал.

В холле начал включаться свет. Резко, хаотично, с разной яркостью и частотой. Острова света стали выхватывать из темноты фрагменты комнаты, дверей и стен с богатейшими репродукциями картин древности. Охрана, словно бестолковые сторожевые псы, послушно среагировала, причем мгновенно. Вертела головами, целясь по светлым пятнам, вспыхивавшим на одну-две секунды. Готовилась стрелять, но не видела целей... Затем вспыхивал новый пятачок, и прицел переносился в другую сторону.

Совершенно сбитые с толку автоматчики топтались на месте, отчаянно ругаясь друг на друга, словно в происходящем был виноват кто-то из них. Стрелять наугад больше не спешили.

Держась темноты, старательно укрываемые Максимом, Павел и Леша почти добрались до двери, ведущей на улицу. И тут же услышали ровный гул крохотного, но очень мощного двигателя. Затем раздался предупредительный гудок, как будто снаружи к двери приближался бульдозер, и Покрышкин новым рывком отбросил Лешу в сторону.

С жутким грохотом, перекрывавшим даже звуки перестрелки, в бронированную дверь вломился боевой робот, таранным ударом выбив ее вместе с дверной коробкой. В облаке пыли, обломков и комьев земли он вкатился в холл, роняя короб на дорогой паркет. Замер в проломе, мягко покачиваясь на прорезиненных гусеницах и вода башней. Включились фонари и лазерные прицелы, сквозь пыль принявшиеся ощупывать комнату.

Сначала охрана возликовала, однако поняла все почти сразу. Прицелы скользнули по людям, стволы пулеметов машины повернулись в сторону лестницы, и робот двинулся вперед, освобождая пролом. Автоматчики подумали было отстреливаться, но ситуацию оценили довольно резко и оперативно ретировались на второй этаж. Однако этого Максиму показалось мало, и робот дал вслед отступающим несколько коротких очередей, раздробив дубовые перила и в клочья изодрав ковровую дорожку, покрывавшую ступени.

Развернув башню, робот навел фонари на беглецов, все еще лежащих на полу в нескольких шагах от пролома. Сейчас он был похож на существо из фантастического фильма шестидесятилетней давности – угловатый, угрожающий, виднеющийся в облаке оседающей пыли лишь фрагментами, с яркими кляксами фонарей и прицелов. Высветив Павла и Лешу, будто зайцев в ночном лесу, робот качнул подвижным корпусом в сторону выломанной двери.

Повторять или что-то уточнять не пришлось. Вскочив, напарники прыгнули в дыру, стараясь не оступиться на обломках. Выбрались наружу, кашляя и щурясь. Тут все кипело...

Сирена продолжала надирать глотку, и теперь ее было слышно куда лучше. Где-то за домом шла стрельба, причем воинство Капкана, вероятно, все же решило отбиваться от собственных машин. Раздавались взрывы гранат. Особняк, казалось, тоже сошел с ума – в комнатах включался и выключался свет, приборы жили своей жизнью, ставни на окнах то опускались, то снова поднимались, напоминая тяжелые веки гиганта.

Прижавшись к стене, Покрышкин кусал губы, соображая, что делать дальше. Алексей, все еще ошеломленный происходящим вокруг, старался лишь не отстать. Дышать было тяжело, грудь сжимал страх, медленно перераставший в неприятное липкое оцепенение... Но выбирать, в какую сторону бежать по задворкам особняка им не пришлось.

Из-за угла, пробираясь напролом через изящные клумбы и кроша гранитные бордюры,

вылетел черный внедорожник. Фары были выключены, в салоне царилась кромешная тьма. Машина вошла в занос, кормой своротив хрупкую статую на массивном постаменте, выстрелила из-под колес струями чернозема, перемешанного с изумрудной травой. Отчаянно сигналив, понеслась прямо к пролому, будто намеревалась размазать Павла и его напарника по барельефам дома.

Джип затормозил до неприличия близко, с новым лихим заносом, окатив обоих ошметками дерна. Не успели беглецы прокашляться, стряхивая с голов комья земли и травы, как задняя дверца широко распахнулась. В пустом салоне зажегся свет, а машина тревожно и громко загудела сигнализацией. Будто норовистый конь, замерший перед любимым хозяином – прыгай, Иван-царевич, прокачу тебя с ветерком...

Леша почувствовал, как крепкая рука грубо забрасывает его на заднее сиденье. Соображал он с трудом, ошарашенный взрывами и стрельбой, а потому подчинился покорно, больше напоминая мешок с соломой, чем живого человека. Покрышкин прыгнул следом, захлопывая дверь.

За рулем, и Матвеев наблюдал это без особого удивления, не было никого. Однако тот крутанулся, машина дернулась, снялась с места и сразу принялась набирать скорость, вновь проламываясь сквозь клумбы и ограды аллеи. Развернувшись по широкой дуге, джип обогнул побитую пулями оранжерею, устремляясь к воротам.

Людей, запертых в электромобиле, нещадно трясло. Не успев ухватиться за поручень над дверью, Леша скакал по салону, стараясь не задеть шефа. Тот, надо заметить, напарника все же зацепил, болезненно приложив локтем в ребра, но ухватиться за пластиковую ручку смог первым. Подлетая на ухабах и бордюрах так, что головы вминались в мягкую крышу внедорожника, они увидели войну, развернувшуюся перед особняком Капкана.

Взбунтовавшихся роботов было трое, от силы четверо. Двигаясь неспешно и чинно, они переколотили почти всю уличную иллюминацию, затем распределились по огромному двору перед домом, обстреливая его из пулеметов. Как и просили Максима, били машины не по людям, уничтожая лепное изящество, украшавшее стены. Однако грохота от этого было не меньше, а свист пуль, дым из воронок и мечущиеся лучи прожекторов превратили образчик утонченной архитектуры в настоящее поле боя.

Люди отстреливались, в дело пошла тяжелая артиллерия. Когда машина, захваченная Максимом, прижалась к внешней стене и проскочила центральную аллею и разбитый фонтан, из окна особняка с шипением прочертили дымный след, упершийся в одного из армейских роботов. Боевое устройство взорвалось, отшвырнув в стороны куски гусениц и гнутые стволы пулеметов, а из осажденного дома послышался дикий крик откровенного ликования. Но все это стремительно осталось за спиной, потому что джип подлетел к воротам...

Управлял Максим, словно всю свою жизнь провел на профессиональной гоночной трассе. Входя в ювелирные заносы, он обруливал особенно тяжелые статуи, ловко нырял в проходы живых изгородей, перепрыгивал ограды. И в тяжелые ворота, распахнувшиеся ровно за секунду до столкновения со створками, проскочил так, что едва не отшиб боковые стекла. Машину еще раз подбросило, после чего она очутилась на улице, резко развернувшись и застыв.

На приборной панели, без того яркой и усыпанной светящимися приборами, активировался АйПи-фон, замигав и наполнив салон мягкой ненавязчивой музыкой. Вытянувшись между передними сиденьями, Покрышкин поднял тонкий ободок трубки, включил громкую связь.

– Надеюсь, все целы? – В качественных динамиках акустической системы электромобиля голос Максима был полон искреннего участия.

– Целы... – сразу за обоих ответил Павел, сквозь распахнутые ворота наблюдая за битвой перед особняком. Взгляд был уставшим, злым, опустошенным. – Мы чего-то ждем?

– Разумеется, нет. – Руль тут же вывернулся, машина тронулась и покатила по идеальной дороге в направлении города. – Но если вам будет нужна остановка, только

скажите...

Но останавливаться, даже удалившись от места жуткой перестрелки, не хотел никто. Сидели молча, отряхиваясь и вытрясая из-за воротников кусочки влажной земли. АйПи-фон все еще был включен, и разговаривать в невидимом присутствии Максима не стали. Лишь понимающе кивнув друг другу, Матвеев и Покрышкин угрюмо отвернулись к окнам, уставившись на непроглядный ночной лес.

Машина, мягко покачиваясь, бесшумно подбиралась к Новосибирску, и постепенно ночь вновь сменилась искусственным днем, расцвеченная огнями витрин, рекламных голограмм, фонарей и окон.

– Я отключил все системы наблюдения за этим транспортным средством, – Максим нарушил молчание, когда они въехали на улицу Жуковского, оставив за спиной пост милиции. – Поэтому мы можем без всякой опаски двигаться прямо к месту назначения.

– И где у нас место назначения? – Перегнувшись через спинку, Покрышкин принялся по-хозяйски рыться в бардачке. Удовлетворенно хмыкнул, обнаружив початую пачку крепкого «Честерфилда». Тяжело плюхнулся на место, включил прикуриватель. – Не поделишься секретом?

Но загадочный Максим и не думал делать из этого тайны.

– Там, где мы сможем встретиться и обстоятельно поговорить.

– И что же это за место? Чем оно лучше машины? – С нетерпением дождавшись, пока прикуриватель щелкнет, Павел торопливо подпалил кончик сигареты, жадно затянулся.

– Вы это знаете сами, Павел. Полагаю, фамилия Новак вам о чем-то говорит? – Максим сделал паузу, словно мог видеть, как сузились глаза Покрышкина. – Тогда вы должны понимать, о каком месте я веду речь.

Матвеев, постепенно приходящий в себя после грохота перестрелки, не понял ничего. А его шеф, в несколько затяжек прикончивший сигарету и прикуривший от нее вторую, лишь прикусил фильтр.

– Да, я понял. Это столь необходимо?

– По-другому встретиться не сможем, а это сделать придется.

– Максимка, ты знаешь, сколько лет я в завязке? – многозначительно и с презрением процедил Павел, выпуская дым в сторону руля.

Окончательно переставший улавливать смысл разговора Леша вновь прикинулся тенью. Ему казалось, что внутри шефа сейчас взорвется крохотный паровой котел.

– Знаю, Павел, больше шести лет, – спокойно ответил Максим, совсем не обиравшись на фамильярность и продолжая колесить по городу. – Но это на самом деле необходимо. А вы, осмелюсь напомнить, теперь мои должники.

– Не рекомендую этим козырять, – все так же напряженно произнес Павел. – Я не побоюсь прямо сейчас вернуться в дом Капканова, сдаться и все рассказать. Тем паче что вины моей за его сына действительно нет.

– Я не козыряю. – Машина сбавила скорость, плавно паркуясь возле крупного торгового центра. – Но на встрече настаивать продолжаю. В противном случае, нашу договоренность буду считать аннулированной. – Максим говорил без угрозы, а, скорее с сожалением. – Павел, решение за вами.

Покрышкин не ответил. Неторопливо докурил, но не положил фильтр в пепельницу, как в первый раз. Приоткрыл окно, впуская в салон прохладный ночной воздух, щелчком швырнул на тротуар.

– Это и есть услуга, которую ты от нас требуешь? – Он закрыл окно, но продолжал смотреть на улицу, разглядывая рекламу или редких прохожих.

– Нет, это лишь ее вступление.

– Много хочешь, не так ли?

– Видите ли, Павел, – Максим, как выяснилось, был готов к подобному повороту беседы, – и вы, Алексей, кстати... – Матвеев вздрогнул, словно его застучали за чем-то неприличным. – Вы оба должны понять одну вещь. Мой брат, с которым вы уже имели

несчастье познакомиться, на самом деле готов стать Богом...

– Чего? – Покрышкин скривился, нахмурился. – Теперь и ты туда же?..

– Нет-нет, – торопливо донеслось из динамиков, – я не пытаюсь вас в чем-то убедить... Хорошо. Перефразирую. Мой брат представляет угрозу. Многим людям. Всем вампирам, если угодно, и не только. Угрозу реальную, в этом вы могли убедиться, столкнувшись с его программой. Если вы не поможете мне в самое ближайшее время, произойдет беда. Исходя из этих данных, уже не кажется, что я многого хочу.

– Значит, Максимушка, ты и о помощи нас просил, уже зная о Новаке? – с прохладцей поинтересовался в ответ Покрышкин.

– Конечно.

Леша, по-прежнему понимавший лишь часть беседы, переводил взгляд с начальника на панельный АйПи-фон и обратно. Он догадывался, что становится частичкой чего-то важного, но все еще не мог сообразить, чего именно.

– И выбора нет? – вздохнул Павел.

– Нет, – с легкой печалью подтвердил Максим.

– Ладно, Максимка, – кивнул Покрышкин, поправляя шлем знаменитого предка, – я свои долги привык отдавать. Значит, будем встречаться, как ты хочешь.

– Отель «Зимняя роза», Мраморное Кольцо, второй спутник Тажиханны, – продиктовал Максим, окончательно запутав Матвеева. – Куда вас доставить сейчас?

– Никуда, – теперь Покрышкин, принявший некое, не самое простое решение, не просил – он приказывал. – Оставь управление машиной, дальше поведу сам. И никакой слежки.

– Как скажете. – Максим согласился не мешкая. – В таком случае, до скорой встречи?

– Адъез, амиго... – Готовясь пересест за руль, Павел открыл дверь, но Максим не спешил разъединяться.

– Еще секунду, Павел. Я настаиваю, чтобы Алексей тоже был там.

– Это невозможно. – Покрышкин замер, уже поставив правую ногу на асфальт. Повернулся в сторону бортового АйПи-фона. – Ты ведь, Максимка, и сам это знаешь...

– Пусть будет просто наблюдателем, – сейчас они общались так, словно Леша не было в салоне, и от этого ему становилось зябко. – Но две головы хорошо, а Алексей мне симпатичен. Мы договорились?

Не ответив, Покрышкин все же вышел наружу, захлопнул дверь. Неторопливо обошел джип, забрался на водительское сиденье, положил руки на руль. Помедлил, что-то обдумывая.

– Поглядим... – коротко бросил в микрофон под потолком, выключая аппарат.

Как только связь была разъединена, в груди Алексея мгновенно набух болезненный ком, вырвавшийся наружу судорожным выдохом и кучей вопросов:

– Что значит невозможно, чтобы я был на встрече? Что означает простым наблюдателем? О какой гостинице говорил Максим? Что за Тажиханна? Куда мы теперь поедем? А если люди Капкана нас найдут?

– Да не тараторь ты, – беззлобно усмехнулся Павел. Поправил зеркало заднего вида так, чтобы смотреть Матвееву в глаза. – Всеу свое время, все узнаешь... – Он зубами вынул из пачки еще одну сигарету. – А Капкан нас не найдет, тут я Максимке верю...

И он завел электромобиль, вырывая с парковочной площадки.

– А куда мы едем?

– Леша, помолчи пожалуйста, ладно? – На этот раз получилось чуть резче, чем следовало, и Алексей тяжело вздохнул. Откинулся на сиденье, давая начальнику собраться с мыслями.

И было отчего... Едва ли не полчаса назад они бежали из дома крупного бандита, из настоящей подземной тюрьмы. И не просто бежали, но со стрельбой, взрывами, проломами в стенах и пальбой из гранатомета. А до этого были сектанты, чуть не казнившие Матвеева, лишь бы не отдавать врагу. А еще раньше были... Маховик событий, запущенный каменной

рукой судьбы, казалось, и не намерен останавливаться.

Заметив в специальном отделении сиденья упаковку крохотных бутылочек минеральной воды, Алексей с жадностью напился, передав несколько шефу. Тот принял молча и выпил не поблагодарив. Смотрел на дорогу, хмурился о своем, и на стажера больше не озирался...

Как оказалось, ехали в ближайший продуктовый магазин, перед которым Покрышкин припарковался хоть и молча, но на Лешу красноречиво взглянул. Учитывая откровенно каторжанский внешний вид Павла, на этот раз за покупками отправился Матвеев. Ни адисты, ни бандиты Капкана при обыске не забрали его бумажник, а потому пришлось тратить последние кровные...

Бродя по пустым проходам супермаркета, Матвеев набрал консервированного мяса, растворимой картошки, хлеба и пару гибридных огурцов. Попить взял лимонад, а после недолгих раздумий положил в магазинную корзину еще и бутылку водки.

На выходе, в проветриваемом тамбуре магазина, покупателей отлавливала попрошайка. Бабулька лет семидесяти общалась сама с собой, почти не замечая мелочи, набросанной в картонную коробку у ног:

– Жара, сушь страшная... А при этом в Красноозерске ни одной капли не упало. А это что? Правильно... озоновые дыры. Четыреста американских спутников летают и творят все это безобразие. Кстати, цены на минеральную воду упали... в этом магазине на пятьдесят копеек дешевле, чем на остановке...

Опасливо косясь на сумасшедшую, Алексей вышел на улицу, стараясь не зацепиться тяжелым пакетом за дверь. Вернулся в машину, возле которой уже лежали два свежих окурка. Сел назад, положив пакет на пол.

Все так же не произнося ни слова, Покрышкин отъехал от магазина, разворачиваясь в сторону реки. Покатили в тишине, нарушаемой лишь мягким урчанием гелиоэнергетического двигателя. Миновали район железнодорожного вокзала, выехали на Димитровский мост.

Над Обью, купаясь в широких желтых лучах, бьющих с берега, парили два рекламных дирижабля. Проектора мельтешили еще в одном месте – слева, на городском пляже у Коммунального моста, где шла развлекательная программа для редких посетителей. Эти столбы света вновь вызвали у Матвеева воспоминания о недавнем сражении и списанных армейских роботах, поливающих особняк огнем...

Что-то кольнуло в груди, дыхание сбилось. Сейчас, сидя в уютной и прохладной машине, заботливо несущей его куда-то в ночь, Алексей испытывал нечто, чему пока не мог подобрать слов.

– Павел, – не сдержавшись, на свой страх разрушил молчание он, от смущения глядя в окно, – я рад, что мы познакомились... Вы действительно бесстрашный человек, и я горжусь встречей с вами...

Вынырнув из раздумий, Покрышкин долго и внимательно смотрел на него в зеркало. Наконец вернул взгляд дороге, облизал разбитые губы.

– Бесстрашных людей не бывает, Леша, – сухим, незнакомым доселе голосом прошелестел он. – И я среди них самый главный трус... Тебе кажется, что мое поведение бесстрашно? Ох, если бы... От безвыходности все, Леша, от нее. Я же трус настоящий... всего боюсь. Боюсь выйти на улицу и за пару минут подцепить новый вирус, от которого умру за сутки. По той же причине боюсь сближаться с женщинами. Боюсь хулиганов с арматурой в темном подъезде. А еще боюсь за тех, кто рядом – ведь в любую минуту что-то может произойти, что-то нехорошее, а я не смогу ничем помочь...

Эта неожиданная исповедь исходила из Павла так же плавно, как машина скользила по гладкому полотну моста. Матвеев слушал внимательно, стараясь не упустить ни единого слова, вновь и вновь, все сильнее и глубже узнавая этого странного человека в летном шлеме и окровавленной рубашке.

– А еще я боюсь бедноты, дряхлой старости, пожара в квартире и новых терактов в

центре города... Боюсь, что друг предаст или подруга изменит. – Он закусил еще одну сигарету, но прикуривать пока не спешил. – Боюсь рэкетиров, произвола от мороженных ментов и чиновников, мошенников. Боюсь купить отравленную колбасу в магазине и навсегда угробить здоровье. И после этого ты называешь меня бесстрашным?

Павел улыбнулся потаенным мыслям, глядя прямо перед собой. Покачал головой, словно умиляясь наивности напарника. Прикурил, выдыхая дым в чуть приоткрытое окно. В машину ворвались приглушенные звуки ночного города.

– Перечисленного боится любой человек, – наконец ответил Леша, рассматривая свои руки, все еще испачканные в земле. – Любой здравомыслящий, конечно. Но из особняка Капкана меня вытащил не Максим, которого я и не знаю-то. Оттуда, прямо за шкуру, меня вытащили вы. И что такое настоящая храбрость, как не искусство жить со своими страхами, умея в нужный момент их перешагнуть?

– Да ты прямо философ, Лешка, – усмехнулся Покрышкин, постаравшись разрядить атмосферу.

Не удалось, и он снова покачал головой.

– Нет, я не философ... Но храбрость – это когда только вы знаете, как вам страшно в данный момент. Это сказал писатель Франклин Джонс, вот он, похоже, был философ.

– Если вы спокойны, когда вокруг все теряют голову, – чуть теплее улыбнулся Павел, – возможно, вы недооцениваете серьезность ситуации. Это поговорка военных американских моряков, и вот там философов точно хватает...

– А еще вы точно не трус, раз можете признаться в робости, – улыбнулся в ответ Алексей, – причем не только себе, но и малознакомому человеку, вроде меня.

– Ну, завернул, чертяка, – дернул шеей Павел, коротко хохотнув.

Длинные ремешки шлема щелкнули друг о друга. И в этот самый момент Матвеев вдруг увидел, как в машину вернулся его прежний шеф – неунывающий, крепкий, улыбочивый, даже несмотря на разбитые губы.

Угнанный у бандитов электромобиль выехал с моста, и в душу Алексея стали закрадываться первые подозрения. Почти сразу они подтвердились, и вскоре у него не осталось ни малейших сомнений о конечной точке поездки. Именно в этом дворе на них напали сотрудники службы безопасности неизвестной корпорации, имеющей отношение к психотропной программе. Именно тут жил Мастер-Чиф, отшельник и виртуоз своего дела.

На этот раз Покрышкин решил парковаться еще дальше, в незнакомых Леше дворах. Забрав пакет с провизией, бросили машину, даже не запаровав. Стараясь держаться улиц там, где освещение не работало или давало сбой, двинулись в сторону двухэтажного домика Мастер-Чифа. Украдкой, оглядываясь на каждом шагу, будто воры, они добрались до дверей, позвонили.

Конечно, он уже заметил их, причем еще на подходе. А потому ждал у входа, открыв мгновенно и впустив. В руках старика, каким его и запомнил Матвеев, был зажат дробовик.

– Святой Исидор Севильский, ты был на бойне? – Он без церемоний втащил гостей внутрь, наспех осмотрев улицу и захлопывая дверь. – Паша, да на тебя смотреть страшно! И вы, молодой человек, здравствуйте...

Леша лишь вежливо кивнул в ответ, а Покрышкин скривился, словно съел горсть незрелого винограда.

– Ой, не начинай, Мастер... Небольшая передряга, так уж вышло. Прости, что не позвонил перед приездом. – Павел прислонился спиной к стене подъезда. – Если проведешь на кухню, я все расскажу. Жрать охота больше, чем курить...

– Конечно, проведу, – вздохнул Роман Давидович, вешая ружье на плечо. – И даже подберу тебе что-то из одежды. Нельзя же разгуливать по улицам, словно ты последователь Джека-потрошителя...

Шаркая ногами по полу, он повел их в кухню, когда-то до перестройки бывшую целой двухкомнатной квартирой. Тут тоже встречались подвижные манекены, создававшие видимость многочисленности жильцов, но Леша уже почти привык, не обращая на их

однообразные движения никакого внимания.

– Печь, холодильник, вода – все в вашем распоряжении. – Широким жестом Мастер-Чиф обвел современную, хоть и грязноватую кухню. – Я поднимусь наверх, поищу одежду...

И он ушел, шелестя подошвами мокасин по линолеуму, покачивая головой и что-то бормоча. Предоставленные сами себе, напарники принялись разбирать пакет с продуктами.

К Покрышкину словно вернулась его природная цепкость. Двигался быстро, жесты стали просты и стремительны. Включил печь, бросил в нее картофель, вскипятил воду. Не успел Леша даже предложить помощь, как шеф уже вскрыл обе банки с мясом, одновременно сунув хлеб в автоматический резак и высыпав ровные ломти в милую плетеную корзинку.

А вот бутылку водки отставил в сторону, почти не взглянув. И если сначала Леше показалось, что Покрышкин просто недоволен сортом, то чуть позже сообразил, что у такого поступка была совсем другая причина... Заварили чай, газировку пока убрав в холодильник.

Чтобы хоть как-то поучаствовать в приготовлении пищи, Алексей нашел вилки и стаканы, выставил их на широкий обеденный стол, за которым легко могли отужинать с десяток человек. На всякий случай рассчитал нехитрую сервировку на троих.

К тому времени, когда Роман Давидович спустился в кухню, еда была готова и даже разложена по тарелкам.

– Нет-нет, я совершенно не голоден! – Решительно, как только пожилые умеют, замахал Мастер-Чиф, когда Алексей пригласил его к трапезе. Дробовик хозяин дома успел спрятать, но в другой руке нес ворох одежды. – Как покушаете, Паша, примерь. Кое-что, я уверен, тебе подойдет.

Сделав себе кофе, старик уселся напротив напарников, с легкой улыбкой наблюдая за тем, как гости едят. Матвеев кушал медленно, больше пил, кусок лез в горло неохотно и с трудом. При этом все косился на шефа, к которому словно вернулись богатырские силы – Павел уплетал с аппетитом, торопливо, запивая сладким чаем. От предложенной Лешей половины его порции мяса тоже отказываться не стал, доев так, словно это было изысканное телячье филе.

Только тогда Покрышкин похлопал себя по животу, довольно откидываясь на спинку стула. Вынул из рваного кармана рубахи прихваченную в машине пачку, вопросительно взглянул на Мастер-Чифа.

– Да кури-кури, тут-то можно. – Старик поднялся из-за стола, включил кухонную вытяжку. – Теперь я могу услышать рассказ? Потому что у меня тоже кое-что есть, вы уж не сомневайтесь...

И Павел, закулив, принялся рассказывать. О бандите Капканове и его сыне, о похищении, о застенках шикарного особняка. Когда речь дошла до адистов и их старейшины, Покрышкин то и дело поглядывал на стажера, пытаясь понять, все ли верно излагает с его слов. Все было точно, и Леша даже ничего не добавил.

Мастер-Чиф слушал внимательно и с интересом, лишь раз покинув стол, чтобы сделать себе еще кофе. Было видно, что рассказ не просто увлек старика, но и чем-то насторожил...

Затем Покрышкин, уже на второй сигарете, поведал про всемогущего хакера – тоже второго по счету, – обеспечившего побег. Про то, что Максим настаивал на встрече, он пока умолчал. Закончил, поразмыслил минуту, не упустил ли чего, и кивнул.

– Вот вроде и все... – Окурок зашипел в найденной Романом Давидовичем старенькой пепельнице. – Теперь твоя очередь, если есть, чем удивить...

– Пожалуй, есть. – Мастер отбросил с плеча прядь, отчего снова стал виден разъем за ухом. – Как вы понимаете, речь пойдет о программе, принесенной вами на краденом диске...

– Предпочитаю термин – экспроприированном, – с улыбкой вставил Покрышкин.

Он отошел к раковине и сейчас осторожно умывался, стирая с губ запекшуюся кровь и промывая ссадины.

– Как вам угодно, – пожал худыми плечами старик. – Первое, что я хочу сказать о самой программе. Она не для контроля над человеческим сознанием. Либо еще не закончена.

Потому что я так и не нашел протоколов, позволяющих извне управлять людьми, попавшими под чары Бастиона. Механизм есть, системы контроля удаленным оператором – нет. Я достаточно доступно излагаю?

В первую очередь вопрос адресовался Матвееву, и тот кивнул.

– Хорошо, тогда продолжим. Итак, программа опасна, но лишь сама по себе, как заряженный пистолет в комнате детского сада. Подозреваю, что агрессия вампиров, нападавших на вас, – последствия сбоя. Может быть, некорректного пробуждения... Точно пока сказать не возьмусь.

– А что с хакером, братом нашего спасителя? – Павел вернулся за стол, аккуратно вытирая разбитое лицо бумажными полотенцами.

– Он просто Бог... – Небрежно повел острым плечом Мастер-Чиф, и Алексей вдруг вздрогнул, будто его ударили по щеке. – Или Дьявол, назовите, как хотите... – Глядя в кофейную кружку, Роман Давидович не заметил, как побледнел Матвеев, а глаза Покрышкина сузились.

– Ну-ка, Рома, поясни, что ты имеешь в виду? – негромко попросил Павел, вытряхивая из пачки еще одну сигарету.

– Он всесилен, и это моя оценка, – не услышав угрозы, невозмутимо продолжал Мастер, покачивая кружкой. – Его на самом деле невозможно отследить, а код программы, о которой мы ведем речь, написан просто идеально. Если бы на свете существовал Темный Владыка, ваш программист был бы его правой рукой, не иначе. Могу лишь позавидовать корпорации, отмывшей такой самородок...

«Он просто Бог, считает Роман Давидович. – Матвеев вновь погрузился в воспоминания о недавнем. – Или Дьявол?

Кто правит миром, Алексей?»

Неужели бред, навязываемый адистами, правдив хоть на какую-то долю? Неужели и они смогли усмотреть в «корпоративном самородке» нечто опасное, дьявольски-опасное для человечества? Все это Леша хотел спросить вслух, но вдруг поймал себя на мысли, что немного стесняется Романа Давидовича, а потому отложил беседу с шефом. А тот, судя по напряженным плечам, был полон схожих дум...

– Полагаю, что когда у них, – Мастер неопределенно махнул рукой вверх, – окажется финальная версия программы, мы столкнемся с самым мощным инструментом мирового терроризма и шантажа, известным со времен изготовления ядерного или химического оружия.

– Я надеюсь, в мистическую подоплеку происходящего ты все же не веришь? – осторожно поинтересовался Покрышкин.

– Нет, конечно, Паша. Ты же знаешь, что, во-первых, я атеист. А во-вторых, ни о какой мистике речь не идет – речь идет о старательно и любовно созданной программе, о венце технической мысли современного программирования, пусть и незаконного. Конечно, я бы упрятал ублюдка за решетку, но не признать, что он гений, все равно не могу. А ваш спаситель, значит, представился его братом?

– Да-да, понимаю, к чему клонишь. – Павел проглотил дымное кольцо, погрозив мастеру указательным пальцем. – Мне это тоже в голову пришло. Вроде, а не затеял ли наш «Бог» хитрую игру?... Думаю, нет. Спасал бы тогда по-другому, да и голос изменить – раз плюнуть. А еще он решительно настаивает на встрече...

– О, что-то новенькое, – оживился Мастер-Чиф. – Хочет устроить засаду?

– Сомневаюсь, шансы были и до того. – Покрышкин многозначительно потер опухшую скулу. – Да и встречаться он хочет на Тажиханне.

Глаза Мастер-Чифа распахнулись, словно он услышал что-то из ряда вон выходящее.

– Не может быть... С тобой?

– Да, со мной. И про Новака он знает.

– Ты же не согласился, я надеюсь? – Леша вдруг опять почувствовал себя лишним, будто в кухне, кроме хозяина дома и Павла, больше не было никого. – Ну скажи мне, Паша,

что ты отказался?

Покрышкин не ответил и лишь опустил голову, побарабанив пальцами по кожаному краю своего шлема. Курил неспешно, наслаждаясь каждой затяжкой. Мастер-Чиф все понял без слов, откинулся на стуле, сокрушенно покачал головой.

– Шесть долбанных лет... – сказано было чуть жестче, и Леша удивился, услышав, на что способен воспитанный и чуть чопорный Роман Давидович.

– Не начинай, Рома, – попросил Покрышкин. – Лучше скажи, мои вещи у тебя еще сохранились?

– Конечно, – тот указал пальцем на потолок, – все в целости.

– Могу я воспользоваться твоим агрегатом?

– Без вопросов, *mi casa es tu casa*. Когда ты хочешь?..

– Прямо сейчас. – Павел бросил косой взгляд на притихшего напарника. – Время не ждет. Да и такие процедуры я откладывать не люблю, лучше уж быстрее...

Он встал, принявшись перебирать принесенную одежду.

– Вот это возьму, если ты не против? – Он отложил в сторону фиолетовую гавайскую рубашу из тончайшего льна. – Потом, разумеется...

– Конечно. – Мастер-Чиф тоже поднялся из-за стола, и Алексей принялся составлять грязную посуду в моечную машину. – Жду вас наверху.

– Скоро будем, – кивнул Павел. – И подготовь, пожалуйста, фамильяра. Любого, но не шибко страшного, ладно?

Мастер замер на пороге, словно не на шутку удивившись и задумав что-то уточнить. Постоял секунду, изучая возящегося у мойки Матвеева, ничего не сказал и удалился.

– Алексей, присядь, – возвращаясь за стол, негромко приказал Покрышкин, и тон его был таким, что отказываться не приходилось. – До того, как мы поднимемся на второй этаж, ты должен кое-что знать...

Вытерев руки о фартук на тумбе, Леша присел. Поведение начальника настораживало, предвещая не самый приятный разговор, и от этого деревенели ноги, а только что проглоченная еда начинала маршировать в сторону входа. Стараясь справиться с волнением, Алексей принялся вертеть в пальцах чайную ложку.

– Так уж вышло, что мы с тобой попали в историю, Леша. – Павел положил руки перед собой, вытянув пальцы, словно был гимназистом прошлого века, сдающим урок строгой учительнице. – И история эта нас сплотила, говнеца хлебнуть заставила, ты уж прости за грубость. Скрывать не буду, так скоро карты выкладывать не собирался...

Матвеев, еще ничего не понимающий, не отрывал взгляд от лица шефа. Посеревшее, оно превратилось в иссеченный морщинами кусок камня.

– Но раз уж мы теперь с тобой... – Он так и не смог подобрать нужного слова, чем еще сильнее тронул и озадачил Алексея. – В общем, знать ты должен кое-что. Между нами, конечно. И о том, что это секрет, тоже говорить не стану, сам понимаешь...

Шеф медленно развязал мятый и перепачканный кровью шарф, положил на стол.

– Моя настоящая фамилия не Покрышкин, – он исповедовался просто, по-мужицки, и от этой простоты у Леша запершило в горле. – Моя настоящая фамилия Новак, чешская, если слышал. И еще, я не всегда был частным охотником на вампиров. Когда-то, почти десять лет назад, я служил в специальном подразделении милиции...

Матвеев зачем-то кивнул. Ему вдруг стало ясно, почему напавшие на них на крыльце этого дома безопасники не смогли завалить Павла с той же легкостью, с какой вывели из строя самого Лешу. Не обращая никакого внимания на реакцию стажера, шеф продолжал:

– Тогда у меня была жена, перспективы в карьере, отличное послужное дело. А потом я подсел. Причем плотно. Первое время удавалось скрывать, и на работе это особенно не сказывалось – все равно график был рваный... А затем жена ушла. С работы тоже пришлось уволиться. Жизнь пошла насмарку, и если бы не Мастер-Чиф, понятия не имею, в каком гробу сейчас лежал бы твой покорный слуга.

Леша не совсем понял, какой именно гроб имеет в виду Павел. Он вообще пока не

очень понимал, о чем речь и зачем его начальник взял себе фамилию знаменитого летчика. Не успев остановить сам себя, Матвеев все же спросил:

– Я не очень понял, на что именно вы подсели?

– На то же, на что и все... – по-прежнему глядя на свои руки и стол, ответил Покрышкин-Новак, стягивая летный шлем. – И в этой стране, и в мире...

Леша, впервые разглядывающий своего начальника без шлема, тут же забыл, как дышать. Увидев этого мужчину прошлой ночью, он и представить не мог, что скрывает старый шлем. Увидев теперь, растерялся...

Павел был лысым, словно куриное яйцо. Блестящая голова бликовала под кухонной лампой, череп был крепким и правильным, будто у профессионального борца или боксера. Заметив, что Леша еще чего-то не осознает, шеф чуть повернулся боком.

Теперь Леша все понял. И повод, по которому от Покрышкина когда-то ушла жена, и причину его увольнения с работы, и знакомство с необычным Мастер-Чифом, и даже выбор новой профессии. Потому что чуть ниже затылка, правильным рядком опускаясь почти до плечевого отдела, в позвоночнике Павла виднелись вживленные в плоть разъемы, позволяющие подключаться к вампирскому гробу.

– Да, я был ныряльщиком. – Комкая в руках старинный шлем, Павел не поднимал взгляда. – Завязал шесть лет назад, не без помощи Ромки... Но завязал. Стал другим человеком. Создал себя заново. Но у прошлого длинные тени, и оно снова нашло меня...

– Почему именно Покрышкин? – на выдохе, все еще не оправившись от увиденного, спросил Матвеев. – Почему не Данилов, Удалов, Rogozin?

– Сложно сказать, – пожал плечами Павел, хотя было видно, что он все же знает. Без привычного шлема и шарфа, скрывавших разъемы, он выглядел как-то странно оголенным. – Наверное, потому, что это мой кумир.

Он взял сигарету, прикурил. Было заметно, как нелегко ему далось начать разговор, но сейчас что-то сдвинулось с мертвой точки, и слова потекли легче:

– Всегда считал, что людям не дано летать, иначе Бог создал бы нас с крыльями, – Павел усмехнулся. – Но летчики, волшебники неба, поднимающие под облака многотонные куски железа – они перешагнули этот запрет. Смогли невероятное. Отвага тянет их ввысь, чтобы превратить непослушный металл в покорное птичье перо. А уж когда в небе еще и приходится воевать, защищая свою жизнь, страну, родных... Вот где настоящие храбрецы, по-настоящему сильные духом.

Перевел дух, глотнув остывшего чая.

– На них и равнялся, когда с нырянием завязывал. А еще Покрышкин, потому что сам в Новосибирске родился, без здорового патриотизма тут тоже не обошлось. Даже контору назвал, как наш небесный маршал свою «Аэрокобру». Ласково, чтоб всегда помнить...

– Это значит... – словно подстегнутый, принялся вдруг соображать Матвеев, – что Максим знал?

– Да узнать-то не так уж и сложно, в архивах милицейских есть все, – отмахнулся Павел. – С его-то возможностями... Другое дело, что встречаться в офлайне он не хочет. А это значит, что придется снова лечь в гроб. Впервые за шесть лет.

Ложка выпала из Лешиных пальцев, звякнув по широкой крышке стола.

– Максим сказал, что я тоже должен присутствовать на встрече... – Матвеев опять слышал свой голос будто бы со стороны. Вдруг нестерпимо захотелось в туалет.

– А, да не переживай. – Павел аккуратно свернул выбранную рубашку, положил сверху шарф и шлем. – Ты-то и без гроба сможешь, тебя только наблюдать просили. Мастер все подготовит и объяснит, не волнуйся. А вот зачем Максимке понадобился я, уже другой вопрос...

Покрышкин встал. Для Матвеева – именно Покрышкин, а не какой-то малознакомый Павел Новак. Заглянув в себя, Алексей вдруг понял, что это хрупкое и неожиданное откровение никак не изменило отношения, сложившегося у него к шефу за две безумные ночи...

– Ну вот, Лешка, теперь ты все обо мне знаешь... – Павел затушил окурок, взял одежду и неспешно направился к дверям. – Пойдем, дружище, выясним, чего от нас хотел безумный Макс. Раньше начнем – раньше закончим, как говорил мой батя...

Все еще не до конца придя в себя после неожиданной и полной сюрпризов беседы, Леша последовал за начальником. Мысли переполняли, и не вполне уместные вопросы – тоже. Приказав себе сосредоточиться на происходящем, куда более важном, Алексей погнал сомнения прочь.

Перед лестницей Павел сунул ворох одежды напарнику. Пользуясь возможностью, Леша незаметно пощупал старую, потрескавшуюся, но все еще мягкую кожу летного шлема, лежащего на стопке. В это время его шеф сорвал с себя изорванную и окровавленную рубашку, весьма по-хозяйски бросив ее прямо на пол.

Поднялись в уже знакомую комнату – святая святых Мастер-Чифа. Вежливо покашливали у порога, и Роман Давидович на секунду оторвался от дисплеев. Взглянул на непокрытую голову Павла, на шлем в его руках, на осунувшееся лицо Матвеева. Хмыкнул, понимающе кивнул и вернулся к работе.

– Проходите, проходите, гости дорогие, – певуче проворчал он, указывая на чемоданчик у стены. – Паша, вот твое добро. Спирт в бутылке на полке, можешь приступать к подключению. Иди в комнату, я скоро. А вы, молодой человек, пожалуйста сюда...

Он поднялся из своего черного командирского кресла, придвигая еще одно, бежевое и поменьше, в их первый визит в комнате отсутствовавшее. Алексей, рассматривающий новый предмет мебели так, будто тот был, по меньшей мере, инквизиторской «железной девой», облизнул пересохшие губы.

– До того, как мы начнем, – услужливо пояснил Роман Давидович, – рекомендую сходить в туалет. Неизвестно, как долго продлится встреча, да и ощущение реальности теряется даже на примитивном оборудовании. Вы ведь, Алексей, не хотите, чтобы я подбирал вам новые джинсы взамен намокших?

Леша не хотел, послушно зашагав в соседнюю квартиру в поисках удобств. Уже выходя, он увидел, как Покрышкин бережно поставил чемодан на сгиб локтя. Открыл...

Внутри оказались разъемы – целый набор, золоченые, разного диаметра и назначения, явно профессиональные и очень дорогие. Аккуратно вынимая сверкающие детали из специальных пазов в поролоне, устилавшем дно чемодана, Павел принялся старательно протирать их медицинским спиртом. И только теперь Леша понял, почему начальник отказался от выпивки – в первое за шесть лет путешествие он хотел отправиться со светлой головой.

Вернувшись из туалета, Алексей обнаружил Мастер-Чифа все там же – возле нового кресла. Теперь старик уже не напоминал ему интеллигентного сноба-отшельника – он казался исследователем СС, собирающимся приступить к опыту.

Заметив неуверенность Алексея, Роман Давидович смягчился, убрав с лица хищную улыбку.

– Да не переживайте вы. Это всего лишь кибер-шлем. – Он повернулся в сторону рабочих столов, и Матвеев заметил массивный черный шишак с непрозрачным забралом, окутанный десятками проводов. – Примитивное устройство глубокого погружения в виртуальность, ныне безнадежно устаревшее.

Не без опаски Матвеев опустился в удобное мягкое кресло, а Мастер-Чиф тут же навис над ним, поднимая в руках шлем. Нагнулся, лепя к вискам парня присоски, от которых в АйПи-станцию тянулись тоненькие проводки.

Павел, это было видно через приоткрытую дверь, находился в дальней комнате с гробом. Он что-то прилаживал к саркофагу, настраивая приборы и устанавливая личные разъемы. Чуть повернув кресло, чтобы Алексей не мог видеть приготовления Покрышкина, старик вежливо, но сухо улыбнулся.

– Шлем создает не самую плохую иллюзию пребывания в ином мире, – продолжал убаюкивать он, – особенно у впечатлительных натур. Хотя с современными устройствами,

конечно, ни в какое сравнение не идет... Давайте примерим?

И он без промедления опустил конструкцию на голову Матвеева.

Стоило признать, что наделся шлем легко и удобно, будто был специально подогнан под нужный размер. Стало темно, весило устройство тоже изрядно, к тому же запахло пластмассой и чем-то не очень свежим, скорее всего, немытыми волосами. Но Алексей лишь поправил новый головной убор, заставив себя не обращать внимания на неудобства.

– Так я смогу наблюдать за Павлом?

– Да, именно. – Приглушенный голос Мастер-Чифа раздавался откуда-то слева, с другой стороны непроницаемого черного щитка, отгородившего лицо Леша от внешнего мира. – Ограниченная функциональность устройства не позволит вам полноценно войти в мир грез. Однако наблюдать и выполнять простейшие манипуляции вы сможете.

В руки Алексея опустилось что-то мягкое, и он без труда нащупал в предмете пару перчаток, пусть и не совсем обычных. От них, как оказалось, тоже тянулись провода.

– Надевайте смелее, – попросил Роман Давидович, – теперь это ваши глаза и руки в мире, которого никогда не существовало. Как только Паша закончит приготовления, я настрою шлем, и вы отправитесь в страну мечты... Без всякого физического вмешательства в вашу нервную систему, нужно заметить.

– Хорошо, я пока привыкну к ощущениям. – Алексей надел перчатки, подвигал пальцами. Расслабился, как только мог, постаравшись обмякнуть в кресле. – Вроде бы даже удобно...

– И вот еще, – чуть тише сказал Роман Давидович, опуская морщинистую ладонь на плечо Матвеева. Тот вздрогнул от неожиданности, обратившись в слух. – Алексей, хочу дать вам напутствие, как человеку, впервые перешагивающему грань. Пожалуйста, что бы вы ни увидели там, по другую сторону электронной стены... какие бы ужасы или красоты ни пришлось пережить... помните каждую секунду, что это – лишь игра, не имеющая никакой реальной власти. Вы хорошо меня поняли?

– Да, Роман Давидович. – Леша едва узнал свой голос, доносящийся из-под глухого шлема. – Спасибо, я понял.

– Паша, как там у тебя?

– Почти закончил, можешь потихонечку подключать. Я что-то не спросил – аккаунт-то живой еще?

– А куда бы он делся, если я поддерживаю? Активировать пара минут... Вы, Алексей, еще немного подождите. – Старик отнял ладонь, удаляясь от кресла. – А я пойду делать то, чего не делал уже много лет... Если почувствуете, что клонит в сон, шлем лучше снять.

И он ушел, оставив Матвеева в полном одиночестве, отрезанного от действительности грозного вида шлемофоном. Собравшись с мыслями, он попытался оценить ситуацию. Темнота способствовала, ничто не отвлекало.

Свет на происходящее обязательно прольет Максим, в это почему-то верилось. В конце концов, он на самом деле мог оказаться братом сбрендившего программиста, создавшего свое детище по заказу какой-нибудь прожорливой корпорации. Возможно, он даже посвятит в детали. И тогда, совместно, они точно поймут, что можно сделать, чтобы предотвратить повсеместное заражение...

Время потеряло свои якоря, а потому Алексей не мог с точностью определить, как долго отсутствовал Мастер-Чиф. Услышал, как тот возвращается за стол, подключая себя к АйПи-станции, что-то бормочет или напевает. А затем, без какого-то предупреждения или сигнала, шлем ожил, опрокинув на Матвеева такое количество красок и эмоций, что тот чуть не закричал.

Мягко вспыхнув цветным туманом, зажегся экран, вовсе не маленький, как себе представлял Леша, а во всю лицевую сторону, от уха до уха. В уголке закружился логотип производителя, и теперь Алексей смог воочию убедиться, что такое настоящая волшебная иллюзия.

Он повернул голову, но значок остался висеть на прежнем месте, чуть правее и выше

его глаз. Машинально, почти не отдавая себе отчета, Леша протянул руку, словно хотел дотронуться. Тут же увидел ее – абстрактную, неродную, но до сумасшествия четко отвечающую на приказы. Прикоснулся к логотипу пальцем, почувствовав, как подушечка уперлась во что-то твердое.

От полноты незнакомых ощущений Матвеева переполнил восторг, сравнимый с чем-то детским и искренним. Он невольно улыбнулся, разглядывая цветной туман вокруг себя, и провел рукой справа налево – субстанция закружилась, вихрясь колечками. Однако почти тут же свет принялся меркнуть, будто в кинозале.

– Господа, я начинаю загрузку оболочки, – раздался голос Романа Давидовича, но на этот раз не откуда-то снаружи, а совсем близко, из чувствительных динамиков шлемофона.

И загрузка началась. Сначала из глубокой темноты выпрыгнули цветные ленты, свивающиеся в логотип известного производителя электронных игр, от неожиданности заставив Алексея закрыть лицо руками и вжаться в спинку. Затем логотипы компаний принялись мелькать настоящим потоком – спонсоры и информационные спонсоры, разработчики, дистрибьюторы, локализаторы и другие, эмблема за эмблемой проплывали перед глазами Матвеева, поражая реалистичностью объема.

Затем начался потрясающий вступительный ролик, но Мастер-Чиф безжалостно прервал его, переходя к загрузке программы. Перед глазами Алексея на листе железа, одна за другой, с грохотом отпечатались буквы: «Хроники Войны».

– Алексей, вы меня хорошо слышите? – Голос Мастер-Чифа в шлеме казался вовсе не старческим, что заставило Лешу еще раз улыбнуться. Он ответил, разумно предположив, что микрофон находится где-то в районе подбородка. – Спасибо, но не так громко... Итак, вы в системе. Начинайте вход, я все объясню. Учитывая, что вы не погружались раньше, пришлось ставить триальную версию с ограниченным набором функций, так что все несложно.

Эмблема игры медленно удалялась от Матвеева, и вдруг он осознал, что парит в открытом космосе. Ощущение оказалось столь пугающим и настоящим, что он едва не сорвал с головы шлем. Взмахнул руками, когда обманутый мозг чуть не приказал телу потерять равновесие, но тут же почувствовал под спиной кресло и замер. Заставил себя успокоиться, разглядывая миллиарды сверкающих звезд, тяжелые шары планет и полосы туманностей. Было потрясающе красиво, и это, как тут же понял Леша, было лишь главное меню – прямо из пространства материализовались панели с надписями «Создать», «Настройки», «Вход» и другими.

– Сначала нужно сгенерировать своего персонажа, – продолжал Роман Давидович. – Принимая во внимание скудность оборудования, это будет так называемый фамилльяр, питомец или просто сопровождающий без класса или профессии. Видите меню справа от парящего логотипа? Активируйте его. Выбирайте тело, можете даже придать ему сугубо личные индивидуальные черты. Затем вводите свой ник-нейм... я хотел сказать имя, под которым вас будут видеть обитатели «ВарХрониклз», и подтвердите выбор. Мы подключаемся к аккаунту Павла, так что ни расу, ни сторону выбирать не придется, это уже определено. Все понятно?

Алексей вновь ответил утвердительно, размышляя, каково сейчас Покрышкину. Он, как и его клиенты последних лет, сейчас лежал в специальном саркофаге, подключенный к машине множеством особых разъемов. Матвеев сомневался, что для короткого путешествия Мастер-Чиф начнет вставлять в товарища трубки для питательной смеси или капельницы с препаратами. Но Павел все равно покоился в гробу – впервые за шесть лет, и это было... пугающе. Павел, находящийся здесь и одновременно отсутствующий, как ввалившийся в кому больной.

Следуя инструкциям старика, Леша принялся выбирать персонажа. Протянул руку, тыча пальцем в одну из панелей. Дернулся, инстинктивно уворачиваясь от развернувшегося перед собой нового окна. Приказал себе привыкать – ему казалось, он смотрится до неприличия глупо, по поводу и без онога вращаясь перед Мастер-Чифом в его же кресле...

Набор вариантов оказался просто огромен – от обычных собак и птиц до совершенно фантастических существ. Но при выборе четвероногого или крылатого выданные Мастер-Чифом перчатки были бы без надобности, а потому Алексей продолжил листать список. В итоге остановился на небольшом зверьке, напоминавшем хорька, только прямоходящего. Рабочая куртка существа, пояс с инструментами и сварочные краги на передних лапах намекали, что при управлении этим фамилярком руками Леше пользоваться придется точно.

Быстро добавил несколько индивидуальных черт – белую полосу на спине, шрам на морде, узор на левом плече. Процесс затягивал, и Матвеев заставил себя двигаться дальше. Однако с придумыванием имени все оказалось значительно сложнее. «Алексей» был, разумеется, занят. Подписываться фамилией не хотелось. Пользуясь парящей перед лицом клавиатурой, набил «СуперЛеха», но подумал и стер – получалось глупо и по-детски. В итоге остановился на «Матлексе», посчитав такое сочетание разумным и достойным. А затем вошел в игру...

Короткое вступление было малоинформативным, но ярким, как вспышка сверхновой. За минуту перед глазами Матвеева пронеслись сотни батальи самого различного масштаба, от уличных перестрелок до эпических сражений сотен тысяч воинов. Звенели мечи, грохотали пушки, плазменные заряды опрокидывали гигантских бронированных монстров, идущих в атаку на вражеские рубежи. Полный трагизма голос что-то вещал о крушении галактики, о столкновении девятнадцати высших рас, о войне конца и прочих штампованных бедствиях. Но Леша не слушал – забыв о том, что сидит в кресле, а на голове у него увесистый шлем, он летел по орбитам несуществующих планет, задыхаясь от восторга и страха.

Затем он начал падать на поверхность незнакомой фиолетовой планеты. Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, почти ощущая кожей раскаленный воздух и космическую скорость падения. Пронзил сиреневые облака, поразившись их легкости и причудливости форм, а затем на Матвеева надвинулся континент совершенно незнакомых, каких-то абсолютно диких очертаний, не похожий ни на один земной.

Падение продолжалось, и он невольно выставил вперед руки, закрывая лицо. Вскрикнул, оторопело уставившись на покрытые коричневой шерстью лапы с хищными когтями, зато в перчатках без пальцев. Теперь это были его лапы – звериные, но по-прежнему послушные. Когда он перевел взгляд вниз, сердце замерло, камнем упав куда-то в живот, потому что на Алексея набросился огромный фантастический город.

Он спикировал прямо между высоченными шпилями небоскребов, явно непригодных для жизни, но очень красивых. Рухнул на одну из круглых городских площадей, приготовившись каждой костью ощутить последний, самый тяжелый в жизни удар... так и не последовавший.

Открыв глаза, невольно зажмуренные в самый последний момент, Леша осмотрел себя. Невысокий, мохнатый, точь-в-точь как на картинках меню. Одет, будто механик или какой-то другой работяга. Сознание упорно отказывалось принимать новое тело, на которое смотрели глаза, и Матвеев улыбнулся непривычности чувств. Вход в «Хроники Войны» завершился, и он подумал, что еще долго будет вспоминать эти две яркие и пугающие минуты.

Пришло время осмотреться, и теперь стало понятно, что имел в виду Мастер-Чиф, призывая не верить окружающей красоте. Потому что она была повсюду – такое чувство, что дизайнеры «Хроник» даже крохотное невзрачное здание и любую мелочь улиц проектировали и отрисовывали так, чтобы она навсегда завладела душами игроков. Задумавшись над этим, Матвеев невольно нахмурился, вспомнив беседы покойного старейшины Захария...

Постройки самого замысловатого и изящного вида окружали площадь, делая ее одновременно похожей на современные города, дворцы из арабских сказок и улы трудлюбивых насекомых. На ветру, которого Матвеев не ощущал, колыхались огромные флаги, на столбах дымились чаши с благовониями, неяркое солнце било по площадной

плитке сотнями зайчиков, отраженными от окон. Что-то кричали зазывалы, где-то работал железный механизм, слышалась музыка. Ощущение базара стало настолько ощутимым, что Алексей вновь забыл, что полулежит в кресле.

И тогда он взглянул на окружающих его существ. Было незаметно, отвисла ли крохотная челюсть у хорька по имени Матлекс, но у Алексея Матвеева она точно опустилась. Кого тут только не было... Казалось, что все фантастические фильмы, игры, комиксы и книги, когда-либо описывающие нелюдей, были прочитаны, просмотрены и изучены, чтобы населить этот город.

К своему удивлению, Леша многих узнал – неизменных зеленокожих орков, кочевавших из игры в игру. Или высоких, надменных эльфов, вероятнее всего темных, если судить по шипастым наплечникам, агрессивным татуировкам и отвратительным цепным зверям, которых они водили в поводу. Еще тут были какие-то карлики, минотавры, люди-осьминоги, шестипалые львы, растворяющиеся в воздухе элементали и многие, многие другие. Как обычно, несмотря на обилие расцветок, размеров и пород, формы преобладали гуманоидные. Обитатели площади неспешно бродили вокруг, иногда останавливаясь для короткого разговора или подходя к торговцам.

Все еще не решаясь сдвинуться с места, Матлекс завертел головой, соображая, как быть дальше.

– Как мне сделать шаг? – негромко спросил он сам у себя, и тут же в ушах раздался голос Романа Давидовича. От того, что Мастер-Чиф следит за каждым его движением или словом, становилось спокойнее.

– Просто чуть наклони голову и представь, что шагаешь, – пояснил он. – Сначала будет непросто, но ты быстро привыкнешь.

Матвеев попробовал. Не вышло. Попробовал еще раз, и вдруг шагнул вперед крохотной мохнатой ногой в грубом ботинке. Вестибулярный аппарат попытался приказать телу завалиться вбок, но Леша быстро справился с ложными ощущениями. Сел в кресле удобнее, после чего Матлекс прошел сразу десяток шагов и остановился у шумного фонтана. Упиваясь незнакомыми, но приятными эмоциями, Алексей улыбнулся.

– Освоился? – заботливо поинтересовался кто-то за спиной, и Матлекс неуверенно развернулся.

Движение удалось не без труда, но легче, чем первый шаг – Леша просто повернул голову, силой мысли заставив хорька крутануться на месте. Взгляд уперся в широкое, покрытое пластиковой броней бедро и колено, и фамилляр невольно отступил.

Над ним возвышался гигант, высокий и широкоплечий, будто античное божество. Учитывая, что Матлекс был невысок, едва доставая до пояса обычному человеку, рядом с ним незнакомец казался просто ожившей горой. Одета эта гора была в потертые доспехи цвета хаки, чем-то напоминающие рыцарские, но изготовленные из армированного пластика; на голове гора носила глухой шлем, в темных стеклах которого сейчас отражалась озадаченная мордочка хорька. За спиной атланта крепилось что-то, напоминающее реактивный ранец, на поясе висели угрожающего вида пистолет в кобуре и огромный нож.

– Освоился, я спрашиваю? – густым басом повторил он, снимая шлем.

Тряхнул головой, рассыпая по плечам длинные белокурые пряди, и Матлекс подумал, что сравнение с античными героями было не очень уместным – гораздо больше воин походил на персонажей Эдды. Дитя Асгарда склонило голову, озадаченно хмурясь и рассматривая замершего у ног фамильяра.

– Рома, он меня вообще слышит? – поинтересовался гигант куда-то в микрофон у подбородка.

– Прекрасно слышит, – ответил Мастер-Чиф в ушах Матвеева.

Только теперь до Матлекса начало доходить. Он бросил взгляд на идентификационный бейдж, видневшийся на груди воина, пытаясь прочесть имя. Бейдж, почуяв внимание, послушно активировался, создав объемный голографический текст прямо над светловолосой

головой великана. Строчки его гласили, что перед Матлексом стоит «Шпала, арнорианин, свободный торговец, уровень-99, союзник».

– Павел?

– Здесь лучше – Шпала, меньше внимания привлечем, – подмигнул свободный торговец, больше похожий на откровенного контрабандиста. – Освоился, я спрашиваю? Матлекс... неплохой ник, молодец.

– Да, вроде освоился...

Матлекс все еще разглядывал новый образ своего начальника, сопоставляя и не переставая удивляться. Детализация происходящего просто поражала, так же, как мелочи, незаметные с первого взгляда. Он углядел пряжки на ремнях, крепящих элементы доспехов Шпалы, оторванную кое-где подкладку, следы ремонта, царапины, потертости и даже следы от пуль.

– Только ходить пока не очень получается, – добавил смущенно, безуспешно пытаясь представить, как выглядит со стороны сам.

– Тогда некоторое время покатаешься. – И не успел Матлекс возразить, как фантастический город закружился, а его взметнуло в воздух. Широкая бронированная рука усадила на плечо, оторвав от земли на добрую пару метров. – Держись крепче, а то грохнешься...

Протянув перед собой руки в перчатках, Матвеев ухватился за воздух... за выступающие детали реактивного ранца, почувствовав, как пальцы сомкнулись на чем-то объемном и твердом. Снова захватило дух, а происходящее стало каким-то сказочным.

– Вот таков я в этом мире, лучшем из виртуальных миров, – пробасил Шпала, откидывая волосы, чтобы Матлекс не придавил их ботинком. Повесил шлем на пояс. Вынул из-за нагрудного щитка пачку сигарет, вставил в рот ярко-желтую палочку. – Причем в свое время не самым последним игроком был, нужно заметить... Засек, как все окружающие глазуют?

Теперь Матлекс это увидел – на них на самом деле глазели, причем он догадался, что дело вовсе не в росте арнорианца или в его мохнатом спутнике. Прохожие оборачивались, шептались, даже тыкали конечностями. Кто-то предпочитал перейти на другую сторону площади, кто-то наоборот – заискивающе улыбался.

– Ох, натворил я тут делов когда-то, – хохотнул Шпала, и в этом смехе отчетливо узнавался Покрышкин. – Но, погляжу, не забыли еще завсегдатаи...

Широким шагом, дымя на ходу сигаретой, он направился через площадь, легко находя путь в толпе. Та расступалась, и лишь немногие решались встретиться с контрабандистом взглядом. Были и те, кто приветливо кивал Шпале или махал рукой, но таких и вовсе находились единицы. Восседающий на плече гиганта Матлекс, хоть и оставался для окружающих всего лишь предметом экипировки, чувствовал себя частичкой чего-то таинственного и великого.

– Паша?... Ой, то есть Шпала? – продолжая впитывать яркие образы, не смог сдержаться он. – А эти существа вокруг... это все живые люди? Вампиры?

Великан неопределенно дернул плечом, отчего мир Матвеева качнулся, заставив руки крепче сжаться на несуществующих поручнях.

– По большей части, да. Лежат себе в гробах, путешествуя через звезды... Но хватает и мобов, без них никуда. – Затягиваясь желтой сигаретой, тут же пояснил, не дожидаясь нового вопроса: – Мобы – mobile objects, подвижные объекты. Их еще иногда называют «неигровыми персонажами», или НПС, это английская аббревиатура. Вкратце, это существа, управляемые программой. Прислуга, торговцы, нищие, мелкие разбойники, дикие звери и так далее. Их задача – войти с тобой в контакт: продать, купить, быть убитым тобой, чтобы дать возможность заработать опыт или найти предмет.

– Ясно...

Вышли с площади, узкими улочками направляясь в сторону огромного куполообразного здания, возвышающегося впереди. В маковке стеклянного купола зиял

разлом, и именно через него в небо поднимались летательные аппараты самых различных форм и габаритов. Здесь было не так шумно, а встречные горожане в большинстве своем предпочитали пользоваться транспортными средствами, от верховых животных до стремительных глайдеров на воздушной подушке.

Немало встречалось и пешеходов, причем значительная часть их передвигалась не совсем обычно – непрерывными прыжками. Выглядело это комично и несуразно, что сразу привлекло внимание Алексея.

– Почему они скачут?

– Да черт их знает. – Великан поморщился. – Назови это традицией, если хочешь. Пережиток онлайн-игр прошлого, тогда это было в норме вещей...

– Прыгать?

– Привлекать внимание. Один из доступных способов самовыражения. В основном для малолеток. Пользуются те, у кого гроб не передает физических нагрузок. – Он презрительно ухмыльнулся. – Старайся не обращать внимания...

Чтобы не угодить под копыта или бампер, Шпала поднялся на тротуар, ускорив шаг. Теперь контрабандист лавировал среди «прыгунов», расталкивая окружающих и игнорируя недовольные возгласы.

– А куда мы идем? – негромко поинтересовался Матлекс, наклоняясь к его уху.

– В порт, – ответил тот, указав рукой на сверкающий впереди разломленный купол, и снова улыбнулся. Казалось, возвращение прошло вовсе не так тяжело, как Покрышкин себе это представлял. – Мы отправляемся на спутники Тажиханны, это во фронтире Центрального Круга.

– Фронтир?

– Пограничная милитаризованная зона, если в трех словах. – Шпала тяжело вздохнул, будто вспоминая былые деньки. – Место встречи, назначенное Максимом.

Сегодня я просто не представляю свою жизнь без онлайновой сети. Это все равно что сравнивать наши годы со временем, когда не был изобретен сотовый телефон – даже в голову не приходит, как люди жили без них сорок-пятьдесят лет назад, да? С кабинами для ныряния то же самое, уверяю вас.

После того как изобретение Бескровных стало доступно простым жителям нашей страны, я обрела настоящее счастье. Да, сначала было накладно, но техника окупилась почти в течение года. Работаю теперь на дому – в Цифросибирске я тружусь курьером по доставке пакетов высокой срочности и важности. Поэтому стала больше времени проводить дома с детьми. Когда Маша и Артур подрастут, обязательно раскрою перед ними удивительные просторы своего нового мира.

Кстати, все необходимые покупки и заказы тоже делаю, не выходя из кабины, оттуда же хлопочу по дому, управляя бытовой техникой или приборами прислуги. А еще я хочу отметить, что после того, как муж тоже стал абонентом сети, наша сексуальная жизнь приобрела совсем иной, удивительный и недоступный ранее оттенок – искренне советую попробовать всем.

Лариса Одинцова, домохозяйка, мать двоих детей, ныряльщик с двухлетним стажем.

Газета «Комсомольская правда», 2031 год.

Уровень загрузки – 53,3%

В куполообразный порт они смогли попасть, только предъявив специальный пропуск и отметившись в журнале. Завершили регистрацию на пульте, за которым их встретили два немногословных синеккожих охранника, причем Матлекс сумел догадаться, что это были как раз мобы.

Затем Шпала прошел через специальный тоннель-сканер, то же заставили проделать и фамильяра – эти десять шагов дались ему не без труда, но никто даже не подумал прокомментировать неловкость, – и лишь затем они очутились в помещении порта.

Там Шпала снова посадил спутника на плечо, все тем же горделивым шагом двинувшись через коридоры, залы и секции. Кольцом опоясывая стартовую площадку, здесь размещались терминалы и офисы. И если до входа в порт Матлекс ожидал увидеть по большей части космический сброд, как в кино про звездных контрабандистов, то почти сразу ему пришлось разочароваться.

Основным персоналом здесь были пилоты, пусть и разномастные, но аккуратно одетые и чаще всего с логотипами торговых кланов. Военные космолетчики, охранявшие грузы в пути, встречались гораздо реже. Сотрудники корпораций сновали из офиса в офис, что-то заключая, расторгая, предлагая и отказываясь. За стеклянными переборками кипела работа, решались судьбы предприятий и вершились внушительные сделки. Что-то оглушительно вещала система внутренней связи – звучали объявления, персоналу отдавались распоряжения, озвучивалось расписание стартов и прибытий. В перерывах между объявлениями в коридорах мурлыкала музыка, мягкая и ненавязчивая.

Наблюдая за оживлением, сродни тому, что обыкновенно царило на старинных биржах, Матвеев задумался. Сейчас он видел перед собой людей, зарабатывающих деньги. Играющих в то, что зарабатывают деньги. При этом где-то далеко отсюда, в реальности, эти вампиры ленились даже выйти из квартир, предпочитая накалу настоящих страстей плен иллюзии... Это было странно. Это пугало.

Свернув в широкий коридор, они попали на пандус, ведущий в центральный зал. Подобно древнеримскому Колизею, его сердцем была огромная круглая площадка, огороженная жаропрочными стеклами офисных стен. На этой площадке в видимом беспорядке, однако подчиняясь существующей строгой системе, располагались корабли.

Крохотные и здоровенные, похожие на летающие бочки. Увешанные пушками и безоружные, угловатые и обтекаемые, как пули – их тут было великое множество. Одни плавно поднимались к разлому в куполе над головой, исчезая из виду, другие наоборот опускались на дно порта, шипя гидравликой шасси. Работали лебедки, загружая в трюмы контейнеры, мобы-грузчики таскали тележки, мобы-техники заправляли двигатели и выискивали неисправности.

Разом сориентировавшись в этом шумном и многозвучном хаосе, Шпала двинулся прямо через поле, не глядя по сторонам.

– Ой, смотрите! – Матлекс протянул руку, чуть не потеряв равновесие. – Что он делает? Гигант повернул голову, и Леша услышал его недобрый смешок.

– Гавкается в чатах с такими же идиотами, как он сам... Помнишь, я рассказывал про «традиции» игр прошлого? Считай, что это сидеть на ящиках и ругаться в чатах – еще одна из них...

На ярко освещенном сооружении, в котором узнавался аппарат для получения и отправки почты, сидел игрок. Высокий, напоминающий бледно-зеленую длинноухую ящерицу, он по-турецки оседлал почтовый ящик, словно наплевав, как вызывающе смотрит со стороны. Даже с расстояния можно было разглядеть странное имя на бэйдже – Реппермосквы, а также принадлежность к клану «Уничтажители». В воздухе перед ящерицей парила проекция экрана, тонкие губы шевелились, диктуя в чат тексты сообщений.

– А зачем он туда залез? Все же видят...

Но на этот раз Шпала не удовлетворил его любопытства. Почти целиком пересек площадку, остановился перед стройным серебристым кораблем.

– Вот моя малышка! Как и прежде, ждет на старом месте. – Он прошелся вдоль борта, зашел под днище. Подняв над головой руку, ласково похлопал по дну широкой ладонью. – Круглые суммы на банковских счетах творят чудеса, не правда ли, друг мой?

Матлекс что-то ответил, хотя вопрос был явно риторическим. Все еще восседая на плече Шпалы, он разглядывал судно контрабандиста, наслаждаясь его правильными и симметричными формами.

Корабль был небольшим, юрким, пригодным и для транспортировки ценного груза, и для скоротечного боя. Виднелись орудия, оборонительные конструкции, ракетные

установки. Под кабиной, протянувшись по обшивке на пару метров, красовалась полустертая надпись «Тысячелетняя креветка».

– А что за грузы ты возил? – спросил Матлекс, примеряясь к объему небольшого трюма.

– Разное... – Шпала отмахнулся. Принялся набирать код, отпирающий входной люк. – Небольшие, но ценные вещи, если так можно сказать...

Дверь с шипением опустилась, превращаясь в пологий трап, и Алексей снова поразился деталям, наполнявшим этот мир – он заметил даже струйки пыли, осыпавшиеся с давно не открывавшейся аппарели.

Сняв фамильяра с плеча, чтобы не стукнуть о низкий потолок отсека, Шпала вошел внутрь.

– Жаль, что не смогу показать тебе космические маршруты. – Когда Матлекс зашел следом, он запер люк и двинулся в кабину. – Обстоятельства... так что придется загружаться на Тажиханну в режиме сжатого времени. А вообще это красиво. Очень...

Он как-то особенно выделил последнее слово, и Матвеев вдруг понял, как сильно Павел скучал по оставленному годы назад миру. Одернул себя, зло подумав, что есть люди, так же тепло скучающие по героину...

Прошел в кабину, с трудом вскарабкавшись в высокое кресло второго пилота. Шпала сидел справа, анализируя системы корабля и готовя его к полету.

– Мы просто так взлетим, и все? – поинтересовался Матлекс, через толстенное исцарапанное стекло разглядывая арену космического Колизея. – Никаких там «ключ на старт» или связи с диспетчером?

– Конечно, нет. – Шпала нахмурился, словно слова напарника что-то задели в его душе. – Создатели «Хроник» точно знали, какую рутину оставить, а от какой безжалостно избавиться. Знали, как сделать этот мир легче. Доступнее. Приятнее и желаннее...

Договаривал он, уже прогревая двигатели. «Креветка» завибрировала, и Матвеев мог поклясться, что он ощутил эту вибрацию не только визуально, но и всем телом. А затем светловолосый гигант придвинул к себе штурвал, и суденышко легко оторвалось от поверхности, втягивая опоры.

– Видишь зеленый рычаг слева? – Шпала вводил координаты пункта назначения в бортовую систему. – Когда поднимемся в атмосферу, потянешь на себя, хорошо? И чем тут воняет, в конце концов?..

Повернулся к напарнику, запоздало сообразил, что запахи различает он один, смущенно почесал макушку.

«Креветка» поднималась над ареной, выскальзывая в пролом. Взлетела над космопортом, оставляя гигантский прозрачный купол под собой, принялась с ускорением набирать высоту. Огромный город, своими очертаниями уже знакомый Матлексу, после загрузки уменьшался в размерах. Корабль тряхнуло, что означало полный отрыв.

– Можно улетать. – Щелкнув пятком переключателей, Шпала откинулся в кресле. – Дергай рычаг, мохнатый...

Матлекс потянул ручку на себя. В белоснежной рабочей комнате Мастер-Чифа пальцы Матвеева сомкнулись на воздухе, сейчас таком твердом и неуступчивом. Потянули. Мигом исчезла орбита безымянной планеты, облака под брюхом корабля, крохотный город внизу. Безумной красоты вспышка, в которой смешались самые изысканные оттенки фиолетового и зеленого, выбросила «Креветку» в бесконечный тоннель сквозь виртуальное пространство. Фамильяр смотрел на это буйство красок, не отрывая глаз, но все же успел заметить, что Шпала уставился за борт точно с таким же обожанием...

Полет оказался совсем недолгим, не больше минуты – Покрышкин был прав, экономя время в ущерб красотам «Хроник». Тоннель петлял, его стенки становились то ярче, то тусклее, а затем «Креветка» вдруг вынырнула неподалеку от еще одной планеты, поверхность которой была сплошь покрыта изумрудным ковром. Неподалеку от зеленого шара Тажиханны, парящей в иссиня-черном пространстве, кружились два спутника,

оттенками напоминающие Луну.

Поколдовав над пультом, Шпала направил «Креветку» к ближайшему из них, на глазок различая близнецов с феноменальной точностью. Навстречу попадались корабли как торговые, так и армейские, перемещавшиеся сплоченными тройками. Угадать, какими из них управляют вампиры, а какими мобы, Матлекс не мог.

Позволив просканировать себя одному из патрульных катеров, «Креветка» снова набрала скорость, выходя на орбиту выбранного спутника. Теперь стало видно, что его серая безжизненная плоть покрыта стеклянными сферами, под каждой из которых с легкостью помещался небольшой город. Кроме шлюзов для космических кораблей, сферы имели коридоры-магистраль, соединяющие их друг с другом, что превращало спутник в один огромный прозрачный муравейник.

Поглядывая на приборы, Шпала начал аккуратно снижаться к одному из таких куполов, запросив у диспетчера разрешения прилуниться в порту Мраморного Кольца. Разрешение было получено, и перед «Креветкой» распахнулись огромные стеклянные ворота, пропускающие ее в шлюзовую камеру. Затем входные сомкнулись, в стороны поползли створки внутренних ворот, и еще через полминуты юркий корабль контрабандиста неся над городком, снижаясь к посадочным площадкам.

Приземлились столь же легко, как взлетели – складывалось впечатление, что Шпала ведет по воздуху игрушечный радиоуправляемый вертолет, а вовсе не сложный космический челнок. «Креветку» качнуло, опоры стабильно зафиксировались на прочном бетонном покрытии. Шпала тут же покинул кресло, поманив фамилъяра за собой.

– Прибыли. – Он откинул волосы, надевая шлем. – И вот еще... место тут беспокойное, а время на возрождение сейчас тратить несподручно. Поэтому ты, мохнатик, как увидишь что-то подозрительное, сразу дай знать, не стесняйся. Договорились?

– Договорились, – проворчал Матлекс, спрыгивая с высокого кресла.

Спустившись по трапу, они заметили поблизости небольшой глайдер с надписью «Такси» вдоль борта. Водителем оказался обшарпанный робот, внешний вид которого был призван демонстрировать непритязательность и покорность клиенту.

А вот внешний вид городка, названного Мраморным Кольцом, ни доверия, ни спокойствия не внушал. Матлекс даже покосился на живую гору, вышагивающую рядом с ним. Едва сойдя с трапа, он остро ощутил подозрительность и напряжение, царящие в улочках поселения – это выражалось во всем, вплоть до очертаний невысоких домиков кирпичного цвета. Он решил было поинтересоваться, что именно шеф имел в виду под «чем-то подозрительным», но не стал. Подозрительным тут был весь город, под черным космическим небом больше похожий на огромный крытый террариум.

Не успели подойти к глайдеру, как от офисов порта к ним шустро покати крохотный одноколесный робот, напомнивший Матвееву циркового акробата. Сделав вокруг приезжих круг, он остановился у такси, включил трехмерный проектор, создающий объемную голограмму прямо в воздухе, и из его динамиков полился приятный женский голос:

– Приветствуем вас на территории Мраморного Кольца! – радостно воскликнул робот, мягко балансируя на единственном колесе, отчего изображение чуть дрожало. – Рады первыми представить вам свои разработки в программном обеспечении по взлому чужих аккаунтов или перехвату вражеской корреспонденции!

В воздухе замелькали полупрозрачные рекламные плакаты, призывающие купить программы, позволяющие совершать деловые рассылки или шпионить за чужой регистрацией. Однако представление длилось не больше нескольких секунд – Матлекс заметил, как приподнялась верхняя губа Шпалы, а затем великан шагнул к рекламному роботу.

– Также мы рады предложить вам покупку местной валюты за рубли по самому низкому курсу, какой вы только можете себе... – Большого робот сообщить не успел.

Взявшись обеими руками за его овальную железную голову, Шпала резко повел плечами, с хрустом выдирая гибкий механический позвоночник вместе с пучком проводов.

Приятный женский голос умолк, голограмма потухла, колесо остановилось. Заискрив, робот с лязгом грохнулся на бетон, расплескивая мутную черную жидкость.

– Да не смотри ты на меня так, – хохотнул Шпала, повернувшись к ошарашенному фамильяру. – Не то чтобы это законно, но и в суд на меня никто не подаст.

– Что это было? – пересохшими губами спросил Леша, в чьих ушах еще стоял хруст вырываемых из железного корпуса проводов.

– Чертов спам-бот... уже полвека с этими жопотрахами весь мир воюет, ничего не помогает, даже уголовная ответственность... Как тараканы...

Он грозно зыркнул в сторону порта, откуда к ним катил еще пяток похожих рекламных роботов. Зафиксировав кончину коллеги, боты мягко развернулись, предусмотрительно укатив прочь. Напарники подошли к такси.

Загрузились, причем Шпала весьма неловко, заставив тесный глайдер просесть под своим весом чуть ли не до бетона. Когда люк «Креветки» запечатался, а на запястье контрабандиста зажглись какие-то огоньки, подтверждающие окончательную парковку корабля, гигант наклонился к роботу-водителю:

– Извозчик, в отель «Зимняя роза», и побыстрее.

– Будет исполнено, – покорно прожужжал робот, а глайдер тронулся с места.

Плавное вырулили со взлетно-посадочных площадок. Матлекс, прижатый к стенке уютного салона бронированной тушей начальника, уставился в окно. Натуральность происходящего постепенно вытесняла из его сознания факт, что тело лежит в уютном кресле, а вовсе не несется в летающем катере по улицам приюта космической швали.

Внутри Мраморное Кольцо выглядело отнюдь не лучше, чем со стороны космопорта. Приземистые малоэтажные домики, словно придавленные нависающим куполом; узкие улочки, способные стать уютными, но только не при таком освещении. Население Кольца было столь же живописным и разнообразным, как в предыдущем городе, но вооруженных или одоспешенных существ встречалось значительно больше. Просто на порядок больше.

А еще Кольцо напомнило Матлексу что-то арабское или индийское, с шумной толчеей улиц, по которым с трудом пробираются крохотные машинки или вьючные животные. Именно такими улочками робот вез их к отелю, пару раз попав в короткие и живописные пробки. Даже несмотря на заминки, поездка не была долгой, и уже через десяток минут они выгружались из глайдера, рассчитавшись специальной картой.

Робот вежливо поблагодарил, пожелал удачного дня, транспорт отъехал, и взгляду Матлекса открылся отель, обозначенный им Максимом. Здание было коренастым, как профессиональный борец дзюдо. Два этажа, массивная колоннада при входе, узкие окна, через которые было не на что смотреть. Шершавый гранит фасада украшен единственной вывеской – покрытый инеем цветок и простая, совсем без украшений, надпись.

Рассматривая отель, Матвеев нахмурился. Ему в голову пришли сразу две тревожные мысли, однако время не позволяло обсудить их с шефом прямо сейчас. Первая – зачем Максиму вообще понадобилось встречаться в игре? Заставлять напарников совершить фальшивое путешествие, носящее тень неубедительной конспирации? Неужели нельзя было просто состыковаться через Цифросибирск, используя, например, обычную видеосвязь? Ведь Максим уже продемонстрировал возможности, не уступающие умениям своего якобы брата...

Мысль вторая была еще покруче: руки Алексея даже покрылись гусиной кожей. А что, если после встречи с таинственным Максимом, Покрышкин откроет гроб и выйдет из него, чтобы наброситься на Мастер-Чифа и своего напарника? Что, если он станет агрессивным и невосприимчивым к боли? Если попытается защитить то, от чего отказался шесть лет назад?

Но Шпала зашагал к дверям «Розы», и Матлексу не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Выпустив из гостиницы двух существ, напомнивших Матвееву оживших божеств из учебника по Древнему Египту, гигант толкнул огромную дверь-вертушку, пропуская фамильяра и входя сам.

Внутри оказалось так же серо и неприветливо, как снаружи – минимум убранства и

никакой роскоши, будто строили для монахов. Опрятный робот за стойкой поинтересовался, чем может помочь новым гостям. Шпала назвал свое имя и негромко сообщил консьержу, что у него назначена встреча. Тот, понимающе покачав угловатой головой, попросил господина и его спутника проследовать в бар, сейчас намеренно закрытый на спецобслуживание.

– А зачем тут вообще бар? – пока Шпала вышагивал в сторону запертых двустворчатых дверей в дальнем углу холла, поинтересовался Матлекс. – Зачем гостиница? Неужели кому-то из вампиров доставляет удовольствие играть в «сон в гостиничном номере»?

– Не совсем так, – негромко пробасил гигант, и из-под шлема его голос казался по-настоящему угрожающим. – В гостинице твой перс быстрее залечивает раны. А в баре или кафе всегда можно принять стимулирующие препараты, временно улучшающие показатели.

Левой рукой он осторожно приоткрыл одну из створок, заглядывая внутрь. Правая же привычно легла на кобуру, расстегивая кожаный ремешок. Заметив этот простой, но весьма информативный жест, Алексей сглотнул сухой комок.

Осмотревшись, Шпала вошел, придерживая дверь для фамильяра. Матлекс вздохнул, как-то излишне судорожно и тревожно, ныряя следом.

Внутри обнаружилась изрядная темень, и лишь крохотные розовые лампы над барной стойкой разгоняли мрак. Расположенный в центре бар кольцом опоясывали десятки столиков, сейчас пустующих. Было тихо, лишь где-то на улице шумели машины. Сделав по безлюдному помещению всего несколько шагов, Шпала почти сразу безошибочно, каким-то внутренним чутьем, а может, с помощью навыков персонажа, определил, что они тут не одни.

– Здравствуйте, – услышал Матлекс голос, уже ставший знакомым. – Не пугайтесь, я здесь, в углу. Проходите...

Не отнимая руку от кобуры, Шпала двинулся на голос, и через несколько мгновений Матлекс тоже заметил Максима.

В угловом кабинете горела настенная лампа, очерчивая силуэт сидящего за столиком человека. Человека, отгородившегося от остального зала тонкой, почти невесомой занавеской. Завеса эта, что Матвеев понял чуть позже, была вовсе не проста – если не смотреть прямо на нее, концентрируя взгляд, ткань создавала полнейшую иллюзию глухой стены, позволяя случайным взглядам скользить дальше.

Отодвинув волшебную вуаль, Шпала протиснулся в укромный кабинет, сядя за стол напротив Максима. Фамильяр, не без посторонней помощи, взгромоздился на стул справа от шефа. И теперь наконец смог рассмотреть того, кто спас их из тюрьмы Капкана.

Максим был обычным человеком – не эльфом, не инопланетянином с физиономией, похожей на ожившую ракушку. Открытое лицо, широкие скулы, высокий лоб. Его светлые волосы были чуть растрепаны, но это лишь завершало образ, делая похожим на кого-то из известных личностей, актера или знаменитого футболиста. Одежду Максим носил самую простую, помятую и неприметную, словно на старте мир «Хроник» забыл предложить ему гардероб, состоящий из тысяч предметов. Идентификационного бэйджа, к удивлению Матвеева, видно не было...

Максим сидел перед стаканом прозрачной жидкости и пепельницей, вертя в руках ярко-зеленую, еще не прикуренную сигарету. Внимательно осмотрел собеседников, которых заставил проделать этот непонятный путь, чему-то улыбнулся.

В этот момент Матвееву показалось, что он уже где-то видел лицо Максима. Где-то в разделе светских хроник или в каком-то журнале... Но вспыхнувшая догадка так и потухла, не превратившись во что-то осязаемое, и Леша подумал, что житель этой вселенной может выбрать себе практически любое лицо, будь то голливудская звезда или президент США.

Однако следующий вопрос Шпалы, проигнорировавшего приветствие, заставил Алексея вздрогнуть, что невольно передалось лапам Матлекса.

– Мы уже встречались? – наклоняясь вперед, спросил шеф, не торопясь снимать шлем. – Твое лицо, Максим, кажется мне знакомым...

– Не исключаяю. – Просто пожал плечами тот, словно был, по меньшей мере, известным принцем, отправившимся в изгнание. – Но всему свое время, мои новые друзья...

– Вопрос о дружбе исключен, тут не может быть сомнений, – изрек Шпала.

– ...а пока давайте начнем общаться, – невозмутимо продолжил Максим. – Вы касочку снять не желаете? Здесь мы в сравнительной безопасности, так что...

К удивлению Матвеева, Шпала снял шлем и с тяжелым стуком поставил его на стол. Светлые брови гиганта сходились на переносице, голубые глаза внимательно изучали лицо Максима. Они словно говорили – я обязательно вспомню, и тогда тебе придется ответить еще на пару вопросов...

– Рад, что вы наконец-то добрались. – Вынув из кармана крохотную зажигалку, Максим прикурил. Двумя пальцами с зажатой сигаретой почесал бровь, нехитрым жестом выдавая матерого курильщика. – Не исключал варианта, что вам попробуют помешать...

– Максимка, давай сразу к делу, ладно? – с нажимом, хоть и мягко, предложил Шпала, прихлопнув по столу ладонью. – Я не для того вернулся в гроб, чтобы заскочить на перекур в вонючую ночлежку Кольца.

– Да-да, разумеется. – Рассеянно помахал сигаретой тот, опуская глаза. Его левая рука покачивала стакан. – С чего вот только начать, пока не знаю... Нужно собраться с мыслями, вероятно...

– А ты начни сначала. Как тебе такая идея? – Пальцы Шпалы, барабанившие по столу, сжались в кулак. Матлекс, прислушиваясь к тишине бара, вдруг почувствовал себя очень уязвимым. – Можешь, например, рассказать нам, кто ты такой? Зачем заставил меня подключаться? Чего вообще хочешь от нас?..

Голос был не покрышкинский, излишне мужественный и героический, но знакомые интонации и оттенки в нем чувствовались прекрасно. Максим, кажется, тоже что-то уловил. Что-то твердое, наполненное серьезными намерениями. А потому покачал головой и устало затащил сигаретой.

– Впрочем, вы правы, почему бы и нет... – начал он, больше разговаривая сам с собой. Но затем явно решился, даже перестав сутулиться: – Моя фамилия Бескровный. Это вам о чем-то говорит?

Конечно, говорило, но и правдой быть не могло... Матлекс шумно втянул воздух, всмотрелся в лицо Максима и мгновенно вспомнил десятки разных журналов – от самого откровенного глянца до толстых научных альманахов – чьи обложки в свое время были украшены объемными фотографиями гениальных братьев.

– Мозги решил пудрить? – Кулак Шпалы в бронированной перчатке сжался еще сильнее, отчего пластины заскрежетали по столу. – Думаешь, я сразу не заметил, чью харю ты натянуть решил?

– Правда, узнали? – Будто не заметив агрессии, Максим расплылся в довольной улыбке, заставив Матвеева усомниться в своем психическом здоровье. – Я думал, уже и забыли все... – Затем он внимательно посмотрел на бесстрастного хорька, его широкоплечего хозяина, хмурившего брови. Примирительно поднял руки, в одной из которых все еще дымила сигарета. – Не нужно злиться, я все могу объяснить.

– Начинай, – кивнул светловолосый гигант.

– Я на самом деле Максим Бескровный. Тот самый, если вы понимаете, о чем речь. Родоначальник вампиров, хотя наша фамилия скорее означает человека, потерявшего кров, нежели кровь... На удивление живучим оказалось искажение, не так ли?

Вопрос был адресован пустоте, но Максима не расстроило молчание.

– Перед вами не просто игрок, выбравший себе личину Бескровного, не талантливо сконструированный моб. Я – половина изобретательского дуэта, в свое время создавшего гробы и все, с ними связанное.

– Потрясающе. – Шпала даже не попытался скрыть издевку. – Все много лет считали их пропавшими, а оказывается, искать нужно было на орбите Тажиханны. Это же просто сенсация, Максимка!

– Если вы перестанете паясничать, Павел, мы быстрее перейдем к сути вопроса, – прищурился вдруг Максим, и в голове Алексея вдруг созрел новый вопрос, перекрывающий все предыдущие.

«А что, если он на самом деле не врет?»

Матвеев попробовал почесать затылок, но его рука со стуком наткнулась на пластик шлема. Заметив обращенные на себя взгляды, Леша покраснел, с облегчением сообразив, что этого в виртуальном мире заметно не будет.

– Вы можете не верить мне, но лишь какое-то время, договорились? – все тверже и тверже продолжал Максим, а Алексей вдруг отчетливо вспомнил неограниченные возможности их нового знакомого, с помощью которых тот вытащил их из плена. – Сейчас просто слушайте, доказательства получите позже.

Откинувшись на спинку стула, Шпала промолчал, но его тело говорило – сдаюсь, продолжай.

– Да, мы исчезли. – Максим затушил сигарету в пепельнице. – Я и мой брат. Устали от славы, популярности, любви поклонников и ненависти врагов. Устали от конкуренции, бесконечных корпоративных интриг, расследований и фальши. Но мы не просто решили потеряться, предоставив журналистам гадать о своей судьбе – мы собрались двигаться дальше. И у нас получилось...

– Вы изобрели что-то еще, – не спросил, а вдруг уверенно подытожил Матлекс, тут же испугавшись собственной наглости.

Максим улыбнулся, кивнув фамильяру.

– Я не зря просил взять Алексея с собой, – он смотрел на хорька, но обращался к персонажу Павла. – В наши дни хороший напарник – огромная редкость и удача...

– Что вы изобрели? Новую программу, влияющую на человеческое сознание? – Если Шпале и было лестно, он не показал этого.

– Нет, что вы! – Максим даже вскинул ладонь. – О ней позже... А тогда, много лет назад, мы изобрели всего лишь способ отправиться сюда... – Он широким жестом обвел помещение гостиничного бара.

– В Мраморное Кольцо? – предельно серьезно, что выдавало остатки издевательского настроения, изумился Шпала, но на этот раз Максим не отреагировал на укол.

– Нет. Я имел в виду весь этот мир. Вселенную «Хроник Войны», откуда мы в состоянии экспортировать свои личности в любую точку виртуального пространства, будь то социальная сеть, Цифросибирск или что-то еще. Например, система управления чьим-то особняком.

Он замолчал, предоставляя напарникам возможность подумать, и вынул из кармана еще одну сигарету.

Матвеев, еще не сообразивший, как следует относиться к сказанному, робко взглянул на Шпалу. А тот, будто проглотив палку, сидел прямо, глядя перед собой, и покусывал губу. Тишина принялась сгущаться, делаясь неприятной и тягостной.

– Значит, – наконец заговорил Шпала, – ты хочешь, чтобы мы поверили в две вещи. Первое – ты тот самый Максим Бескровный, исчезнувший несколько лет назад, так? И второе – ты не просто исчез, а нашел способ оцифровать свое сознание, перенеся матрицу личности в сеть?

– Bravo! – Зажав зубами сигарету, Максим бесшумно поаплодировал. – Точнее не смог бы сформулировать я сам!

– Не многовато ли хочешь? – Шпала наклонил голову, а его пальцы вновь забарабанили по столу. – Убедить нас в откровенной небывальщине?

– Понимаю, многовато. – Максим вполне естественно шмыгнул носом, почесал его кончик. – Но, уверен, у вас есть предпосылки к тому, чтобы поверить...

Не нужно было расшифровывать, что именно он имел в виду. Матвеев сразу вспомнил неожиданное и жестокое нападение сотрудников корпорации, одновременную агрессию нескольких вампиров, безумное поведение адистов и тотальную слежку неизвестного хакера.

В истории, втянувшей их в себя, как две пылинки, было возможно поверить даже...

Леша вдруг вздрогнул, осененный очевидной догадкой.

– Там, в доме Капкана, вы сказали, что на связь с нами выходил ваш брат... Ну тот, что следил за нами. Значит, это и правда был?..

– Да, все верно, это был Костя. – Максим взглянул на замолчавшего фамильяра, словно еще раз убеждаясь, что не прогадал, заставив Матвеева тоже прибыть на встречу. – Мой брат Константин Бескровный, призывавший вас отступить.

– Ах, вот как, – криво усмехнулся Шпала, вынимая из-за нагрудного щитка пачку сигарет. – Я-то и не смекнул... Один брат следит за нами из каждой розетки, угрожая лютой расправой. Второй заставляет лезть в сеть, предварительно получив контракт на пользование душами. Я ничего не упустил?

– В принципе, нет. – Максим повел плечами, этим жестом заставив Матвеева еще раз задуматься, а так ли уж неправдоподобно звучат его слова. – И если у вас возникнет предположение, что нынче мы с братом находимся по разные стороны баррикад, то ответ будет – да, находимся. Можно даже сказать, что мы ведем своего рода войну.

Изучая лицо Максима и пытаясь найти на нем хоть малейшие признаки розыгрыша или лжи, Шпала достал сигарету. Не спрашивая, поднял со стола элегантную зажигалку Бескровного, прикурил.

– Что дальше? Сказал А, говори Б... – Матлекс все еще слышал недоверие, сквозящее в голосе шефа. – Чего это вы не поделили?

– Вопрос, хочу предупредить, в какой-то мере философский. – Максим, как показалось Алексею, только этого и ждал. Глотнул воды, причмокнув от удовольствия. – А в какой-то мере – религиозный...

Матвеев напрягся, вспомнив непроницаемые лица типов с крестами во лбах. Вспомнил негибавшую фанатичную веру, их решение казнить его, лишь бы не отдать людям Капканова. Из-под шлема по шее сбежала струйка холодного пота, но Леша не заметил.

– Избежав суеты офлайна, мы многое приобрели. – Брови Бескровного задумчиво поползли вверх, как бывает у людей, вспоминающих о чем-то давнем, сопряженном с трудностями. – Полную свободу, бесконечные возможности и великую силу, недоступные ни одному программисту в сфере онлайновых разработок.

«Как ты считаешь, Алексей, стал бы Сатана искушать Божьего сына, если бы на самом деле не обладал царствами?» – Слова Захария прозвучали в голове Матвеева так четко, словно адист сидел где-то рядом... Леша поерзал, однако на этот раз замешательство Матлекса не было замечено.

– Но затем наши взгляды разошлись. В диаметрально противоположные стороны. – Максим с сожалением поджал губу, разглядывая царапины на столешнице. – Если меня устраивала новая жизнь, полная власти, безмятежности и отсутствия границ, то Костя хотел большего... Конечно, в собственном детище мы не раз выступали в роли гейм-мастеров. Вселялись в божеств мира «ВарКрон», или могущественных демонов, или великих героев. Уверен, кое-что в поведении Кости было заметно уже тогда, но я не смог это разглядеть... После переезда, как мы его называли, эта игра стала еще более захватывающей. Спросите любого заядлого вампира-геймера, и он в деталях расскажет вам про эпоху Перламутрового Процветания Шшаам-Раджуна, или войну против Корза. Все это были мы, упивающиеся мощью Богов, в прямом смысле слова оживляя одного рейд-босса за другим.

«Библия называет Сатану Богом этой системы вещей», – напомнил голос Захария в голове Матвеева, заставив его сжать кулаки. Еще одна крупная капля пота сползла по шее, опалив холодом. Леша все еще не понимал мотивов или убеждений людей, похитивших его, а потом пытавшихся убить. Но что-то в словах Бескровного, накладывавшихся на проповеди старейшины, заставляло сердце тревожно ныть...

– В какой-то момент я просто устал, – вновь пожал плечами Бескровный. Развел руки. – Но младший всегда был более эмоционален, более ненасытен. Ему с детства хотелось большего. И тогда он решил разработать программу...

– Зачем она ему? – Шпала решил нарушить монолог. Бросил потухшую сигарету, о которой умудрился забыть, в пепельницу. Достал еще одну, прикурил, доказывая, что от привычек реальности не уйти даже в гробу. – Шантажировать государства, где вампиризм легализован? Сделать программу оружием? Продать?

– Нет, – мотнул головой Максим. – Все гораздо проще. В один прекрасный момент Костя на самом деле решил стать Богом. А программа – решительный шаг к созданию собственной паствы. Многочисленной паствы, нужно заметить...

Кажется, Матлекс издал какой-то протяжный и неопределенный звук, потому что оба повернулись, чтобы взглянуть на фамильяра. При этом Бескровный кивнул, словно соглашаясь с такой реакцией, а Шпала плотно сжал губы.

– Об этом как-то узнали адисты, – прошептал Матлекс, – мгновенно записав вашего брата во враги рода человеческого...

– Да, скорее всего, – слишком легкомысленно и обидно отмахнулся Максим, – они постоянно что-то вынюхивают. Даже не представляете себе процент вампиров, работающих на секты. А вообще от фанатиков нам доставалось всегда, еще на заре изобретения...

– Программа позволяет управлять сознанием человека, входящего в новый «ВарКрон»? – Шпала, не давая разговору свернуть в сторону, продолжал уточнять детали с упорством и смелостью шахтера.

– Примерно так. Входит в положительный резонанс с тактовой частотой мозга, становится чем-то вроде параллельного сознания. Сознания-симбионта, активируемого по желанию моего брата. – Теперь собеседники Максима слышали в его голосе не только печаль, но и нарастающую злость. – Вместо того, чтобы до скончания нашего не самого короткого века наслаждаться обретенным могуществом, Костя захотел вернуться в ваш мир...

– Агрессия вампиров – это побочная реакция программы или приказ твоего брата? – Шпала тремя могучими затяжками прикончил сигарету, бросил окуроч в уже заполненную пепельницу.

Он был сосредоточен и сердит. Многое говорило о том, что его шеф начинает верить словам Бескровного.

– Приказ, – неохотно признал Максим. – Или скорее защитная реакция Бастиона. Костя ведь не мог не заметить, что многие страны уже принялись закручивать гайки, стараясь притормозить пандемию вампиризма?

На какое-то время Шпала замолчал, собираясь с мыслями. Почесал подбородок, покрутил в пальцах зажигалку.

– А почему бы тебе, Максимка, не поведать эту историю миру? – Он прищурился, о чем-то задумываясь, но на Бескровного при этом не смотрел. – Почему бы не рассказать все, как есть, журналистам, предотвращая большие неприятности? Станешь героем, кстати...

Максим улыбнулся, как взрослый улыбается несмышленишу, умиляясь его детской наивности.

– И многие поверят? – вопросом ответил он. – Насколько мне известно, о вреде наркотиков человечество знает уже не одну сотню лет. И что, это мешает людям колоться, нюхать, курить или глотать?

– И тогда ты решил просить о помощи нас, двух охотников из крохотной конторы по пробуждению, да? – настраиваясь на насмешливую интонацию Бескровного, продолжил Шпала. – Не хочешь объяснить свой выбор?

– С легкостью. Вы стали невольными участниками происходящего. Угодили почти в эпицентр. Вас не смогли запугать, хотя умело пытались, а это еще один плюс. Когда я свел все нити, то посчитал, что мы могли бы стать союзниками.

По-новому взглянув на сидящего перед собой человека, Матвеев задумался. Легкость, с которой Максим рассуждал о серьезных вещах, могла иметь две причины. Первая – Бескровный был великолепным лжецом. Вторая – он действительно был силен, запросто рассуждая о сложном. Против своей воли, Леша неотвратимо склонялся к последнему

варианту.

– Значит, именно для этого разговора ты заставил меня лечь в гроб? – Шпала отбросил светлые волосы, непокорно падающие на лоб. – Почему мы не могли встретиться в реале? Пусть даже в другом городе или стране.

– Да, почти для этого. Но о randevу в реале не могло быть и речи, увы. – Максим пальцем прочертил по столешнице длинную линию. – Не вдаваясь в подробности, могу лишь намекнуть, что в обычном мире нас как таковых уже почти не существует...

До конца осознав смысл сказанного, Матвеев вздрогнул, поборов желание подальше отодвинуться от этой бесплотной цифровой оболочки. Словно от призрака...

– Встреча стала возможна только в таком виде, поверьте мне, Павел, – продолжал Бескровный, – и она была необходима. Вы ведь понимаете, что даже по видеofону мы не смогли бы обсудить столь серьезные вопросы? Но и это не единственная причина. – Тут он позволил себе чуть заметно, но мечтательно улыбнуться. – Еще я хочу, чтобы вы помогли мне разрушить планы брата. Уничтожить его детище. Здесь и сейчас, пока не стало поздно.

Несмотря на то, что ждал как раз чего-то подобного, у Алексея все равно засосало под ложечкой. Тревожно и голодно, предвещая недоброе.

Шпала, невозмутимо слушавший Бескровного, лишь кивнул, будто обо всем знал заранее.

– Так все просто? – В твердость вопроса вновь вмешалась тень издевки. – Я и мой напарник уничтожаем изобретение злого гения, спасая мир? Ничего не упустил?

– Да, все так, и не нужно сарказма. – На секунду глаза Бескровного вспыхнули двумя ослепительными звездами, словно сквозь зрачки проглянуло что-то действительно могучее, жуткое. – Сложного вообще не существует, ни в вашем мире, ни в моем. Горшки обжигают люди, а те, кто не осмеливается сделать шаг вперед, просто глупцы. Обманивающие себя глупцы.

Кажется, сверкнувший молниями взгляд заметил не только Матлекс. Шпала тяжело вздохнул, поиграл желваками.

– О чем идет речь?

– Рад, что вы вернулись к общению на конструктивный лад, Павел... – Самым простым, человечным и знакомым движением Максим вдруг потер лицо. Если помещенное в кибернетическое пространство сознание могло утомиться, это произошло. – Пока Бастион не готов, его информационные массивы хранятся здесь, в «ВарКроне».

– Столь неосмотрительно?

– Только на первый взгляд. Мой брат до мелочей знает этот мир, он стоял у истоков его создания. Кроме того, на всей планете... я имею в виду Землю... не существует более проработанного и удобного в обращении электронного хранилища, в котором можно держать данные, будь то личная переписка или тонны порнографии.

– Значит, твой младшенький хранит все наработки по Бастиону где-то здесь, в «ВарКроне»? И ты считаешь, что мы сможем их уничтожить?

– Именно. Визуализированный банк данных «Бастиона» представляет собой самый обычный компьютер, или АйПи-станцию, как сейчас принято говорить. Мощную, автономную, хорошо защищенную от любых атак...

– Ну так грохни часть галактики. Удали с серверов все хранилище целиком, пусть даже вместе с парой планет, что мешает? – Для убедительности Шпала приподнял кулак. – Перед сгоревшими аккаунтами потом извинишься от лица Создателя, в качестве компенсации выдашь бонусные шмотки.

– Пробовал, – сознался Максим. – Но Костя защитил свое детище так, что в него невозможно проникнуть. Ни извне, из офлайна, ни повлиять на защищенные сегменты изнутри, изменив код «ВарКрона». Единственный способ – играть по правилам «Хроник Войны». Тут, мой брат уверен, уже ничего изменить невозможно.

– Хочешь, чтобы мы своими ножками дотопали до его берлоги и выдернули шнур из розетки? Как хоббит, бросивший кольцо в вулкан, или стрелок, нашедший свою Башню?

– Остроумно, – без особого веселья признал Бескровный, – и метко. Я уже подготовил программу, способную уничтожить компьютер. Вместе с содержимым. Ваша задача – загрузить эту программу в его систему. На этом все.

И Максим вынул из кармана что-то прозрачное, сверкнувшее в тусклом свете настенной лампы.

На стол легла многоугольная пластинка информационного носителя. В ее сантиметровой толщине виднелись тонюсенькие золотистые разъемы, вообще же пластина была похожа на ровный скол горного хрусталя.

– Обычная гласс-карта? – Шпала изогнул бровь.

– Я уже сказал, что любая вселенная построена на простоте.

– Значит, – пальцем Шпала придвинул гласс-карту к себе, разглядывая ее сияющую поверхность, – вот зачем тебе понадобился вампир со стажем и умением решать проблемы?

– Вы меня разгадали, Павел. – Сдаваясь, Максим поднял руки, но на точеном лице его не отразилось ни намек на раскаяние. – Чтобы облегчить вам жизнь, я также обеспечу вас оружием, способным проложить путь к цели.

– Я не умею водить танк, – оскалился гигант, но и на этот раз Бескровный остался глух к его иронии.

– В этом чемоданчике, – он вынул из-под стола и положил перед собой небольшой металлический кейс, – боеприпасы к вашему пистолету. Особенные боеприпасы. Способные разом прихлопнуть почти любого моба, а аккаунт живого человека заблокировать на длительный срок.

– Думаешь, Максимка, у нас на пути встанут живые люди?

– Уверен в этом, зная брата. Но также уверен в другом – слух о том, что схватка со Шпалой гасит учетную запись, быстро отобьет у школоты желание выполнить эпический квест на вашу поимку.

– А почему все-таки ты не сделаешь этого сам? – поглаживая пластинку указательным пальцем и задумчиво глядя на кейс, спросил Шпала. – У Капкана в доме ты показал свою силу. Неужели здесь ты слабее? Неужели не сможешь сам дойти до нужной точки и грохнуть чей-то комп?

– Я просто не смогу. – Максим беспомощно пожал плечами, вынимая очередную сигарету. – Во-первых, Костя сильнее меня. Он настолько хорошо меня знает, что способен многое предсказать. А еще он следит за мной. Во-вторых, если убьют Шпалу, то Павел Покрышкин выждет тридцать секунд, воскреснет на точке респауна и продолжит свой путь. Если убьют меня... мне даже неуютно об этом думать. Конечно, я не верю, что у Кости поднимется рука, чтобы навредить брату. Но если я все же вмешаюсь в его планы, он может меня... изолировать.

Матвеев почувствовал, что очень хочет пить. Прямо убить был готов за глоток чистой и свежей воды, особенно с легким привкусом лимона. Он постарался сосредоточиться на разговоре. Важном разговоре, какие доводится слышать далеко не каждому. Да что там – такие разговоры вообще происходят раз в столетие...

К сожалению, Алексей понимал не совсем все из сказанного, но смекалки и интуиции хватало, чтобы улавливать суть. Максим, способный стать Богом, но отвергший соблазн, посылал их навредить своему брату, соблазна не избежавшему. Обеспечивал каким-то техническим прикрытием, пусть и не таким, как в доме Капканова. При этом провернуть задуманное нужно было именно здесь, в мире «Хроник» – по словам Максима, это был единственный путь, и по-другому до наработок Бастиона не добраться. А это, в свою очередь, означало, что еще какое-то время Покрышкину придется провести в гробу, а Алексею лишь мечтать о стакане прохладной воды...

Существо, когда-то бывшее человеком и гениальным изобретателем, откинулось на спинку стула, придвигая напарникам кейс. Но Шпала медлил, поглядывая на Бескровного исподлобья.

– А почему бы тебе не обратиться к ментам, Максимка? Например, в «Управление «К»,

что скажешь? Пусть пошлют спецназ, накроют серверные станции, хранящие убежище твоего младшенького и его нору с наработками программы. Уничтожить станции в реальной жизни – раз плюнуть.

– Ценю ваше умение просчитывать все варианты. – Максим тряхнул головой, отбрасывая волосы. – Но прошу не забывать, что я – уже не совсем человек. Я гибрид человеческого сознания и машины. А потому задумайтесь, мог я забыть и о такой возможности?

Бескровному никто не ответил. Шпала все еще раздумывал, поглаживая гласс-пластинку пальцем боевой перчатки, а Матлекс боролся с жаждой, внимательно наблюдая за беседой.

– Маховик государственной машины раскручивается долго, очень долго. Иногда – годами, – сам себе ответил Максим, сцепляя пальцы. – Пока государство услышит меня, пока проверит и перепроверит сказанное... Убежден, что, когда меры будут приняты, время безнадежно ускользнет...

– Значит, той самой обезьяной, таскавшей коту каштаны, в который раз станем именно мы? – Широкая ладонь Шпалы накрыла стеклянную пластину. – И никак иначе?

– Никак. Напомню еще раз – я спас ваши шкуры, жду возврата долга. А еще... – Он задумчиво поиграл пальцами, будто искал слова. Доверительно наклонился вперед. – Задумайтесь обо всем, что я рассказал. Ведь вы и до этой встречи знали, что столкнулись с чем-то опасным, требующим немедленного вмешательства. Конечно, силой не заставляю. Захотите – бросите все и сбежите. Но я изучил вас, проанализировал. И могу с уверенностью заявить, вы не уйдете. Не позволите себе, не так ли? Иначе и не стали бы охотниками...

– А ты знать не можешь, почему мы в охотники пошли... – довольно грубо прервал его Шпала, отвечая сразу за двоих, но Бескровный будто не услышал, продолжая:

– Кроме того, по окончании безобразия на ваших счетах появится крупная сумма, позволяющая честно уйти на пенсию. Или, если будет угодно, открыть новую фирму. Наймете людей, станете управленцами... Профессия охотника с каждым годом становится все более ценной, как я заметил...

– Значит, сделал из нас наемников поневоле? – Шпала все же придвинул к себе кейс, открывая.

Матлексу не хватило роста, чтобы со своего места заглянуть в глубь чемоданчика, но он успел заметить ровные ряды пистолетных обойм и цилиндрические чушки гранат. Мысль о том, что такое оружие способно выводить из строя оборудование в его реальной жизни, заставила похолодеть.

– Не проще ли было нанять кого-то более умелого? – Гигант вынул один магазин, поднес к лицу, разглядывая патроны. – Хорошо прокаченных задротов в «Хрониках» всегда хватало, не так ли?

– Не планировал раскрывать свою личность каждому встречному, – сухо парировал Максим. – В обычный игровой квест я задачу тоже превратить бы не сумел – напоминаю, Костя совсем не прост. Неужели вы даже не догадываетесь, скольких чиновников или охотников на вампиров он подкупил там, в офлайне, используя свои способности и личину корпорации «Игрополис»?

Матлекс хотел спросить, не ее ли сотрудники напали на них прошлым днем, чуть не переломав кости, но смолчал. Ответ, если подумать, был очевиден.

– А в вашем случае мы имеем очень удачное стечение обстоятельств. Удачное для обеих сторон. – Бескровный улыбнулся тепло и дружелюбно, но Шпала и не подумал улыбнуться в ответ.

– Под обстоятельствами ты, Максимка, понимаешь плен у Капканова и тот факт, что мы стали твоими должниками?

– В целом, да, – честно сознался тот. – Но если вам такой поворот дела не по нраву, назовите это просто судьбой.

Убрав патроны и гласс-карту в кейс, Шпала захлопнул крышку.

– Если мы поможем, ты оставишь нас в покое? Никаких долгов, угроз, вмешательств в личную жизнь?

– Гарантированно. В случае, если мы взаимно забудем друг о друге, разумеется.

– Одно путешествие в «ВарКроне»? Прорыв в ставку твоего младшего брата и активация программы, разрушающей Бастион?

– Именно так. – Максим выпрямился, словно на торжественном приеме. – Даю слово.

И только Матлекс, крохотный прямоходящий хорек в рабочей куртке и ботинках, подумал, что такой простоты не бывает ни в одной существующей вселенной...

Максим поднялся со своего места, протягивая руку. Шпала, неспешно вставший следом, на раскрытую ладонь даже не взглянул. Кривая улыбка перечеркнула скуластое лицо нордического героя, но была она вовсе не теплой. Бескровный все понял, кивнул, опустил руку и вежливо улыбнулся в ответ. Теперь Матлекс мог рассмотреть его в полный рост – создатель гробов оказался высоким и стройным парнем, вероятно, именно так выглядевшим в свои лучшие годы, проведенные в мире живых...

– Желаю вам удачи, Павел. – Второй кивок адресовался Матлексу. – И вам, Алексей. Необходимые координаты и инструкции уже загружены в системы «Креветки». Если понадобится хоть что-то, деньги или оружие, свяжитесь с персонажем под ником Максимус, это моя безопасная аватара.

Одной рукой Шпала забрал со стола кейс, другой шлем. Что-то хмыкнул, давая Бескровному понять, что услышал последние наставления. Матлекс слез со стула, чуть не упав. А когда восстановил равновесие и обернулся, чтобы еще раз взглянуть на Максима, тот исчез. Разом, мгновенно, будто испарился в воздухе.

– Идем, дружище. – Шпала надел шлем, и теперь его голос вновь зазвучал зловеще, с придыханием. – Хочу как можно скорее закончить...

Они вышли из пустого бара в не менее пустой холл отеля. За стойкой все так же ожидал консьерж, посетителей не было видно.

– Мастер, ты меня слышишь? – Шпала двинулся вперед, негромко разговаривая сам с собой.

– Каждое слово, друзья мои, – незамедлительно откликнулся Роман Давидович в ушах Матвеева.

– Что скажешь про нашего нового приятеля? – Гигант снова придержал тяжелую дверь-вертушку, выпуская фамильяра на улицу, вышел сам.

– Мой разум запрещает верить в то, что говорил ваш Максим, – Леша разобрал в голосе Мастер-Чифа нездоровое возбуждение, – но глаза убеждают в обратном. Показания систем в один голос свидетельствуют, что вы общались не с живым человеком, не с пользователем, а с мобом – полностью электронной моделью.

– Но таких мобов в природе не бывает, – вместо старика подвел черту Шпала.

– Точно, Пашка, в самое яблочко. Я поражен. Неужели это правда?

– На досуге выяснишь. – Контрабандист подошел к специальному уличному пульту, вызвал такси. – Но что-то подсказывает мне, что для лжи все слишком уж изощренно... Готов биться об заклад, Рома, что Лешка хочет пить.

Сначала Матвеев хотел даже возразить, удивившись, откуда шеф знает про его жажду, но вовремя смолчал. Сказывался стаж вампиризма, не иначе. И он лишь кивнул, облизнув пересохшие губы.

Только сейчас Алексей почувствовал, как затекло его тело от напряжения, как гудят ноги, как сильно окаменели плечи. Чувство было схожим с посещением кинозала, где смотришь захватившую тебя картину – забываешь, что нужно дышать и деревенеешь в одной позе, боясь пошелохнуться.

Он заставил себя расслабить мышцы, снова обмякнув в кресле. И ровно через секунду чуть не подскочил от неожиданности – в губы ткнулось что-то продолговатое, небольшое, мягкое. Слыша бешеный стук собственного сердца, Алексей ухватил ртом полую резиновую соломинку, принявшись глотать. Чувство было необычным – перед глазами Матлекса

находилась оживленная улица, в то время как сознание Матвеева сообщало о вкусе холодного апельсинового сока. Чувство было похожим на сон, до безобразия реалистичный и от того страшный.

– Спасибо, хватит. – Мастер-Чиф тут же вытянул соломинку из-под шлема. Кажется, в сок было добавлено что-то еще... что-то тонизирующее, но Леша не стал протестовать. – Большое спасибо, я правда очень хотел пить.

– В следующий раз не стесняйтесь, молодой человек, – попросил Роман Давидович.

– Господи, как же этот мир не похож на настоящий... – выдохнул Матвеев, радуясь возможности хоть ненадолго сбежать из царства иллюзий.

– Уверены? – с усмешкой спросил старик, торопливо зашептав, пока Шпала ожидал транспорт. – Неужели в офлайне все не так, друг мой? А вот я кое-что заметил, еще когда орки воевали с людьми на двухъядерных процессорах. Вы знаете, что такое сет, Алексей? Это такой определенный набор предметов, доступный для персонажа с наступлением конкретного уровня. Сам по себе каждый предмет не представляет ничего особенного, но в сумме они дают игроку массу бонусов...

Шпала, нетерпеливо притопывающий ногой, слушал нравоучения старика молча, но головой покачивал.

– Сравнивая виртуальность и нашу жизнь, – продолжал тот, даже не справившись, насколько Алексею интересно, – я убедился, что разницы практически нет, но виртуальные бонусы куда безобиднее. Можете не верить... Но когда в жизни вы достигаете семнадцатого уровня, то получаете первый предмет социального сета – женщину. За ней следует разрешенный алкоголь, затем сигарета, возможно, гитара. Это и есть та самая комбинация предметов, определяющая ваше дальнейшее будущее, и получать ее бонусы вы можете лишь в вилке уровней от семнадцати до двадцати двух. Затем следует новый набор – жена, ребенок, затем еще один. Невнятное и попсовое хобби, например, дайвинг. Кредиты и друзья, которых вы приобретаете на работе. Это – уже второй сет, отвечающий за показатели вашей силы, ловкости, интеллекта или сопротивления урону. И так продолжается до тех пор, пока уровень перса не достигнет критической отметки, после которой game over. Все еще хотите утверждать, что выдуманная Бескровными реальность так не похожа на наш мир?

– Нет, – вымученно просипел Алексей, ошарашенный лекцией, а перед Шпалой наконец-то остановился глайдер такси, совершенно такой же, как доставивший их в «Розу».

Привычно загрузились на узкое заднее сиденье, и транспорт двинулся в сторону космических доков.

– Шпала?

Зажатый между гигантом и дверцей, Матлекс рассматривал проплывающие за окном улочки Кольца. Матвеев же в этот момент никак не мог избавиться от ощущения раздвоенности, возникшего, когда Мастер-Чиф напоил его соком и поделился взглядами на офлайн.

– На связи.

– А кто обычно занимается обслуживанием гробов? – Леша говорил задумчиво, будто сам с собой. Роман Давидович, конечно же, тоже слышал вопрос, но вмешиваться не спешил. – Кто чинит поломки, меняет разные жидкости, заряжает резервуары? Ведь для этого нужен целый рабочий класс...

– Когда как. – Шпала приподнял плечо, отчего еще сильнее прижал фамильяра. Мир в глазах Алексея качнулся. – Иногда добрые товарищи, содержащие притоны, ты это видел. Иногда частные конторы, вроде нашей, только наоборот. Что-то вроде сиделок по вызову, причем заказ можно оформить, разумеется, не покидая гроб. Их не очень много, я слышал, но такие есть...

– Неужели всех этих игроков, – Матлекс кое-как высвободил лапу и обвел ею спешащие по улицам толпы существ, – не заботит, что рано или поздно их саркофаги придут в негодность? Неужели они не понимают, что тогда кранты наступят не только цифровому миру, но и, возможно, их спящим телам?

Шпала только хмыкнул. Мастер-Чиф вроде бы хотел что-то сказать, но передумал, ограничившись глубокомысленным вздохом.

– Полагаешь, наркомана заботит, что в аптеке могут закончиться шприцы? Или он задумывается, на какой фабрике их штампуют? О нет, это не его забота... – Гигант погладил рукой матовый бок лежащего на коленях кейса. – Это забота тех, кто зарабатывает на производстве шприцев, только и всего...

На этот раз дорога была не так забита, поэтому глайдер гораздо быстрее доставил их к пункту назначения, уже через пару минут выруливая на огромное бетонное поле.

– Я много чего повидал в свое время, – неохотно продолжил Шпала, устало потирая шею. Этот разговор определенно тяготил его, но и смолчать не давал. – Видел гробы, почти вышедшие из строя, с замкнувшейся проводкой и сгоревшими запчастями. В них, бывало, умирали люди. Покрывались язвами, гниющими пролежнями, теряли жизнь от голода или обезвоживания. Они чертовски воняли, а уж выглядели как живые мертвецы. Но все равно погружались раз за разом, становясь боевыми космолетчиками, пионерами глубокого пространства, великими героями и творцами...

Глазам открылась знакомая картина – в видимом беспорядке разбросанные по плацу космические корабли, снующие вокруг механики, торопящиеся по делам пилоты и пассажиры.

– Я не знаю ответа на твой вопрос, Лешка... – Шеф вздохнул, вынимая из отделения на рукаве карту оплаты. – Не знаю, заботит ли вообще этих людей что-то, кроме новой эпической пушки или сетевого шлема, и поэтому разделяю твою тоску... Прибыли, мой лохматый дружок, на выход.

Выгрузились возле приземистой «Креветки тысячелетия», рассчитались за поездку. Остатки разломанного Шпалой спам-бота уже убрали, и лишь на бетоне чернело бесформенное пятно. Внимательно осмотревшись, словно ожидал наткнуться на засаду, гигант отворил шлюз, запуская Матлекса первым. Пройдя следом, сразу же задраил вновь.

– Почему никто не пробует изменить ситуацию? – Погруженный в невеселые мысли, Матвеев и сам не заметил, что продолжает развивать гнетущую тему, еще более неприятную шефу. – Ведь существуют приемы пропаганды, способы достучаться до здравомыслящих...

– О вреде курения нам твердят уже полвека. И что, меньше стали курить? Знаешь, Леша, шизанувшиеся на виртуалке ничем не отличаются от игроков казино или алкоголиков, и это давно не новость. Еще во времена, когда Киркоров потолстел, как Элвис перед кончиной, геймеры убивали друг друга из-за игровых шмоток, вешались, били ножами родителей, запрещавших им играть, или умирали от истощения после суток непрерывной игры. И если в Китае злостных вампиров уже не первый год публично казнят, в Германии сажают в блатные клиники, больше похожие на курорты, то в России ограничились выдачей частных лицензий на пробуждение.

– Извечная попытка балансировать между менталитетом Востока и Запада?

– В самую точку. Поиск русской суверенности... А вообще, хватит! – Гигант поперхнулся, словно съел что-то не то. – Нам предстоит слишком непростая работа, чтобы забивать голову лишним. Пожалуйте на мостик...

Прошли в кабину, усаживаясь на уже привычные места. Кейс с оружием Шпала поставил рядом с собой, снял грозный шлем, прикосновениями к пульту активировал системы корабля.

Из бортовой панели выдвинулись сразу несколько светящихся экранов, на которых Матлекс боковым зрением разглядел какие-то карты, схемы и столбцы данных. Лезть через плечо шефа он не хотел, а потому уставился во фронтальный иллюминатор, наблюдая за суетой космопорта. С легкой грустью подумал, что такое оживление в обычной, реальной жизни, теперь встречается совсем нечасто...

– Понятненько... – протянул Шпала. Откинулся в кресле, побарабанил пальцами по подлокотнику. – Придется вернуться в центр обитаемого сектора. Если верить данным Максима, его брат поселился на Санкт-Доминусе, в техногенном мире. Логично, с другой

стороны, – он словно рассуждал сам с собой, но Матвеев догадался, что шеф обсуждает ситуацию с Романом Давидовичем, – ведь именно на его серверах совершается больше всего сделок, приносящих прибыль в реальном мире. А это значит, что многочисленные сервостанции планеты – идеальное место для сокрытия информации, ее там просто океаны. А еще – защищенное в настоящей жизни...

– Рассуждаешь разумно, – прокомментировал Мастер-Чиф, наблюдающий за напарниками откуда-то извне. – Кстати, я проверил свежие базы по квестам и ивентам, на вас ничего нет.

– Спасибо, Мастер...

– А что такое квесты? – Алексею было немного стыдно за собственное невежество, но желание разобраться в ситуации делало храбрее. – Или эти... ивенты?

– Квест – это задача, поставленная перед игроком. Чаще всего поставленная программой, ее мобами. Например, пройти сквозь пещеру и принести ценную вещь. Или убить кого-то. Или что-то собрать, – Шпала говорил неторопливо, подбирая понятные напарнику слова. – В зависимости от сложности квеста растет размер и качество награды. А ивент... это некое событие, сочиняемое и запускаемое гейм-мастерами, контролерами игрового процесса. Ивентом, например, может стать внезапно объявленная охота на двух вооруженных бандитов, если ты понимаешь, о чем я говорю...

– То есть Костя может объявить на нас ивент? – На миг забыв о том, что лежит в безопасном кресле совсем другого мира, Матвеев закусил губу. – Объявить охоту за наградой?

– Максим этого опасался, – не без сожаления констатировал Шпала. – Но ты сам слышал, что повода для тревоги нет. Во всяком случае, пока...

«Креветка» вздрогнула, мягко отрываясь от бетона, принялась втягивать опоры. Связавшись с диспетчерами, Шпала быстро миновал неизбежную рутину – запрос-разрешение на взлет с территории Мраморного Кольца. Разглядывая остающиеся внизу шумные улочки, Матлекс так и не смог понять, почему городок называли именно так.

Шлюз выпустил их на поверхность спутника, и совсем быстро тот остался за кормой, мрачно чернея на фоне сказочно изумрудной Тажиханны. Когда «Креветка» отошла от орбиты на достаточное расстояние, космос вокруг корабля вновь поглотила разноцветная вспышка, бросившая судно в тоннель стремительного перехода между планетами.

Восхищаясь сверканием красок, окружавшим суденышко, Матвеев вновь подумал о Покрышкине. Шпала сидел справа, погруженный в невеселые думы, совершенно не глядя в иллюминаторы. А Леша представил себе шефа, с закрытыми глазами лежащего под прозрачной крышкой гроба. Разминая мышцы, почти незаметно работал вибромассажер, специальные датчики следили за состоянием организма, через тонкую иглу в вену подавался поддерживающий раствор.

Матлекс опустил взгляд на чемоданчик, стоявший возле кресла. Если кто-то смог создать программу, с помощью которой люди превращались в послушных марионеток... Если кто-то смог создать пули, уничтожающие не только персонажа, но и его учетную запись... Значит, кто-то мог создать оружие, убивающее не только в игре, но и в настоящей жизни.

Поежившись, словно в рабочем кабинете Мастер-Чифа вдруг стало излишне прохладно, Леша прикоснулся пальцами к краям несуществующих подлокотников. Теперь новый, вполне осязаемый мир уже не восхищал его, как было пару часов назад. Он настораживал и пугал, словно океанская бездна, в которой живут поистине исполинские чудовища.

Бррррред... Парни и девчонки. Комрады, я тут послушал, чо вы тут несете. Тут чо, одни фээсбэшники в чате, реальных поцанов нет? Может, хватило уже туфтой заниматься? Вы все дебилы и дураки. Свобода слова, свобода воли, что за ЦЕНЗУРА такая?.. Все это полная ЦЕНЗУРА, я отвечаю. ЦЕНЗУРА, когда все поймут, что настоящую свободу придумали не политики, а ученые. Респект Бескровным, ЦЕНЗУРА, ура вампирам! Нет, я не из тех, кто им в своей комнате

свечки зажигает, я ж не ЦЕНЗУРА какой... Но отвечаю, что они совершили мегаизобретение, типа как колесо или атомная бомба. Я лично нырять начал еще в детстве, два года назад, и свой гроб никогда не променяю на... А? Да, мама, уже иду, не кричи...

**Расшифровка видеобращения блоггера liZunchik2023,
фонетическая орфография сохранена, сетевая публикация, 2036 год.**

Уровень загрузки – 62,8%

– Все же это очень странно. – Дожидаясь, пока тоннель выбросит их в новой точке виртуального пространства, Матлекс наблюдал за дикой пляской цветных всполохов – настороженно, словно вспышки могли похитить часть его сознания.

– Что странно? – Шпала отвлекся от приборов, покосился на напарника.

– Ну... я про Бескровных. Братья воюют друг против друга. Это так противоестественно.

– Реалии современности. – Отпустив штурвал, гигант развел могучие руки. – Хотя первый матч описан еще в Библии. Более того, лично я уверен, что братья рвут друг другу глотки чаще, чем малознакомые люди, не являющиеся родственниками. Проклятие Каина, если хочешь...

– Всегда считал, что братская дружба бесценна. Особенно у таких талантливых людей.

– Бесценна? – Шпала даже оторвался от дисплеев, разворачивая кресло влево. – Свою цену имеет абсолютно все, а особенно настоящая дружба. Понять такое можно, только перенеся потерю. Пока длится дружба, стоимостью ее разрыва может стать чужая женщина, предательство, деньги, географическая удаленность. Кстати, иногда эта сделка стоит того, чтобы ее совершить, можешь поверить... А вот если дружба заканчивается со смертью одной из сторон, только тогда можно утверждать, что ценник зашкаливал за все разумные пределы.

– Как цинично.

– Зато честно. – «Креветка», провисевшая в цветном урагане чуть больше времени, чем при первом прыжке, выскочила в открытый космос. Шпала вернулся к приборам, берясь за штурвал. – А вот и Санкт-Доминус...

Порадовавшись, что примитивный шлем и перчатки неспособны передать резко испортившееся настроение, Матлекс взглянул в иллюминатор. Планета, к которой они вышли, висела ровно по курсу, огромная и словно бы светящаяся изнутри. В отличие от Тажиханны, этот шар был глубокого ультрамаринового цвета, и в поле зрения попадал всего один континент, сравнительно небольшой по земным меркам.

А вот орбита Санкт-Доминуса оказалась окруженной космическими судами, как электрическая лампочка мошками в летнюю ночь – они кишели вокруг синей сферы настоящим роем. Выискивая курс в этом плотном скоплении, Шпала повел «Креветку» вперед.

Маневр, к удивлению Леши, сразу не остался без внимания. Из мушиного облака кораблей сразу отделились четверо, с разных сторон направляясь к суденышку контрабандиста. Направились решительно, почти агрессивно, но в нескольких десятках метров сбросили скорость. Принялись кружить перед «Креветкой», будто хотели «подрезать» или привлечь внимание.

– Что они делают? – против воли Матлекс вжался в кресло, повинуясь реакции Матвеева. – Собираются напасть?

– Нет, – с раздражением отрезал Шпала. Динамики судна наполнил гомон сразу нескольких голосов, и гигант поспешил выключить рацию. – Вызывают на дуэль.

– Из разряда «традиций»?

– Угадал...

– А для чего им драться с нами?

– Ни для чего. Ради забавы, Лешик. Но так уж повелось, что у каждого входа в город уже тридцать лет тебя поджидают толпы имбецилов, только согласись... Может, у них комплексы, может, просто писька маленькая, но вызовы они кидают всем встречным.

– Мы же откажемся?

– Безусловно. Еще руки пачкать...

Они оторвались от «дуэлянтов», принялись осторожно лавировать между сверкающими прогулочными яхтами, чья небольшая флотилия висела впереди. Далее Шпала говорил негромко и медленно, и Матвеев не совсем сразу сообразил, что начальник начал краткий инструктаж.

– Сейчас мы высадимся на планету. В бою от фамильяра, конечно же, толку немного, – продолжал шеф, сверяясь с приборами, – но я надеюсь на твои глаза. И интуицию, если та вдруг что-то шепнет в твое волосатое ухо.

– Можете дать мне какое-нибудь оружие, – перебил его Матлекс, рассматривая собственные когти. – Если бы я не планировал пользоваться этим, – он протянул правую лапку к напарнику и пошевелил пальцами, – то выбрал бы сову или говорящее облако газа.

– Хм... ладно, как скажешь. Думаю, лишний ствол действительно не помешает. – «Креветка» скользнула вдоль борта огромного транспортного корабля, чья туша протянулась в пространстве не на один километр. – Мы отправляемся в Карцер, одну из крупнейших тюрем Республики. Построили ее давно, но она была лишь декорацией, закрытой для пользователей. Лет восемь назад, во время ивента «Восстание Рихтера», ее превратили в инстанс – специальное подземелье для группового разграбления. Для Карцера были отрисованы внутренние помещения, новые предметы и боссы. После окончания эвента объект снова закрыли. Если верить Максимке, его брат обосновался именно там.

– В закрытой тюрьме? – Матлекс покачал головой. – Какая насмешка...

– К сожалению, – Шпала облизал губы, и Леша вдруг заметил, что шеф волнуется больше обычного, – если плохой Бескровный сумел пройти в запертый инст, он мог оживить и его охрану.

– Все серьезно?

– Более чем. Во всяком случае, если речь о боссах, их можно убить только бандой. Это закон.

– Я считал, что мы уже нарушили несколько.

Вместо ответа Шпала вдруг улыбнулся. Неожиданно и ярко, будто Матлекс сказал что-то по-настоящему позитивное. Хмыкнул, почесал подбородок. «Креветка» миновала армейские кордоны, просканированная при входе в атмосферу.

– Как бы то ни было, мы попробуем, – произнес он через какое-то время, когда ультрамариновый шар Санкт-Доминуса уже не вмещался в иллюминаторы. – В конце концов, не зря же Максимка выбрал для операции именно нас?

Теперь Матлекс мог внимательнее рассмотреть одинокий континент, к которому снижался их корабль. Песочно-желтый, покрытый тончайшими черными полосками, словно второпях заштрихованный. Но чем ниже опускалась «Креветка», тем понятнее становилась природа этих полосок, тем сильнее захватывало дух.

– Да, дизайнеры свои гонорары получали не зря, – искоса взглянув на напарника, усмехнулся Шпала.

Континент, размерами не превосходящий Австралию, был от берега до берега застроен похожими обсидиановыми зданиями. Правильной формы фигуры были выстроены в хитром геометрическом узоре и расставлены друг от друга на совершенно одинаковом расстоянии. Кое-где вертикальные монолиты будто возносились к небу, кое-где были положены на бок. Их черные грани блестели в лучах оранжевого солнца, превращая поверхность Санкт-Доминуса в сказочный лабиринт.

– Это все один большой город? – вытягивая шею, спросил Матлекс.

– Да, крупнейший в галактике.

– Потрясно... – Город наплывал все ближе, и от его черно-желтой однотонности вдруг зарябило в глазах. – Как будто приземляешься в горсть рассыпанного бисера...

– Любопытное сравнение, – отреагировал Шпала.

А затем «Креветка» понеслась в считанных метрах над обсидиановыми крышами,

сверкающими и холодными. В зеркальных поверхностях вспышками отражался ее вытянутый силуэт.

– А как здесь ориентируются игроки? – глаза на заполненные сотнями существ улицы, не унимался Матлекс. – Ни вывесок, ни архитектурных отличий.

Повсюду былолюдно, почти как в Мраморном Кольце, хотя прохладный примитивизм мегаполиса отметал любые мысли о шумных восточных городах. Казалось, здешние обитатели даже ходят неспешно, а транспортные средства намеренно снижают скорость, чтобы двигаться с еще большим достоинством.

– Только с помощью приборов. – Великан задумался, размышляя над озвученным неудобством. – Такова фишка Санкт-Доминуса, города безликих денег.

Плоская крыша ближайшего из зданий под брюхом «Креветки» вдруг исчезла, обнажив просторный ангар, наполовину заполненный небольшими космическими судами. Сделав над колодцем круг, Шпала мягко опустил аппарат в обсидиановые недра. Потолок материализовался, и теперь стало заметно, что зеркальным он был лишь снаружи – из глубин порта крыша становилась одним огромным окном.

– Частный порт, – прокомментировал Шпала, приземляя «Креветку». – Стоит денег, но избавляет от вопросов. А еще позволяет избежать досмотра или блокировки на взлет...

Матлекс спрыгнул с кресла, повернулся к двери, но Шпала не спешил. Взял с пола чемоданчик, положил на колени. Открыл, бережно перебирая содержимое, и принялся снаряжать свой боевой скафандр.

Под набедренную пластину он спрятал пяток небольших цилиндров, в которых интуиция Матвеева отчаянно просила узнать ручные гранаты. Несколько необычных гаджетов, напоминающих хромированные шестеренки, Шпала убрал в ранец, туда же добавил фиолетовый кристалл, напоминающий грубый обломок горной породы. Универсальный электронный ключ и выданный Максимом гласс-накопитель гигант спрятал в одном из отделений бронированного пояса. Вынул из кобуры пистолет.

– За эту вещь многие готовы выложить целую кучу денег. – Он повертел угрожающего вида, но весьма потертой пушкой в воздухе, любуясь. С мягким щелчком вынул магазин. – Я имею в виду настоящие деньги, тысячи евро или долларов.

– Seriously? – Матлекс терпеливо наблюдал за приготовлениями от двери.

– Совершенно серьезно. Если бы ты только знал, какие бабки делаются на продаже уникальных игровых предметов за настоящие деньги...

– Крутой пистолет?

– Эпический... – Осторожно изъав из кейса новую обойму, Шпала зарядил оружие. Остальные магазины расфасовал по специальным отделениям на броне. – Нож тоже, хоть и похуже классом. Наследие буйного прошлого.

Он встал, отставляя в сторону опустевший чемоданчик. Водрузил на голову шлем. Прошел в угол кабины, открыл неприметный сейф. Заглянув через широченное бедро начальника, Матлекс рассмотрел горы оружия, заполнявшие стенную нишу.

– Вот, наверное. – Контрабандист протянул напарнику небольшой компактный автомат, напоминающий оружие спецназа. – Лупит чем-то вроде плазмы. Мощность умеренная, боезапас огромный, особых навыков не требует. И еще возьми пару гранат, может, пригодятся...

Матвеев достаточно быстро разобрался, где на автомате находятся предохранитель, счетчик зарядов и переключатель режимов огня. Выставил на одиночные выстрелы, гранаты сунул в карманы широких рабочих штанов. Несуществующее оружие в виртуальных руках имело немалый вес, и Леша подумал, что через какое-то время у него начнет ломить кисти.

С одной стороны, процесс подготовки к выполнению задания был захватывающим, волнительным и необычным. С другой – серьезность происходящего и его фальшивая реалистичность давили все сильнее, заставляя разогнавшуюся по венам кровь стыть от предчувствия.

– Ну, от винта! – Можно было поклясться, что Шпала улыбнулся за опущенным

забралом шлема, стараясь подбодрить и себя, и напарника.

Покинули «Креветку», задраили шлюз. Пересекли уставленное космическими кораблями поле, уже третье за время их пребывания в «ВарКроне». Миновали однообразные офисы сотрудников, вышли на улицу.

Изнутри Санкт-Доминус казался еще мрачнее и холоднее, чем с орбиты. Широкие проспекты плавно извивались между иссиня-черными зеркальными громадами, больше напоминая не город, а какой-то древний мавзолейный комплекс, в который неожиданно нагрянули тысячи туристов. От одного безликого здания к другому направлялись потоки живых существ, по центральной части улиц проносились транспорты. Их же хватало и в воздухе, мелькающих в разные стороны и оставляющих в стенах построек мимолетные призраки отражений.

– Нам туда!

Даже не сверяясь с сенсорной панелью на левом запястье, Шпала уверенно зашагал через дорогу. Матлекс, запоздало спохватившись, бросился за ним, торопливо вешая плазмомет на плечо.

Как он и отметил при посадке, в Санкт-Доминусе не было совершенно никакой инфраструктуры. Ни тротуаров, ни светофоров, ни уличных роботов-регулирующих. Гигант просто вытянул руку, призывая нескольких водителей сбросить скорость, и те послушно притормозили, позволяя напарникам перескочить к обсидиановой глыбе на другой стороне проспекта. Точно так же проезжую часть пересекали и другие обитатели города. Какой бы необычной или смелой ни была «фишка» Санкт-Доминуса, Матвеев поймал себя на мысли, что она начинает не просто пугать его, но и раздражать...

В офисном здании, куда они вошли, разместился унитарный пункт проката, обслуживаемый мобами. Причем, как сразу понял Леша, проката чего угодно, от модной одежды до вооруженной охраны. Но Шпалу интересовало лишь средство передвижения – немного поторговавшись, он взял в аренду приземистый квадроцикл с широкими, словно у внедорожника, шинами. Тут же оформил платеж, дождался немедленной отгрузки со склада и проследовал к воротам гаража, куда через пару минут доставили технику.

Осмотрел, оставшись весьма довольным. Сел за руль, подхватив напарника и усаживая сзади. Сейчас Шпала стал немногословен, и Алексей в очередной раз напомнил себе, кто скрывается под героической внешностью светловолосого гиганта.

Заревев мотором, гораздо более громким, чем самый мощный гелиоэнергетический движок реального мира, квадроцикл выкатил на улицу, вливаясь в поток. Матлексу, сидящему за спиной Шпалы, не оставалось ничего другого, как держаться за поручни и рассматривать блестящий, но такой холодный и однообразный город вокруг.

На этот раз контрабандист все же сверялся с приборами и электронными картами Санкт-Доминуса. Резко сворачивал на новые улицы, пару раз возвращался, случайно пропустив поворот. Плутал, выбирался на нужный проспект, сверялся с данными и вновь давил на газ, пускаясь на обгон грузовиков и изящных легковушек.

Без знаков, сигналов и светофоров дорожное движение Санкт-Доминуса было похоже на клуб джентльменов, в полном составе спасающийся бегством с тонущего корабля – все было корректно и вежливо, но постоянно куда-то спешили. Наблюдая за постройками, в какой-то момент слившимися для него в один бесконечно-сплошной черный лабиринт, Матлекс даже не пытался понять, куда именно они едут.

Может быть, именно поэтому он и заметил, что один из глайдеров уже какое-то время в точности повторяет все их маневры, не отставая и не сворачивая прочь...

– Шпала? – позвал он.

Тот, несмотря на шлем, рев двигателя и шум ветра, отозвался немедленно.

– Да?

– Вы просили замечать что-то необычное и подозрительное... Ну так вот мне кажется, что за нами следят... – Где-то в глубине души Леша надеялся, что это действительно так – ему очень не хотелось оказаться параноиком...

Шпала не стал ничего уточнять. Сразу настроил камеру заднего вида, рассматривая скопление машин за спиной, и вдруг резко свернул в соседнюю улицу, не такую людную и забитую транспортом.

Глайдер, в кабине которого виднелся одинокий силуэт, незамедлительно повернул следом.

Шпала прибавил скорость.

Глайдер подключил дополнительный движок, выстрелив из-под днища струями пыли, и не отстал.

– Сейчас я останавлиюсь, – негромко предупредил Шпала, и что-то в его голосе заставило Матвеева придержать дыхание. – Сразу прыгай за борт и прячься. Без лишней необходимости не высовывайся вообще, я справлюсь...

Матлекс хотел поинтересоваться, с чем именно собирается справляться шеф, и даже открыл рот. Но квадроцикл вдруг свернул на совершенно пустую улочку, будто специально предназначенную для чего-то противозаконного. И так же резко остановился поперек, заносом чуть не выбросив фамильяра из седла.

Глайдер, нырнувший в переулок следом, тоже застыл, будто ударился о невидимую стену. Водительская дверца открылась рывком, оттуда выскользнула фигура, и что-то очевидное подсказало Матвееву, что переговоров не будет.

Преследователь оказался гуманоидом, вполне похожим на человека, и лишь жабры на шее, прикрытые прозрачным шарфом, выдавали в нем нелюдь. В перепончатых пальцах он сжимал два массивных пистолета, широкий рот расплывался в довольной, совершенно безумной улыбке.

Шпала лишь успел спрыгнуть с квадроцикла, падая за техникой на колени, как по ним начали стрелять. Выстрелы были сочными, громкими и рокочущими, каких никогда не услышишь в настоящей жизни. Пули ударили в желтую землю вокруг их четырехколесного укрытия, отбили кусок руля, спинку с пассажирского сиденья. Гигант покачал головой, будто сожалея о навалившихся проблемах, и вынул из кобуры свой потерянный пистолет.

– Давай уже закончим, малыш! – хриплым, гортанным голосом прокричал человек с жабрами, методично обстреливая квадроцикл. – Куда же ты собрался от папочки?!

Шпала вынырнул из укрытия, прицелился и выстрелил так быстро, что Матлекс толком и не разглядел.

Выстрел был всего один, совсем не такой впечатляющий, как огонь из двух пушек в руках у противника. Но глайдер рыболового вдруг взорвался, словно в капот угодила ракета, взлетел в воздух на добрые пять метров, и с грохотом рухнул вниз, едва не раздавив владельца. В обсидиановых зеркальных стенах переулка многократно отраженный взрыв показался чарующим и предельно ярким, как сказочный фейерверк.

Стрельба сразу стихла. Теперь тишину нарушал лишь далекий гул машин на более оживленных улицах да треск пламени, пожирающего останки глайдера. Встав в полный рост, Шпала двинулся вперед, выставив пистолет. Матлекс, откровенно ошеломленный эффектом пуль, выданных Максимом, наблюдал с прежнего места. Автомат, про который Матвеев откровенно забыл, остался висеть на спине...

Человек с жабрами лежал в паре шагов от взорванного транспорта. Лицом в желтую пыль, раскинув руки, пистолеты валялись рядом. Носком бронированного сапога перевернув неудачливого преследователя на спину, Шпала нагнулся, целясь тому в голову. Взглянул на идентификационный бейжд, и Матлекс рассмотрел мелькнувшую в задымленном воздухе надпись.

Напавшее на них существо расы акваро звали Люблюпиво по фамилии Ивагины. Он был нейтралом по отношению к Шпале и принадлежал к гильдии «СперваТОХИКоз». А затем гигант схватил Люблюпиво за грудки, поднимая в воздух, и надпись растаяла, не позволив дочитать себя.

– Слышь, чувак... – оглушенный взрывом, акваро говорил медленно, заплетающимся языком. – Да это ж чит. Я на тебя тикет в администрацию напишу, тебя ж забанят, урод...

– Почему ты напал на меня? – Шпала, приподняв лицо Люблюпиво к матовому забралу шлема, упер ствол в рыбую щеку.

– Ты чо, не понял, чо я тебе сказал? – продолжал бормотать тот, словно не замечая приставленного к скуле пистолета. – Да тебе крышка, урод, можешь новый аккаунт покупать, я тебя сгною за такое читерство...

– Кто тебя послал? – спокойным, зычным голосом повторил вопрос Шпала, опуская оружие к бедру акваро. – Скажи мне, или я лишу тебя не только этого персонажа...

– Ну ты дурак... – усмехнулся Люблюпиво, и Матлекс рассмотрел кровь, стекающую с его разбитого лба. – Нублан малолетний. Да тебе же пи...

Он не договорил, потому что Шпала выстрелил в его левую ногу. Отстрелил ее начисто, будто срезал бензопилой, при этом даже не качнулся, продолжая с легкостью удерживать пленника на весу. На дорогу хлынула кровь, причем сразу двух цветов – ярко-красная и зеленоватая.

Люблюпиво завыл. Дико, отчаянно, но не как человек, получивший рану, а как избалованный ребенок, обнаруживший кражу любимой игрушки.

– Ты чо сделал, сука?! – Акваро беспомощно извивался в каменной руке Шпалы, косясь на отстреленную конечность, лежащую на земле. – Ты же мне гроб чуть не сжег, тварь!.. Да тебе ваще капец, я ж тебя в реале найду, не поленюсь, да я тебе глаз на жопу натяну!..

– Кто тебя послал за мной? Почему ты напал?

– Чо, ссыкло малолетнее, слабо в реале встретиться?! – Люблюпиво не унимался. – Или мама из дома не отпустит? Да я тебя и так найду, debil, тебе точно крышка!..

– Еще два слова, и отстрелю вторую ногу, – спокойно предупредил гигант. – Гроб пострадает еще сильнее, уверяю. И выйти не успеешь, это тоже факт... Кто тебя послал?

– Ну ты урод... – Акваро обмяк, словно лишившись сил на борьбу. – Квест на тебя дали, бонусный. Для тех, кто новое дополнение к «ВарКрону» тестировал. Я ваще думал, что ты моб... Ты что же творишь, сука?.. Да я же тебя найду, гад...

– Выброси гроб и закончи школу, – все тем же спокойным, невозмутимым голосом произнес Шпала, отстреливая противнику вторую ногу.

Акваро снова закричал, но теперь его вопль был коротким – оборвался на высокой ноте. Люблюпиво Ивагины безжизненно обвис в руке Шпалы, и Матвеев догадался, что игрок покинул тело своего мертвого персонажа. Убирая пистолет в кобуру, гигант отшвырнул то, что осталось от незадачливого охотника прямо на догорающие остатки глайдера.

– Школота паршивая, – злобно прошипел Шпала, возвращаясь к квадроциклу. – Всегда таких терпеть не мог...

Он спешно подключил свою нарукавную панель к системам управления транспорта. Какое-то время что-то изучал, водя пальцем по экрану, затем покачал головой.

– Мастер, ты нашел что-нибудь?

– Да, только что, – отозвался Роман Давидович, заставив Матлекса вздрогнуть и невольно осмотреться. – На тебя появился квест. Сложный, на время, с пометками, только для «элиты». Если хочешь, сброшу текстовку на почту, прочитаешь...

– Давай.

– Сделано, лови.

– Так... – В голосе Шпалы задумчивость переплеталась с мерно кипящей злобой, не предвещая ничего хорошего. – Я пишу эти строки, предвещая скорую кончину от рук бывшего ученика... последователь... возвращение Унг-Риола... предал все, чему мы верили... бла-бла-бла... вероятно, придет за мной... так, что это за хрень?.. отрывок из дневника профессора Каталниса... бывший контрабандист по прозвищу Шпала... предал идеалы Республиканского Союза... был нанят... о, Господи, глупости-то какие... – Запрокинув голову, гигант в отчаянии хлопнул себя по бедру. Шумно выдохнул, продолжил читать: – Перехватить Шпалу до того, как он покинет Санкт-Доминус и вступит в контакт...

так, дальше... убить предателя, забрав с его тела гласс-карту с разработками профессора Каталниса... Вознаграждение... ого, неплохо, я польщен.

– Квест не лежит в общем доступе, но открыт для гильдий, тестировавших Бастион, – добавил Мастер-Чиф. – Нужно спешить. Появился только что, но я уверен, что за эту награду тебя станет искать половина Санкт-Доминуса.

– Не сомневаюсь, – шумно ухмыльнулся Шпала, оглядываясь на взорванный глайдер и окровавленные ошметки акваро. Сел за руль, рассматривая повреждения квадроцикла. Осторожно завел мотор, и тот откликнулся, заставив Матлекса с облегчением перевести дух. – Если любитель пива успеет стукнуть в центр поддержки, мне могут попробовать заблокировать аккаунт.

Они рванули с места, словно на хвосте висел десяток головорезов. Квадроцикл, пострадавший под пулями, покашливал, но бежал все столь же уверенно, что и до перестрелки.

Выскочили на улицу, нарушив стройный вежливый поток машин, нагло растолкали окружающих, понеслись вперед. За спиной слышались проклятия и гудки клаксонов, но сейчас Шпала не был настроен на соблюдение дорожного этикета.

Одновременно довольный собственной наблюдательностью, но и напуганный реалистичностью короткого боя, Матлекс принялся вертеться на пассажирском сиденье. Заметил, что на несущийся по улицам четырехколесный аппарат теперь смотрят чаще, и все больше голов поворачивается, чтобы проводить его взглядом, но новой слежки не заметил. До тошноты однообразный город из обсидиановых геометрических фигур затягивал все глубже и глубже, размывая ощущения пространства и времени.

А затем Шпала вдруг резко ударил по тормозам. Изображение в шлеме Матвеева дернулось, а лоб Матлекса впечатался в ранец на спине шефа. Выглянув из-под его руки, фамилляр смог рассмотреть высокую изящную стелу, разумеется, тоже обсидиановую...

– Карцер, место назначения, освободить вагоны. – Квадроцикл находился в одном из сотни переулков, выходящих на площадь, центр которой и занимала тюрьма. – Транспорт оставим тут, если он вообще нам еще понадобится...

Шпала слез на землю. Вынул из пистолета магазин, заменил его на полностью снаряженный. Матлекс неловко прыгнул следом, снимая с плеча плазменный автомат.

– Вход с южной стороны, мы подъехали с востока, – продолжал Шпала, и Матлекс вдруг догадался, что его снова инструктируют. – Обойдешь Карцер слева, оценишь обстановку. Там должна быть охрана, пара мощных мобов, чтобы не подпускать особенно любопытных, так что к самим дверям не суйся, понял? Запомни все, осмотришься, а затем поскорее возвращайся.

Матвеев сглотнул слюну – вдруг снова захотелось пить. Заставил себя не нервничать, еще раз осмотрел предохранители компактного, но увесистого плазмомета. Конечно, послать на разведку именно его представлялось более чем логичным, но и менее неудобно от этого не становилось. В шлеме стало вдруг так душно, что захотелось сорвать его, броситься к кондиционеру и стоять под его прохладными струями, пока не уйдет дрожь в коленях.

– Я пошел, – сдавленно ответил он, поразившись, насколько уверенно звучит голос.

Выглянул из переулка, осмотрел совершенно пустую площадь. Мелкими шажками двинулся вперед, покачиваясь от непривычки – так много он по виртуальному миру еще не ходил. Черная стена над головой принялась расти в размерах, заслоня небосклон. По широкой дуге обходя Карцер, Матлекс беспрерывно вертел крохотной мохнатой головой.

Вышел из-за угла тюрьмы, осматривая пустующие безликие переулки, направился дальше. И вдруг замер на месте, не зная как быть... Впереди, шагах в двадцати от него, у широких ворот Карцера, едва различимых в черной стеклянной стене, кто-то стоял.

Их оказалось четверо. Двое были людьми, широкоплечими и высокими – вспомнив обрюзгшие тела вампиров, Леша невольно подумал, что вряд ли кто-то из игроков выбирает себе иную комплекцию. Третий был мохнатым гуманоидом, напоминающим то ли прямоходящего льва, то ли огромную обезьяну. Четвертым – эльф с мрачными, словно

заточенными на наждаке чертами лица и высокими острыми ушами. Чуть дальше, у стены Карцера, был припаркован вместительный пассажирский глайдер.

Все четверо, о чем-то болтающие у ворот, были вооружены.

Его, конечно, заметили. Человек и горилла повернулись, рассматривая малыша, эльф и еще один человек продолжали беседу. Сгорая от волнения и стыда за неловкость, Матлекс прикипел к земле, не решаясь сделать шаг. Прошло несколько секунд, в течение которых от фамильяра не отрывали глаз, а тот по-прежнему не двигался, загипнотизированный невидимой силой.

А потом он все же шагнул вперед. Заставил себя захотеть и сдвинулся с места, направляясь почти к воротам Карцера. От сомнений и страха, раздирающих сознание Матвеева, хорька шатало из стороны в сторону, будто тот неплохо набрался...

– Смотрите, кто это тут у нас, – протянул человек с бейджем гильдии «Звездные волкодавы». – Малыш с автоматом!

Он обидно усмехнулся, чем привлек внимание остальных. Теперь Матлекс совершенно отчетливо видел их огромные винтовки, лежащие на сгибах локтей, мечи на поясах, связки гранат и легкую броню на телах. Мог прочесть, что остальные бойцы принадлежат к гильдии «Палладиус Ликтор», выбрав себе профессии наемников и охотников за головами. Имена их, не менее придурочные, чем Люблюпиво, ни на секунду не задержались в Лешиной памяти...

– О, да он же не в гробу, – плевком сцедил эльф, надменно щурясь. – Смотрите, как его ведет! Что, малыш, на нормальную технику денежек не хватает? Попроси маму, она тебе купит, если хорошо закончишь шестой класс!

Шутка вызвала неожиданно бурную реакцию, и все четверо рассмеялись, зло и громко.

– Смотрите, да он же вооружен – пророкотала горилла. – Осторожнее, парни, а то нам придется несладко!

Они снова начали смеяться, и Матлекс остановился, вдруг почувствовав, как храбрость улетучилась, а он в буквальном смысле слова превратился в мишень. Наверное, именно это ощущают котята, когда уличные хулиганы забивают их камнями во дворе...

– Нет, я клянусь, он же в шлеме и перчатках, – не унимался эльф. – Ты на какой свалке их откопал, дружок? Небось, еще...

Но закончить свой вопрос длинноухий не успел.

Шпала появился в поле зрения Матлекса так стремительно, что тот отшатнулся в сторону, не упав только по случайности. Матвеев, чье сердце вдруг втрое увеличило частоту сокращений, чуть не подавился собственным языком.

Контрабандист шел прямо на охранников, выставив перед собой пистолет. Открыто, но быстро, невероятно быстро, словно горсть пыли, подхваченная ураганом. А затем начал стрелять, совсем не замедляя шага. Выстрелил четыре раза, последнего – гориллу, – добивая уже с нескольких шагов.

Охранники погибли на месте, даже не успев вскинуть оружие. Матлекс видел, как мощнейшие пули разрывают грудные клетки вместе с доспехами. В очередной раз поразившись излишней реалистичности «ВарКрона», рассмотрел, как вылетевшие из головы эльфа мозги брызнули прямо на обсидиановую стену. Услышал, как тела грузно попадали перед воротами, подумав, что их операторы даже не сообразили, что же произошло...

– Какие шустрые. – Шпала навис над поверженными противниками, убеждаясь, что все мертвы. – Уже успели комитет по встрече организовать... – Гигант принялся колдовать над пультом управления воротами, изредка бросая косые взгляды на убитых. – «Волкодавы»? Слышал про таких, да... А вот «Палладиус»... Интересно, они когда гильду называли, хоть в словарь латыни заглянули? Ты чего там встал?

Последний вопрос адресовался уже фамильяру, и Леша вздрогнул, выходя из ступора. Он словно смотрел съемки отчаянного оператора новостного агентства, сумевшего побывать в самом эпицентре горячей точки... Подскочил к воротам, затравленно оглядываясь на по-прежнему пустые переулки.

– Кстати, ты просто красавчик, Леха, все правильно сделал! – Изображение качнулось, когда Шпала хлопнул Матлекса по крохотному плечу. – Как лохов развели охрану, вот ей-богу... Входим!

Ворота, больше похожие на неопрятный разлом в стеклянной стене, раздвинулись, приглашая в широкий длинный коридор. Не оглядываясь, Шпала шагнул в него, держа оружие наготове.

Фамильяр, все еще не выпускающий из рук плазмомет, поспешил за ним. Похвала не грела. Думать о том, что произошло с гробами или программным обеспечением операторов, чьих персонажей они только что убили, не хотелось совершенно...

Как и ожидалось, внутри Карцер оказался мрачным, хитроумно спроектированным зданием, не имеющим ничего общего с настоящими тюрьмами. Его коридоры, внутренние балкончики и уютные тупиковые ответвления гораздо больше годились для засад, оборонных стрелковых позиций или уголков отдыха, чем для офисов или мест содержания заключенных.

Мобов, охранявших башню, они нашли сразу, в первом же зале, где расположился контрольно-пропускной пункт. Это оказались сотрудники специального подразделения полиции, по сценарию ивента штурмующие взбунтовавшуюся тюрьму. Один был ранен, лежа за стойкой, двое склонились над ним, пытаясь перевязать рану. До Матлекса доносились обрывки разговора, в котором бойцы обсуждали, что бунт спланирован, и в Карцер удалось прорваться неким наемникам.

Большого Матлекса разобрать не смог – Шпала вышел вперед и расстрелял всех троих на месте до того, как спецназовцы сумели что-то предпринять. Экономно, прицельно. Мобы попадали, не успев сделать в ответ ни одного выстрела, а Шпала невозмутимо двинулся дальше, минуя темный тоннель сканера.

– Это сейчас легко, – усмехнулся из-под шлема он, наблюдая, как фамильяр аккуратно обходит лежащие на полу трупы. – А когда уровень поменьше был, мы таких только толпой завалить могли, и то не с первой попытки...

А затем мобы стали появляться регулярно. Выскакивали из-за углов, ждали на контрольных точках, вываливались из-за спины, стараясь застать врасплох. Успеха им это не приносило – казалось, Шпала знал каждый сантиметр Карцера, безошибочно отстреливая противников еще на подходе.

За какие-то считанные десять-пятнадцать минут на них напал отряд беглых бандитов, вооруженных самодельными мечами, затем несколько молчаливых спецназовцев, чуть позже – еще трое заключенных Карцера, похожих на богомоллов, и наконец – боевые андроиды, тушившие пожар. Все четыре раза Матлекс даже не попытался ввязаться в бой, наблюдая, как элегантно и быстро его шеф устраняет препятствия с помощью пистолета и длинного, больше похожего на штык ножа. Ощущение, что Алексей смотрит жестокий, невероятно объемный и детальный боевик, только усиливалось...

По сценарию встречались и «союзники», если не помогавшие, так хоть не мешавшие продвижению в глубь инстанса. Разрозненные группки спасателей и охранников, ведущих вялые бои с тюремной швалью; лекари и торговцы, предлагавшие игрокам прямо на месте пополнить боезапас или залатать раны; одиночные персонажи, раздающие вспомогательные квесты. Но врагов все равно было больше, значительно больше.

Мобы что-то говорили, кричали, угрожали, но даже несмотря на полнейшую реалистичность их действий, чувствовалось, что это лишь программа. Безжизненная, умирающая с рычанием, но без надрывного стога, отдающегося где-то внутри. На нее Шпала даже не тратил уникальных патронов, расстреливая врагов из подвернувшегося под руку трофейного оружия или спешно перезаряжая пистолет «обыкновенными» зарядами.

За это время он, почти не отвлекаясь от стрельбы или скоротечной рукопашной, успел рассказать напарнику про особенности игрового процесса. Например, про агро – ореол агрессивности, окружающий каждого моба в галактике. Чем ниже уровень игрока, тем шире радиус агро противника, и именно поэтому сам Шпала мог подходить к врагам почти в упор,

прежде чем те реагировали, пытаюсь завязать бой.

Еще он рассказал про критический урон, процедуру «выбивания» хороших редких вещей из монстров, умение наносить врагу максимальный вред в течение короткого отрезка времени и много чего еще. Матлекс слушал, половину не понимая и пропуская мимо ушей. Было очевидно, что гиганту просто нужно выговориться, подняв тему, остававшуюся табу целых шесть лет его жизни...

Путь, по которому они продвигались в недра Карцера, был линейным, это Матвеев вычислил довольно скоро. Конечно, кое-где возникали ответвления, создающие иллюзию выбора, но в итоге все коридоры приводили к одному и тому же месту, а лифты поднимались лишь до определенных уровней. Все в этом угрюмом месте вело к определенной цели, но задумываться о том, какой она будет, пока не хотелось... Лестницы сменялись лестницами, кабинеты тюремного персонала – блоками карцеров, и через какое-то время Леша потерял счет этажам, оставленным за спиной.

– Передохнем...

На пороге огромной столовой Шпала прислонился спиной к стене, шумно дыша. Лежащий в кресле Матвеев снова представил себе, как сознание Покрышкина, подключенное к системам гроба, наивно верит, каким нагрузкам подвергается его хозяин.

– Сейчас будет первый босс, Нимо, не очень сложный. – Светловолосый великан проверил боезапас, активировал одну из систем бронекостюма. – Атакую я. Ты ждешь какое-то время, и когда увидишь, что он на меня уже стабильно заагрился, подключаешься. Старайся стрелять по оранжевым светлячкам над его головой, это уязвимое место. Если заметишь, что он потянулся к тебе – просто убегай и прячься, ясно?

– Ясно. – Палец Матвеева вытянулся вперед, коснувшись пустоты – палец Матлекса вытянулся вперед, опускаясь на металлическую скобу спускового крючка. – Стреляю по оранжевым светлячкам.

– Ну, тогда пошли, а то скоро будет сложнее... – И Шпала навалился на двустворчатую дверь, распахивая ее внутрь.

Едва заскочили в столовую, за спиной рухнул огромный железный шкаф, заваливший проход. Внутри царил настоящий разгром, половина столов была хаотично перевернута и расшвыряна по залу, пол заляпан красным. Едва не угодив под замуровавший двери шкаф, Матлекс прыгнул вправо, прячась за лавками, сваленными настоящей горой. А затем – точно в то же мгновение, – увидел так называемого босса, и от нахлынувшего отвращения перехватило дух.

Он не знал, было ли по сценарию существо заключенным Карцера или являлось одним из тех самых наемников, прибывших для организации бунта, но мерзостью оно было порядочной, это точно. Прямо посреди остатков столовой, разгромленной и щедро забрызганной кровью, восседал огромный слизень, напоминающий осьминога. Многочисленные щупальца монотонно подносили к пасти ошметки тел, одетых в тюремную одежду, кривые зубы с жадностью перемалывали добычу.

Услышав грохот у двери, слизень Нимо повернулся, распахнув четыре выпуклых водянистых глаза. Над его головой, растущие на тонких отростках-стебельках, приподнялись оранжевые светлячки. Побросав на пол недоеденные останки заключенных, Нимо заревел так громко и протяжно, что Матвеев едва сдержал желание сорвать с головы проклятый шлем.

Бой, начавшийся в следующую минуту, не был похож ни на что, виденное Алексеем раньше. С одной стороны, чудовищный вид противника напоминал о видеоиграх, какие можно было найти в любом торговом центре. С другой стороны – ритмичные рывки плазмомета, заставлявшие руки сжимать тяжелый воздух, безжалостно подчиняли разум реалистичностью. А она порождала страх.

Сунувшись вправо, где кому-нибудь покрупнее помешали бы пройти сваленные горой лавки, Матлекс начал стрелять. Начисто забыв про наставления шефа, принялся палить, даже не задумываясь о боезапасе. Наводя ствол оружия куда-то поверх головы Нимо, он давил на

спусковую панель, глядя на босса урывками, словно это могло спасти от контратаки или лучше спрятать хорька.

И все равно умудрился разглядеть пепельное брюшко чудовища, покрытое короткой редкой щетинкой, напоминающей подшерсток котенка; заметить вокруг пасти тонкие полупрозрачные жгутики-щупальца, словно у какой-нибудь глубоководной твари и ужаснуться, с какой дотошностью авторы Нимо подошли к созданию своего детища...

Через мгновение Шпала тоже вступил в схватку, что-то рыча из-под глухого шлема. Пистолет в его руке превратился в яркий оранжевый шар, пульсирующий длинными очередями. Контрабандист не стал прижиматься к стене – бросился прямо в центр зала, ловко перепрыгивая через поваленные столы и стулья.

А затем Матлекс понял, почему начать битву должен был именно шеф – Нимо, раненный случайными попаданиями из плазмомета, грузно развернулся, заметив крохотного фамильяра. И не успел тот вспомнить, что именно его командир рассказывал про систему агро, как со щупалец чудовища к нему метнулось что-то сияющее, наполненное электрическим треском. Окутало облаком, наполнило мир искрящимися бликами, а затем Матлекс ударился о стену и полетел над баррикадами из скамеек, завертевшись через голову.

Удара он почти не почувствовал, лишь выпало под ноги оружие да коротким тычком тряхнуло в затылок. Тело перестало реагировать на любые попытки пошевелиться, а перчатки на руках Матвеева окаменели, словно их окунули в мигом застывающий бетон. Сразу после этого перед глазами выскочили многочисленные таблицы, демонстрирующие результаты боя, мрачного вида плашка сообщила о смерти, а объемные всплывающие меню предложили выбрать режим воскрешения. Подвижным оставался лишь курсор, управлять которым можно было при помощи взгляда.

– Ничего не трогай, просто лежи, – немедленно услышал он раздраженный голос Мастер-Чифа, даже не успев осознать произошедшее.

– Хорошо, – просипел Леша пересохшим горлом и почувствовал, как щеки под шлемом пятнает краска стыда.

Картинка на дисплее прояснилась, заливавший ее трагический багрянец отступил, все встало на свои места. Теперь было ясно, что Матлекс лежит в одном из углов столовой, изогнувшись так, будто в маленьком теле не осталось ни единой уцелевшей косточки. Нимо, убивший нахального стрелка единственным залпом, переключил внимание на Шпалу. И лишь мельком взглянув в центр зала, Матвеев с легким стыдом порадовался, что столь внезапно вышел из боя, имея возможность спокойно наблюдать за шефом.

Прихлопнув безрассудного оруженосца, Нимо вплотную занялся его хозяином. Этому наступило самое время, ведь пистолет Шпалы доставлял чудовищу гораздо большие неприятности, чем крохотный плазмомет, вырывая из студенистой плоти целые куски. С каждым новым удачным выстрелом раненая тварь ревела так, что наушники в шлемофоне Матвеева принимались дребезжать от обилия низких частот.

Сам Шпала, с легкостью уворачиваясь от сыпавшихся на него энергетических сгустков, скакал по залу, будто заводной. Пистолет в его руке замолкал лишь на короткое мгновение, необходимое для смены магазина. Не дав попасть в себя ни разу, он прицельно и хладнокровно расстреливал босса, скользя вокруг него на короткой, очень опасной дистанции.

Это было захватывающе и немного страшно – наблюдать танец, который исполнял крохотный человечек с пистолетом вокруг гигантского слизня, бросающегося сверкающими шаровыми молниями.

Начисто срезанные пулями, на пол сыпались отростки, увенчанные оранжевыми светлячками. Теряя силы, Нимо еще какое-то время пытался отбиваться, решив ускользнуть за колонны, но Шпала был жесток и последователен.

Скорость чудовища упала, теперь он даже разворачивался с большим трудом. Заряды все реже срывались с его щупалец, из окровавленной пасти неслось не грозное рычание, а перемешанный со скулежом вой. Еще пробуя отбиваться, Нимо пополз к дальним дверям,

пряча уцелевшие стебли от пистолетного огня, но Шпала не дал ему уйти.

Запрыгнул на стол. Прицельно, с самого близкого расстояния выпустил целую обойму прямо в голову чудовища. На пластины бронекостюма тут же брызнуло липкое, а ствол в руке задымился, как вынесенная на мороз кружка кипятка. Дождавшись, пока тварь окончательно потеряет опору, растекаясь по полу бесформенным пятном, Шпала склонил голову, с явным удовлетворением осматривая содеянное.

Убедившись, что Нимо издох, контрабандист грузно спрыгнул со стола. Покачивая головой, неспешно зашагал к поверженному напарнику.

– Ну, и кто тут у нас первым стрелять начал? – Выбросив пустой магазин и на ходу перезаряжая пистолет, он навис над трупом фамильяра. – Я же вроде для непонятливых все объяснил?

– Виноват. – Восхищенный боем, Матвеев совсем не услышал в собственном голосе должного раскаяния. Поспешил добавить: – Простите, шеф, я испугался. А дальше все случилось само собой... Я больше не буду.

– Ты уж постарайся. – Шпала присел над ним, вынимая из-за спины нечто, напоминающее медицинский электростимулятор. Приложил к груди фамильяра, щелкнул кнопкой.

Разряд, тряхнувший тело Матлекса, был похож на тот, что унес его короткую игровую жизнь. Однако сразу после удара показатели шлема замерцали зеленым, шкалы здоровья наполнились, и Леша почувствовал, как закаменевшие руки вновь обретают способность двигаться.

Приказал себе встать, неловко поднял отлетевшее в сторону оружие.

– Спасибо...

– Не благодари, сочтемся. – Шпала спрятал прибор, с помощью которого вернул напарника к жизни. – В следующий раз будешь умнее...

Только сейчас Матлекс заметил, что дальние двери столовой, до этого момента замурованные, теперь распахнуты.

– Двигаемся дальше, – словно проследив взгляд напарника, приказал Шпала, – у босса долгий респаун, а двери, через которые мы вошли, разблокируются через несколько минут. Если у нас есть хвост, скоро мы его увидим...

Они пересекли зал, усыпанный гильзами и желеобразными кусками отстреленной от Нимо плоти. От самого босса почти ничего не осталось, и лишь в углу оплывшей свечкой виднелась небольшая студенистая горка.

А после столовой Карцер вновь принял их в свои недружелюбные линейные объятия.

Бредя по коридорам вслед за широкоплечим контрабандистом, Матлекс хмуро разглядывал однообразные недра тюрьмы. Мрачные, угрюмые, подавляющие любую надежду на спасение, они словно хвалятся тем, что их создатели не зря едят свой хлеб. Любая мелочь, проработанная дизайнерами, красноречиво намекала на серую безысходность рейда, нашептывая, что выхода нет. Там, где коридоры создавали развилки, давая слабую надежду на многовариантность лабиринта, разочарование становилось еще горше.

Любое неуютное сценарию ответвление почти сразу заканчивалось тупиком – где-то это был пожар, перекрывавший проход, где-то глухая баррикада, способная выдержать ракетный удар. Шпала, знавший дорогу как свои пять пальцев, в такие коридоры даже не совался, целеустремленно двигаясь вперед и вперед.

Кое-где, конечно, для получения доступа к новым помещениям Карцера, сценарий требовал заглянуть и в тупиковые залы, наполненные поджидающими головорезами. Но на подобные ловушки контрабандист плевал, дерзко взламывая двери при помощи универсального ключа, выданного Максимом.

Снова начали попадаться mobs. Сначала Матлекс стал свидетелем перестрелки в ангаре, где отряд вооруженных заключенных не давал взлететь спасательному шаттлу с ранеными на борту. Затем наблюдал свиту одного из преступных королей, делящую награбленное в бою добро и оружие. Следующая сцена происходила в центре управления

генераторами Карцера, где отряд спецназа вступил в яростную схватку с подстроившими бунт наемниками.

Все эти сюжетные вставки Шпала обходил по лишь ему ведомой траектории, почти не провоцируя мобов на атаку. Пару раз, когда проход был слишком узок, для отвлечения противника ему пришлось активировать сверкающие шестеренки, также изъятые из чемоданчика Бескровного. В этих случаях мобы «подвисли», их программы давали кратковременный сбой, и замыканий оба раза хватило, чтобы проскочить... В совсем редких случаях, когда население Карцера все же агрилось на напарников, эпический пистолет довольно быстро решал проблему, не давая Матлексу ни единого шанса вмешаться в бой.

Однако, когда контрабандист и его фамильяр вышли в просторный цех, где на станках еще совсем недавно трудились узники, им пришлось вступить в настоящую перестрелку. Причем вовсе не с мобами...

Прислушиваясь к звукам далекой баталии, они торопливо миновали лабиринт станков. Шпала шел уверенно и прямо, точно зная, что в этом секторе тюрьмы засады можно не бояться. Первая пуля, чиркнувшая его по бронированному бедру, была столь неожиданной, что оба остановились, недоумевающе разглядывая глубокую царапину на бронепластине.

Однако замешательство не было долгим – сгребая фамильяра в охапку, в следующее мгновение Шпала уже падал за ближайший станок. С глухим стуком опустилось забрало шлема.

Сразу после этого пули посыпались настоящим градом, звонко целуя чугун тяжелых заводских гигантов. Чуть в стороне ухнуло от взрыва гранаты, яркая вспышка расцвела над головами напарников, сообщая о наличии у атакующих минимум одного плазмомета.

Усевшись поудобнее и демонстративно не обращая внимания на шквальную стрельбу, Шпала обнажил пистолет, вынул обойму. Матлекс, без приказа не решающийся сделать и вдоха, до боли в пальцах сжал цевье своего ружья. Он молча наблюдал, как шеф заряжает боеприпасы, выданные им Бескровным, что могло означать только одно...

– Быстро они нас нагнали, – подтвердил его страхи Шпала, снимая оружие с предохранителя.

Вынул из наплечника крохотный прибор, подбросил в воздух. Миниатюрный видеозонд завис над их головами, транслируя изображение в шлем контрабандиста.

– Пять человек, – специально для Матлекса озвучил шеф, изучая картинку. – Тяжелое вооружение, высокие уровни... Видимо, поэтому так быстро прошли. Ну что ж, придется учить.

Из бронированного отделения на бедре он достал гранату, еще один подарок Максима. Матвеев, глядя на матовый цилиндр, невольно сглотнул, представив, каково сейчас придется незадачливым охотникам за призами.

Лютый и беспорядочный огонь, загнавший их в укрытие, стих. Над цехом, усиленный электроникой, покатился зычный молодой голос:

– Шпала, сукин кот, сдавайся! Ты же знаешь, что нас тут больше... Или забыл, что такое фокусная атака?!

– Отвалите, парни! – Шпала задрал голову, открыл забрало. К недоумению Матлекса, он улыбался. – Видали, что стало с малышами на входе?! Тогда лучше отвалите, вы мне не нужны!

– Да знаем мы, что ты крутой, – из другого конца зала донесся еще один, – но и мы не пальцем деланные!

– О, премейд-пати, поди? – Шпала даже хохотнул. – Что за гильда?

– «Ловцы Снов», слышал про такую?! – охотно, с плохо скрываемой гордостью ответили ему.

– Слышал, старая гильда, матерая. – Объявленный вне закона контрабандист пожал плечами, неожиданно подмигнув фамильяру. – Тем грустнее вас крошить, парни. Последний раз прошу – валите с дороги, останетесь целы.

– Думаешь, поверим в байку, что ты людей из игры вышибаешь?! – В разговор вступил

первый голос.

– Настоятельно предлагаю поверить! – Улыбка вдруг покинула лицо голубоглазого гиганта. – Потому что это правда, парни.

Больше ему не ответили, и лишь совсем рядом взорвался снаряд, выпущенный из подствольного гранатомета. Удар опрокинул легкий токарный агрегат, стоявший по соседству, бросил на плечи бетонную крошку и обломки, заставляя пригнуться.

– Ну, как хотите... – это Шпала пробормотал едва слышно, опуская забрало. – Матлекс, стреляй по ситуации. Этих парней ты не поцарапаешь, так хоть отвлечешь...

И сместился к краю станка, ставшего их укрытием.

Его заметили, зашипела плазма, новым залпом оплавляя бетонный пол вокруг Шпалы. Затем в партию успела вступить пара автоматов, осыпав станок новым веером пуль. А через секунду ответил пистолет контрабандиста.

На этот раз Шпала не лез на рожон. Выходить из укрытия или бросаться в лобовую, как на Нимо, не спешил. Привстал, старательно прицеливаясь и стреляя одиночными, затем бросил гранату – размашисто, по широкой дуге, чтобы упала точно за позициями «Ловцов». Рвануло, но как-то робко, будто приглушенно.

Стрельба стихла мгновенно, словно выключили звук. Матлекс, едва высунувшийся из-за станка, чтобы помочь отвлекающим огнем, даже не успел выбрать себе цель. Замер, сквозь прицел рассматривая противников, и ему вновь стало не по себе.

Двоих «Ловцов» накрыло гранатой, смертоносной игрушкой Максима Бескровного. Их неподвижные окровавленные тела отбросило ко входу в цех, шрапнелью изрешетив бронированные скафандры, будто те были сделаны из бумаги. Еще двоих сразили выстрелы из пистолета – один неподвижно сидел на площадке под потолком, прислонившись спиной к грузовой лебедке, второй корчился на невысоком пандусе, куда так и не успел забежать. Стрелка корежило, словно тело отказывалось повиноваться, его руки и ноги выгибались под совершенно дикими углами, как это бывает у сломанных кукол.

Пятый боец под огонь Шпалы не попал, но сориентироваться сумел ровно за пару секунд истребления коллег. Забросив оружие за спину, он огромными прыжками понесся в сторону входа, петляя на бегу, будто заяц.

– Ах ты сука, Шпала! Да тебе же теперь полный... – донеслось до Матлекса его искреннее и яростное завывание, а контрабандист поднялся в полный рост, беря беглеца на мушку.

Пару секунд Шпала целился в спину с эмблемой гильдии «Ловцы снов», но так и не выстрелил, позволив оставшемуся в живых охотнику нырнуть в безопасность коридора. С лязгом закрылась дверь.

– Нет в русском человеке доверия, – многозначительно протянул Шпала, открывая забрало. В его голосе фамильяр разобрал крохотное зернышко горечи. – Все сам норовит попробовать, на слово никогда не поверит...

Матлекс поднялся на ноги, забросил плазмомет на плечо. Он бы никогда не признался в этом начальнику, но был по-настоящему рад, что ему не приходится принимать участие в перестрелках с живыми людьми. Их неподвижные тела, разорванные на части смертоносными пулями Бескровного, были... слишком похожи на настоящие трупы.

– Эх, жалко парней. А еще премейд... – с горестным сочувствием пробормотал контрабандист. И тут же добавил, поясняя напарнику: – Это были отборные бойцы гильдии, сработанные в одну команду. Были...

Он поймал парящий в воздухе разведывательный зонд, спрятал в наплечник. Заставив себя отвести взгляд от трупов, фамильяр побрел за Шпалой. Миновав цех и затаившихся в нем мобов-заключенных, так и не решившихся напасть, они вернулись в угрюмые коридоры Карцера.

– Паша? – Голос Мастер-Чифа, раздавшийся справа от лежащего в кресле Матвеева и одновременно в наушниках его шлема, заставил вздрогнуть.

– На связи. – Шпала на секунду замер на развилке, припоминая дальнейший путь.

Открыв забрало, сунул в рот цветную сигарету.

– Советую поспешить. – Роман Давидович определенно был чем-то встревожен. – От игроков посыпались жалобы, гейм-мастера провели проверку и начали реагировать. Только что состоялась попытка заблокировать твой аккаунт, но я ее пресек. Уверен, что смогу сбить с толку еще три-четыре такие попытки, но в итоге они разберутся, кто тебя прикрывает...

– Понял тебя, Мастер-Чиф, переходим на ускоренный режим. – Шпала пыхнул сигаретой, подхватывая Матлекса и усаживая на привычное место на плече. – Держись, волосатик!

И тогда они побежали. Вероятно, в ноги доспеха были встроены какие-то усилители или ускорители, потому что скорость, с которой мимо замелькали коридоры Карцера, определенно не могла быть человеческой. Изображение на дисплее Матвеева размылось в длинный бесконечно извивающийся тоннель, и он даже прикрыл глаза, справляясь с неожиданным приступом тошноты.

Теперь Шпала почти не пытался обойти мобов и устроенные ими по сценарию сюжетные инсценировки. Пробегая мимо противников, едва успевавших среагировать, он неся дальше, с прежней эффективностью отстреливаясь прямо на ходу. В стремлении нагнать бронированную тушу население Карцера таяло медленно и верно.

– Еще одна попытка, на этот раз с новосибирской станции, – отчитался Мастер-Чиф, чуть более злобно, чем было нужно. – Пока держусь...

На этот раз Шпала не ответил, то ли экономя силы, то ли не зная, что сказать старому товарищу...

Там, где скорость, наглый напор или сценарий не позволяли миновать укрепрайоны компьютерных врагов, он прибегал к отработанной тактике. Быстро, почти небрежно, расправлялся с мобами очередями из пистолета, выманивал и добивал ножом. Один раз пришлось взорвать гранату – обычную, не из выданного работодателем смертоносного арсенала.

Когда дым рассеялся, Шпала откинул ногой труп тюремного авторитета и шагнул в пролом, по сценарию образовавшийся в стене.

– Познакомься с Хиликао, – недобро пробасил он, плевок выбрасывая сигарету и закрывая шлем.

Матлекс завертел головой, всматриваясь сквозь висящую в воздухе пыль и пытаясь понять, о ком говорит его хозяин. А затем застыл, превратившись в статуэтку. Так они встретились со вторым боссом Карцера.

Хиликао был похож на пятиметровую игуану, научившуюся ходить на задних лапах, изредка опираясь на хвост. Левую верхнюю конечность чудовищу заменяла огромная пушка, калибр которой было сложно даже представить, на груди виднелось некое подобие бронепластин, а также сложный корсет, увешанный чем-то, напоминающим альпинистские карабины.

Круглый зал, охраняемый вторым боссом, определенно являлся хранилищем информации – об этом красноречиво сообщали будто бы выставленные напоказ рабочие станции и многочисленные серверы, жавшиеся к стенам. Сложная система тросов, свисающих из пролома в потолке, намекала на то, как ящер попал в хранилище.

Склонившись над пультом управления одной из станций, Хиликао пока не замечал чужаков, что-то внимательно изучая на дисплеях.

– Этот будет посложнее, – прогудел Шпала из-под шлема, осторожно ссаживая фамильяра на пол. – Если собираешься помогать, стреляй в голову. Но главное, постарайся не стоять на месте, постоянно перемещайся. Увидишь, что он приставил пушку к полу – прыгай, чтобы не угодить в волну. – Продолжая инструктаж, он вынул пистолет, перезаряжая оружие. – Ну и в бой вступай только после меня... хотя это ты, надеюсь, уже запомнил.

Кивнув напарнику, Шпала медленно двинулся в сторону, держа оружие перед собой. Как только он сделал первый шаг, за спиной грохотнуло, а проход, оставленный гранатой,

завалило переплетением толстых железных прутьев. Матлекс, от этого грохота чуть не подскочивший, заставил себя снять плазмомет с плеча...

Матвеев тяжело дышал. Хотелось пить, губы пересохли, руки наливались свинцовой усталостью, а происходящее все меньше и меньше напоминало игру. Бледно-зеленое чешуйчатое чудовище в двадцати шагах перед ним казалось настолько реальным, что он мог представить себе смрад, вылетающий из беззубой пасти, когда тонкий язык рептилии выскакивал, чтобы молниеносно облизать выпуклый глаз.

Интуиция подсказывала – несмотря на то что до конца инстанса еще очень не близко, они на месте. Именно где-то тут находится секретное хранилище одного из братьев, и только ящероподобное чудовище теперь отделяет их от выполнения задачи...

Изобретение братьев Бескровных, бесспорно, является новым шагом по гигантской лестнице человеческого прогресса. Без ложной скромности и со всей уверенностью можно заявить, что столь грандиозных научных скачков не происходило со дня первого полета в космос.

Открытие многоканального сенситивного соединения человеческого мозга с моделируемой реальностью сравнимо с открытием огня, изобретением колеса или первого алфавита. Не торопясь примерять на себя бремя провидцев, мы, тем не менее, с огромной уверенностью можем предсказать скорый и стремительный рост научных исследований.

Аппарат Бескровных позволяет не только работать с массивами данных на предельной до этого дня скорости, сопоставимой со скоростью работы человеческого сознания. Он позволяет моделировать самые невероятные и рискованные ситуации, о которых прогрессивный человек до этого дня мог только мечтать.

Высадка на иные планеты, многолетние перелеты сквозь космическое пространство, погружение на дно самых глубоких впадин мировых океанов, проникновение в тайны молекулярных соединений, внедрение в любую популяцию живых существ, в том числе и вымерших – все это может быть смоделировано в виртуальной реальности Бескровных. Любой ученый планеты отныне может не только наблюдать и контролировать данный процесс, но и принимать в нем самое деятельное участие.

Журнал «Мир науки», 2022 год.

Уровень загрузки – 70,9%

Как только выход был заблокирован, Хиликао повернул голову. В этом медленном движении промелькнуло столько звериного, примитивного, что лишь от одного взгляда круглых, навыворот глаз ящера Матлексу стало совсем не по себе.

– Ну, ящерка, – смещаясь вдоль стены, Шпала не торопился стрелять первым, – начинай свой треп...

И правда, словно по его приказу, в эту же секунду Хиликао заговорил. С шипением и придыханием, как бы и могла говорить рептилия, обученная человеческой речи... Он заговорил о том, что секреты Карцера достанутся только ему, и никто из пришедших сюда больше не увидит дневного света. Угрожал, что разорвет нагледцов на крохотные клочки и потом еще долго будет пережевывать их при дальних перелетах.

Речь его была неспешной, хорошо прописанной сценаристами, выверенной до мелочей – и для того, чтобы подстегнуть участников рейда на бой и чтобы напугать мощью босса. Все время, пока Хиликао готовился к схватке, Шпала неспешно обходил его по широкой дуге. Остановился почти за спиной чудовища, что-то вынул из заплечного ранца, присел на колено.

Наконец ящер закончил свой проникновенный монолог, озвученный профессиональными актерами. Грузно обернулся, с хрустом перемалывая лапами обломки потолочной плиты. По очереди рассмотрел участников рейда, словно оценивая исходящую от них угрозу.

Выставив перед собой компактный плазмомет, Матвеев в своем кресле просто окаменел – его разрывало на части от желания нажать на спусковую пластину или броситься в укрытие. Но он устоял, не сделав ни того ни другого... Замер, не сводя оружие с ящера, краем глаза наблюдая за действиями шефа.

Наконец Шпала поднялся на ноги. У его правого ботинка, поблескивая драгоценностью, светился фиолетовый кристалл, также выданный Максимом. Вытянув руку с пистолетом, он выстрелил Хиликао в спину, как по волшебству превратив кисть в факел, полыхающий зарницами залпов.

Вздрогнув, ящер заревел, а на его голове раскрылся высоченный, угрожающего вида гребень. Пригнувшись, босс стремительно развернулся к стрелку, поднимая левую верхнюю лапу.

Шпала не сошел с места, продолжая поливать чудовище огнем. Пули его чудесного пистолета оставляли на броне и шкуре Хиликао огромные, невероятно огромные для ручного оружия дыры, из которых во все стороны струями ударила кровь.

Продолжая реветь и мотать головой, отчего гребень устрашающе развевался, ящер выстрелил в ответ. Из пушки на его лапе вырвалась ослепительная синяя полоса, ударившая в пол в считанных сантиметрах от ботинка Шпалы. Тот отпрыгнул, на бегу перезаряжая пистолет, и в этот момент Матлекс понял, что уже можно.

Надавив на пластину, он постарался как можно увереннее держать оружие, заплывавшее в сторону чудовища сгустками плазмы. В цель попадали не все, но несколько ударили по загрузке Хиликао, оплавляя на нем броню, и фамильяр восторженно закричал, даже не заметив этого.

Пригнувшись, словно пытаясь спрятаться от досаждающих ему насекомых, ящер гибко перетек прочь, злобно косясь в сторону второго стрелка. Рычал, брызгал слюной, но на прицеле все так же держал именно Шпалу, по которому дал второй и третий залп. На этот раз получилось точнее – скафандр на левом боку контрабандиста треснул, задымившись, а сам он отлетел к стене, ударившись о серверный шкаф и оставив на нем огромную вмятину.

Пистолет ответил жуткому оружию в левой лапе босса, и вновь во все стороны полетели клочки чешуйчатой кожи. Поднимаясь с колена, на которое его уронил выстрел противника, Шпала качнулся в сторону, тяжело оперся о стену, принялся проверять системы бронекостюма...

Матлекс продолжал стрелять, еще не замечая, как раскаляется под пальцами вздрагивающее и рокочущее оружие. Его залпы в основном крушили стены вокруг Хиликао, но не обходилось и без точных попаданий, заставлявших ящера оборачиваться, злобно скалясь, и истекать бледно-розовой кровью.

Развернувшись на месте, босс вдруг заревел, задрал голову к пролому в потолке, и со всей силой ударил стволом по полу, словно хотел воткнуть свою смертоносную пушку в прочный бетон Карцера. Вокруг оружия тут же вспыхнуло голубоватое свечение, переливаясь живым полупрозрачным кольцом, а затем это кольцо внезапно принялось расти в диаметре, будто поглощая усеянный обломками пол.

Матлекс подпрыгнул скорее машинально, чем осознанно. Конечно, потом он предположил, что повторный инструктаж начальника все же не прошел даром, хотя истинная причина крылась в обычном испуге. Но он подскочил, теряя равновесие и чуть не выронив автомат. Подскочил, успев заметить ультрамариновый вихрь, пронесшийся там, где он только что стоял.

Перепрыгнул через ударную волну и Шпала – уцепившись за выступ, он повис на стене, продолжая методично поливать Хиликао огнем. Тот вздрагивал от каждого попадания, истекал кровью, но позиций сдавать пока не собирался. Отворачиваясь и пряча от выстрелов глаза, правой лапой что-то настроил на своем оружии, вновь лоя контрабандиста в прицел.

Два дымных следа перечеркнули зал, а на том месте, где только что висел Шпала, во все стороны щедро швырнуло остатками серверов и кусками стены. Дым и мелкая пыль окутали поле битвы, и теперь Хиликао палил наугад, рассерженно лупя хвостом по

окровавленным бедрам.

Плазмомет окончательно перегрелся, и это Матлекс определил, лишь когда на пальцах Матвеева вспыхнули настоящие ожоги. Конечно, на стареньком оборудовании, выданном Мастер-Чифом, стоял совсем несерьезный болевой порог, но от неожиданности Леша все же вскрикнул. Фамильяр, в точности повторивший его крик, выронил раскаленное цевье.

Обезоруженный, он с тоской всмотрелся в облако дыма, пронзаемое ярко-синими молниями, наудачу посылаемыми Хиликао. Ящер ликующе зарычал, медленно двинувшись вперед, но в этот же момент плотные клубы разорвала уже знакомая Матлексу вспышка. Пистолетные очереди заставили чудовище попятиться, возвращая на прежние позиции, а из пыльного смерча легко выпрыгнул сам Шпала. Доспех был исцарапан, словно его протащили по асфальту за гоночной машиной. Стекло на шлеме треснуло, на правом плече мигали аварийные датчики.

Разбежавшись, Шпала перепрыгнул через фиолетовый кристалл, словно хотел прижаться спиной к стене. И вдруг исчез, в прямом смысле слова провалившись сквозь эту самую стену...

– Сработало! – Пораженный Матвеев услышал голос шефа – уставший, но торжествующий. – Вот уж не думал, что сейчас такое возможно...

Хиликао, внезапно упустивший врага из-под самого носа, заревел яростно и обиженно. Его пушка качалась из стороны в сторону, выискивая новую цель.

– Где вы? – негромко спросил Матлекс, прячась за разбитый серверный шкаф. – Что происходит?

– Да здесь я, – ответил Шпала, переводя дух, – просто ушел в текстуры стены. Это хакерский прием, давно распространен. Не ожидал только, что при современных технологиях Максимка сможет написать подобное... До последнего думал, что сейчас в стену врежусь.

– И что дальше? – Стараясь не двигаться, Матлекс наблюдал за Хиликао, будто обычный хорек за хищным удавом в полном опасностей лесу.

Чудовище разъяренно металось по разгромленному хранилищу, выискивая врага. Его программа никак не могла понять, куда исчез противник, наличие которого подтверждалось всеми системами. Индикаторы, указывающие на состояние здоровья ящера, замерли на отметке 67%.

– А дальше я его убью, – просто ответил Шпала. – Прямо отсюда...

И начал стрелять, словно по фигуркам в тире. Выстрелов Матлекс не слышал, вспышек тоже не замечал – все эти эффекты были отрезаны текстурами стены, в которую «провалился» его начальник. Однако следы от пуль, попадающих в грудь и шею Хиликао, он наблюдал прекрасно и в деталях.

Монстр вновь попытался обнаружить врага. Сделал несколько выстрелов наугад, откалывая от стен куски и кроша оборудование. Ревел, бесновался и скалил зубы, но пистолет Шпалы не замолкал ни на секунду. Индикатор показал 50%, совсем вскоре – 30%. Истекающий кровью Хиликао пытался еще пару раз ударить по полу взрывной волной, но и она не настигла Шпалу, надежно спрятанного в текстурах «ВарКрона» при помощи фиолетового кристалла. Гребень ящера поник, уже не столь воинственно топорщась, во многих местах его пробили пули.

Матлекс, еще глубже забравшийся в укрытие, не мог отвести глаз. Как всегда в непростой ситуации, он рвался на две части – одна умоляла отвернуться, чтобы не видеть столь реалистичной агонии умирающего чудовища. Но другая упорно заставляла смотреть, игриво перебирая струны нервов.

Вскоре Хиликао издох. Индикатор здоровья босса неумолимо докатился до нулевой отметки, ящер издал последний рык, вскинув лапы к потолку. Его расстрелянный гребень сложился, язык безжизненно выпал из пасти. Закачавшись, чудовище грохнулось на спину, заставив комнату вздрогнуть. Из-под туши по пыльному полу в разные стороны двинулась огромная лужа розовой крови.

Из стены, будто сквозь невесомый восточный занавес, вышел Шпала. Пистолет он все еще держал в руке, отведя чуть в сторону, а на поверженного врага смотрел с опаской, будто Хиликао мог снова вскочить. В тот же миг фиолетовый кристалл у ног Шпалы потерял яркость, превратившись в тускло-светящийся кусок граненого камня. Недоверчиво обернувшись, контрабандист постучал ладонью по монолиту стены, только что так легко пропустившей его сквозь себя. Хмыкнул, покачав головой.

– Напарник, ты в порядке? – Он снял поврежденный шлем, рассыпав волосы по опаленным наплечникам. – Не ранен?

– Нет, спасибо... – удивившись собственной неловкости, ответил Матлекс. Выбрался из укрытия, косясь на тушу Хиликао. – На этот раз босс меня даже не замечал... Мы ведь на месте?

– Если верить координатам Максима, да.

Перезарядив и спрятав оружие, Шпала неспешно двинулся вдоль стен. Подобрал потускневший кристалл, повертел в руках, приподнял к падающим в пролом лучам света.

– Надеюсь хватит... – пробормотал он задумчиво, с легкой опаской.

Прохода, который должен был открыться в комнате после гибели второго босса, Матлекс пока не заметил. Поднял остывший плазмомет, забросил за спину. Усевшись на перевернутый шкаф, он принялся наблюдать за шефом, что-то выискивающим у дальней стены.

– Вероятно, здесь, – почти сразу и куда более уверенно подытожил тот, махнув фамильяру рукой.

– Что именно «здесь»? – Матлекс подошел, обогнув тушу Хиликао так, чтобы не наступить в кровь.

– Вообще-то после гибели босса выход открывается там, – Шпала небрежно ткнул рукой в противоположную стену с массивной толстой дверью, определенно запертой. – Нужно лишь проверить базы данных, с которыми работал Хиликао, после чего – бум! И в стену въезжает бульдозер, захваченный зэками... Но нам дальше не нужно.

Фамильяр послушно стоял рядом, глядя на контрабандиста снизу вверх. Он уже начинал понимать, куда клонит шеф. Кольнуло опасение – а что, если бы во время боя кристалл полностью утратил заряд? Но Леша отогнал пустые тревоги, мешающие сосредоточиться. Вновь взглянул на погруженного в себя Шпалу.

А тот, присев на корточки, вновь принялся устанавливать на полу кристалл, давший ему такое преимущество перед боссом комнаты.

– Давай-ка, на всякий случай, вот так... – Он подхватил Матлекса, сажая на плечо. – А то я точно не запомнил, куда идти, еще потеряемся...

И после этого, не успев фамильяр что-то спросить или уточнить, великан смело шагнул в стену, расступившуюся, будто клочья тумана. От неожиданности Матвеев зажмурился, натурально ощутив, как недружелюбный бетон ударит его и сшибет с плеча. Но уже через секунду с любопытством приоткрыл глаза, охнув от увиденного.

Они висели в пространстве, черном и посверкивающим искрами. Слева, справа, снизу – одним словом, повсюду – был виден Карцер, его изнанка, его сущность. Стены, полы и потолки стали полностью прозрачными, позволяя заглянуть в любое помещение. Причем, в этом Матвеев почему-то был совершенно уверен, не только заглянуть – пожелай он, и мог бы проникнуть сквозь исчезнувшие преграды в любую комнату инстанса...

Он и его шеф стали наблюдателями, парящими возле огромного трехмерного макета тюрьмы, способными в деталях разглядеть ее архитектуру, хитросплетения коридоров, месторасположение залов, камер и цехов. Сила кристалла, подаренного Максимом, позволяла им двигаться в любом направлении, с легким усилием пробивая себе путь сквозь густое и вязкое пространство.

Обернувшись, Матлекс посмотрел на зал второго босса. Представил себе, как Шпала парит тут, среди электронного ничто, посылая в беззащитного Хиликао пулю за пулей. Заметил, что установленный на полу кристалл все тускнеет и тускнеет... Вздрыгнул,

поежился.

А контрабандист уже плыл вперед, приметив комнату, не соединенную с остальным комплексом ни единым коридором. Она надвинулась, очень похожая на только что покинутый зал, стала больше, очень скоро скрыла от взглядов все остальное, выдавила из поля зрения искрящуюся черноту. Не меняя курса, Шпала вошел прямо в ее стену, тотчас сомкнувшуюся и отвердевшую.

Матлекс, тут же опущенный обратно на пол, сперва хотел поинтересоваться, как же они намерены вернуться. Но так и не спросил, сам догадавшись о наиболее вероятном ответе...

Как было заметно еще из «подкладки» Карцера, зал, в который попали участники рейда, действительно напоминал помещение для боя с Хиликао. Такая же просторная круглая комната, похожие серверные станции вдоль стен, панели управления. Только нет проломов в стенах и куполообразном потолке, отсутствует замурованная дверь, а дальняя часть комнаты приподнята на постамент.

На возвышении, загадочно подмигивая индикаторами, находилась еще одна рабочая станция, и Шпала без промедления направился именно к ней. В правой руке контрабандиста сверкнул пистолет, в левой – гласс-карта, выданная Бескровным. Небрежным пинком гигант оттолкнул стоящий на дороге стул.

Укол в сердце был почти неразличим... Леша даже толком не заметил, списав его на стресс и усталость. Но предчувствие только усилилось, словно ощущение приближающейся грозы. Завертев головой, Матлекс стянул с плеча плазмомет. Внутренний голос нашептывал, что игрушечной пулялкой здесь не обойтись, но вес невидимого оружия в руках Матвеева придавал подобие уверенности в себе...

– Все кончено, меж нами связи нет! – вдруг, с необычным возбуждением, нараспев продекламировал Шпала, склоняясь над висящей в воздухе трехмерной клавиатурой серверной станции. – В последний раз обняв твои колени...

Стволom пистолета он нажал на панель в массивном хромированном блоке. Та с легким жужжанием выдвинулась навстречу, дружелюбно распахнув зажимы. Настороженно обернувшись и цепким взглядом осмотрев пустой зал, Шпала вложил в них гласс-карту, закрывая панель.

– Произносил я горестное что-то... Все кончено... там что-то твой ответ... – В воздухе над станцией мгновенно активировались четыре прозрачных широкоформатных дисплея. Система автозапуска тотчас принялась за свое темное дело. – Обманывать себя не стану вновь, тебя тоской преследовать не буду... прошедшее уж точно позабуду...

Шпала продолжал бормотать, и Матвеев не сдержал улыбки. Таким – деятельным, взвинченным, замечающим любую деталь, всецело готовым к действиям, – шеф нравился ему больше всего.

– Вот и все, дружище, – выдохнул тот, пряча оружие и делая шаг от зараженной станции управления, – теперь можно выходить, а остальное – уже не наша забота...

Однако выражение лица Шпалы никак не вязалось с молодецким тоном – брови сошлись на переносице, он закусил губу. Матлекс в целом разделял чувства напарника. В мире, где даже выстрел из лазерного пистолета сопровождается ярким звуковым эффектом, внедрение чужеродной программы в святая святых управления Бастионом должно было пройти как-то иначе...

Индикаторы на дисплеях продемонстрировали, что загрузка завершена. Произошла детальная обработка данных, после чего система вежливо поблагодарила, что ей были любезно предоставлены столь любопытные программы.

– Мне кажется, или?... – начал Матлекс, но Шпала замотал головой, решительно прервав:

– Нет, не кажется. Что-то пошло не так...

– Ну разумеется, что-то пошло не так, – знакомый голос пронесся по залу, будто это была оперная сцена с превосходной акустикой. В руке контрабандиста снова появился пистолет. – Не так, как планировали вы. Так, как предполагал я.

– Какого черта? – Шпала, спиной вперед, медленно сошел с пьедестала центральной машины.

– Ой, я умоляю вас, мои хорошие... неужели вы и правда полагали, что чего-то добьетесь?

У Матвеева отвисла челюсть, но механика фамильяра не совсем точно передала эту эмоцию. Хорек крохотным столбиком замер в нескольких шагах от начальника, молча таращась на появившегося из-за постаментов мужчину.

Бескровный поднялся по двум широким ступеням, мельком заглянул в дисплей. Кивнул, будто увиденное вполне оправдало ожидания. Шпала, угрюмо наблюдающий за ним снизу вверх, был похож на плотно сжатую пружину.

– Это, право, смешно и неоригинально... убить Божество, загрузив в него вирус... – Бескровный улыбнулся, и только по этой улыбке – лукавой, неуловимо хищной, Матвеев догадался, что перед ними не Максим. – Словно дешевый квест в старенькой компьютерной игре... Вы и впрямь думали, что я размещу системные файлы тут, а не на новых картах Бастиона, чтобы любой возжелавший их автоматически становился моим последователем?

Он хотел еще что-то сказать, но Шпала вдруг вскинул руку с оружием, открывая огонь. Выстрелил пять раз, одиночными, целя точно в голову противника.

Матлекс вздрогнул, проглотив вскрик, но затем зрение сыграло с ним недобрую шутку. Вместо того, чтобы расколоться перезрелой дыней, голова Бескровного пропустила траассирующие пули, будто была просто нарисована на воздухе. На стене за спиной новоявленного божества образовались неровные, колотые по краям пулевые отверстия.

– Убить меня вздумал? Щенок сопливый... Да ты еще не родился, а я уже бедными зайцами под музыку Вагнера себе дорогу через минное поле расчищал!

Но тут же спохватился, прижав кончики пальцев к вискам. Ему словно было неловко за эту вспышку ярости.

– Виноват, не стоило... Просто, когда меня пытаются убить совсем уж варварским способом... – С надеждой на понимание Константин опустил плечи, переводя взгляд на фамильяра. – А вы, молодой человек, не хотите в меня пострелять?

Против воли Матлекс замотал головой, тут же устыдившись собственного поступка. В глазах второго близнеца плескалось что-то завораживающее, могучее, сверкающее звездами. Моргнув, Матвеев отвел взгляд, стараясь смотреть чуть в сторону.

– Значит, ты и есть Костик, – констатировал Шпала, а Бескровный развел в стороны руки – мол, прошу любить и жаловать. – Сбрендивший братец?..

– А кто вам сказал, что я сошел с ума? – усмехнулся хозяин Бастиона. Он выглядел точь-в-точь как брат, только был более худощавым и одевался с большей небрежностью. – Максим? Совершенно не удивлен...

– А разве нет? – Спрошено было мягко, спокойно. Но, уже научившись различать интонации начальника, Леша отметил, что в том закипает буря. – Возомнить себя Богом, это ли не сумасшествие?

Константин тяжело вздохнул. Видимо, хотел возразить, что это судьба многих пророков – быть обвиненными в помешательстве. Но не стал. Снова развел руками. Придвинул отброшенный в сторону стул, развернул его спинкой вперед, оседлал.

Шпала и его фамильяр так и стояли у подножия пьедестала, не сводя с Бескровного взглядов. Пистолета контрабандист все еще не опустил.

– А что вас, собственно, удивляет, Павел? – Губы компьютерного гения искривились. – Хоть сейчас откройте любую поисковую систему и найдите определение слова «Бог». Вот, например... – И он прикрыл глаза, будто цитировал: – Божество – это сверхъестественная или бессмертная личность. В широком смысле – предмет поклонения и обожания. Изображается в различных формах, но чаще всего в образе человека, животного или симбионта...

Матвеев смотрел на лицо, безупречно воссозданное программой, поражаясь искренности эмоций, посещавших Константина. Тот, словно не замечая нацеленного на себя

пистолета, продолжал:

– Божество обычно бессмертно, обладает индивидуальностью, сознанием, разумом, желаниями и эмоциями, аналогичными тем, которые свойственны человеку. Считается, что оно имеет власть над аспектами человеческой жизни, например, рождением или смертью. Некоторые божества, по представлениям верующих, являются распорядителями их судьбы, дают мораль и законы. Иногда божества считаются также создателями Земли и Вселенной. Ну, так и что тут нелогичного?

Вопрос адресовался уже Шпале. Выдержав паузу, но так и не дождавшись ответа, Костя пожал плечами. Понимающе кивнул, но беседу продолжил:

– По мне, так все сходится. Бессмертия я добился, в своем роде. Вселенную тоже создал. Имею власть над рождением и смертью, стал предметом поклонения. Про индивидуальность или разум говорить и вовсе излишне. Моя система уникальна и всемогуща, при необходимости я могу быть везде, где существует электропитание и выход в сеть. Так к чему скромничать, принижая собственные достижения?

Не спуская оратора с мушки, левой рукой Шпала вынул сигареты. Зубами выдернул из пачки одну, приготовился прикурить. Костя, опередив, лишь шевельнул пальцем – на кончике ярко-зеленой палочки вспыхнуло пламя. Шпала невозмутимо затянулся, не сводя с Бескровного глаз.

– Ты про шизофрению лучше бы почитал в своих поисковых системах, – процедил он, – тоже много общего найдешь.

– Обожаю солдафонское чувство юмора, – улыбнулся Константин. – А уж когда выбранный образ героя подходит к его манере поведения, алмаз получает безупречную огранку... К сожалению, в жизни не совсем так. В жизни герой страдает бытовым алкоголизмом, толстый и полысел в неполные тридцать лет.

Тем же тоном, не выпуская из зубов сигарету, Шпала послал Бескровного на три хорошо известные русские буквы. Матлекс аж поперхнулся, но Костя лишь разочарованно покачал головой.

– Как мне убедить Фому неверующего? – добавив в голос трагизма, спросил он, рассматривая ладонь, словно где-то на ней крылся ответ.

Услышав про Фому, Матвеев невольно вспомнил адистов и неуютно поежился. Теперь он начинал подозревать, что те были не так уж не правы в своих рассуждениях. Что еще могли знать они о втором Бескровном, но не успели рассказать?..

– Сдохни на три дня, а потом вернись, – предложил Шпала.

– Шутка, повторенная дважды, теряет остроту. – Создатель Бастиона отмахнулся. – Правду говорят, что корнем любой религии является вера. Не понять вам разумом меня, не понять, хоть засыпьте вас чудесами...

– Поэтому ты решил прочищать людям мозги? Чтобы недоверчивых поменьше стало? – с угрозой спросил контрабандист, в следующую секунду выплюнув сигарету в лицо Константина.

Тот нахмурился, окурок мгновенно изменил траекторию, расплющившись о бронированный наколенник Шпалы.

– Божеству нужна паства, это я тоже считаю логичным. А Бог, не способный принудить или покарать – слаб, беспомощен, в него нет смысла верить...

– Думаете таким способом создать сонмы верующих, которые пойдут за вами до конца? Силой навязать культ? Силой, ломающей волю?!

Когда Матвеев осознал, что произнес рванувшийся на волю вопрос вслух, ему чуть не поплохело. Шпала озадаченно покосился на фамильяра, словно успел забыть о его существовании, а бровь Бескровного удивленно приподнялась.

– Смотрите, кто заговорил... – снисходительно улыбнулся он. – Да, думаю. Более того, убежден, что у меня все получится. История знает массу молодых религий, только поднимающихся на ноги. Знаете о культе «Карго», члены которого поклоняются американцам, сто лет назад сбрасывавшим на острова Океании грузы с гуманитарной

помощью? А ведь это религия со всеми ее атрибутами: соломенными макетами самолетов, чтобы задобрить богов, с парадами вооруженных сил, оснащенных бамбуковыми макетами винтовок, с нанесением на тела армейских символов... Поэтому считаю, что каждый бог имеет право на свою собственную паству, пусть и такую примитивную, как меланезийцы.

– Зачем? – сухо, будто выплевывал изо рта песок, спросил Шпала.

Но Бескровный, как выяснилось, по-своему понял вопрос контрабандиста.

– Зачем я не остановил вас в самом начале? Например, на орбите Санкт-Доминуса? Признаюсь честно, было любопытно... каюсь, каюсь. Однако вынужден признать, что выжидал не зря. Ваше прохождение Карцера было весьма занимательным. Захватывающим. А эти жестокие перестрелки с охотниками... Только с Хиликао вышло некрасиво. За такое, Павел, банят на веки вечные, вы в курсе?

– Я спросил, зачем ты, выродец, лезешь в мозги людям? Слабое вести за собой только тех, кто истинно верует? – терпеливо выслушав ответ, повторил Шпала. – Ссыкотно, что останешься один?

– Ой, глупости говорите, Павел. – Костя снова махнул рукой, словно и впрямь услышал несусветную глупость. – Просто довожу до совершенства то, что не удалось сделать ни Христу, ни Магомету, ни Будде. Тонкий расчет нового столетия, не более. Да и что тут плохого? Взамен я ведь дарю настоящий Рай на Земле...

И он медленно, с чувством прочитал, дирижируя себе пальцами:

– Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет,
Честь безумцу, который навевает
Человечеству сон золотой!

Замолчал, наслаждаясь эффектом, затем улыбнулся, всматриваясь в непроницаемое и хмурое лицо Шпалы.

– Красивые стихи, это Пьер Беранже, девятнадцатый век... Или будет лучше, если мир вернется к унылым будням? К засилью китайцев, уже почти оккупировавших страну? К ужасающей рождаемости, к эпидемиям, экономическим кризисам, войнам и произволу государства? Да мне памятник нужно поставить, а не пытаться пристрелить...

– Надгробие я бы тебе поставил...

– Ах, оставьте, опять изрекли глупость. А вот вашего присутствия в этой истории я решительно не понимаю. Предупреждал ведь – не лезьте. Нет, не таков русский мужик, не таков... – На миг сквозь участливую маску Бескровного промелькнуло что-то настоящее, озлобленное и нетерпеливое. – Однако вы не послушали. Еще и у братца на поводу пошли, не так ли? Ну что ж, теперь пеняйте на себя, я предупреждал...

– А, отрубишь мне аккаунт? – Шпала смачно сплюнул на бетонный пол. После этого кратко и очень емко объяснил Константину, где видел и на чем вертел его «ВарКрон». – Или попробуешь и мне мозги переплавить?

– Увы. – Костя выслушал брань спокойно, даже равнодушно. Но со стула поднялся, потирая ладони. – К сожалению, без Бастиона это решительно невозможно, а жаль... Но найдутся и другие способы, найдутся. Хоть бы и в вашем мире. Иначе, какое же я Божество?

И тут игла предчувствия, покалывавшая Матвеева в сердце с самого начала разговора, ударила в полную силу. Задохнувшись от вспыхнувшей в мозгу догадки, он сорвал шлем, болезненно зажмурившись от лупанувшего по глазам света ламп.

– Отключайте его! – из горла вырвался лишь сдавленный хрип.

Попытался содрать с рук прикипевшие потные перчатки, но одеревеневшие пальцы лишь скользили, обрывая провода.

Мастер-Чиф, как загипнотизированный, наблюдал за разговором. Взгляд его не отрывался от экрана, на котором виднелся знакомый зал, Шпала и его собеседник. На других дисплеях потоками бежали колонки цифр, прорабатывалась какая-то информация. Казалось,

старик по-настоящему очарован явившим себя гением виртуального мира.

– Что вы сказали, Алексей? – Роман Давидович обернулся, сварливо поджав губы. – Ну зачем же так с техникой? Она этого не любит...

Но Матвееву было все равно, что думает Мастер о порванных проводах. С липкими щелчками от кожи отлеплялись присоски. Сбросив перчатки, он безжалостно уронил шлем на пол, не обращая внимания на треск пластика. Попытался выбраться из кресла, но тело затекло, и пока он лишь елозил по удобной лежанке, беспомощно барахтаясь.

– Отключайте Павла! – прохрипел Леша, ухватившись за край.

– О чем вы говорите? – Подключенный сразу к нескольким АйПи-станциям, старик и не пытался встать из-за стола, чтобы помочь парню.

– Скорее вынимайте Павла из гроба! – Перекатившись через подлокотник, Матвеев грохнулся вниз, едва не перевернув на себя кресло. – Нужно немедленно уходить...

Дальнейшие полчаса превратились для Алексея в сплошной многоцветный вихрь, за какие-то считанные мгновения пронесшийся перед глазами, становясь то ярче, то угасая. Матвеев вроде бы что-то кому-то говорил, куда-то бежал, как-то мыслил, видел людей и общался с ними. Но когда все закончилось, вспомнить подробностей так и не смог.

Навалилась просто нечеловеческая усталость, его трясло и беспрерывно тошнило желчью, а единственным желанием было желание упасть прямо на грязный пол, подтянуть к груди колени и забыться...

Все встало на свои места, только когда они с Павлом вернулись в центр управления Мастер-Чифа и просмотрели записи камер наблюдения. Как выяснилось, те работали – желая ослепить Романа Давидовича и его гостей, Бескровный решил отключить лишь мониторы. А может, только их и сумел, ведь защитные системы дома Мастер-Чифа тоже были сложены вовсе не из соломы. Как бы то ни было, камеры работали, с беспристрастной жесткостью зафиксировав все, что происходило в последующие полчаса.

Начисто забыв о том, что сам являлся участником увиденного, Матвеев жадно вглядывался в один дисплей за другим, восстанавливая картину событий. Вновь, как было и в недрах «ВарКрона», он ощущал себя наблюдателем чего-то диковского, пугающего, нереального. Только на этот раз все было совсем не игрой...

– Скорее вынимайте Павла из гроба! – бормочет Леша, переваливаясь через подлокотник. Падает, ударившись локтем, лежанка опасно качается. – Нужно немедленно уходить...

Мастер-Чиф справа от него за длинным столом, в самом сердце своего оперативного центра. Сутулится в удобном глубоком кресле, обернулся с недоумением и откровенной досадой – на полу расколовшийся шлем. Провода тянутся от головы и руки старика к АйПи-станциям, на их экранах можно разглядеть секретный зал Карцера, в котором находятся трое. Слева, что становится заметно только сейчас, усыпанная мониторами слежения стена превратилась в черное панно – беда уже на пороге.

– Алексей, – продолжает хмуриться Роман Давидович, – прошу вас объяснить, чем вызван этот приступ паники!

– Он тянет время, – прокашлявшись, отвечает Матвеев. Поднимается на ноги, все еще непослушные. Его качает, но он умудряется удержать равновесие. Делает неуверенный шаг к двери в задней стене, словно хочет лично совершить пробуждение Павла. – Опасность здесь, в нашем мире... Я чувствую, нужно уходить...

На лице Романа Давидовича смесь чувств. С одной стороны, он не видит оснований для тревоги. С другой – напарник Покрышкина так убедителен и горяч в своих предположениях... Старик качает головой, все еще переживая поломку шлема.

Шпала на экране озирается, стараясь не выпустить Константина из поля зрения, одновременно пытаясь понять, отчего его фамилляр вдруг застыл, будто манекен, а из глаз напарника пропал живой блеск. Вероятно, он слышит обрывки разговора в комнате Мастер-Чифа, потому что лицо Шпалы тут же вытягивается.

Широкоплечий контрабандист оборачивается к Бескровному. Что-то говорит, но этого

не слышно на записи. А затем Костя легко и театрально хлопает в ладоши, и Леша вспоминает, как в этот момент у него защемило сердце. Так бывает всегда, когда оправдываются самые гадкие ожидания...

Как потом рассказывал сам Покрышкин, он в ту же секунду попытался выпрыгнуть из «Хроник Войны». Причем не плавным выходом, оставляющим игроку двадцать секунд на раздумья, а жестко, с перезагрузкой системы. Разумеется, не вышло...

Бескровный улыбается, отлично зная, что сознание Павла все еще не покинуло тело Шпалы, но хлопать перестает. Наблюдает со спокойствием и интересом садиста, разглядывающего, как в болоте тонет щенок.

– Мастер, отрубай меня! – кричит контрабандист, и это на записи уже слышно.

В эту самую минуту, что подтверждают цифры таймеров в углу каждого монитора, поблизости от дома появляется мужчина. Среднего роста, ничем не выдающийся в плане физической комплекции, одетый в короткий плащ и спортивную кепку-бейсболку.

Вот он выходит из-за угла стройплощадки. Решительным шагом пересекает пустырь перед домом, внимательно рассматривая окна. Лицо узкое, гладко выбритое, совершенно непримечательное. Движения скупы и точны. Перед парадной дверью он без промедления опускается на колено, вынимая из кармана что-то поблескивающее.

Позже, через бесконечные полчаса, Матвеев узнает, что это были отмычки – если электронные замки Мастер-Чифа Бескровный взломать сумел, то механика осталась на долю безымянного человека в спортивной кепке.

Сам Роман Давидович в этот момент все же понимает, что страх Алексея имеет под собой реальную почву. Торопливо выдергивает из себя провода, погружает пальцы в парящую над столом проекцию сложной клавиатуры. Вскрикивает, схватившись за поясницу, шаркающей походкой спешит к двери в комнату с гробом.

Туда они забегают почти одновременно с Матвеевым. Саркофаг старенький, угловатый, без современного вибромассажера или системы тройного кондиционирования. Рядом стул, на котором аккуратно сложена одежда Покрышкина.

Леша склоняется над стеклянной крышкой, будто корольевич Елисей над гробом спящей царевны, пытается что-то разглядеть на лице погруженного в виртуальный транс шефа. Роман Давидович начинает колдовать с пультом управления саркофага.

На одном из экранов человек с неприметным лицом продолжает вскрывать многочисленные замки, установленные на двери Мастер-Чифа. На другом экране видны дисплеи, где Костя Бескровный что-то негромко объясняет примерзшему к полу Шпале.

Внезапно в белоснежной комнате Мастера оживают динамики сразу всех АйПи-станций. От неожиданности Леша подскакивает, сильно ударяясь локтем о край саркофага. На лице Романа Давидовича искреннее удивление, грозящее перерасти в испуг.

Голос Максима громкий, но доносится урывками, будто прорывается сквозь статические помехи. Они успевают разобрать:

– Чистильщик «Игрополиса». Уходите. Блокирован. Помочь не смогу.

Костя на экране хмурится, как будто тоже может слышать происходящее в офлайне. А затем голос Максима в динамиках обрывается. Человек у дверей дома вскрывает последний замок.

Мастер-Чиф выключает «ВарКрон». Торопливо, в обход многих процедур пробуждения. Отбрасывает крышку гроба, едва не зашибив Алексея. Просовывает руку под шею Павла, приподнимает и начинает откручивать штекеры. Покрышкин, отправлявшийся в кратковременное путешествие, обнажен, но в нижнем белье и почему-то в носках. Его безмятежное лицо начинает кривиться в болезненных гримасах, он сонно облизывает сухие губы. Отсутствие многочисленных капельниц или трубок с питательными смесями делает процесс пробуждения максимально быстрым.

Роман Давидович подносит к носу друга крохотный пузырек, отчего Павел вздрагивает, распахивая глаза. Мастер легонько хлещет его по щекам, что-то бормочет. Матвеев застыл столбом, словно пытаясь вновь прислушаться к внутреннему голосу. Но тот молчит.

Человек у подъезда доламывает последний замок. Осторожно толкает створку, проскальзывает внутрь. Теперь он похож на оголодавшую куницу, заползшую в курятник. Прикрыв за собой дверь и даже защелкнув ее на один из запоров, он мягким движением лезет за пазуху. Вынимает изящный пистолет с удлиненным стволом, в котором скрыт глушитель. Разворачивает бейсболку козырьком назад, осматривается и даже принохивается. В эту же секунду во всем доме гаснет свет.

Происходящее до ужаса напоминает Матвееву побег из особняка Капканова, но эти мысли проносятся в голове, будто скоростной поезд. Времени на раздумья нет, и он покорно помогает Мастер-Чифу вынимать из гроба своего начальника. Тот слаб, растерян, но старательно пытается прийти в себя, мотая лысой головой и пощипывая мочки ушей.

Включаются аварийные, неподключенные к единой сети генераторы. Свет зажигается в рабочем центре Романа Давидовича, в кухне, паре комнат и на лестничных площадках. Он тусклее обычного, и в нем все кажется еще более мрачным, тревожным. АйПи-станции, пережившие отключение на собственных бесперебойниках, по возможности уходят в спящий режим. Экран, на котором виднеется оставшийся в одиночестве Константин Бескровный, гаснет.

Человек в спортивной кепке не торопится двигаться в глубь подъезда. Стоит у дверей, прислушиваясь и осматриваясь. Позже станет ясно, что специальный глазной имплантат позволяет ему видеть в темноте не хуже настоящей куницы, но редкие источники света в квартирах дома мешают сосредоточиться и корректно настроить зрение.

Покрышкин приходит в себя. Задает вопросы, получает ответы. По большей части предположения, потому что никто из трех человек, находящихся на втором этаже, не имеет ни малейшего понятия о происходящем. Мастер-Чиф, убедившись, что с Павлом все в порядке, бросается в центральную комнату. Застывает на пороге, обреченно глядя на погасшие дисплеи, что-то бормочет через плечо.

Павел начинает одеваться, торопливо и небрежно. Задает новый вопрос, которого не слышно. Роман Давидович не реагирует, и Покрышкину приходится повысить голос:

– Я тебя спрашиваю, где хранится оружие?! – Натянув штаны, майку без рукавов и наспех зашнуровав ботинки, ведущий пилот «Кобрятки» отодвигает старика в сторону.

Осторожно выглядывает в белоснежный зал.

Мастер-Чиф отвечает ему, но негромко и неразборчиво.

Человек с пистолетом делает первые шаги, мягкие, но не особенно уверенные. С недоумением рассматривает окровавленную рубашу, валяющуюся прямо посреди коридора. Заглядывает в первую квартиру слева.

С невероятной быстротой вскидывает оружие, бесшумно стреляет дважды. На другом экране заметно, как в один из «домашних» манекенов Романа Давидовича вонзаются пули, начисто снося пластиковую голову. Лицо человека-куницы остается спокойным, как лицо трупа. Теперь он движется вперед, не опуская пистолета, пытаясь как можно скорее разобраться в особенностях перепланировки.

Покрышкин быстро пересекает зал управления. Его лысина блестит в полумраке, а походка и жесты совсем не похожи на Шпалу. Павла покачивает – он, похожий на уставшего мула, поматывает головой, отгоняя обрывки недоброго сна. Выглядывает в комнаты, заваленные разобранным оборудованием.

Матвеев, наконец очнувшись от спячки, следует за начальником, с тоской рассматривая погасшие мониторы камер слежения. Мастер-Чиф рядом, яростно потирает виски и бормочет, бормочет. Все трое осторожно выходят из центра управления, пригибаясь за верстаками.

Покрышкин берет с ближайшего отвертку, вертит в пальцах, раздраженно отбрасывает в сторону. Почти на ощупь шарит среди разложенных микросхем и обломков, что-то находит. Проверив заряд батарей небольшого, чуть крупнее авторучки паяльника, он поджигает губы, но бросать находку не спешит. Сжимая паяльник в руке, крадется дальше. Отбракованную им отвертку подбирает Матвеев, словно при необходимости действительно

сможет воткнуть ее в кого-то... Здесь лампы не горят, свет долетает лишь из подъезда и из-за спины.

На первом этаже человек в кепке выходит из первой квартиры, торопливо заглядывая в другие двери, распахнутые на площадку. Кажется, что пистолет является продолжением его руки – пока незванный гость идет от квартиры к квартире, ствол даже не шелохнется.

Возможно, их спасло как раз это блуждание – поднимись убийца наверх сразу, в доме остались бы три трупа. Как позже предположил Павел, человек в кепке просто не доверял никому, кроме себя, что для людей его профессии весьма характерно. Конечно, от Кости он знал, где находятся жертвы. Знал месторасположение наверняка до сантиметра. Но и оставить целый этаж без проверки не смог...

Ожившие дисплеи камер, установленные почти в каждой комнате, продолжают равнодушно воспроизводить картину. Человек-куница старательно осматривает квартиры первого этажа, уже не стреляя по найденным манекенам. Большинство из них теперь неподвижны, замерли в самых разных позах.

Покрышкин крадется к лестничной площадке. За ним следует напарник, лицо которого бледно, словно у вампира с непрерывным пятилетним стажем.

Мастер-Чифу дано распоряжение остаться в своем рабочем зале, пытаться наладить свихнувшуюся систему и, если получится, позвать на помощь. В ответ на предложение немедленно вызвать милицию старик поджимает губы, и Матвеев готов поклясться, что даже под дулом пистолета Роман Давидович не пойдет на этот шаг, окончательно губительный для его тайного убежища...

Выбравшись на лестничную площадку, опустившись на четвереньки и осторожно выглянув из-за края, Покрышкин замечает убийцу. Мельком, самый край рукава, но этого достаточно. Отпрянув от перил, он бесшумно возвращается в мастерские, подыскивая что-то на загромоздивших все столах. Матвееву, шепотом допрашивающему своего шефа, отвечает скупое, односложное, полностью погруженный в раздумья.

Мужчина с пистолетом останавливается у подножия лестницы, ведущей на второй этаж. Он неприязненно щурится, стараясь не смотреть на тусклые лампы, и разворачивает кепку козырьком вперед, надвигая поглубже. Прислушиваясь к шорохам, наполняющим дом, начинает подниматься.

Покрышкин, подобрав с верстака что-то увесистое, увлекает напарника за собой. Сквозь ряды арок, пробитых меж квартирами, они обходят лестничную площадку, с опаской заглядывая в каждую новую комнату. Идут медленно, почти в полной темноте, стараясь не наткнуться на мебель или манекены. Камеры, способные снимать в ночном режиме, фиксируют каждый шаг, каждый настороженный взгляд.

Человек-куница застывает на лестнице, не торопясь миновать оставшиеся четыре ступени. Он водит стволом пистолета с одной квартирной двери на другую, словно раздумывая. Делает большой шаг, поднимаясь на площадку. Сворачивает влево, в сторону белоснежной рабочей комнаты Романа Давидовича. Двери, ведущие туда, закрыты, но это вряд ли надолго задержит визитера. Осторожно покрутив ручку и убедившись, что замок заперт, левой рукой он вынимает знакомые отмычки.

На другом экране Покрышкин и Матвеев. Они в считанных метрах от убийцы, притаились в коридоре самой правой квартиры. Короткого взгляда, брошенного из укрытия, хватает Павлу, чтобы разглядеть выправку незнакомца, непростое оружие в руке, неестественный блеск глаз.

Он мгновенно меняет план, больше не собираясь разбивать лампу и нападать на противника со спины. Случись так, это было бы последним, что сделал в своей интересной жизни человек, которого в городе знали, как Павла Покрышкина...

Незнакомец отпирает дверь, бесшумно открывая ее вовнутрь. Пистолет по-прежнему в его руке, словно отлитой из бронзы – ни малейшего колебания. В этот момент Павел бросает найденную на столах шутовину. Размахнувшись, словно в боулинге, он запускает деталь в анфиладу комнат, которые они с Лешей только что прошли. С грохотом ударяясь о мебель,

та падает на пол, скользит, задевая пару манекенов и заставляя их качаться на сложных системах блоков и тросов.

Человек-куница реагирует мгновенно, как боевой автомат. Прицеливается в дверь, из-за которой доносится грохот, уверенным шагом заходит внутрь, держась стены. Его спина чуть согнута, правая рука в локте – тоже, походка по-звериному мягкая, он не издает ни одного лишнего звука.

Когда убийца входит в соседнюю квартиру, отделенный от напарников лишь парой тонких стен, Покрышкин хватается Лешу за рукав, бросаясь к лестнице. Безжизненная камера наблюдения не может передать и сотой доли ужаса, охватившего Матвеева в этот миг. Сердце бьет так болезненно и громко, что не позволяет нормально вздохнуть. Ноги наливаются тяжестью, словно пустые ведра водой. Он движется, будто во сне, а в голове колотится единственная разборчивая мысль – это игра, это всего лишь игра, в которой все выглядит, как на самом деле. О чем думает его шеф, Алексей даже не догадывается.

Человек-куница разгадывает их маневр, когда они достигают середины лестницы, на развороте межэтажной площадки теряя скорость. Уже не особенно скрываясь, убийца одним прыжком возвращается в подъезд, начиная стрелять еще до того, как видит беглецов.

Пули расщепляют деревянные перила лестницы, вонзаясь в стены так близко к Матвееву, что даже потом во время просмотра записей, ему становится нехорошо. Пистолет бьет почти бесшумно, камеры фиксируют лишь легкие щелчки и крохотные язычки пламени, мелькающие из ствола. Отлетающих гильз нет, они целиком изготовлены из пороха и сгорают, не оставляя следа.

Просто чудом ни одна из пуль не задевает ни Покрышкина, ни Лешу. Оба кубарем сваливаются на первый этаж, после чего Павел тянет напарника в кухонную зону, где еще совсем недавно состоялся их последний обед.

Прыгая сразу через несколько ступеней, человек в кепке спускается следом, безупречно быстро перезаряжая пистолет.

Бегом, пинками расшвыривая попадающуюся под ноги мебель, Покрышкин рвется к холодильнику, будто оголодавший дикарь. Матвеев, каждый миг ожидающий, что пуля найдет его спину, шарахается в сторону, прячась за дверь. Павел ударом ноги открывает морозильную камеру, установленную справа от холодильника, рывком выдергивая оттуда уже знакомый Леше дробовик.

Человек-куница спрыгивает с лестницы на площадку первого этажа, делает несколько шагов по направлению к кухне, но в этот момент Покрышкин щелкает затвором. Первый раз стреляет наудачу, просто чтобы отбросить противника от дверей. Заряд дробин раскурочивает дверной косяк, снова летят щепки.

Мужчина в кепке, отставший от залпа всего на один шаг, мгновенно теряет инициативу. Удерживая пистолет обеими руками, начинает пятиться к лестнице, а в стену неподалеку вонзается новый комок картечи. Покрышкин стреляет в третий раз, с каждым новым выстрелом делая крохотный шаг к коридору.

– Патроны! – кричит он Матвееву, и тот срывается с места, подскакивая к ложной морозилке. – Хватай патроны!

Леша выгребает из пустого прохладного шкафа коробку с патронами, многие выпрыгивают, просачиваются сквозь непослушные пальцы, танцуют по полу. Стараясь не уронить хотя бы то, что осталось, он следует за шефом, уже выглядывающим в коридор. Выстрел звучит за выстрелом, стена у лестницы изорвана дробинами, в воздухе витает дымок.

Человек с мертвецки невозмутимым лицом успевает ускользнуть из-под каждого нового выстрела ровно за мгновение. Бросается на лестницу, бегом поднимаясь обратно на второй этаж.

Павел прекращает наступление, не глядя протягивает назад руку. Матвеев, спохватившись почти без заминки, начинает подавать ему патроны, наугад, что попадется в пальцы – мелкая дробь, крупная дробь, пули, жаканы...

Когда Покрышкин перезаряжает оружие, он выходит в коридор. Смело, даже чуть безрассудно... Вновь в его движениях и походке чувствуется милицейская выправка, не сумевшая исчезнуть даже через много лет. Лысый, в майке, сквозь которую угадывается брюшко, с дробовиком в руках – на записях он выглядит как матерый головорез на пенсии.

Держа лестницу под прицелом, Павел задирает голову и ствол, выглядывая в пролет и тут же бросаясь обратно. В следующую секунду в пол и ступени сверху вниз вгрызаются две пули. Без какой-либо паузы или передышки Покрышкин стреляет в ответ, тоже дважды. Выставив дробовик стволом вверх, совершенно не целясь, наугад. Первый выстрел – мелкая дробь, окатившая перила и даже зацепившая полу плаща убийцы. Второй – пуля, оставляющая в потолке подъезда огромную дыру.

Сразу после этого Павел бросается по лестнице, разворачивается и стреляет снова, даже не успев поймать противника в прицел. Третий выстрел – снова пуля, и в стене одной из квартир образуется свежий пролом. Убийца успевает пригнуться, отстреливаясь наугад, и ныряет в ближайшую квартиру, замок на которой вскрыл отмычкой всего минуту назад...

Четвертый выстрел Покрышкина уродует косяк двери, срывая ее с одной петли. Павел кидается в погоню, только потом на записи рассмотрев, как опасно близко от него ложатся пули, вслепую выпущенные убийцей в ответ.

Тот скрывается в полутемных мастерских, с разбега переворачивая верстак, затем еще один. Падает, вскакивает, разворачивается. Делает выстрелы в дверь, на этот раз прицельные, с расчетом подловить преследователя. Выждав, пока пистолетные залпы оставят отметины на противоположной стене, Покрышкин приседает на колено, заглядывая в квартиру.

Убийца успевает среагировать, приопуская ствол, стреляет, жмет на спусковой крючок снова, но после первого выстрела затвор пистолета остается открытым. Последняя пуля попадает Павлу в правое плечо, но он сидит прочно и цепко, почти не шелохнувшись, даже когда кожа на плече лопается, пропуская в тело свинцовую осу.

Бьет в ответ, прицелившись неспешно и чинно, как когда-то учили в тире. Точно по вспышке пистолетного выстрела, сверкнувшей из полумрака. На этот раз ему вновь попадается охотничья пуля. Она входит убийце в живот, отшвыривая того через всю комнату. Мужчина складывается пополам, изо рта его брызжет сгусток крови, пачкающий светлый плащ, кепка и пистолет отлетают в сторону. Человек-куница, подстреленный крупнокалиберным патроном, рушится на стоящий в углу верстак, ломая изящные микросхемы и другие детали, ждущие новой жизни в руках Мастер-Чифа.

Покрышкин встает, качается, с легким недоумением смотрит на кровоточащую рану, прислоняется к дверному косяку. Матвеев уже рядом, лезет осмотреть и помочь, но Павел первым делом забирает у него полупустую коробку, перезаряжая дробовик.

Из коридора в дальнем конце комнаты появляется Мастер-Чиф. Он опасливо смотрит на труп убийцы на верстаке, на окровавленного Покрышкина, на дыры в стенах.

– Завалил? – В голосе должно быть ликование, но его там нет. – Я смог восстановить большую часть своих систем, – говорит он. – Обе атаки были спланированы и синхронизированы по времени.

– Этот был один? – Павел мотает головой в сторону убитого, наконец-то позволяя надоедливому напарнику осмотреть рану.

– Один, – отвечает Роман Давидович. – Вошел через центральный вход, электроника была отключена. Неплохо постарался ваш Костя. Может, он и впрямь Бо...

Договорить Мастер-Чиф не успевает.

Матвеев, метнувшийся за аптечкой, застывает в проходе; Покрышкин все еще стоит на пороге, прислонившись к разбитому перестрелкой косяку; Роман Давидович нервно трет виски и брови, сокрушенно качая головой. В этот момент труп оживает.

Садится на верстаке, выхватывает из-под плаща еще один пистолет – на этот раз не бесшумный, а обычный – компактный и малозарядный. Если бы не старик, первой мишенью стрелок выбрал бы вооруженного Павла, но хозяин дома загораживает обзор...

Сначала чистильщик «Игрополиса» стреляет в Мастер-Чифа, стоящего ближе всего. Переводит прицел на Матвеева. Из рта стекает густая кровь, в полумраке кажущаяся черной, через дыру плаща видна плотно облегающая тело пуленепробиваемая майка. Переломанные внутренности не дают воскресшему толком прицелиться, поэтому вторая пуля попадает Матвееву в левое бедро.

Лешу отбрасывает в коридор, роняя на колени, и он далеко не сразу понимает, что ранен. Пытается встать, рушась обратно, с неподдельным удивлением рассматривает окровавленную штанину. Ползет по лестничной площадке, сотрясаемый крупной дрожью.

Человек с повадками куницы привык доделывать работу, даже когда все идет не совсем по плану. Он прицеливается в Покрышкина, но вместо того, чтобы выстрелить, сам заглядывает в необычайно глубокий ствол ружья. Невезение убийцы достигает апогея – следующий патрон снаряжен жаканом. На этот раз Павел стреляет в голову, чтобы наверняка. Когда дым чуть рассеивается, обезглавленное тело неприметного человека, змеей проникшего в их дом, падает обратно на верстак.

Покрышкин что-то кричит Леше. Что-то про ремень и про то, что ногу нужно перетянуть. Наконец тот спохватывается, возвращается в реальность. Выдергивает из джинсов ремень, набрасывает на бедро чуть выше раны – этому их учили на вахте, да и в фильмах видел не раз... Затягивает потуже, отползая и прислоняясь спиной к стене, а затем отворачивается, чтобы не испачкаться, и его рвет остатками недавнего обеда.

Другой дисплей в этот момент показывает, как Покрышкин бросает ружье на ближайший стол. Скачками пересекает комнату, не обращая внимания на рану в плече. Падает на колени, переворачивая лежащего на животе Мастер-Чифа. Даже с большого расстояния и при не самом лучшем разрешении камеры видно, что пуля попала в спину, чуть правее позвоночника, выйдя из живота. Еще несколько секунд Роман Давидович дышит, булькая кровью, но затем замирает в руках Покрышкина.

Тот, склонившись над убитым так, что не видно лица, вздрагивает. Снова. Раскачивается из стороны в сторону, все еще не выпуская тело.

Голос Максима, неожиданно прорвавшийся сквозь блокаду, наполняет сразу каждый динамик двухэтажного дома. Громко, зычно, заставляя сердце Матвеева в очередной раз затрепетать пойманной в силки птиц.

– Прорвался, – констатирует Бескровный, гроыхая почти из каждой комнаты, – что там у вас происходит?

– Убирайся, сука! – кричит в потолок Покрышкин, запрокинув голову. Микрофоны камер доносят его слова до ждущего в сети Максима, но тот молчит. – Убирайся из моей жизни!

Он вдруг вскидывается, словно проснувшись, долго смотрит на лежащего перед собой мертвого Мастер-Чифа. Оборачивается и кричит в коридор:

– Лешик, надо уходить! Постарайся, миленький, очень надо, иначе конец... – Павел аккуратно укладывает тело старика, поднимается на ноги. Его все еще пошатывает. – Хватай аптечку и патроны...

– Не спешите, – наконец отвечает Максим. Теперь в его голосе задумчивость и даже грусть. – Сюда уже никто не едет... Я сделал так, что вызов милиции отменен, жильцам окрестных домов тоже сообщили байку об учениях служб спасения. Да и Косте после провала операции лишнее внимание к телу асасина будет ни к чему, он сам завернул посланный сюда спецназ... В бегстве нет необходимости.

– Я сказал, убирайся, чмо! – Подобрав со стола ружье, Павел вертит головой, выискивая камеру. – Оставь нас в покое!

Максим вновь замолкает, но его присутствие выдает фон в динамиках, улавливаемый шестым чувством. А еще он точно видит, что его слова возымели эффект – Покрышкин уже не торопится бежать.

Он выходит в коридор, держа ружье в простреленной руке, помогает подняться напарнику. Парень спрашивает что-то, но Павел тяжело качает головой, закусывая губу.

Отвечает неохотно, сквозь зубы. Матвеев прихрамывает, но старается идти, одной рукой опираясь на шефа, а другой удерживая натянутый ремень.

Кое-как, медленно и неуклюже, они спускаются на первый этаж, немало пострадавший во время боя. Возвращаются в квартиру, переделанную Мастером под кухонную и обеденную зоны. Там Леша тяжело опускается на единственный неперевернутый стул, а его начальник шарит по шкафам в поисках аптечки.

Находит. Сгребает со стола баночки с перцем и солью, пустую корзинку для хлеба, стакан с зубочистками. Стол огромный, места хватает, но Павла как будто раздражают все эти уютные кухонные мелочи. Он вываливает содержимое аптечки на скатерть, рядом кладет дробовик. Начинает перебирать склянки и пузырьки, откладывая нужные поодаль. Закончив ревизию, молча уходит из кухни, пошатываясь и опираясь о стену.

Динамики есть и в кухонной зоне, это Матвеев знает точно. Но Максим молчит, терпеливо наблюдая за людьми и не пытаясь вмешиваться. Леша ему за это благодарен. Его мутит, кружится голова, правая штанина будто только что из холодильника – мокрая, липкая, неприятная. Боль сильная, но он справляется, ведь планку невозмутимости в борьбе с пулевыми ранениями задает начальник.

Шеф возвращается через пару минут, ставя на стол коробку со швейными принадлежностями. Под пластиковой крышкой виднеется несколько мотков ниток, обрезки каких-то тряпок, горсть пуговиц, застежка-молния... и иголки, среди которых есть тонкие, вполне пригодные для того, чтобы заштопать человеческую кожу.

Леша бледнеет, со свистом втягивает воздух сквозь зубы. К разложенному на столе набору Покрышкин добавляет непечатую бутылку водки из холодильника и стакан. Что-то негромко приказывает напарнику, сопровождая слова жестами.

Еще раз, уже нетерпеливо, указывает на стол. Матвеев, после секундного колебания, лезет на него. Садится, вытягивая ноги и обеими руками удерживая ремень. На скатерти тут же остаются неопрятные красные разводы. Павел задумчиво смотрит на него, обходит справа. Кухонными ножницами для резки рыбы вспарывает штанину, поднимаясь по ноге снизу вверх. Затем замирает, словно что-то отвлекает его от начавшейся операции.

Смотрит вверх, прямо в крохотный объектив камеры наблюдения. Откладывает ножницы, берет со стола дробовик. Перехватывает за ствол, шагает к камере, задирая голову. На его лице читается злость и отвращение. Покрышкин размахивается, бьет рукоятью, изображение на экране сменяется серым мельтешащим фоном. Затем дисплей отключается.

Бесспорно, проект уникален, иначе его специалисты и не называют. Ролевые многопользовательские игры, колонну которых еще вчера возглавляли «World of Warcraft», «Warhammer» и «Lineage» отправлены в отставку, потому что на троне воцарился новый король – «Хроники Войны». Созданный на основе новой системы МСС, о которой мы уже полтора года пишем практически в каждом номере, он легким жестом перевернул наше представление об играх, какими они могут и должны быть. Ребята из «IgrosPolis» ликуют, по праву получая награды и почести, присущие триумфаторам – за какие-то три года им удалось создать ролевой проект, равного которому не будет еще очень и очень долго. Конечно, система МСС и ранее использовалась в игровой индустрии, например, при переиздании старых хитовых проектов. Однако столь смелого шага никто не ожидал, а повышенная секретность при разработке «ВарКрона» не позволяла даже примерно представить себе масштабы рождающегося колосса. По самым скромным подсчетам экспертов (при наращивании темпов обновления своей продукции), количество подписчиков на «Хроники Войны» во всем мире только за ближайшие два года может достичь 20 миллионов человек. И это, в чем убежден любой геймер, далеко не предел.

Журнал «Игромания», 2031 год.

Уровень загрузки – 79,7%

Операция, хоть и вызвала у Алексея столько ужаса, была недолгой и почти

безболезненной. Павел взрезал штанину, промыл рану и вокруг. От лекарства, которым он обработал неровный кругляш дырки, кожа мгновенно потеряла чувствительность, став на ощупь напоминать полиэтилен. Сто граммов водки, которые Покрышкин заставил выпить напарника за минуту до этого, тоже сделали свое дело, упав в пустой желудок, как грибной дождь в песок Сахары.

Убедившись, что обезболивающее подействовало, Павел полез в рану пинцетом. Тот был обычным, совсем не медицинским и требовался Мастер-Чифу для сборки микросхем, но выбирать не приходилось.

Когда пуля была поймана, ногу скрутила дичайшая боль, тут Леша предпочитал не скромничать в сравнениях. Он с хрустом прикусил кожаный ремень, вставленный в зубы, а затем Павел ловко вынул свинец из его плоти. Запенил дыру специальным органическим раствором, твердеющим на глазах. Аккуратно, даже симпатично заштопал онемевшие края раны толстой черной ниткой.

Прихрамывая, Леша сполз со стола, срезав с себя остатки окровавленных джинсов. Перебинтовал ногу, наложив специальный тампон. И вдруг понял, что теперь ему предстоит самому стать хирургом, вынимая пулю из плеча шефа. К счастью, ни в первом, ни во втором случае выстрелы не задели костей, но от этого задача не становилась более легкой...

Следующая операция прошла не так быстро и удачно. Матвеева пошатывало, в глазах двоилось. Где мог, Павел делал все сам, но изгибаться было неудобно, болезненно, и не помогало даже зеркальце, с помощью которого он попытался лично извлечь пулю.

Пришлось все же Алексею.

Тот долго не мог ухватить свинец пинцетом, отчего Покрышкин скрежетал зубами, чуть не перекусив все тот же ремень. По его лысой голове, стекая к шее, катились крупные капли пота. Вынуть тоже удалось не с первой попытки. Затем все пошло быстрее, а Лешина помощь почти не требовалась. Сидя на стуле и отрешенно наблюдая за уверенными действиями начальника, он был этому только рад.

Его все еще крутило и мутило, в глазах плыло от ранения, пережитого страха и невкусного алкоголя. Осознание того, что на втором этаже коченеет застреленный в спину Роман Давидович, только стучалось в двери разума, еще не перешагнув порог. Невероятно мощный отпечаток, оставленный «Хрониками Войны» превращал происходящее в какой-то безумный симбиоз вымысла и реальности, грань между которыми почти не была видна.

Заштопав себя и перебинтовавшись, Павел пошел на второй этаж. На Лешу, машинально решившего последовать за ним, лишь взглянул. Выразительно.

Матвеев опустился обратно на стул.

Из-за жалюзи пробивались лучи закатного солнца, и Алексей только сейчас сообразил, что между путешествием в виртуальный мир и вполне реальной перестрелкой прошло почти двенадцать часов. Ранним прошлым утром они вернулись в этот дом, и вот уже за окнами снова сгущает краски вечер. «Вероятно, – устало ворочал мыслями Матвеев, – так и живут настоящие вампиры, отмеряющие жизнь не часами, а заплывами и нырками...»

Сначала Покрышкин запер входную дверь, взломанную Константином и человеком-куницей. Поскрипел ступеньками лестницы. Пробыл наверху несколько минут. Что-то громыхало, по полу двигал мебель. Затем он вернулся, небрежно бросив на кухонную тумбу одежду, подаренную ему Мастером перед походом в «ВарКрон».

На голову Павла снова был туго натянут летный шлем, на шее декадентским бантом красовался окровавленный шарф. Сочетание с майкой, тоже окровавленной, было просто убийственным. Осмотрев себя, оставшегося в одних трусах, Леша подумал, что еще более причудливую картину они составляют на пару.

– Я уложил его в рабочем кабинете. – Павел старался говорить сухо и деловито, но все же казалось, будто он оправдывается перед напарником. – Укрыл, как полагается. Большого мы для него сделать не можем, разве что превратить этот дом в один большой крематорий... Труп ублюдка запихнул в чулан.

Он вынул принесенные сверху сигареты, закурил, все еще косясь на повязку, из-под

которой начинали проступать крохотные кровавые пятнышки.

– Нужно устроить ревизию шкафов, – глядя в пол, продолжал рассуждать Покрышкин, – подобрать какую-нибудь одежду. Машина у Ромки была, с задней стороны к дому пристроен гараж. Если не продал, будем на колесах...

– Куда мы теперь? – осторожно, боясь нарушить хрупкое и лишь видимое спокойствие шефа, спросил Алексей. Ему жутко хотелось пить, но он боялся даже встать со скрипучего стула, чтобы достать из холодильника газировку.

– Пока не знаю... – протянул Павел, все так же изучая пол. Затушил окурок о влажный край раковины, прикурив вторую сигарету. – Нужно подумать. Если этот выродок Костя имеет непосредственное отношение к «Игрополису», ему не составит труда снова навести на наш след их бойцов...

– Если мне будет позволено, я бы тоже хотел принять участие в обсуждении, – негромко, словно проявляя вежливость, заговорил динамик на холодильнике. Оборудование на аппарате стояло слабое, в основном пригодное лишь для продуктовых заказов через сеть и нехитрой логистики, но Максим сумел воспользоваться и им. – Ситуация вышла из-под контроля, но мы можем этот контроль восстановить. Вместе.

– Нет, не будет тебе дозволено... – огрызнулся Павел в сторону холодильника, но без азарта. – Мы твое поручение выполнили, так что теперь... оставь нас в покое, – последнюю часть фразы он произнес по-своему, до удивления метко, хоть и крайне неприлично.

– Павел, я тоже скорблю, – постарался возразить Максим, намеренно выдерживая спокойный и уравновешенный тон. – Я не знал вашего друга, но любая утрата, виновником которой является мой брат – чудовищное преступление...

Теперь Покрышкин не ответил. Лишь отмахнулся от холодильника, словно от надоедливой собеседницы. По окровавленной скатерти придвинул бутылку водки и стакан, вопросительно взглянул на Лешу. Тот замотал головой, и тогда Павел налил лишь себе. Выпил не закусывая, затянулся сигаретой.

– Максим, вы способны предложить что-то конкретное? – осторожно спросил Алексей, искоса, но внимательно наблюдая за шефом.

Если бы заметил хоть малейший намек на раздражение, разговор бы прервал. Но тот был погружен в себя, и Матвеев решил продолжать – с его точки зрения, Максим еще мог помочь им выпутаться из этой неприятной истории.

Лешу все еще мучило, но постепенно сознание очищалось. Окончательно передумав лезть за газировкой, он встал, дохромая до раковины и налив себе воды из-под крана.

– Да, могу. Вы блестяще справились с поставленной задачей, – продолжал Бескровный, – внедрив вирус в код «ВарКрона». В остальном – моя вина. Я не мог предположить, что брат просчитает этот ход. Не мог предположить, насколько он коварен и хитер. Но опасность, которую несет «Хрустальный Бастион» в ваш мир, никуда не делась.

– Предлагаете нам стать спасителями цивилизации? – не спуская с начальника глаз, мягко спросил Леша. – Все это слишком далеко зашло...

– Именно! – перебил его Максим, теперь чуть более возбужденно. – Это слишком далеко зашло. Слишком. Хотите все бросить? На руках моего брата кровь, и ее будет еще больше, намного больше. Программа внедряется по всей России, а скоро будет локализована для зарубежных стран.

– Но мы не супергерои. – Матвеев покачал головой, словно Бескровный мог оценить жест, общаясь с ними через интерфейс холодильной камеры. – Чего вы хотите? Мы уже сделали все, что смогли. И потеряли друга...

Последнюю фразу Леша произнес совсем тихо, чтобы ненароком не привлечь внимание Покрышкина, казалось, вовсе подремывавшего на стуле. Снова пошумел краном, наполнил стакан водой, жадно ополовинил.

– Да, детище брата уничтожить не так просто, как это казалось мне еще вчера, – с излишней горечью согласился Максим, словно хотел интонациями компенсировать отсутствие видеоконтакта. – Но теперь... раз так получилось... когда я готов пойти на

крайние меры, лишь бы предотвратить распространение «Бастиона»... мы должны еще раз помочь друг другу...

– Мне казалось, Максим, – Леша со стуком поставил стакан на тумбу, – что после выполнения задачи в «Хрониках Войны» мы вам ничего не должны. Вы ведь сами сказали это, когда...

– Даже отомстить за смерть Мастер-Чифа? – Голос Бескровного дрогнул.

На несколько секунд в кухню ворвалась тишина, а затем по полу скрипнули ножки стула. Резко, визгливо и неприятно, заставив Лешу вздрогнуть. Если бы стакан находился в его пальцах, точно бы выскользнул.

– Что?! – Павел вдруг вскинул голову, будто пробуждаясь ото сна.

– Я сказал, что мы ничего не... – начал было Леша, испугавшись, что без ведома шефа увел разговор в ненужное русло.

Но Максим опередил:

– Я сказал, что жертвы моего брата должны быть отомщены, – жестко повторил он, и теперь в его голосе шуршал сухой, царапающий щеки снег. – И мстить «Игрополису», чьего ассасина вы устранили, бессмысленно – много лет назад, еще до нашего исчезновения из мира живых, Костя занял пост председателя совета директоров, став многоликим Янусом корпорации, способным отдать ее звеньям любой приказ... Поэтому я считаю, что месть должна ударить лично по нему.

– Что ты имел в виду под крайними мерами? – Павел развернулся на стуле, с прищуром взглянув на холодильник. В его зрачках уже плескалась пьяная муть, но Леша знал, что это ничуть не мешает шефу размышлять здраво и взвешенно.

Бескровный ответил далеко не сразу. Было сложно предположить, как тянется и измеряется время для существа, живущего вне привычной реальности. Но кухонный хронометр покойного Романа Давидовича отмерил почти две минуты, прежде чем голос Максима вновь раздался из динамиков холодильного шкафа.

– Я вынужден инициировать физическое устранение собственного брата, – Максим выпалил это тоном человека, зачитывающего разгромную фронтовую сводку. Помолчал несколько секунд, и уже совсем другим голосом, грозя скатиться на оправдания, добавил: – Другого выхода нет...

Леша сглотнул слюну, чувствуя, что в горле пересохло, будто и не пил только что, а Покрышкин фыркнул, хлопнув себя по коленке здоровой рукой.

– Ну остряк, – презрительно скривился Павел, и если б холодильник мог двигаться, от этого взгляда он непременно перебрался бы на пару шагов ближе к выходу. – Сначала убеждает нас в богоподобии себя и своего трехнутаго братца, а теперь утверждает, что готов на «крайние меры» – убийство. Тоже мне, Каин... Ну и как же ты собрался это сделать? – Водка, злость и потеря крови гнали его вперед, заставляя захлебываться словами. – Обыграть в «Тетрис»? Замочить на ринге нового файтинга? А может быть, выдернуть розетку, отключив все серверные станции в мире? Вот будет потеха!

Матвеев, молча наблюдавший за вспышкой эмоциональной сверхновой, нахмурился. Он был уверен, что последние слова Бескровного – вовсе не метафора, и его начальник совершенно зря измывается над тем, кто хочет остановить «Бастион». Но Леша смолчал, задумчиво высосав из стакана последние капли воды.

– Давай, предлагай свои варианты!! – скалился Покрышкин, сейчас похожий на китайского болванчика. – Может быть, мы попросим его скопировать себя на внешний диск, а затем утопим железку в Оби? Или нет, есть предложение лучше – строительство огромной станции, вроде коллайдера, чтобы мощным электромагнитным импульсом уничтожить все виды искусственного интеллекта на планете! Еще будут версии?

Холодильник безмолвствовал, и было сложно понять, слушает Бескровный издевательства Павла или давно покинул дом Мастер-Чифа. Через какое-то время эта тишина докатилась и до Покрышкина. Он хотел что-то добавить, но закрыл рот, лязгнув зубами, и горько покачал головой. Плеснул себе еще алкоголя, но пить пока не стал,

покачивая стакан в пальцах. Под повязкой на его правом плече продолжал проступать причудливый аленький цветок.

– Уровень современных технологий позволил далеко не все, о чем мы мечтали. Искусственный интеллект, каким его представляли себе фантасты, будет выдумкой еще лет тридцать, не меньше...

Динамики шкафа заговорили неожиданно и громко, и Матвеев в очередной раз констатировал, что его нервная система разболтана до предела – от внезапности он едва не упал, почти подвернув раненую ногу. Доковылял до стула, тяжело опускаясь и придерживаясь за край стола. Бескровный, убедившись, что его больше не перебивают, продолжал:

– Переместив свое сознание в виртуальную действительность, мы не смогли до конца избавиться от брэнного балласта, удерживающего нас в примитивном сообществе людей. – Снисходительность и легкое презрение, с которыми Максим рассуждал о родном мире Матвеева и Покрышкина, заставляли верить в искренность произносимых слов. – Я говорю о человеческих телах, коими нас наградил Создатель. И если функции продолжения рода, приема пищи или сна были безболезненно купированы нами на стадии подготовки к переходу, то окончательно избавиться от тел мы не смогли...

– Хочешь сказать, Максимка, – Павел глядел в плещущуюся на дне стакана водку, будто хотел что-то увидеть в ее прозрачных недрах, – что ты и твой братец-членосос сейчас лежите в гробах где-то в укромных уголках Таиланда или Канады, делая вид, что стали чистым эфиром?

– Идея понятна верно, но не до конца. – Максим, казалось, решил совсем исключить эмоции из своей манеры речи. – Тел как таковых нет. Но мозг и часть центральной нервной системы все еще функционирует. Раскрывая эту тайну, я посвящаю вас в предельно ограниченный круг лиц, знающих истину.

– Возьми эту истину, засунь ее себе в анальное отверстие, затем попроси своего брата – любителя иметь интимные отношения гомосексуального характера, – протолкнуть ее поглубже, а затем оба можете отправиться на Северный полюс и пусть там с вами имеют интимные гомосексуальные отношения белые медведи, – все это Покрышкин выдал парой емких, покореживших слух Матвеева фраз.

– Я догадывался, что уникальность полученной информации не будет представлять для вас какой-либо ценности, – спокойноотреагировал Максим, не обращая внимания на отборный мат в адрес своей семьи. – Тем не менее хочу еще раз обратить внимание на следующий факт – помещенные в специальный саркофаг головной мозг и большая часть ЦНС не дают нам до конца покинуть опостылевшую Землю. Павел, вы догадываетесь, о чем это говорит?

– Это говорит о том, что вы ни черта не всесильны, – тяжело выдохнул Покрышкин, запив слова водкой, но Матвеев уже вторил ему, чувствуя на руках предательские мурашки:

– Это говорит о том, что вас можно пробудить. Или убить. Как обычного человека...

– Совершенно верно, Алексей. – Ему показалось, но голос Бескровного даже потеплел. – У вас исключительно светлый ум, даже несмотря на длительный стресс...

– Ну и какого же рожна ты несешь? – Покрышкин, вынимая из пачки еще одну сигарету, откинулся на спинку. – Думаешь, я сам не допер, что если мозг твоего ублюдочного брата лежит в какой-нибудь колбе, то ее можно расколотить? Да только какой мне с этого резон, если колба стоит в хранилище швейцарского банка на глубине двадцати метров скальной породы, да еще охраняется батальоном стрелков?

Он торопливо закурил, потирая лоб, а Матвеев вдруг загрустил – как всегда, шеф думал на полшага вперед, почти не давая повода насладиться самой крохотной победой. Леша отвернулся, стараясь скрыть досаду, как вдруг холодильник произнес нечто, заставившее их обоих застыть в прежних позах.

– Мой брат вовсе не в Швейцарии. Сейчас он в России. В Сибири. В Новосибирске, если быть точнее. И если мы хотим убить его, лучшего шанса не представится никогда.

Лицо Покрышкина переменялось. Хмельное марево, словно по приказу, испарилось из его глаз, на скулах заиграли желваки. Он одним точным движением затушил сигарету о край раковины, оборачиваясь к холодильнику.

– Конкретнее?

– Как известно, один из центральных тестовых корпусов «Игрополиса» расположен в новосибирском Академгородке, – принялся послушно отчитываться Максим, словно зубрил энциклопедическую справку. – Здесь же, в Новосибирске, располагается специальное отделение корпорации, отвечающее за окончательную проверку «Бастиона» перед выходом на прилавки. Повышенная секретность, как вы понимаете, коммерческая тайна, многоуровневая защита и особая служба безопасности с неограниченными возможностями...

Матвеев дышал тихо-тихо, чтобы не спугнуть напряженность и тяжесть момента. На лице Покрышкина не дрогнул ни один мускул – он смотрел вперед, словно бы сквозь стену кухни. Максим, четко и внятно выговаривающий каждое слово, продолжал:

– Однако мне доподлинно известно, что для настройки всех систем «Бастиона» на сознание моего брата необходим не просто дистанционный контакт через сеть, но личное присутствие... – Он сбился, будто подбирая слова. – Личное присутствие того физического, что осталось от Константина. Только войдя в резонансное... – Максим опять замешкался, раздумывая. – Говоря проще, чтобы не вдаваться в технические детали – только лично настроив источник под свой мозг и сознание, Костя будет уверен в полном контроле новой программы. С учетом тестовых результатов, данных и отзывов от пользователей, багрепортов и так далее. И лишь после этого новый продукт будет запущен в серийное производство, чего нам никак нельзя допустить...

– Костя приехал в Академгородок, куски его мозга бросили в специальный саркофаг, он прошел синхронизацию и финальное тестирование со своей сучьей программой, и теперь готов снова бежать в неизвестном направлении. – Покрышкин говорил жестко и чеканя согласные, словно и не было почти двухсот граммов водки, выпитых десять минут назад. – Я правильно тебя понял, Максимка?

– Уровень понимания приблизился к девяносто трем процентам, – сухо, но без издевки ответил Бескровный.

– Какой же нам с этого толк? – продолжал давить Павел. – Не думаю, что новосибирские бомбоубежища особенно отличаются от швейцарских...

– А никто и не говорил о штурме подземных хранилищ. – В этот момент Максим словно бы пожал плечами. – Речь идет о перехвате моего брата, когда он отправится в обратный путь на запад.

– Самолет? – Бровь Покрышкина задумчиво поползла вверх.

– Ни в коем случае, – отрезал Бескровный, – перелеты опасны для... для того, что от нас осталось. Только сушей. И явно не железной дорогой.

– Знаешь что-то, чего не знают другие?

– В противном случае этот разговор бы не состоялся.

– Тогда выкладывай.

– Только зная, что смогу рассчитывать на вашу помощь.

Покрышкин отодвинул стул и неловко поднялся на ноги. Хмурясь из-под шлема, тяжелым шагом подошел к холодильнику, заглядывая в дисплеи на дверцах, будто в этот момент Бескровный мог его видеть. Кровавые пятна на шарфе стали почти черными, заставляя вздыбившийся и затвердевший шелк покрываться трещинками.

– Там, на втором этаже, лежит мой друг. Он не просто спит, его убили. Совсем. – Матвеев слушал шефа, узнавая эти стальные нотки в его голосе, но одновременно и удивляясь зверю, которого раньше не замечал – казалось, Павел готов голыми руками разорвать жестяную дверь холодильного шкафа. – Ты прекрасно знаешь, Максимка, что если у меня появится хоть малейший шанс отомстить твоему братцу-выродку, я это сделаю. А поэтому, друг любезный, выкладывай-ка подробности или выметайся из этого дома, чтобы и духу твоего тут не было...

– Вы поможете мне? – бесстрастно спросил динамик холодильника. Максим понимал, на что способен и готов Покрышкин, но и своих позиций уступать не спешил. – Я могу на это рассчитывать?

– Говори! – Паша все же ударил в дверь, кулаком здоровой руки, без размаха, но оставив на голубоватой жести уродливую вмятину.

– Это означает согласие? – Максим не унимался, спрятавшись за километрами проводов, тысячами микросхем и легкой, воздушной сеточкой, прикрывавшей переговорное устройство.

– Я сказал... – Покрышкин снова занес кулак, но теперь со стула поднялся Матвеев. Словно защищая холодильный шкаф от несправедливых побоев, он робко вытянул в его сторону руку, стараясь, чтобы в интонациях почти не звучала мольба.

– Пожалуйста, Максим, расскажите... мы поможем, вы же знаете.

Алексей не понял, что именно подействовало – его вмешательство или возможный удар, готовый раскрошить всю электронику холодильной установки. Но Бескровный вздохнул, протяжно и нелегко, словно в отчаянии.

– Когда ему нужно перемещаться по стране, Константин путешествует автокараваном в пять машин. Центральная – грузовая фура, там расположена передвижная бронированная лаборатория и саркофаг, в котором хранится мозг. Фургон – это дом для ученых, сопровождающих брата в пути. Три остальных электромобиля – охрана, по четыре-пять человек в каждом. Про уровень экипировки и подготовки этих людей я говорить не стану, и так ясно.

– Где? – все еще не оправившись от давления, распирающего изнутри, прошипел Покрышкин, не отходя от холодильника. Сцена была дикой, будто иллюстрировавшей белую горячку, но от того еще более резкой, бьющей по нервам.

– Трасса на Омск, – зачитывая смертный приговор собственному брату, негромко продолжил Максим. – По предварительным расчетам, караван отправится на запад не позднее, чем через двенадцать часов.

– Сможешь дать более точные координаты? – Павел наконец отлепился от измятой дверцы, спешно копаясь в ворохе принесенной одежды. Принялся одеваться. – Время, место, направление? Ты же можешь, Максимка, так?

– Безусловно, могу, – ответил Бескровный. Казалось, он только сейчас осознал, что именно сотворил и как непросто будет вернуть все на круги своя, если решимость вдруг покинет гения. – Я веду непрерывное наблюдение за Городком, а караван Кости в зоне моего контроля.

– Ну и славно. – Павел выбрал из горы одежды какие-то нелепые штаны, современные и бесформенные. Бросил их Матвееву, приглашающе кивнув. – Одевайся, Лешка, нам пора выдвигаться.

Пошатываясь и стараясь не переносить вес на простреленную ногу, Матвеев принялся одеваться. Его переполняли вопросы, но задавать их, пока Максим был свидетелем разговора, он все же не решался. Оделся, выпрямился, опираясь о край стола.

Штаны оказались чуть велики, но пояс был устроен так, что мог быть подогнан под любую талию – было заметно, что свой гардероб Мастер-Чиф вниманием отнюдь не баловал. Аналогичную бесформенную одежду подобрал себе и шеф, спрятав окровавленный шарф под капюшоном спортивной куртки. Про жизнерадостную гавайскую рубашу он теперь и не вспоминал.

– Вы не хотите поделиться со мной ближайшими планами? – пока напарники одевались, осторожно поинтересовался Максим, словно прочитав мысли Матвеева.

Покрышкин, в этот момент прикуривающий новую сигарету, только покосился на холодильник.

– Нет, – строго отрезал он. – Когда ты будешь нужен, я позвоню. Или просто трижды повторю твое имя, как в сказках про Конька-горбунка или джиннов... Ты же и так наблюдаешь за нами каждую секунду?

– Хорошо, – согласился динамик, не подтвердив, но и не опровергнув теорию о постоянном наблюдении. – Номер для связи, девять девяток... – Еще через секунду в кухню вернулась тишина, и далеко не сразу Леша сообразил, что Максим отключился от связи.

– Была бы моя воля, я бы и твой мозг по трассе размазал, – злобно процедил Покрышкин, ничуть не заботясь о том, что Бескровный все еще может слышать их диалог.

Обнадеженный такой смелостью, Леша все же решился на вопросы:

– Куда мы сейчас? Есть план? Мы на самом деле собираемся перехватить караван Константина? Быть может, стоит найти Ломового? Или просто обратиться в милицию? У нас же тут два трупа...

– Леша! – шеф одернул его жестко, даже излишне резко. Тут же смягчился, показывая, что не хотел отмахиваться, словно от собачонки, просто слишком много было потрачено нервов. – Ну потерпи ты немного, ладно? Все расскажу, все поймешь. А пока просто помоги мне собраться, хорошо?

Кровь, отхлынувшая от лица Матвеева, обиду все же выдала, но он постарался улыбнуться и уверенно кивнуть. Если шеф обещает все рассказать, так тому и быть.

Собирались спешно, но без суеты или лишних метаний. В гараже, как и предсказывал Павел, обнаружился старый китайский пикап – одна из первых внедорожных моделей электромобиля, когда-либо поступавшего в Россию. Высокий и широкоплечий железный конь дремал под пыльным тентом, но предусмотрительный Роман Давидович продумал и эту спячку – от солнечных батарей на крыше гаража под брезент тянулись многочисленные провода, поддерживающие жизнь аккумуляторов. Состояние было удовлетворительное, ходовые данные в норме, а Алексей подумал, что в доме Мастер-Чифа, пожалуй, вообще не найдется ни одного неисправного механизма.

В пикап Леша и Покрышкин отнесли дробовик, все обнаруженные в доме патроны, а также оба пистолета, которыми был вооружен проникший в дом убийца. Туда же переместилась аптечка, запасные батареи для машины, светоотражающие плащи, кое-какие запасы продуктов, несколько бутылей питьевой воды. Портативную АйПи-станцию и целый ворох самых разных переговорных устройств Павел сгрузил в одну большую спортивную сумку, забросив на заднее сиденье.

А затем Покрышкин долго стоял в углу гаража, задумчиво разглядывая пузатую жестяную канистру, покрытую толстым слоем пыли. Сигарету, разминаемую в пальцах, он так и не торопился прикурить. Матвеев, загрузивший на борт машины последние вещи, уже был готов окликнуть шефа, когда тот, казалось, стряхнул с себя дремоту.

Поднял канистру, со знанием дела взвесил. Внутри заплескалось увесисто, щедро. Сжимая металлическую флягу в руке, Павел вернулся в дом через гаражную дверь, а еще через секунду Леша услышал, как заскрипели лестничные ступени, ведущие на второй этаж.

Позже Матвеев так и не решился спросить шефа, зачем Покрышкин поступил именно так. Молчал Алексей, и когда машина вырулила из гаража, с легким скрежетом отворившего массивный воротный щит. Молчал и смотрел в зеркало заднего вида, где отражался дом покойного Романа Давидовича. Дом, наполненный живыми манекенами, запчастями АйПи-станций, порталами в параллельные миры и необъяснимым уютом, чудом сохранившимся посреди этого шумного и жаркого мегаполиса.

Когда в окна второго этажа принялись плясать язычки пламени, Леша отвел от зеркала глаза, отвернулся, чтобы не было заметно Покрышкину, и закусил губу.

Ночь уже почти вступила в свои права, и лютая ослепительная жара неохотно откатывалась от бетонных укреплений Новосибирска, чтобы через несколько часов пойти на новый штурм. Жертв ее очередной атаки увозили на «скорой», первые магазины и офисы открывали свои двери, сворачивая рольставни и ослабляя тонировку витрин. Город выстоял, как выстаивал день за днем, год за годом.

Матвеев отрешенно смотрел в заляпанное окно пикапа, почти не замечая происходящего снаружи. Он не знал, куда везет его начальник, не слышал вой пожарных сирен, когда к особнячку Мастер-Чифа ринулись спасательные расчеты. Он был погружен в

себя, еще не до конца осознав, что произошло.

«Игры кончились», – говорило сознание, упорно подсовывая картины человека-куницы с дымящимся пистолетом в руке. Вторило само себе болью в простреленном бедре. Раз за разом напоминало о трагическом уходе Романа Давидовича. И тут же отказывалось верить, балансируя на тонкой струне между сном и явью, будто происходящее вокруг было не настоящим, а лишь продолжением их отчаянного и бесполезного похода в мир «Хроник Войны». Когда игра так глубоко затягивает тебя, опутав разум сетью обмана, вернуться в мир живых очень непросто...

Матвеев украдкой взглянул на сидящего за рулем шефа. Посмотрел осторожно, но с плохо скрываемым восхищением. Шесть лет назад этот сложный человечек смог переступить опасную грань, сделав выбор, и это впечатляло. Сам Матвеев, заглянувший в чудесный мир зазеркалья всего одним глазком, был не уверен, что смог бы решиться на такой поступок. Если запредельные миры всосали его душу так же лихо, как гурман высасывает из раковины моллюска, что было бы, попробуй он настоящее погружение?

Тем временем реальность постепенно отвоевывала у чудесного далека свои права на душу Алексея Матвеева. Украдкой напомнила про бандитский плен, вспышкой осветила картинку перестрелки с сектантами, дала вспомнить о нападении безопасников «Игрополиса», бегстве в «ВарКрон», убийстве Мастер-Чифа. Осторожно, но верно она намекала Матвееву, что с самых первых минут участия в этой непростой истории все происходящее никогда не было игрой. Подводила к тому, что все последние два-три дня из жизни новенького стажера были сложной, противоречивой и запутанной борьбой за жизнь. А также попыткой помешать тому, кто эту жизнь приравнял к нулю...

Словно глотнув крепчайшего кофе, от этой мысли Леша взбодрился. Не испугался, чего ждал от себя в первую очередь, но встрепенулся, теперь глядя на проплывающие мимо улицы осмысленно и даже с интересом. И тут же обернулся к Покрышкину, невозмутимо глазеющему на дорогу перед машиной.

Молчаливый Павел был полностью погружен в себя, а из старенького проигрывателя на приборной доске под фортепианные ритмы разливался совершенно неуместный сейчас, но такой умиротворяющий вокал Эллы Фицджеральд. Машина катила на северо-запад, и Алексей невольно ухватился за рукоятку над головой.

– Мы действительно едем в?.. – Он даже не договорил, поразившись недалекости поступка своего начальника.

– Да, Лешик, действительно... – безумно покачивая головой в такт усыпляющей музыке, негромко ответил Павел. – Но давать подливку в штаны еще рано – у меня есть план.

Остаток пути Леша провел в оцепенении, будто загипнотизированная удавом обезьянка. Вцепился в поручень над дверью, сидя прямо и неподвижно, а мысли в голове носились и сталкивались со скоростью капель кипящего масла. В какой-то момент Матвееву показалось, что шеф сошел с ума, убитый горем по Мастер-Чифу. В какой-то момент – что тот наконец достиг предела, решив покончить с происходящим одним-единственным способом. Но тот Матвеев, что верил в удачу Покрышкина, все же оказался более убедителен, призвав успокоиться и довериться Павлу, ни разу не подставившему своего молодого напарника. Конечно, работа в «Кобрятке» оказалась не совсем такой, на что рассчитывал Леша еще неделю назад, но ведь в обиду Павел его так и не дал...

Пикап остановился в начале аккуратной улочки, обрамленной шедеврами современного кирпичного зодчества. К этому времени за бортом уже окончательно стемнело, а термометр на панели показал, что внешняя температура упала сразу на десять градусов. Покрышкин выключил двигатель и фары, увеличил тонировку стекол. Многочисленные системы наблюдения коттеджного поселка тотчас же нацелились на пыльный и исцарапанный электромобиль, вторгшийся в идиллический уголок сильных мира сего.

Перегнувшись через сиденье, Паша достал спортивную сумку, набитую электроникой. Покопавшись в ней, нашел заряженный и готовый к работе АйПи-коммуникатор, надел на ухо тонкую проволочку, выдвинул микрофон. На голографической панели, спроецированной

на ладонь, набрал длинный номер, состоящий только из девяток.

– Это я, – сухо проронил он, вынимая из кармана спортивной куртки пачку сигарет. – Мне нужен номер. Ты сам знаешь, чей номер я хочу узнать, Максимка. Да говори так, я запомню... Да, я уверен.

Он поморщился, удрученно заглянул в картонную упаковку, в которой осталось не больше двух-трех сигарет.

– На конце три-три... Понял, – вместо благодарности отрезал Паша, разъединяясь, и тут же, без перерыва, принялся набирать новый номер. – Алло, Валерий Валерьевич?

У Матвеева перехватило дыхание. Конечно, он догадывался, куда привез их двоих старенький пикап Мастер-Чифа, но когда в салоне прозвучало имя, из легких словно вышибли весь воздух.

Шеф что-то говорил, негромко и отчетливо, но Леше казалось, что в уши ему набили килограмм ваты, а потому он не был способен разобрать ни слова. Снова впав в транс, он наблюдал, как медленно шевелятся губы Покрышкина, обрамленные щетиной и покрытые кровавой коркой от побоев. Словно из-за толстой бетонной стены Матвеев слышал обрывки фраз, произносимых Павлом, но смысл произнесенного ускользал, будто игривая рыба от неумелого рыбака.

Конечно, он сам дал добро на участие в приключении. Пожал руку Павлу, гордый своей смелостью и решительностью, готовый идти до конца. И пусть это было до похищения бандитами, перестрелки в доме, но хоть предупредить его шеф мог?

Говорил Паша недолго, хотя время потеряло для Алексея свой привычный ритм, и с таким же успехом во время разговора могли пройти полтора часа. Выключив АйПи-фон, Покрышкин небрежно швырнул изящное устройство на приборную панель, к самому лобовому стеклу, и включил двигатель. Губы его были плотно сжаты, на лбу резкими росчерками пролегли морщины – казалось, Павел сдал лет на десять.

Машина прокатилась по безупречной асфальтовой улочке, минуя один особняк за другим. Поселок был освещен по-прежнему ярко, наплевательски по отношению к экономии и муниципальным запретам. Пикап замер у знакомых ворот, вершину которых украшали кованые пики, и те без промедления принялись расползаться в стороны.

Леша, только сейчас осознавший, что вжался в сиденье и до ломоты в пальцах сжал поручень, оторопело повел затекшей шеей.

Внутри, как и можно было предположить, встречали – трое автоматчиков справа от машины, еще двое – слева. Никаких боевых роботов, на вышках тоже люди, их силуэты угадываются за слепящими лучами прожекторов. Пикап медленно вкатился за ворота, шурша белоснежными камешками аллеи, замер под прицепами автоматов.

Следы погрома еще не устранили. Большую часть разбитых вазонов и клумб, конечно, уже увезли, но в саду и вокруг дворца все еще мельтешили десятки разнорабочих, катящих тачки, замешивающих раствор, или укладывающих мраморные плитки. За всей этой суетой, будто в концентрационном лагере, присматривали вооруженные охранники, угрюмые и озлобленные – вероятно, лысый Рома после побега заключенных задал своей армии немалую взбучку...

Легок на помине, показался и сам Ромыч. Все в той же кожаной куртке, со сверкающей в искусственном свете лысиной, он вышел из-за края живой изгороди, внимательно разглядывая машину. Оружия в руках не было, но дистанцию бандит сохранял довольно безопасную даже для сильного взрыва. За его спиной, словно тени, замерли двое узкоглазых.

– Только без глупостей, Леша, – наконец-то произнес Покрышкин, и в первый момент Матвеев не узнал его голос – посеревший, огрубевший, будто брошенный в угли кусок камня. – Держи себя ровно и спокойно, правда на нашей стороне. И не бойся ничего, это главное, в обиду не дам в любом раскладе. Понял меня?

Вместо ответа Алексей лишь кивнул, но шефу этого было достаточно. Он до предела уменьшил тонировку, позволяя охранникам вокруг электромобиля внимательно рассмотреть сидевших внутри. Те, хоть беспокойства и не проявляли, держались настороженно, а Леша

был уверен, что короткоствольные автоматы в их руках давно сняты с предохранителей...

– Выходим, – приказал Паша, первым открыв дверь.

Двигался мягко, демонстративно неспешно, держа руки перед собой. Леша повернулся к двери, собравшись последовать его примеру, и вдруг понял, что ноги отказываются. Руки тоже не слушались, а страх вот-вот грозил утопить сознание.

Он наблюдал, как к Павлу подходит охранник, как его заставляют положить ладони на затылок, как ловко обыскивают, но так и не мог заставить себя открыть дверь. Герой, поражающий чудовищных монстров из плазменной винтовки, куда-то исчез, оставив Алексея Матвеева посреди бандитского двора, недавно изуродованного ракетным огнем.

Охранники с его стороны машины начали что-то подозревать. Один из них приподнял оружие, второй беспокойно взглянул на лысого Ромыча. Тот нахмурился, нетерпеливо махнул Алексею рукой – какого, мол, хрена ты там забыл, выбирайся?! От нелепости, ужаса и неловкости происходящего Матвеев чуть не расплакался. Повернулся влево... и увидел глаза Покрышкина.

Он до сих пор многого не знал о своем шефе. Догадывался о нелегкой судьбе, об ушедшей жене и пострадавшем напарнике, о службе и позорном увольнении, но подробнее не знал ничего. Однако сила, переполнявшая этого человека, говорила много больше, чем факты биографии. Именно она заставила безропотно повиноваться при первом пробуждении, а затем поманила за собой, прикрывая щитом. И сейчас во взгляде Павла он снова увидел ее – спокойную и глубокую, как впадающая в океан Обь.

Вспомнив их недавний диалог о трусости и храбрости, Леша окоченевшими пальцами взялся за ручку, отпирая дверь, и едва не вывалился из машины под ярчайший свет прожекторов и парковых фонарей.

– Вот и умница, – пробормотал лысый, но Матвеев услышал, несмотря на расстояние.

Его тут же обыскали, заломив руки. Больно, хоть и ненароком, ударили по простреленному бедру, заставив поморщиться, выпотрошили карманы. И только убедившись, что оружия нет, повели в сторону наголо бритого жоака. За спиной двое охранников принялись осматривать машину.

– Вот так сюрприз, – плотоядно оскалился Ромыч, рассматривая стоявших перед собой гостей. Руки тем, надо заметить, опустить так и не позволили. – А мы уж и не чаяли вас снова лицезреть, хорошие вы мои. Ну, добро пожаловать, раз приехали. Уверен, шеф просто изнывает от любопытства с вами покалякать...

Он коротко кивнул своим бойцам, развернулся, а в спину Матвееву уперлось что-то твердое, железное. Не заставляя охранника повторять, он покорно затопал вслед за лысым Ромой, краем глаза наблюдая за Покрышкиным. Тот, казалось, сохранял самое кристальное спокойствие, словно все происходило именно так, как он и хотел.

Ромыч шел по аллее, ведущей к парадному крыльцу, небрежно огибая громоздящиеся повсюду кладки кирпича, копошащихся на клумбах работников или строительный инвентарь, разбросанный на дорожках. При виде лысого работника, большей частью китайцы, стремились убраться с дороги, отворачиваясь и пряча глаза.

Мрачная процессия пересекла парковую зону, почти достигнув парадной лестницы, когда навстречу вышел сам хозяин дома.

Он был не один, с целой свитой из четырех жилистых костоломов, прячущих глаза за солнцезащитными очками, напичканными боевой электроникой. Одет Капкан, как и во время прошлой встречи, был неброско, но элегантно – кремовые туфли без каблука, легкие полосатые брюки, фисташковая рубашка с коротким рукавом. Теперь становилось заметно, что на левом предплечье бандита есть татуировки – какие именно, Алексей рассмотреть не сумел.

Капканов подошел к перилам, ограждающим крыльцо подъезда, и лениво облокотился на них, уставившись куда-то вдаль. Со стороны могло показаться, что хозяин дома внимательно и заинтересованно наблюдает за ремонтом своего парка. Сухоощавые телохранители, грамотно рассредоточившись по площадке, статуями замерли у него за

спиной.

Ромыч, Покрышкин, Алексей и их конвоиры остановились у основания лестницы, глядя на хозяина особняка снизу вверх.

– Все чисто, Валерий Валерьевич, – мягко, с легким подобострастием отчитался Рома, оглядываясь на пленников, которым наконец позволили опустить руки. – Прикажете провести в дом?

– Не стоит, Роман, побеседуем здесь. Уж шибко погоды сегодня ночью чудны, не правда ли? Вы, Роман, надо заметить, свободны... Парней своих на ворота верните, а сами будьте неподалеку, если не в тягость, я позову...

Как и при первой встрече, голос Капканова гипнотизировал безбрежной властью, хранимой этим невысоким невзрачным человеком. Разница состояла лишь в том, что в предшествующий раз Валерий Валерьевич глаз не поднимал, а сейчас – наоборот, смотрел куда-то вверх, в ночное небо или на верхушки окружавших поселок сосен. Глаз, однако, это рассмотреть все равно не давало.

Лысый и его стрелки исчезли, словно средневековые японские воины-тени, оставив Покрышкина и Матвеева у подножия лестницы одних.

– Здоровья, господа, я вам желать не намерен, – на этот раз Капкан обращался к незванным гостям, – так что прошу перейти сразу к делу. Полагаю, вы отдаете себе отчет, что второй раз отсюда уже не выберетесь, какой бы цель вашего визита ни была?

У Матвеева невольно вздрогнули коленки, а Павел вдруг спросил такое, отчего Леша и вовсе чуть не грохнулся без чувств:

– Вашему сыну уже лучше, Валерий Валерьевич?

Тот вздрогнул, словно от внезапного удара, едва не взглянул Павлу в глаза, но смог сдержаться, по-прежнему наблюдая за кронами деревьев. Охрана, без слов уловившая смену настроения босса, дернулась вперед, чтобы покарать дерзкого. Но Капкан сделал легкий жест рукой, и церберы мгновенно утихли, вернувшись на свои места.

– Вы думаете, что я поверю в вашу невиновность и непричастность к болезни Артема только потому, что вы так безрассудно вернулись в мой дом? – гулко, словно говорил в пустую бочку, произнес Капканов, и Леша заметил, с какой силой тот сжимает мраморный край перил. – И потому вам хватает наглости и бестактности, чтобы интересоваться здоровьем моего сына, которого вы же и приковали к постели?

На какой-то момент Матвеев даже пожалел, что конвойные ушли – если сейчас он все же грохнется в обморок, его даже никто не придержит. Он заставил себя собраться, лихорадочно глотая скупую слюну, чтобы избавиться от звенящих пробок в ушах.

– Мы невиновны в болезни вашего сына, – Покрышкин отвечал мягко, но уверенно, опасно балансируя между верой в собственные слова и риском опрокинуть на себя котел кипящей смолы. – Но теперь мы знаем того, кто виновен в этом...

Капкан вздохнул, словно услышал что-то ожидаемое.

– В этом можно было не сомневаться, Павел. В этом мире каждая живая тварь пытается выжить, подставив под удар тварь другую, соседнюю. Не удивлен, что это происходит и в вашем случае. Любопытно одно – как вы смогли с такой помпой покинуть мой дом в прошлый раз? Но, надеюсь, я смогу узнать это в самые короткие сроки...

– Нет, Валерий Валерьевич. – В тоне Покрышкина блеснуло что-то такое, отчего Капканов вновь чуть не взглянул ему в лицо. – Мы не пытаемся подставить кого-то под удар. И честно расскажем вам, как покинули особняк, пытки не понадобятся. Но я хочу, чтобы вы поверили, что за это время нам действительно удалось отыскать того, кто виноват в болезни Артема. И, если это вам интересно, не только его. Мы нашли... человека, – решился он использовать это слово, – готового причинить сверстникам Артема еще много и много зла...

– Звучит глупо и неправдоподобно, – чуть скривился Капкан.

– Восемилетний Роджер Уотсон, более известный под остроумным прозвищем Веселый, тоже звучал неправдоподобно. – Сейчас Павел был похож на солдата перед расстрелом – стоял прямо, высоко задрал голову, чтобы видеть своего собеседника, а руки

сложил за спиной. – Но именно он, вернувшись с семьей из Малайзии после отпуска, сумел заразить неизвестной эпидемией сначала аэропорт Сиднея, затем весь город, а после уничтожить восемьдесят процентов населения материка. Правда не всегда похожа на покупку в супермаркете, Валерий Валерьевич...

Капкан взглянул вниз, но не на пленников, как того ожидал Леша, а куда-то в сторону, на газон. Казалось, он раздумывает, приказать ли немедленно грохнуть надоевшую парочку, принесшую его семье и дворцу столько бед, или же выслушать дальше. После минутного ожидания бандит облизнул губы, впервые выдав волнение.

– Продолжайте, Павел.

Леша со свистом протолкнул воздух сквозь плотно сжатые зубы. Только настоящая власть никуда не спешит, и сейчас Матвеев был искренне рад этой простой мысли. Его шатало и мучило, но он старался держаться, беря пример с воистину гранитного шефа.

– Ваш сын стал невольной жертвой экспериментальной психотропной программы, тестирование которой проводилось на пользователях известной игры «Хроники Войны». Если вам знакомы понятия электронного зомбирования или управления подсознанием, вы меня поймете. – Покрышкин говорил уверенно и четко, словно готовил эту речь всю дорогу до коттеджного городка. – Его болезнь является последствием некорректного разрыва сеанса между испытуемым и транслятором, личность которого нам и удалось установить.

Желваки Капкана окаменели, теперь он неотрывно смотрел на обломки фонтана, расположенного в центре парка. Охранники бандита, словно собаки, почувствовавшие перемену настроения, но не понимающие ее, беспокойно переминались с ноги на ногу.

– Горе, постигшее вас, несравнимо ни с чем, – продолжал Павел, то смягчая, то усиливая напор, – но беда, несомая этим человеком в наш мир, может оказаться гораздо страшнее... Если программа пройдет окончательную стадию...

– Идемте в дом, – негромко приказал Капкан, резко разворачиваясь и отшагивая от перил, и Покрышкин запнулся на полуслове. – Роман?

Лысый появился из-за куста незнакомых Матвееву цветов, словно сидел в засаде, только и ожидая приказа хозяина. Леша от этого наскока вздрогнул, все же успев подобраться и не дать мочевому пузырю осуществить конфуз. Рома улыбнулся им одними губами, приглашающе вытягивая руку, и все трое принялись подниматься по широкой белоснежной лестнице, кое-где носящей следы недавнего сражения.

Капканова они нагнали уже в доме, когда тот мягкой и уверенной походкой миновал анфилады комнат. Из четырех охранников с ним остались только двое, да Ромыч все наступал на пятки, не давая ни замешкаться, ни осмотреться.

В широком зале, украшенном и обставленном столь же богато и вычурно, как весь особняк, Валерий Валерьевич остановился. Взмахом руки прогнал неприметного слугу, лично задернул тяжелые портьеры на окнах. Ромыч остался у дверей, через которые все вошли, охранники разместились у двустворчатого портала, выводящего в большую гостиную.

Кажется, они попали в комнату для чаепитий, другого объяснения Алексей найти не мог. Вдоль стен размещались милые круглые столики, окруженные изящными креслами с высокими спинками, больше мебели в просторном зале не было вовсе.

– Садитесь, – вежливо, но жестко распорядился Капкан, сам при этом оставаясь на ногах.

Облокотившись о спинку одного из кресел, хозяин дворца сосредоточенно изучал паркет.

Покрышкин, торопливо мотнув напарнику головой, опустился в мягкое кресло. После секундного колебания его примеру последовал и Леша.

– Петенька, чайку нам сделайте, пожалуйста.

Казалось, Валерий Валерьевич обращается к пустоте, но Алексей знал, что особняк тотально напичкан электроникой, и верный секретарь непременно услышал своего хозяина. Затем, почему-то повернувшись в сторону Матвеева, Капканов счел нужным добавить:

– Кстати, помогавший вам сбежать хакер чуть не убил моего кибер-секретаря, столь сильной была атака на системы дома... – Он так и не дал Леше возможности взглянуть в свои глаза, но и без того Матвеев обомлел, обрадовавшись, что сидит – если бы стоял, точно грохнулся бы...

– Извините, – услышал Алексей свое неуверенное лепетание, приказав себе заткнуться.

Однако Капкана это, казалось, вполне удовлетворило. Он кивнул, поджав губы, и повернулся к Покрышкину.

– Продолжайте, – велел бандит тоном, не терпящим возражений, и Павел продолжил свой рассказ.

Матвеев почти не слушал. Все еще не веря тому, что они живыми добрались до Валерия Капканова, а не были расстреляны на пороге, парень не спускал с бандита глаз, пытаясь угадать его настроение.

Хозяин пострадавшего в бою особняка держался подчеркнуто прямо и сухо, как часто делают сильные люди, понесшие большую утрату. Сейчас он и вправду напоминал Леше капкан – поржавевший, но еще рабочий и очень острый, готовый сомкнуться в любую секунду, едва лишь Покрышкин сделает неверный шаг. Капкан, готовый перемалывать кости...

А Павел, тем временем, говорил. Начал издавека, чуть ли не с первого пробуждения, когда напарники невольно столкнулись с проявлениями новой программы Бескровного. Валерий Валерьевич слушал внимательно, не перебивая и не уточняя, и лишь два раза проявил хоть какие-то эмоции.

В первый раз, когда речь зашла о звонке Константина, в котором тот демонстрировал силу и призывал отступить, – Капканов оторвался от кресла, подошел к шторе, задумчиво потеребил завязки и вернулся на прежнее место. Второй раз он сменил позу, когда Павел рассказал о пробуждении его сына. Еще ниже наклонив голову, Валерий Валерьевич поднял к губам кулак, как если бы хотел укусить себя за костяшки. Сдержался, опустил подрагивающую руку.

Слуги принесли чай – богатый сервиз на огромном серебристом подносе, но к дымящемуся заварнику и аппетитным пирожным никто даже не прикоснулся. Алексея вообще начало мутить от окружающей его пестроты и роскоши. Позолоченная лепнина на потолке и стенах уже не казалась богатой, навеяв мысли о склепах, старости и тлене прожитых лет. Тяжесть портьеры на окне больше не шептала об уюте и прохладе просторной комнаты – она говорила о килограммах пыли, копящихся в ее складках, о толстом звуконепроницаемом занавесе, за которым творится что-то недоброе.

Стараясь унять расшалившиеся нервы, Леша ерзал на кресле, но на него едва ли обращали внимание. Павел подробно рассказывал про консультацию с Ломовым, про неожиданное исчезновение Матвеева, о котором боевики Капкана знали немногим больше.

В какой-то момент Валерий Валерьевич проявил завидную наблюдательность, наглядно продемонстрировав, как тонко умеет читать людей. Он жестом попросил Павла прерваться и приказал Ромычу дать тому сигарет. После того как посреди остывшего чайника и пустых чашек водрузилась пепельница, а Покрышкин с благодарностью затянулся дорогим табаком, рассказ был продолжен.

Но Леша все так же не слушал шефа, продолжая ковыряться в собственных умозаключениях. Максим раскрыл перед ними тайну, не предназначенную для чужих ушей. В деталях излагая Капканову события последних дней, неужели Паша собирался отдать бандиту и это? Неужели был готов озвучить одну из самых удивительных и жутковатых загадок современной истории – братья Бескровные живы, хоть и частично?

Его ерзанья были не совсем верно истолкованы лысым Ромычем. Тот бесшумно подошел, предлагая сигарету, и Леша, не отдавая себе отчета в том, что делает, зачем-то взял. Теперь он и вовсе выглядел глупо – не участвующий в монологе Покрышкина, с мятой неприкуренной сигаретой, не находящий себе места.

Словно из-за фанерной стенки он слышал, как Павел рассказал про их побег из дома

Капканова. Про необходимость этого побега и жертвы, которые удалось свести к минимуму. Леше показалось, что говорили и про него, но даже несмотря на то что шеф сидел в двух метрах слева, не мог разобрать ни слова. Уши как будто законопатили, голова отказывалась соображать. Все еще не до конца веря в происходящее, Леша ждал, что сейчас Капкан дослушает увлекательную историю, а затем отдаст приказ вывести гостей за знакомую оранжею и расстрелять...

Но рассказ продолжался, во двор никого не волокли, а в пепельнице росло число окурков. Капкан, все так же возвышающийся над спинкой кресла, изучал дорогие обои, покрывавшие стены там, где на них не висели картины. Один раз Алексею показалось, что он почти поймал взгляд бандита, различив цвет глаз, но тот словно почувствовал, тут же отвернувшись и уставившись в пол.

– Больше мне добавить нечего... – Вдруг услышал Матвеев негромкий голос Покрышкина, с ужасом осознав, что повествование окончено, и Шахерезада доживает последние минуты жизни. – У нас есть общий враг, принесший нашим близким беду. Я знаю, где и когда его поймать. Вы знаете, как это можно сделать. Либо мы поможем друг другу, либо я совершил самую большую ошибку в жизни, вернувшись в этот дом.

Сказано это было так просто и обыденно, что Леша даже не испугался. Отрешенно, будто не о себе, а о чужом человеке, он подумал, что Капкан выберет второй вариант, и тогда...

Валерий Валерьевич задумчиво прошелся по комнате, чуть слышно скрипя подошвами туфель по блестящему паркету. Остановился перед картиной у дальней стены. На ней по безбрежной глади океана, прижимаемый к волнам космами белоснежных туч, куда-то стремился парусник.

– Это Айвазовский, – неожиданно прокомментировал Капкан, – называется «Бриг «Меркурий» после боя». Интересное название, не так ли?

Он замолчал, притворно ожидая ответа. Покрышкин, казалось, уже окончательно наплевавший на здравый смысл, просто отвернулся, прикуривая и наливая себе в чашку остывшей кипяченой воды. Алексей же постарался всмотреться в картину, не совсем понимая, о чем речь. Двухмачтовый парусник с картины был один-единешенек, довольно далеко, и о состоявшемся бое не говорило совершенно ничего. Как оказалось, он почти угадал ход мыслей Капканова.

– Интересное дело, не так ли, господа? – нарушил молчание тот, качнувшись на пятках. – Корабль, море, блеск солнца на волне, но автор сказал нам, что это бриг после сражения, и мы верим, наполняя картину чем-то своим, понятным только нам... Удивительно, как доверчиво сознание человека, не так ли?

Он отвернулся от картины, проводя ладонью по лицу, будто смахивал с него тенета. Смотрел Валерий Валерьевич прямо на Покрышкина, не пряча глаз и не опуская головы. От этого по спине Алексея пробежали мурашки, и он предпочел отвести взгляд, рассматривая одинокий парусник, по воле художника возвращающийся из боя.

– Чем именно я могу помочь? – обыденно поинтересовался Капкан, и Павел ответил тут же, мгновенно, словно только этого и ждал:

– Гарантия нашей безопасности. Комфортный сон, нормальная одежда, завтрак, мои пистолеты... – Он затушил недокуренную сигарету, сломав ее в пепельнице. – Несколько машин с водителями, надежные вооруженные люди, выполняющие наши инструкции и не задающие вопросов, современный АйПи-фон и портативная станция, через которую я могу связаться с Максимом.

Капкан кивнул, единственным жестом признавая правомерность каждого требования. Ромыч у дверей, ставший свидетелем всего разговора, задумчиво потер блестящий лоб.

– Если это так, – Павел поднялся из кресла, бережно придерживая раненую руку, – то мы должны быть готовы выдвинуться не позже, чем через пять-шесть часов...

Уголовного кодексов РФ, деятельность так называемых «охотников за вампирами» в нашей стране следовало признать незаконной уже несколько лет назад. Несанкционированное проникновение в жилища граждан России, физическое воздействие, принуждение насилием – все это превращает касту «охотников» в бандитов, гораздо более опасных, чем представители крупных ОПГ.

Вывод, уважаемые читатели, напрашивается только один – государство и его институты на протяжении длительного времени покрывают действия частных ловцов, не позволяя свершиться правосудию. С первых дней появления в стране структуры этих преступных элементов, Кремль набросил на них свой «плащ-невидимку», жестко пресекая любые попытки независимых правозащитников призвать к ответу компани, получившие «лицензии на пробуждение».

Чтобы не пачкать собственные руки, наши политики и чиновники, допустившее развитие эпидемии «вампиризма» до катастрофических масштабов, пытаются хамски и топорно исправить ситуацию, элементарно презрев Закон. Тем временем по всей стране наши клиенты до сих пор получают вирусные инфекции через нестерилизованные иглы инъекторов, а также вынуждены лечить расстройства личности от насильственного вывода из состояния виртуального сна, из их квартир похищают ценные вещи, а специальному дорогостоящему оборудованию для «погружения» наносится непоправимый материальный ущерб.

Неофициальное печатное издание «Свобода воли», 2033 год.

Уровень загрузки – 87,8%

– Желудь, дай зажигалку, а то прикуривателю кабздец...

Широкоплечий китаец, сидящий слева от Матвеева, потянулся, протягивая водителю аккуратную плитку зажигалки. Тот взял не глядя, не отрывая взгляд от дороги. Щелчок, струя дыма в лобовое стекло. Алексей поморщился, но ничего не сказал – в машине было накурено так, что хоть топор вешай, не помогали даже приоткрытые окна и включенная вытяжка.

Забрав зажигалку, китаец по прозвищу Желудь поерзал, устраиваясь удобнее, и Матвеев отодвинулся, стараясь не подставить раненую ногу. Машину качнуло на ухабе, но Алексей был готов и лишь стиснул зубы. Ему вообще было некомфортно, душно и тесно, но Покрышкин терпеливо молчал, смоя одну за другой, а значит, будет терпеть и он.

Сам Павел сидел справа от Леши, за спиной лысого Ромыча, сосредоточенно изучающего какую-то потрепанную книжонку. Казалось, бандитскому офицеру не мешает ни тусклый свет лампочки над головой, ни тряска поездки. Алексей все изворачивался прочитать название книги, но пока так и не смог.

Впереди, моргнув на возвышении и пропав, показались огни первой машины. Словно уловив телепатический сигнал, Ромыч поднял голову, взглянув вперед, убедился, что все в норме, и вернулся к чтению.

Так и ехали – одна машина в километре впереди, там пятеро бойцов, упакованных по последнему слову военной техники. Вторая, в которой находился условный офицерский состав, пристроилась за ней. Замыкали штурмовую колонну еще две машины – джип с четверкой боевиков и длинный фургон с неким снаряжением, без обсуждения навязанный Капканом.

Стартовать было решено на самом рассвете, когда трасса максимально пуста и свободна от движения. Как и дальнбойщики, Константин предпочитал путешествовать при свете дня, и для увеличения скорости, и для меньшего привлечения внимания.

Выехали час назад, чуть раньше предельного срока, установленного Покрышкиным. Тот нервничал, поминутно созванивался с Максимом, и все же не выдержал – отдал приказ на старт, причем даже несмотря на то что кортеж Константина все еще находился в Академгородке. Светало, первые лучи зари уже взметнулись над восточной частью города, размазывая по асфальту шоссе длинные тени электромобилей.

Капкан решение выдвинуться заранее вовсе не осудил. Он теперь вообще очень тепло и снисходительно относился к неожиданным гостям, выполняя любую их просьбу. Рассуждал коротко, логично и по существу, за несколько часов, проведенных в обсуждениях плана, заслужив в глазах Матвеева репутацию предельно умного и опасного человека. Он поверил в рассказ Покрышкина, иначе и быть не могло. Но стоило Павлу хоть на шаг отступить от правды, и в этом Леша был совершенно уверен, и они бы уже не встретили наступившее утро.

Однако Покрышкин и не думал врать или лукавить – выкладывал новые факты, как перед апостолом Петром, заставляя скулы Капканова твердеть, а плечи напрягаться. Именно такая тактика позволила им воспользоваться гостеприимством этого ужасного человека – причем не в подвальных помещениях, а в комфортабельных гостевых комнатах, украшенных опостылевшей лепниной и оригиналами великолепных картин.

В такой же комнате, ничуть не напоминающей операционную, рану Матвеева осмотрел личный врач Капканова. Приятный в общении разговорчивый мужчина, немногим старше самого Алексея, пожурил за спешность кройки и шитья, но признал, что в целом заплатка поставлена верно. Затем лихо распорол стежки, выковырял старую пену и обработал рану воистину волшебным зельем, от которого Леша окончательно забыл про боль. Запенил дыру и ее края бесцветным гелем из самых современных аптек, какие выдают только бойцам спецназа, и с искренней улыбкой выдал Алексею крохотную шоколадку – за храбрость...

Спать же Матвеев завалился еще до того, как было принято окончательное решение о плане действий. Просто не выдержал нервного напряжения, косившего вернее пули. Чуть не уснул за общим столом, где Капкан, Павел и Ромыч изучали путь возможного движения каравана, и поспешил ретироваться в отведенную комнату, едва успев раздеться перед падением на перину.

Дальнейшее происходило в спешке и деловитой суете, завертевшей Лешу так, что и деталей-то не вспомнить. Еще затемно, в самый разгар ночи, его осторожно, но настойчиво разбудил слуга, принес легкий завтрак и просто бездонные емкости с кофе и свежавыжатым соком. Затем сонный Матвеев умылся, примерил новенькую одежду, дарованную Валерием Валерьевичем – отталкивающее жару термобелье, охотничьи штаны и куртку, легкие, вентилируемые, в небрежных разводах осеннего камуфляжа. Ботинки тоже были охотничьими, но зарубежными, почти невесомыми на ноге. С недоверием осмотрев свой новый внешний вид в огромном зеркале, Матвеев вышел в дом, где вовсю шло приготовление к походу.

Сновали люди, машины во дворе загружались оружием и патронами. Покрышкин, кроме шлема и шарфа, разодетый точно так же, как его молодой напарник, казалось не спал вовсе, хотя и выглядел чуть более отдохнувшим – мешки под глазами исчезли вместе со щетиной, синяки и ссадины обработал улыбчивый доктор, вручающий шоколадки. Тем не менее от взгляда Леши не укрылось, как сильно осунулось лицо шефа.

Павел нервничал, спешил отомстить, и никакой сон или раны не могли остановить его на этой дороге. Вчерашние недруги, сегодня они с Ромычем понимали друг друга с полуслова, выбирая, какое именно оружие лучше взять бойцам при охоте на длинномер Константина. Покрышкину вернули его пистолеты, но сейчас Леша видел на боку шефа только один из них – боевого «Грача».

Затем они грузились в машины, настраивали оборудование для переговоров и отправлялись в путь. Максим, наблюдавший за приготовлениями через камеры особняка, тоже принимал участие в подготовке – шифровал специальный канал связи, блокировал системы наблюдения и вообще всячески прятал готовящуюся операцию от любого внимания извне. Конечно, прознай Костя о предстоящем нападении, и поход можно было бы смело отменять. Техника бы сошла с ума, двигатели электромобилей оказались бы заблокированными, – всемогущие Бескровные, современные боги машин, вступили бы в схватку, в которой нет места смертным.

Но завеса тайны охраняла особняк Капканова, и в назначенный час вереница машин

выдвинулась за кованые ворота, рассредоточиваясь по отмерянным заранее интервалам...

– До предположительного места засады восемь километров, – сообщил Максим, отметив место на карте короткой вспышкой маяка.

Павел развернул на коленях планшетную АйПи-станцию, изучая яркую и объемную карту местности, а Ромыч закрыл книжицу, переключив внимание на навигационные системы машины, спроецированные поверх приборной панели. Теперь Алексей наконец смог прочитать название книги, удивившее его не меньше, чем сама тяга бандита к чтению. Ромыч листал «На западном фронте без перемен», и Леша вдруг подумал, что ему еще очень далеко до умения Покрышкина или Капканова видеть людей насквозь.

– Дорога чиста? – Покрышкин говорил одновременно в микрофон планшета и в тонкую трубочку АйПи-фона, торчащую из-за уха.

– Милицейские посты убраны, движение тяжелых машин перекрыто, – отрапортовал Максим, – мои спутники не фиксируют ничего необычного.

Тяжело покачиваясь, их машина пронеслась мимо придорожной закусочной, на дневном свете выглядевшей откровенно ужасно и запущенно. Колонка-аккумулятор была старенькой, но еще действующей, и сейчас к ней присосался старый фургон, заправляющий гелиорезервуары. Возле кафе прикорнула еще одна легковушка – обшарпанная и неновая, отчего-то заставившая моторчик Матвеева екнуть.

Значит, не выспался... Нервы до сих пор расшатаны, заячье сердце готово плясать джигу при первом дуновении ветра, а еще туда же – собрался с мужчинами на войну. Нужно было остаться вместе с Капканом, контролируя происходящее из особняка. Ведь он лишь мельком увидел водителя легковушки, молодого парня ничем не примечательной внешности, а уже...

– У него на самом деле может получиться? – без лишних пояснений поинтересовался лысый, снова оторвав взгляд от книжных страниц.

– Кого ты имеешь в виду? – Каким-то чутьем Павел догадался, что вопрос был адресован именно ему.

– Ну... я про этого вашего Костю, о котором столько говорили... Ну и кашу он заварил, я погляжу. Но ему действительно удастся стать новым богом?

Покрышкин только вел плечом, стараясь лишний раз не тревожить раненую руку.

– Почему нам знать, Рома? – Казалось, тема разговора ему сугубо безразлична. – Может, и сумет... Христа, надо заметить, тоже Богом не сразу признали, а только через четыреста лет после рождения, на третьем Вселенском Соборе. Кто его знает?..

– Хех, – хмыкнул бандит, надевая на ухо передатчик, – ну дела...

Джип катил вперед быстро, но без превышения скорости, чтобы не привлекать внимание милицеских спутников. Закусочная оставалась все дальше за спиной, на переднем сиденье Ромыч о чем-то отчитывался Капканову по внутреннему зашифрованному каналу. Матвеев думал, думал, думал...

– Кажется, мы тут не одни, – наконец, сипло выдавил Леша, едва узнав собственный голос.

Китаец Желудь, казалось, не расслышал вообще, Ромыч был увлечен разговором с боссом, но Покрышкин отреагировал мгновенно.

– Саня, останови машину! – громко приказал Павел, ничуть не смущаясь нарушения субординации. Равнодушие покинуло его, как не бывало.

Брови лысого бандита поползли вверх, но он торопливо попрощался с патроном, выключил связь и обернулся. Водитель Саня по его небрежному жесту, дающему «добро», тут же прижался к обочине, остановившись в клубах пыли. Теоретически, операцией командовал Ромыч – правая рука Капкана, но и важную роль Павла в предстоящем деле отрицать никто не собирался. Потому бойцы Валерия Валерьевича молчали, терпеливо ожидая новых распоряжений.

В руку Матвеева ткнулась бутылочка минералки, и тот жадно припал к горлышку, смачивая пересохшую глотку.

– Стоп машины! – с легким запозданием скомандовал лысый в крохотный передатчик на лацкане кожаной куртки. – Все встали и ждем моего сигнала...

– Что ты видел? – прямо спросил напарника Павел, не обращая внимания на тяжелеющий взгляд бандита.

Однако вместо Покрышкина Алексей обратился к планшету, лежащему на его коленях.

– Максим?

– Да, Алексей?

– Закусочная «Кристина» и гелиозаправка, которые мы только что миновали... Там пара машин не самого нового вида... номера можно разглядеть со спутника... ты бы не мог проверить? – После глотка воды разговор давался Матвееву легче, но страх ошибки и всеобщего позора заставлял понижать голос.

– Что ты видел? – с нажимом повторил Павел, прищуриваясь.

– Мне могло показаться... Там тонировка дерьмовая... – Леша попил еще воды, почти прикончив бутылку, ощущая на себе взгляды всех четверых спутников. – Я надеюсь, что показалось... Просто я не сразу сообразил...

– Машины чистые, не в угоне, зарегистрированы на физических лиц. – Спокойный голос Максима почти тут же наполнил салон – Бескровный говорил через динамики аудиосистемы. – Один из собственников уже три года состоит в так называемой церкви Святой Ады Кинг...

Значит, не показалось... Леша вздохнул так неловко, что стало похоже на всхлип. Короткий блик чего-то блестящего во лбу водителя обшарпанной легковушки вовсе не померещился ему, когда джип пролетел заправку и кафе.

– Гребаные сектанты... – Лицо Ромыча скривилось. – Какого дьявола им тут нужно?

– Полагаю, то же, что и нам. – Казалось, Максим озадачен. Вероятно, присутствие на игровой доске третьей силы первым должен был зафиксировать именно он. – Вы уже могли убедиться, что эти безумцы весьма неплохо информированы и имеют сильных специалистов по электронному взлому... Алексей, спасибо за наблюдательность. Я уже не раз утверждал, что ты являешься одним из самых ценных членов нашей команды.

Матвеев пропустил лезть мимо ушей, пытаясь справиться с потоком недобрых мыслей.

– Хотят грохнуть фургон? – Ромыч нахмурился. – Может, позволить им перебить друг друга?

Покрышкин молчал, задумчиво пожевывая верхнюю губу. Достал новую сигарету.

– Двух машин, если я правильно заметил, – пробормотал он, – маловато для полноценной атаки...

– Ну, – не без гордости по-акульки ухмыльнулся бритый бандит, – мы им кровушку-то подпортили в прошлый раз, когда Лешку спасали.

Спасали... Алексей поморщился, не то от сигаретного дыма, не то от наглости сказанного. А в голове настойчиво стучало, словно бился о кость пойманный в силоч дятел. Что-то о том, как ловко Сатана умеет выдавать желаемое за действительное, обманывая слабых духом. О том, как хитроумно он подменяет понятия, заставляя людей думать, что они...

– А если они не охотятся на Бескровного, – вклинился Леша в разговор, даже не предполагая, скольким людям подписывает смертный приговор, – а наняты им для дополнительного прикрытия? Сумасшедших, подобных адистам, очень легко обмануть, обладая мощью Константина... Что, если это посты, вроде милицейских, но скрытых? Новому Богу, которым возомнил себя Костя, вооруженная паства не помешает...

– Вероятность связи брата с адистами равна тридцати двум процентам, – тут же отреагировал Максим.

– Да нет, чо-то в натуре хрень получается... – Ромыч пощелкал сломанным прикуривателем. Чертыхнулся, взял у предупредительного Желудя зажигалку, тоже закурил, барабанил пальцами по мятой обложке книги. – Сначала они пытаются секреты Бескровного выведать, а теперь сами на него же и работают?

– А одно другому не мешает, – меланхолично заметил Павел, выдувая дым в щель приоткрытого окна. – Сам же знаешь, что эти люди – гнилой пластилин. Думаешь, Костя не сумел бы привязать их к себе?

– Я обнаружил записи их последних переговоров, – неожиданно вклинился Максим, – могу дать прослушать.

– В темпе вальса. – Ромыч хрустнул пальцами. – Не хватало нам еще на них время потерять...

В планшете Покрышкина что-то запиликало, активизировался проигрыватель.

– Мне нужны гарантии, – произнес хриплый незнакомый голос.

– Безусловно, я их даю, старейшина... – Леша вздрогнул, узнав в отвечающем Константина Бескровного. – Как только мой кортеж достигнет границ Омской области и наблюдением займутся ваши западные братья, вы получите программу.

– Чистую программу? – с легкой злостью поинтересовался адист.

– Разумеется. Без малейших примесей игры или подobia социальных сетей. Кристально-чистый продукт для укрепления веры, можете мне поверить...

– Четыре поста до границы, – не меняя тона, сварливо перебил его сектант, – много людей не дам, мы понесли потери. Устроит?

– Более чем, – согласился Бескровный, после чего запись прервалась.

– Вот ведь суки. – Лысая голова качнулась, а кулаки бандита сжались, хрустнув. – Продались за тридцать серебреников!

– Идея выдвигаться с интервалами была не лишена смысла, – совершенно ровно, будто и не слушал запись, констатировал Покрышкин, – иначе нас бы уже давно раскрыли...

– Это последняя нешифрованная запись, что мне удалось добыть, – добавил Максим из динамиков, – после этого экипажи адистов ушли на закрытые линии. Мы и за нее-то должны быть благодарны Алексею, я смог обнаружить разговор путем сложных логистических вычислений, отправной точкой в которых была собственность электромобиля на заправке.

– Да насрать, что последняя, – небрежно бросил Ромыч, – чо нам надо, мы уже знаем. Братва, план меняется, – это он уже говорил в передатчик, сообщая приказ всему их боевому отряду...

– Что вы намерены делать? – Максим, казалось, был все еще озадачен.

– Четыре поста до границы с Омской областью, – бандит прикрыл передатчик рукой, обращаясь к АйПи-планшету, – значит, одна где-то у Ивановки, это прямо на западной границе. Вторая, скорее всего, между Чанами и Татарским. Если первая ближе к городу, то это в районе Чулыма, ее мы уже проскочили. Значит, это второй пост на участке Барабинск – Убинское. Учитывая, что перехват собирались устроить как раз здесь, нам этот пост вообще никуда не уперся...

– Будем устранять? – внезапно поинтересовался Желудь, продемонстрировав почти полное отсутствие акцента. Автомат, стоящий у ног боевика, как живой, прыгнул в широкие ладони.

– Будем. – Ромыч убрал руку, снова обращаясь к передатчику. – Внимание, всем машинам. Первая уходит на заданную точку, фургон догоняет в гордом одиночестве. Мои координаты сейчас вам сбросят, третья машина живо летит ко мне. Вопросы есть?

Вопросов, как можно было догадаться, не последовало. Через несколько минут по трассе мимо их машины тяжело промчался длинный фургон со снаряжением. Почти сразу после обгона неподалеку у обочины притормозил черный как смоль джип с боевиками.

За бортом уже вовсю царило утро – яркое, жаркое, солнечное и лучистое, оно все порывалось прорваться внутрь, но системы кондиционирования отбрасывали его прочь. Матвеев, за городом не бывавший давно, с легким любопытством рассматривал поникшие от жары березки и влажную дымку, стелящуюся над дальними пожухшими полями.

– Ну и что вы предлагаете, – выбрасывая окурочек в щель окна, поинтересовался Покрышкин, – вернуться на заправку и всех перестрелять?

– А хоть бы и так, – грубовато парировал Ромыч. – Я этих гнид давил всю жизнь и

давить буду, а тут повод такой...

– Автокараван моего брата стартовал с исходной точки, – Максим в очередной раз будто зачитал сводку с фронта, заставив сердце Матвеева тревожно сжаться, – ничего необычного, все в рабочем режиме... Ориентировочное время прибытия – один час сорок пять минут от точки отсчета.

В салоне одновременно пикинули сразу пять хронометров, запрограммированных Максимом перед походом на трассу. Покрышкин что-то пробормотал сквозь зубы, а Ромыч сочно выругался, не стесняя себя в выражениях и фантазии.

– Гасить надо, – со знанием дела пробубнил Желудь, грея автоматное цевье в руках, – и побыстрее...

– Завали пасть, умник! – рыкнул Ромыч, но беззлобно, задумчиво. – Надо, сам понимаю. – Он взглянул на Покрышкина через зеркало заднего вида.

– Мы в этом участия не принимаем, как догадываешься, – словно в ответ на его незадачный вопрос, ответил Павел, прищуриваясь.

– Да и не надо, – отмахнулся лысый, – сами как-нибудь... только вот как?

– Машины адистов покинули заправочную станцию, – вклинился Максим, – движутся на запад, ориентировочное время прибытия – восемь минут.

Ромыч выругался снова, жажнув кулаком по бортовой панели. Санек, покорно ожидающий приказов за рулем, скривился, но смолчал.

– Сейчас будут проверять дорогу, – немигающими раскосыми глазами глядя за окно, пробасил Желудь.

– Заткнись, я сказал, – бросил вожак, на этот раз со злостью. – Валим в кювет. Саня, сможешь вон за тем бугром машину спрятать, а потом обратно на насыпь выбраться?

– Без проблем.

– Тогда газуй, братуха! Вторая машина, на связь! – В ухе Ромыча что-то прошипело. – За нами в кювет пулей. Выползаем по моей команде, идем на перехват легковой и минивэну...

– Максимка? – Покрышкин, сонно наблюдающий за суетой, негромко обратился к планшету.

– Да, Павел? – Бескровный был вежлив и предупредителен, как хороший дворецкий.

– Ты вроде говорил, что можешь почти столько же, сколько твой шизанутый братец?

– О чем ты, Павел? – Казалось, он обиделся на тон Покрышкина. – Конкретизируй вопрос.

– Сможешь взять под контроль систему переговоров адистов? Чтобы захватить сигнал «СОС», подделать его и отправить дальше, пока наши новые друзья будут разряжать магазины?

– Мне это под силу, – после секундного замешательства произнес Максим, причем на этот раз не в динамики, чтобы не отвлекать Ромыча, а через планшет. – Начинаю заниматься...

Джип тяжело сполз с насыпи, пыля из-под колес, людей в салоне качнуло, бросило друг на друга. Одна за другой две широкие черные машины свернули за бугор, шумно хрустя сухой бледно-зеленой травой.

– Не глушить моторы, – приказал лысый, вглядывающийся в сторону города, – кажется, вижу... Ильюха, вы пристраиваетесь слева, мы справа, нагоняем и бьем прямо на бегу, ясно? – он шептал в передатчик, уже не скрывая азартной дрожи в голосе. – Сначала заднюю, потом первую. Если оторвется, его наши встретят километров через двадцать...

– Караван Константина покинул Академгородок, движется к Речному вокзалу, – вмешался Максим, но на этот раз Покрышкин нахмурился.

– Не сейчас, дружок, под руку не надо... делай свое дело, а про братца скажешь, когда совсем рядом будет, ладушки? – И добавил Леше, наклонившись к самому уху: – Когда стрелять начнут, ты не ссы чуть ниже на креслице сползти, хорошо? Нам лишние дырки совсем ни к чему, ордена в них не вставить...

В ответ Леша только кивнул, не отрывая взгляда от пустынной трассы, уже начинающей легко дымиться под жарким солнцем. Теперь он видел две черные точки, приближавшиеся с востока. Адисты, служители Господа, продавшие его Врагу...

Когда электромобили сектантов оказались почти там, откуда бандитские машины сползли в кювет, Ромыч отдал приказ на старт. Рывкнул так, что Матвеев чуть не подпрыгнул на месте, и оба джипа тут же взревели гелиоэнергетическими движками, взлетая вперед и вверх.

– Блокада осуществлена, – сквозь рев моторов услышал Леша голос Максима, – нам ничего не угрожает...

Один за другим, будто охотящиеся касатки из-под волн, джипы прыгнули на асфальт шоссе, пристраиваясь в хвост проскочившим машинам адистов. Заюзили, чуть не потеряв управление, но оба – словно по команде, тут же выровнялись, принявшись стремительно нагонять. Кто бы ни управлял вторым джипом, водил он явно не хуже хладнокровного Санька...

Машина Ромыча прижалась к правому краю трассы, ее напарница начала заходить слева.

– Открывай калитку, Саня, – процедил Ромыч, поднимая короткоствольный автомат, – и уж не серчай, ушки-то тебе заложит...

Адисты, конечно же, сразу заметили внезапную погоню. Может быть, еще на подходе, когда джипы рвались к трассе, пыля некошеной травой, но сделать все равно ничего не успели – связь барахлила, и определить, ушел ли их торопливый сигнал тревоги к адресату, не представлялось возможным.

Вторым шел фургончик, мучительно старавшийся выжать из своего двигателя больше, чем тот был способен даже в молодые годы. Катящаяся перед ним легковушка, несколько раз вильнув по асфальтовой ленте – видимо, с перепуга, – неожиданно пошла в отрыв.

В этот момент бандиты начали стрелять – Желудь в открытое окно слева от Матвеева, Ромыч через окно водителя, держа автомат чуть ли не под носом у Санька. Салон мгновенно наполнила жара и нестерпимый грохот, от которого сразу заложило уши.

Уже сползая под сиденье и стряхивая сыпавшиеся сверху автоматные гильзы, Алексей разглядел, как покрываются пулевыми отверстиями ободренные борта фургончика, как лопаются стекла и покрышки, как вторят автоматам Ромыча и китайца стрелки из второго джипа. Оттуда били чуть более сдержанно, чтобы не зацепить своих, и немного приотстали, чтобы не влететь под перекрестный огонь.

Затем широкая спина Желудя скрыла происходящее от глаз Матвеева, и он просто сжался в комок, ожидая конца. Покрышкин, искоса наблюдая за перестрелкой, был неподвижен. И то, что Леша сначала принял за ленцу и равнодушие, вдруг открылось умело скрываемой яростью.

Только сейчас Алексей заметил, как взбешен и взвинчен его шеф. Наблюдая за гибелью сектантов, он, казалось, был готов хоть сейчас выпустить на волю «Грача», дав Ромычу в затылок пулю, а затем без раздумий прикончив и Желудя, и водителя-Санька. Но шеф держался, и его молодой напарник еще раз удивился силе, живущей в этом непростом человеке с присвоенной фамилией...

Затем за окном что-то хлопнуло, потянуло дымом, раздался скрежет и грохот. Ромыч, торопливо меняющий автоматный магазин, что-то кричал в передатчик, но уши были заложены, и Леша разбирал лишь обрывки:

– ...второй... потом... кончать...

В этот момент лицо Ромыча сияло таким ликованием, что Матвеев невольно сморщился, даже не пытаясь представить себе, что происходит в душе головореза. Вероятно, некоторых не спасти от самих себя даже самой качественной литературой, подумалось ему, а затем из легковушки адистов принялись отстреливаться. Из пистолетов и малозарядных охотничьих ружей, но сектанты все же решились дать бандитам отпор...

Желудь даже взвыл от восторга, когда несколько пуль пробили крышу над его головой,

едва не зацепив ухо. Бросил пустой теплый магазин прямо на колени Матвеева, перезарядил оружие, высунулся в окно почти до пояса.

Санек вел уверенно и твердо, вторая черная машина не отставала, и боевики махом взяли легковушку в плотную коробку. Опять начали стрелять, но теперь Леша уже не слышал выстрелов – словно в кинозале, он наблюдал за вспышками и летящими гильзами, чувствуя, как джип чуть гуляет по дороге...

Легковушка последователей Святой Ады Кинг не взорвалась. Когда автоматная пуля наконец нашла ее водителя, она лишь завилела, сбросив скорость, и уныло скатилась с дорожной насыпи, гулко ударившись обо что-то бампером. Оба бандитских джипа, почти не изрешеченные в ответ, тут же остановились. Захлопали дверцы.

Конечно, Алексей догадывался, что сделают люди Ромыча, обнаружив в салоне раненых сектантов. Но верить не хотелось. Вслед за Желудем выбравшись под удушливое солнце, он подумал, что сейчас его вырвет, но тошнота так и не пришла.

Как оказалось, Покрышкин тоже вышел наружу, обогнул джип, заставил напарника выпрямиться, внимательно взглянул в глаза. Где-то там, за спиной, захлопали одиночные выстрелы, и Леша дернулся было посмотреть... но шеф держал мертвой хваткой, не давая даже пошевелиться.

– Ты нормально, старина? – Голос Павла долетал из дали, укутанной ватным одеялом. – На-ка, дерни, сейчас тебе не помешает.

В губы Матвеева ткнулась прикуренная сигарета, и он машинально затянулся. Думал, будет только хуже, а может быть, и выполощет, но вместо этого лишь легко закружилась голова, а сознание внезапно прочистилось. Все еще не оборачиваясь, Леша слышал, как Ромыч возбужденно отдает приказы.

– Вы возвращаетесь назад, чтобы этого фургона на трассе не было через двадцать минут. Огнетушители наши возьмите, да. Хоть метлы в зубы, но к исходу часа на дороге не должно быть ни битого стекла, ни покрышек, ни гильз – чтобы все подчистили. Потом мчите на эту заправку, что видели... «Кристина», точно! Моего сигнала не ждать – появится цель, двигать за ней на дистанции. Коля, алло? Да, мы пошумели, справились уже. Гони сюда, нужны люди. Нет, фура пускай ждет, нам тут нужно следы подобрать... Да, прямо сейчас и все вместе.

– Полегче тебе, я погляжу? – поинтересовался Павел, и Леша обнаружил, что тот все еще держит его за плечи. – Ты, Лешка, главное, это к сердцу не бери, понял меня? – Он говорил тихо, чтобы слышали только двое. – Нельзя по-другому было, понимаешь? Я сам себя последней сукой ощущаю, но нельзя иначе... Ты же знаешь, что такое Костя этот. Понимаешь, что никакими государственными механизмами его не остановить? А потому не бери к сердцу, Лешка, не бери. – Шеф болезненно прищурился, покачал головой, провел ладонью по коже шлема. Вздохнул. – Эх, словно собственную совесть уговариваю...

И прислонился к теплому борту джипа, закуривая еще одну. Так они и стояли вдвоем, щурясь от солнца и дыма, а в кювете люди Ромыча катили искуроченный пулями остов легковушки к ближайшей рошце.

– Сигнал адистов был подделан и передан адресату, – отчитался Максим из АйПи-планшета, точно уверенный, что его слышат. – Роман проинформирован, Валерий Валерьевич тоже. Все идет в рабочем режиме, мой брат не подозревает, что его наблюдатели на этом участке трассы устранены.

Бескровному никто не ответил, до того было гадко на душе...

Вторая машина совсем сразу унеслась в сторону города убирать с трассы взорвавшийся фургон, но минут через пятнадцать к месту боя приблизился третий джип. Не снижая скорости, скатился с дороги, догнал в поле людей, чуть ли не на руках уносящих прочь расстрелянную машину. Зацепили за трос, рванули в сторону леска с утроенной скоростью. В легковушке, это можно было рассмотреть, если приглядеться, безвольно болтались четыре тела.

Управились за полчаса, в которые мимо припаркованного на обочине джипа

пронеслась только одна почтовая машина и две продуктовые фуры. Дневная трасса, предварительно подчищенная Максимом, была пуста, продолжая нагреваться под солнцем, как сковородка. Покрышкин и Матвеев давно погрузились в салон, задраили окна, включили кондиционеры. Пороховая вонь упорно не хотела выветриваться, щипля за нос. Уши отложило, слух возвращался, но разговор не клеился, и напарники молча смотрели по сторонам...

Бандиты вернулись на трассу усталые, запыленные, но довольные собой и все еще полыхающие горячкой боя. С натугой выбрался из кювета третий джип, помогавший прятать в лесу машину адистов. В салоне опять стало шумно, суетно, накурено, запахло потом. Делились впечатлениями, перебивая друг друга и хохоча, повторно отчитались Валерию Валерьевичу. Как понял Леша из этого безумного диалога, у людей Ромыча потерь не было, только одному из второго экипажа руку задело, зато сами бойцы Капканова отправили в преисподнюю сразу восемь «нехристей».

«Еще восемь жизней на алтарь нового Бога», – мучительно катал мысли Матвеев, стараясь не прислушиваться к разговору. – Восемь заблудших душ, чьи жизни он не только не спас, но и обрек на гибель. Жертвы Хрустального Бастиона. Это необходимо остановить. Здесь, сейчас, в этот день и никак иначе.

Уловив метания напарника, Покрышкин твердо сжал его предплечье, заставив разорвать мрачный круг самобичевания. Неотомщенным не останется никто.

– Погнали, братва, – отдал приказ Ромыч, курящий с таким удовольствием, словно только что не убивал людей, а занимался сексом.

Машины развернулись, устремляясь на запад. Обернувшись через плечо, Леша с удивлением обнаружил, что следов погони и короткой перестрелки действительно незаметно. Только воронье и жадные до падали лисы станут последними провожающими тех, кто остался в старенькой разбитой легковушке...

Встречать было решено на подходе к почти обезлюдевшей Кожурле, километрах в пятнадцати от места, где люди Капкана расправились с адистами. В условленной точке джипы дожидалась фура, отогнанная с дороги вниз, почти в открытое поле. Вокруг грузовика мельтешило несколько человек, вились сигаретные дымки. До ближайшей деревни далеко, милиции нет, однако и для полноценной засады место было не самым подходящим – удачных поворотов шоссе М51 почти не имело, вокруг раскинулись поля, усеянные редкими рошицами, да где-то слева тянулась нитка железной дороги. А ведь когда-то тут были болота, куда хватало взгляда...

Джипы спустились с насыпи, подкатили к дремлющему грузовику. Экипажи выбрались наружу, делясь впечатлениями с теми, кто не принял участия в деле. Ромыч и Покрышкин ушли в тень от фуры, что-то изучая на планшете. Заставив себя, к ним присоединился и Алексей.

– ...очное время прибытия – сорок минут, – услышал он отчет Максима, пока никак не прокомментировавшего перестрелку с сектантами. – Мы правильно сделали, выдвинувшись заранее...

Леша хотел было крикнуть в микрофоны планшета, что это не «мы», а они только что стреляли и убивали, не отсиживаясь в красивом мире искусственной реальности, но смолчал. Стиснул зубы, подошел ближе, рассматривая сухую траву под подошвами ботинок. Пахло жаркой свежестью и зноем, где-то в соседнем леске каркали вороны.

– Солдаты «Игрополиса», – это вам не религиозные фанатики, – жуя травинку, вслух размышлял Павел, рассматривая карту, – они знают, с какой стороны у автомата спусковой крючок, да и тактике обучены. С такими нападение из-за бровки не прокатит. Скинут машины сопровождения прикрывать, тем временем контейнер с мозгом уйдет в отрыв...

– Вообще-то изначально план был именно таков. – Ромыч бросил окурочек в траву, старательно затоптав. – Есть свежие идеи?

– Видимо, да... – Покрышкин достал из кармана солнцезащитные очки, надел. Потер гладко выбритую щеку. – От идеи с параллельным преследованием и огнем на ходу придется

отказаться. Посмотрел я, как твои парни патроны тратят, так нам Бескровного не остановить. Разгружайте фургон и выбирайте самого хладнокровного из водил.

Ромыч покривился приказному тону Павла, но возражать не стал. Коротко посоветовался с Капканом по АйПи-фону и отдал приказ разгружать.

С гудением задняя часть фуры принялась опускаться, превращаясь в пологую аппарель, и глаза Матвеева полезли на лоб. Конечно, он предполагал уровень финансовой и материальной оснащенности отряда Капканова, но того, что находилось в недрах грузовика, угадать не смог.

Одна за другой из душного жерла контейнера на сухую траву съехали три электромобиля – темно-серые, обтекаемые, по вместимости не уступающие обычным боевым джипам братвы. Леша с интересом наблюдал за машинами, обнаруживая особенности конструкций, никогда ранее не виденных им в реальной жизни. Смутная догадка шевельнулась в сознании, но так и не сформировалась в озарение, и он лишь кружил вокруг обтекаемых болидов, с любопытством рассматривая знаки на капотах – поделенный на четыре сектора сине-белый круг.

А затем Павел принялся воплощать в жизнь свой план, и Матвеев был вынужден последовать за остальными – на разогретую трассу, ведущую из Новосибирска в Омск, прямую, как выстрел из рельсового ружья.

Когда до ориентировочного времени прибытия Константина оставалось не более четверти часа, черные пыльные джипы были подняты на дорогу. Поставлены нос к носу, перегораживая проезд. Перед машинами, поблескивая свежей смазкой, расстелилась широкая полоса железных шипов. Фура, неуклюже подкатившая к насыпи, смотрела на шоссе сбоку, будто длинная собака, готовая перепрыгнуть барьер. За рулем грузовика сидел сам Санек, личный водитель вожака.

– Твои люди не должны прятаться за баррикадой, – наставлял Покрышкин, и Ромыч внимательно слушал, потирая смазанную кремом лысину. – Пусть лягут вдоль дороги тут и тут. – Павел чертил прутиком в пыли. – Это не даст им возможности палить друг в друга. Огонь сосредоточить по колесам и бакам. Тяжелая артиллерия отработает по машинам сопровождения...

В который раз Алексей слышал, как в рядах бандитов раздаются недовольные голоса – бойцы хотели взять на операцию хоть одного боевого робота, совершенно не понимая кроющейся за этим опасности. Павел это ворчание упорно игнорировал, ничего не говорил и лысый вожак.

– А может быть, – неуверенно встрял в беседу Леша, невольно вспоминая лесть Максима, – лишние машины тоже в баррикаду подогнать? Будет четкий заслон, никакой фуры не прорваться... Чтобы надежнее было...

На него посмотрели, как на умалишенного, и он мигом умолк, проклиная себя за храбрость. Убедившись, что больше толковых мыслей никто озвучить не желает, командиры продолжили обсуждение.

– Замыкающая машина должна подпереть коробку, когда они увязнут в джипах. – Дальше чертил Покрышкин в пыли. – Но близко пусть не подходят. Уверен, что фургон бронирован, так что снаружи нам его не взять – единственная надежда на остановку и штурм.

– Сам-то пойдешь? – вдруг с легкой насмешкой спросил Ромыч, прерывая. Замер в ожидании, чуть ухмыляясь, и Леша удивился, как его шеф сдержался, чтобы не выбить бандиту передние зубы.

– Пойду, – просто ответил тот, блеснув стеклами очков – глаз не разобрать. И тут же обернулся, обращаясь к напарнику: – Лешка, дуй к машинам. – Он дернул подбородком в сторону свинцовых болидов, стайкой греющихся на солнце.

– А может?..

– Это приказ, – больше не глядя на парня, отрезал Покрышкин, и Матвеев устало поплелся прочь с насыпи.

В спину смотрели бойцы, но Леше было плевать на их презрительные многозначительные взгляды. Ему было горько за происходящее, обидно за дурацкое предложение выставить резервные машины в кордон и очень жарко.

Стрелки Ромыча один за другим залегали вдоль дороги, обмениваясь шуточками и дурачась. Солнечный день, в котором многие погибли и многим это только предстояло, набирал свою силу.

– Готовимся! – Теперь мягкий голос Покрышкина был слышен всем – каждый без исключения боец отряда вставил в ухо передатчик, работающий на зашифрованной Максимом волне. – Объект в зоне видимости.

Матвеев глубоко вздохнул, втягивая в легкие вкус пыли, солнца и травы. Минута, которой они с таким напряжением ожидали, неумолимо приближалась. Максим что-то сказал про оставшуюся дистанцию, но на этот раз Леша не расслышал – и от волнения, и от того, что теперь собственными глазами видел приближающийся автокараван.

Ехали быстро, наплевав на ограничения скорости и разбитое непогодой полотно трассы. Впереди шли две машины – вместительные полноприводные электромобили, подозрительно напоминающие машины людей Ромыча. Черные, угловатые, они катились перед фурой одна за другой, не разрывая дистанцию и не меняя скорости даже на самых ощутимых буграх и выбоинах. Третья машина пристроилась сзади, несясь в хвосте грузовика, будто тень. Фургон для ученых – передвижной и неуютный дом на колесах, плелся позади, – казалось, его судьба телохранителям Бога глубоко безразлична.

А личный транспорт безумца больше походил на космический корабль, чем на обычную грузовую машину. Матвеев даже невольно присвистнул, с прищуром наблюдая, как солнышко играет на никелированных трубках охладительных систем, радиаторе гелиодвигателя и просторном контейнере, не имеющем ничего общего с обычными длинномерами, как, например, транспорт Капканова. Казалось, что над созданием фуры трудились не только инженеры и программисты, но и изрядное число дизайнеров, удовлетворявших тщеславие Константина. И это, с точки зрения Бескровного, называется незаметным перемещением по дорогам страны?

– Огонь по моей команде. – Голос Покрышкина в ухе прервал задумчивый транс Алексея, и он вздрогнул. Между караваном кандидата в Боги и перекрытым участком трассы оставались считанные сотни метров. – Желудь, бей по самой первой машине.

Сначала Матвеев думал, что охрана Бескровного что-то предпримет. Например, остановится, вступит в бой и попытается расчистить кордон. Может быть, рискнет обходить по бездорожью, чтобы сохранить колеса. Но ни электромобили охраны, ни сам передвижной саркофаг Константина и не подумали сбросить скорость, и Леша невольно сжал кулаки.

Сманеврировал только отставший фургон прислуги – завихлял, загнанно дернулся в кювет. Тяжело перевалив через бровку, передвижной дом скатился в поле, испуганно поколесив прочь прямо по траве.

В эту же секунду караван начал перестраиваться. Вторая машина чуть отстала и плавно ушла в левый пеленг, словно становясь ведомым в паре истребителей. Первая сместилась чуть правее, почти к самому краю широкой трассы, одновременно открыв сразу все двери, кроме водительской.

Безусловно, и Матвеев, и люди Капкана ожидали хорошей подготовки противника, но пока увиденное больше напоминало профессиональную вольтижировку, и Леша еще сильнее сжал пальцы. Бойцы с заднего сиденья стояли на подножках в полный рост, целясь по курсу из короткоствольных автоматов поверх бронированных дверей. Сосед водителя присел на колено, выставив оружие в приоткрытое тонированное окно. Не снижая скорости, огневая точка приближалась к позициям бандитов, готовая бросить в засаду поток шквального огня.

– Желудь, давай! – скомандовал Павел, когда противников разделяло не более четырехсот метров.

Со своего позорного наблюдательного пункта Алексей, словно криминальный князь Болконский, вынужденный прозябать в тылу от малодушия и приказов, видел все, будто на

ладони. Метров пятьдесят от трассы, не больше, жаркий воздух чуть скрадывает четкость очертаний, солнце заставляет морщиться и надевать очки, но лучшего места для наблюдения за боем и не найти. Справа от него расположилась засада, слева стремительно приближался караван. Прямо по центру Матвеев разглядывал зад бандитской фуры, рычащей включенным мотором.

Поэтому он хорошо различил, как поднимается из-за края дороги коренастая фигурка китаец. Как тут же опускается на колени, прицеливаясь, а затем покрывается легким облачком белесого пара, и от Желудя в сторону машин Бескровного тянется тонкая дымная лента.

В первой машине, изготовившейся к огню, ракету заметили слишком поздно. Попробовали вильнуть, уходя влево, затем, наоборот, бросили электромобиль к правому краю, пропахав пыльную бровку. Стрелки мигом исчезли в салоне, торопливо захлопывая дверцы. Не помогло. То ли китаец бил метко, то ли сработала система наведения, причем не без помощи Максима – Леша так и не узнал. Но венчающая дымную струю ракета ударила точно в движок первой машины, взорвавшись сочно и ослепительно ярко.

Ведущий легковой броневик на секунду исчез в этой вспышке, окутанный пламенем и дымом, но только для того, чтобы через мгновение вынырнуть из нее – Алексею показалось, что мчащуюся на всех парах машину кто-то всесильный сверху дернул за веревку, заставив подлететь на несколько метров, перевернуться, а затем грохнуться обратно на асфальт, дымясь искореженными обломками. Все это произошло так быстро и неожиданно, что Матвеев даже подпрыгнул, от волнения сцепив пальцы обеих рук.

В ведомой машине не растерялись. Притормозив буквально на мгновение, ее водитель умело перестроился, так безразлично и плавно обогнув догорающие остатки броневика, словно имел дело с дохлой собакой, а не железным гробом, полным коллег. Фура, словно приклеенная, сантиметр в сантиметр повторила маневр, огибая горящую грудку железа. За ней место взрыва проскочил замыкающий броневик.

Оставшиеся триста метров караван проглотил так стремительно, что только потом Алексей смог, по крошечным пазлам памяти собирая картину, восстановить произошедшее.

На ставшей ведущей машине открылись двери, и автоматчики в одинаковой темно-синей форме заняли стрелковые позиции, тут же открыв огонь по перегородившим дорогу джипам.

– Огонь, – в эту же секунду скомандовал Покрышкин, и им в ответ застрекотали бандитские автоматы.

Машина покрылась короткими искрами попаданий, несколько пуль угодили в бронированные колеса, и броневик чуть повело по дороге. Заметив лежащих вдоль дороги стрелков, бойцы Бескровного начали бить в ответ, и Матвеев ахнул. На такой скорости, стоя в открытом дверном проеме, они умудрились стрелять метко и сокрушительно, будто в тире. Получив пулю, над краем дороги вскинулась одна фигурка бандита, покатила с насыпи. За ней вторая, третья. А люди Ромыча смогли вывести из строя только одного охранника, торопливо юркнувшего обратно в бронированный салон.

В хвосте каравана показался третий джип Капканова, преследующий кортеж от «Кристины». Теперь в выдерживании дистанции не было никакого смысла, и из окон машины по замыкающему броневiku начали лупить из автоматов, что-то крича и матерясь.

Грузовик Санька тут же пришел в движение, неповоротливой гусеницей ползя к дороге, и только сейчас Леша понял замысел своего шефа. Санек разгонялся, по довольно пересеченной местности, но опыт и умение сделали свое дело – даже за оставшиеся до насыпи метры облегченная от груза фура набрала изрядную скорость, готовая взлететь на полотно и протаранить приближающийся грузовик Бескровного.

С насыпи продолжали стрелять, но ведущая машина каравана уже проскочила стрелков, на полной скорости врезаясь в баррикаду. Перед самым столкновением охранники попрятались в салоне, а потому в стоящие на дороге джипы бронированный электромобиль влетел темной пулей, не сбавляя газа.

Удар был сильным, почти таким же громким, как взрыв ракеты. Джины бандитов раскидало в стороны, словно картонные макеты. Один отлетел недалеко, грузно сползая задом в кювет, но второй основательно подбросило в воздух, крутанув и отшвырнув в кусты.

С визгом, фонтаном искр, хлопками пробитых шин и металлическим лязгом броневик охраны принялся наматывать на мосты железные шипы. Пронесся еще метров двадцать, завалился на правый бок, какое-то время эффектно балансируя на двух колесах, а затем вдруг не справился с управлением и нырнул с дороги, будто с трамплина. Машину завертело в воздухе вокруг своей оси, и она увесисто приземлилась на крышу, еще добрый десяток метров вспахивая сухое поле искореженной броней.

Все это Матвеев увидел мельком – одной большой вспышкой, пока не укладывающейся в сознание. Перевел взгляд влево, где из засады вовсю поливали огнем приближавшуюся фуру. Грузовик, как это можно было угадать, тоже был бронирован, а потому вовсю искрил попаданиями, но курс упорно не менял. Единственное, что удалось сделать людям Ромыча и Покрышкину, это пробить пару колес на заднем, тройном мосту необычного контейнера.

Третий броневик Бескровного тем временем пошел на обгон. Фура плавно взяла влево, прижимаясь к краю шоссе, а легковушка проскочила вдоль фургона, будто бы совершенно не обращая внимания на висящий в хвосте джип бандитов. Те вильнули, чуть не врезавшись в догорающие остатки взорванной Желудем машины, потеряли скорость, а у одного из бандитов от рывка даже выпал из рук автомат. Этой задержки охранникам Константина и хватило, чтобы уйти в отрыв, обгоняя бесценный грузовик.

Сначала Матвеев не понял, который именно хотели сделать охранники. Баррикада была разметана, железная лента шипов убрана с асфальта, намотанная на днище второй машины сопровождения. И лишь переведя взгляд на грузовик Санька, с ревом вылетающий на трассу под прямым углом, Леша сообразил. Приоткрыл рот, невольно издав протяжный звук, но сделать уже ничего было нельзя.

Разогнавшись до предела, что позволял гелиоэнергетический двигатель, явно изготовленный по заказу, броневик прыгнул вперед. В другой момент Леша бы отдал должное и профессионализму водителя, сумевшему задать своей машине верную траекторию, и храбрости сидящих внутри бойцов, решившихся на такой отчаянный поступок за считанные секунды. Но в разогнавшемся броневике находились их противники, враги, слепцы и безумцы, а потому Матвеев не испытал ничего, кроме злобы и отчаяния.

Санек уже вырывался на дорогу, прицеливаясь точно в скулу приближавшемуся грузовику Бескровного, как тут ему самому в левый борт ударило что-то тяжелое, стремительное, мощное и агрессивное. Наверное, он так и не сумел понять, что произошло, когда машина охраны прыгнула над краем насыпи, влупив в кабину бандитского грузовика двумя тоннами бронированного железа.

Новый оглушительный удар поглотил вскрик Матвеева, бессильно наблюдавшего за аварией. Броневик смел фуру с насыпи, как профессиональный хук сметает с ринга зарвавшегося новичка. Грузовик завалился на правый бок – сначала сам, потом и фура для перевозки электромобилей, а из кабины, будто брошенный дротик, так и торчала искореженная машина охраны. Секунда-другая, и все вспыхнуло, в одночасье превратившись в братский крематорий.

А затем рвануло так, что Алексею показалось, будто сработал боевой орбитальный спутник, управляемый одним из братьев Бескровных. Уже потом ему сказали, что в грузовике Санька взорвались резервные запасы бензина, которые забыли разгрузить, но это произошло позже – а сейчас Леша был уверен, что по бандитской засаде ударила дальнобойная артиллерия.

Взрыв смел с обочины ближайших стрелков, основательно качнул на колесах фуру Константина, выплюнул в ясное осеннее небо столб удушливо-черного дыма, охватил обломки жадными щупальцами пламенных языков.

Третий джип Ромыча, преследовавший отчаянный броневик, бросило в сторону, закрутило по дороге, оттолкнуло в кювет. Водитель, ослепленный и шокированный взрывом,

попытался справиться с управлением, почти выровнял машину, но все же не удержал, и джип ухнул под насыпь, едва не перевернувшись.

Посреди этого ада и хаоса, словно сверкающий сказочный Феникс, выплывал грузовик Бескровного. Клубы дыма вихрились вокруг высокой машины, оббивали колеса, не давали солнцу бликовать на никеле труб. По фуре еще пытались стрелять, но теперь уже редко и неприцельно. Обогнув место страшного взрыва, где его люди пошли на крайние меры, чтобы защитить хозяина, Константин беспрепятственно миновал место баррикады, прибавил скорости и понесся в сторону Омска.

– Твою мать... – Леша услышал себя со стороны, забыв, что подключен к единому каналу связи.

И тут же сообразил, что все это время в его ушах что-то кричат, приказывают и ругаются – остатки этих воплей, стонов и проклятий и сейчас бились где-то на зашифрованных волнах. Что-то командовал Покрышкин, ему вторил Ромыч, о чем-то просили раненые бандиты, пытался вклиниться, оценивая ситуацию, Максим.

Матвеев, не представляющий, то ли ему хватать аптечку и спешить к шоссе, то ли ждать новых распоряжений Павла, заметался между свинцово-серыми машинами, не находя места. А от трассы к нему уже бежали – торопливо, спотыкаясь в высокой жухлой траве, предательски хватающей за ноги.

Первым был Павел, и у Алексея отлегло на сердце – с виду шеф был цел и здоров, если не считать ровного слоя копоти, покрывавшего его лицо, плечи и руки. В левой руке он нес старенький дробовик Мастер-Чифа, по правому бедру похлопывал болтающийся на ремне короткоствольный «калаш».

Стараясь не отставать от Покрышкина, но ощутимо прихрамывая, ковылял Ромыч. Свой автомат он повесил за спину, разодранный рукав кожаной куртки просто вырвал, отбросив прямо на ходу. За вожаком спешили уцелевшие бандиты – четыре человека из вставших кордоном экипажей и еще трое из последнего джипа, нырнувшего в кювет. Ни Желудя, ни Санька среди них видно не было.

Бежали торопливо и целеустремленно, будто намеревались бить Матвеева, и тот от неожиданности сдал назад, прижимаясь спиной к раскаленному серому железу необычных машин.

– Ключи в замках, – процедил Ромыч в ухо Алексея, – Егоров и Тарас, вы останетесь, раненую братву перевязать, прибравшихся собрать и увезти. – Он говорил торопливо, задыхаясь на бегу и морщась от боли в свежей ране. – Потом тачку из кювета дергайте и ходу отсюда, одну машину вам оставим...

– Я смогу дезинформировать правоохранительные органы еще не более получаса, – вмешался Максим, голос которого был бесцветен и скуп. – Постарайтесь уложиться в этот интервал, уходите на юг, в сторону Довольного, проселочных дорог в избытке.

– Леша, в машину! – коротко приказал Павел, когда их разделяло не больше десяти шагов.

Матвеев наконец сообразил, зачем уцелевшие в засаде бегут именно к нему, встрепенулся, полез на заднее сиденье ближайшей машины. В нагретом салоне было душно, пахло незнакомо и неприятно. Сам Покрышкин прыгнул за руль, бросая дробовик между сиденьями, а автомат на колени.

Ромыч и еще трое загрузились во второй аппарат, двое оставшихся боевиков нырнули в салон к Матвееву и Павлу. Узкоглазый, больше похожий на корейца, чем на китайца, разместился на переднем пассажирском сиденье, второй – русский, худощавый и подвижный, сел справа от Леша. Принялись торопливо перезаряжать оружие – у узкоглазого автомат, у худого полуавтоматический карабин.

Оставленные на месте боя Тарас и Егоров загружались в третью машину, отправляясь собирать тела и вытаскивать из кювета улетевший джип.

Только сейчас Леша заметил, что тонировка окон совсем не электронная, а потому солнечные лучи врываются внутрь сильнее обычного. Он завертел головой, вдруг понимая,

что не видит многих привычных для электромобилей панелей и устройств, а затем его взгляд упал на приборную панель – необычную, как будто сошедшую с картинок учебника истории.

– Пашка, катал такие? – Казалось, Ромыч сидит рядом, говоря в самое ухо.

– Приходилось, – с придыханием ответил Покрышкин, задумчиво склоняясь под рулевой колонкой и осматривая приборы. Нашел ключ, повернул.

Машина зарычала, словно дикая кошка, сытая, но неукротимая, и Матвеев вздрогнул от незнакомых ощущений. Что-то было не так, но он пока не мог догадаться. За окном лысый Ромыч завел свой агрегат, и Леша с ужасом заметил, как из выхлопной трубы под днищем машины вырвалась струя дыма.

– Ёлки зеленые, – промычал он, не веря глаза, – это ж бензиновые двигатели...

– Они самые. – Ромыч захохотал в ответ, будто бы Матвеев общался с ним, а не с самим собой. – Музейные раритеты, личная коллекция Капкана!

Движок заревел еще громче, Павел пробовал его силы, смакуя каждый рык.

– Погнали! – Болид Ромыча резко развернулся, практически на месте, и Леша вновь поразился мощи канувших в историю машин.

– Это же незаконно... – промычал он, но сидящие в салоне прыснули дружным смехом.

– А то, что мы делали пять минут назад, Леша, и вовсе уголовно наказуемо. – В зеркале заднего вида – обычном, совсем не электронном и не программируемом, отразилась улыбка Покрышкина, ослепительная на фоне закопченного лица. – Ключ на старт, от винта!

– «Бэха» класса «Е-90»! – ликующе возопил Ромыч. Казалось, он только и ждал, чтобы оказаться за рулем незаконной машины. – Вот ведь делали тачки! Объем три тыщи, двести верст схавает просто влет, мы этого мудака минут через десять уже нагоним. Но кто поцарапает – лично пришибу...

Последние слова лысого екнули на прыжке – первая «бэха» взлетела на насыпь трассы, лихо разворачиваясь юзом, с места рванула вперед, разгоняясь с невиданной для Матвеева скоростью. Разумеется, в свое время он повидал техники, работающей на двигателях внутреннего сгорания – на вахтах было множество тракторов или кранов, заменой которых еще никто не занимался. Дымных, коптящих, болезненно бьющих по расплывшемуся нитками озоновому слою. Но чтобы легковая машина, да еще с такими ходовыми качествами...

Его замутило, когда Павел рванул железного динозавра с места, выкручивая руль. Ощущения были совсем не такими, как от езды на электромобиле, пусть даже очень быстром, и Леша невольно прикрыл рот ладонью. Свинцовый кроссовер выскочил на трассу вслед за своим близнецом, разворачиваясь на запад.

– В этих машинах нет достаточных средств коммуникации, через которые я смог бы контролировать ваше передвижение. – Максим вышел на общую волну. Его голос звучал так, словно он вдруг потерял контроль над ситуацией, растерявшись от неожиданности.

– Да и не страшно, Максимка, – недобро усмехнулся Павел, первым ответив Бескровному, – ты с нами просто поболтай...

– Далеко фура? – оборвал обоих Ромыч.

Его машина виднелась впереди, уверенно несясь по трассе с лютой скоростью.

– Полпути к Барабинску.

– Успеем! – Леша воочию представил, как плотоядно оскаливается бандит.

Матвеева вжало в кресло, и он не мог даже представить, какую цифру набирает сейчас на спидометре сидящий за рулем шеф. Мимо, сливаясь в размытое цветное пятно, проносились поля, рощи и заросли кустов.

Видимо, бандитам все же удалось повредить грузовик Константина. А может быть, бензиновые машины и правда обладали мощностью, какую Леша и представить себе не мог. Как бы то ни было, но фуру они нагнали даже раньше, чем через десять минут. Ромыч притормозил, чтобы уменьшить разрыв между кроссоверами, а затем оба свинцовых болида принялись прижиматься к грузовику.

Тот был огромен, вблизи Алексей рассмотрел это в деталях – внутри, надо полагать,

мог бы разместиться небольшой цех. Грузно виляя по трассе, фура принялась лавировать, не пуская легковушки на обгон. словно желая отпугнуть их, грузовик дал длинный, протяжный гудок. Визгливо стонали шины, рычали бензиновые моторы.

Это было похоже на охоту гепардов или волков. Тяжелое и неповоротливое травоядное бежало впереди, не позволяя вцепиться в толстенные бока, а юркие хищники все метились в свободные лазейки, пытаясь вырваться вперед. Делали рывок за рывком, мгновенно сбрасывая скорость, когда неохватная корма жертвы прижимала к обочине, и снова пытались отвлечь, прорваться самому или пропустить напарника.

Из окон машины Ромыча высунулись двое, принявшись стрелять по задним колесам из автоматов. Из «бэхи» Покрышкина, держащейся справа, огонь смог открыть только худощавый с карабином.

Почти сразу стало заметно, что пули не доставляют гиганту каких-либо серьезных неудобств. Павел, даже успевший обнажить пистолет, чтобы тоже сделать несколько выстрелов, только покачал головой, убирая оружие. Продырявленные шины грузовика мгновенно герметезировались, подкачиваясь прямо на ходу, да и не всякая пуля была способна пробить армированную резину.

– Ромыч, нам колеса из стволов не взять, – все пытаясь пролезть в щель между бортом жертвы и обочиной, заговорил Павел. Фура снова вильнула, и он сбросил газ, приотставая. – Надо что-то решать, скоро Барабинск, там он встанет на якорь, посреди поселка даже нам наглости штурмовать не хватит.

– Гранатомет был один, – с ухмылкой протянул Ромыч, но тут же вдруг добавил совершенно серьезным тоном, ничего больше не объясняя: – Братва, пристегнитесь. Ох, Капкан меня порвет... Пашка, отвлеки его, пошел на прорыв. Вы хотели пати? Получите – нате! – Последние слова он уже почти кричал, до пола утопив педаль газа.

Нет, вдруг ударило в голову Матвеева, это похоже не на охоту. Глядя, как слаженно и хищно пытаются раритетные автомобили загнать тяжелую тушу противника, он подумал, что это больше напоминает авиационный бой прошлого века, чем так сладко грезил его шеф. Два истребителя, изнывая от жажды всадить очередь в кабину врага, все вьются и вьются над телом бомбардировщика, подбирающегося все ближе и ближе к намеченной цели. Ревут моторы, пахнет потом и бензином, а за штурвалом сидит настоящий летчик-истребитель в закопченном летном шлеме...

Фантазия со скрежетом распалась, когда бампер кроссовера угодил под колесо грузовика. Лопнуло, щелкнуло, с силой швырнуло в сторону. Павел удержал машину, оттягивая фуру на себя, и в этот момент Ромыч ринулся вперед. Запрещенный много лет назад немецкий двигатель выдал все, на что был способен, и темно-серый болид исчез за левым бортом длинномера.

Покрышкин еще немного приотстал, высокий грузовик качнулся в сторону, словно пытаясь-таки сбить обгоняющего врага в кювет, но затем вдруг споткнулся. Удар, раздавшийся откуда-то спереди, был тяжелым, хрустящим и неприятным до ломоты в зубах. А затем фура вдруг натолкнулась на невидимую преграду и принялась складываться пополам в том месте, где тягач крепился к контейнеру.

Павел, навалившийся на тормоз, едва успел убрать капот машины из-под хвостовой части гиганта, вдруг так невесомо порхнувшей в воздухе. Тяжелейший грузовик, переворачиваясь, словно игрушка, рухнул на бок. По инерции заскрежетал вперед, срывая целые пласты асфальтового покрытия, застонал гнущимся железом. Через какие-то секунды упавший на борт тягач нырнул с насыпи, утягивая за собой контейнер, и тогда тот завалился окончательно.

Лопнули крепежи, с лязгом отрывались колеса, а фургон, хранящий мозг Бескровного, проехал несколько метров на правом боку и замер, дымясь.

Уровень загрузки – 96,6%

Покрышкин остановил машину в нескольких метрах от места аварии, и все четверо

мигом выскочили наружу. Держа опрокинувшуюся фуру под прицелом, медленно двинулись к мятой «бэхе», утянутой грузовиком в кювет. Осторожно спустились с насыпи, и Алексея передернуло. Кроссовер, нырнувший прямо под днище грузовика и заставивший его перевернуться, был искорежен, хоть и стоял на колесах.

Продираясь через траву и ломаные кусты, кореец и Покрышкин принялись расшатывать изувеченные двери, пытаясь открыть. Срывали сработавшие подушки безопасности, с рычанием прорываясь внутрь, как шахтеры, спасающие свою бригаду из-под завала. Матвеев помогал, чем мог, безуспешно сисясь оторвать правую заднюю створку. Худощавый тем временем наблюдал за грузовиком.

Выстрел.

Леша вздрогнул, чуть не упав в траву. Оглянулся, наблюдая, как по кабине перевернутого грузовика сползает чье-то тело. Не отнимая карабина от плеча, худой стрелок двинулся вокруг фуры, высматривая новых выживших. Матвеев приказал себе не забивать голову, принявшись с новыми силами рвать на себя дверь.

Вообще старинная машина удивила его своей прочностью – любое творение современного электропрома просто сложилось бы в гармошку, не рассчитанное на такие скорости. Кроссовер, хоть и был измят, пострадал меньше ожидаемого. Ромыч, залитый кровью с лысой головы до ног, был цел, если не считать огромного рубца на лбу; столь же незначительными травмами отделались и пассажиры заднего сиденья. И только боец с переднего кресла не подавал признаков жизни.

– Нормально, нормально все... – Сидящий у разбитой «бэхи» Ромыч отмахнулся, когда кореец попытался обработать его рану из автомобильной аптечки. – Вы бы лучше фурой занялись, пока ментов нет. Вот было бы здорово упустить педераста, так красиво завалив...

– Это было очень храбро, – негромко обронил Покрышкин, укладывающий на траву потерявшего сознание боевика, – я даже не думал...

– Талалихин, наверное, тоже не много думал, – странно усмехнулся лысый, ложась на землю. – Вали, Пашка, к фуре. Чтобы за всех – и за твоих, и за наших...

Павел кивнул, снимая с бедра автомат Калашникова. Проверил предохранитель, магазин, принялся неспешно подниматься по насыпи. Худощавый с карабином все еще держал грузовик на мушке, но больше никто не показывался.

Матвеев, бездумно оглядев место аварии и окровавленных людей на земле, машинально двинулся за шефом. Пачкая покрытые красным руки в пыли, вылез на насыпь, ощущая разгоряченную пульсацию асфальта. Где-то впереди, километрах в трех-четырех от перевернутого контейнера, виднелись первые домики поселка.

Покрышкин и худой медленно обошли фургон, останавливаясь перед искореженными створками входа. Алексей, чтобы не рисковать, занял позицию чуть в стороне, впервые за время операции пожалев, что так и не осмелился попросить себе оружие.

Затем боец с карабином держал контейнер на прицеле, а Павел повис на гнутых створках, принявшись раскачивать их. Однако большего, чем увеличить образовавшиеся после аварии щели, он добиться не смог.

– Эй, внутри! – он говорил негромко, но Матвеев был уверен, что если в кузове кто-то есть, они хорошо слышат голос Покрышкина. – Забаррикадироваться решили? Глупо... Вы мне не нужны, сами знаете. Открывайте двери и убирайтесь, даю слово, что останетесь живы...

– Пусть валят на хрен. – Раздался в ушах заплетающийся голос Ромыча, и Леша вспомнил, что передатчики все еще работают. – Верно говоришь, Пашка...

– Повторяю в последний раз. – Покрышкин согласно кивнул, будто лысый вожак мог видеть его из-за края насыпи. – Если не откроете фуру, буду бросать внутрь гранаты, пока не захлебнетесь собственной кровью. Считаю до трех. Раз...

Лязгнули засовы, кто-то добавил по ним ногой, чертыхнулся, ударил еще раз. Павел тут же отошел в сторону, поднимая автомат, чуть в сторону сместился и худощавый.

– Не стреляйте, мы открываем, – попросил кто-то изнутри, трогательно добавив, –

пожалуйста...

Одна из створок рухнула под собственной тяжестью, лязгнув по асфальту. Внутри оказалось вовсе не темно – работало аварийное красноватое освещение, и в его свете Матвеев насчитал три фигуры. Они сгорбились под навесными шкафами, стоя на стене контейнера, и Леша не сразу заметил четвертого, которого держали на руках. Светлые рубашки, такие же брюки, поверх всего халаты, местами порванные во время падения. Ученые выбиравались на солнечный свет покачиваясь и морщась, как кроты.

– Не стреляйте, – снова попросил тот, что шел первым. Во время столкновения у него выпала контактная линза, и теперь он прикрывал левый глаз ладонью. – Мы сдаемся...

– Нужны вы мне больно... – Покрышкин не спешил опускать ствол автомата. – Кто еще внутри?

– Никого, – покорно отчитался ученый, – только мы четверо, это стандартная смена для переезда... Остальные во втором фургоне.

– Это правда. – Максим ворвался в разговор довольно неожиданно и грубо. – Но Константин внутри, я точно знаю. Нужно спешить.

На какой-то короткий момент Леше показалось, что он слышит в голосе второго Бескровного азарт, и воспоминания о предательской братской натуре больно хлестнули его по сердцу. Нет, так не может быть, Максим идет на братоубийство не по своей воле, а лишь потому, что испробованы все другие способы. И это не азарт – просто он напуган, возбужден и, возможно, даже винит себя за происходящее...

– Сесть у обочины, вот здесь, – приказал ученым Павел, поведя коротким стволом «калашникова».

Те стадом покорных овец просеменили к краю дороги, откуда за ними могли наблюдать Ромыч и его экипаж. Сели на горячий асфальт, бережно опустив раненого и подложив ему под голову свернутый халат.

– Мы имеем медицинское образование, – неожиданно сказал один из них, совсем молодой, лет на десять моложе Матвеева, – можем помочь вашим раненым... – Он внимательно смотрел вниз, в сторону разбитого кроссовера.

– Да насрать, – ответил Покрышкин, – можете помочь... Дернетесь, будет хуже, а так – помогайте... Ромыч, мы входим.

– Давай, Пашка... Эй, узколобые, а ну сюда идите, раз врачи...

Словно в заколдованный грот или проклятую церковь, входили они, выставив перед собой оружие. Первым пробрался Покрышкин, поднырнув под нависающей сверху второй створкой, за ним худощавый и следом Матвеев. Двигаться приходилось по недавней стене, перешагивая через опустошенные аварией стеллажи, шкафы и встроенную технику. Держались правой стены, еще четверть часа назад бывшей потолком.

И вскоре, миновав шлюз и первый рабочий кабинет, они увидели его.

Иссиня-черный, будто выточенный из обсидиана, цилиндр торчал из стены под прямым углом, посверкивая искорками лампочек и индикаторов. Сантиметров сорок в диаметре, метр высотой. Большинство приборов было уничтожено аварией или обесточено, но Леша мог бы поспорить, что эта камера будет функционировать, даже если грузовик нырнет со скального обрыва.

Наверное, Алексей был готов увидеть мозг, плавающий в чудесном растворе, опутанный сотнями проводков и датчиков, потому что настоящий внешний вид нового божества его несколько разочаровал.

– Ну привет, гнида. – Павел сплюнул на пол, где густым ковром валялись приборы, медицинские инструменты, битые склянки с препаратами и прочая мелочь.

– Здравствуй, Павел, – внезапно ответил динамик над головой Покрышкина, – вы зашли намного дальше, чем я мог предположить. Теперь я жду, когда вы предложите свою...

Павел не дал ему договорить – сделал короткий шаг назад, поднял автомат и одиночным выстрелом уничтожил динамик. От выстрела снова заложило уши, а от внезапного грохота у Леши чуть не подкосились ноги – нервное напряжение брало свое, и он

предпочел ухватиться за край какого-то прибора.

– Верный выбор, – прокомментировал Максим на общей волне, – ему нельзя позволить говорить...

– Завали хлебало, Максимка, – рявкнул на него Покрышкин, – а то раскрошу передатчик.

Ответом была тишина.

– Ну что, Бог? – Павел хрустнул шеей, примеряясь к контейнеру. – Я бы на твоём месте начал молиться. Причем настоящим Богом. Или дьяволам, кому ты там при жизни верил? Потому что совсем скоро твоя душонка отправится прямо к ним...

Он поднял оружие, целясь в черный цилиндр, но Матвеев поторопился шагнуть к старшему напарнику, опуская руку на плечо.

– Не надо, шеф... Он наверняка бронированный, только рикошет будет...

– Угу, – впервые подал голос худощавый, однако же не спускающий цилиндр с прицела, словно тот мог броситься на него разъяренной пумой.

– Хм, и то верно. – Павел кивнул. Обернувшись через плечо, посмотрел в глаза Алексея, благодарно улыбнулся. – Шальные рикошеты нам ни к чему, не будем давать гаду такой радости... – Взгляд его тут же потяжелел, и Матвеев чуть ли не дословно прочитал мысль, мелькнувшую в зрачках шефа. – Значит, сука сгорит. Причем вовсе не в адском пламени...

Он нагнулся, что-то подбирая с пола, какое-то время перебирал обломки под ногами. Нашел, довольно крикнув, и они вышли из темного недра фургона, щурясь от слепящего солнца. Худощавый остался у контейнера, а Павел побрел к своей «бэхе», так и стоящей у обочины с распахнутыми дверями. Внутри хозяйничала жара, но Покрышкину было наплевать. Открыв багажник, он вынул оттуда пустую канистру. С приборной доски разблокировал люк бензобака.

Свою находку – длинный шнур от капельницы – одним концом Павел сунул в бак, другим взяв в губы. Несколько раз вдохнул, еще, еще, а когда из шланчика хлынула струйка, торопливо опустил в раструб канистры. Сплюнул, утирая губы рукавом.

Минуты превратились в часы, пока Покрышкин не решил, что слил достаточно бензина. Поднял канистру, двинулся к перевернутой фуре.

– Знаю, Костик, ты меня слышишь. – Он вошел внутрь, и до Матвеева донеслись звуки расплескиваемой жидкости. – Ну так слушай... Символично, не правда ли? Ты отправляешь человека убить моего друга, и мне приходится сжигать его тело вместе с домом. Он ушел навсегда, оставив слёз на век, как говорил мой друг Егор. А теперь мне приходится делать это с самим тобой... – В голосе шефа появилось что-то надрывное, ненастоящее, словно катящаяся издали истерика. – Ты оценил всю символичность ситуации? Надеюсь, что да... Только вот слез по тебе лить никто не станет, сволочь.

У худощавого зазвонил АйПи-фон. Тот встрепенулся от неожиданности, но тут же аппараты затрезвонили у ученых, затем у стрелков Ромыча, у самого лысого и даже у Покрышкина. У Леши своего коммуникатора не было уже давно, поэтому он просто наблюдал, слушая настоящую какофонию из различных музыкальных звонков и трелей.

Ответить на звонки не успел никто – техника сама включилась на громкую связь, и со всех сторон – из кювета, с обочины, из недр грузовика вдруг понеслось:

– Не надо...

– Я умоляю...

– Все, что пожелаете...

– Мой брат обманул вас...

– Я сделаю все...

– Вы все не так поняли...

– Я прошу вас, не убивайте...

Люди брезгливо выключали АйПи-фоны. Худощавый вообще швырнул свой об асфальт, расколов на куски. Покрышкин, судя по хрусту, сломал в пальцах. Мольбы и

просьбы смолкли, когда свой аппарат последним выключил один из ученых. Над местом аварии воцарилась тишина, теперь кажущаяся какой-то резиновой, ненастоящей и предельно тяжелой.

– Поздно. – С глухим стуком в угол разрушенной лаборатории отлетела опустевшая канистра. Покрышкин вышел наружу, выбивая из пачки сигарету. – Надо было раньше думать, когда в Бога играть начинал... Надеюсь, падла, ты чувствуешь боль...

Он прикурил, отойдя от озаренного красным аварийным светом провала на пару шагов, несколько раз затянулся. Сначала Алексей подумал, что шеф картинно швырнет окурок, заставив салон запылать, но вместо этого Покрышкин поднял автомат. Не выпуская сигарету из губ, он начал стрелять внутрь, не останавливаясь до тех пор, пока внутри что-то не заискрило, а затем раздался легкий хлопок. Бензин вспыхнул, и худощавый с Матвеевым предусмотрительно двинулись от фуры подальше.

– Мастер-Чифу привет, – кивнул Покрышкин, от всей души надеясь, что Бескровный сейчас видит его с одного из своих спутников.

Развернулся, повесил автомат на плечо и пошел прочь от фургона.

Внизу, в кювете, бинтующие раненых ученые что-то взволнованно говорили Ромычу про огнеопасные вещества, перевозимые в грузовике, но эти слова утонули в грохоте, раздавшемся в следующее мгновение.

Взрыв был не таким сильным, как когда броневик протаранил фуру Санька, но все равно впечатлял. Контейнер словно вспучило, выгнув борта, а затем втянув и искорежив. Мощная вспышка, будто из орудийного дула рванувшая в приоткрытый люк, чуть не задела Павла, равнодушно наблюдающего за гибелью несостоявшегося Божества. Фургон выгорел быстро и сухо, словно пучок жухлой травы. А затем они услышали, как внутри заскрежетало, хрустнуло и со стеклянным треском сломалось, выплескивая на пол что-то влажное и увесистое.

Докуривая, Павел уже не смотрел на уничтоженный грузовой отсек. Он смотрел куда-то за далекий горизонт, а от его глаз по лицу, перепачканному сажей и копотью, прочертились две тонкие светлые бороздки. Вынув передатчик и небрежно бросив его на асфальт трассы, Покрышкин сел на край насыпи, закуривая очередную сигарету.

– Максим?

– Да, Алексей, говорите, мы на частной волне.

– Вы довольны?

– Если убийством собственного брата можно быть довольным, то да.

– А он... он точно?..

– Да, вне всякого сомнения, это я вычислил сразу.

– Наверное, сюда сейчас направляется куча разных служб?

– Не стану скрывать, да. Перед гибелью Костя успел вызвать сюда всех, от собственной службы безопасности, до МЧС и ФСБ. Но у вас еще будет время уйти, бензиновые машины в очередной раз доказали свою надежность и мощь. Конечно, ученых придется оставить...

– Мы в расчете?

– О, в полнейшем, вы вольны просить любую награду, вплоть до уютного гнездышка в Среднем Центре. Много лет я планировал эту операцию, но и подумать не мог, что наткнулся на таких отчаянных и решительных парней, как вы с Павлом.

– Э... что?

– Я сказал, что уже много раз пытался подобраться к своему брату, но и предположить не мог, что финальная интрига окажется так изящна и проста. А еще никогда бы не подумал, что в его устранении мне помогут криминальные элементы...

– Я не понимаю...

– Да и не нужно, Алексей.

– Что ты сейчас сказал?

– О, а вот на грубость переходить не стоит. Стиль начальника вам не к лицу...

– Ты сказал, что спланировал все это?

– Ну, в целом, вы верно поняли мою мысль.

– Все это время ты врал?

– Нисколько. Просто чуть искажал факты, выдавал полуправду. Конечно, я знал, что суперэффективный вирус не сможет убить моего брата внутри «ВарКрона». Но это дало ему возможность запутать вас, физически устранив близкую персону. За все время моего изучения человеческой натуры я еще не находил такой сильной движущей силы, как месть...

– Ах ты бл...

– А вот касательно вас, Алексей, я не врал ни разу. Подумать только, как быстро мне пришлось перестраивать план, когда вы заметили несчастных сектантов, остановившихся, чтобы заправить машину?

– Это не были люди Константина?

– Нет, увы. Это я послал их сюда, пообещав сладкий кусок торта, если они помогут подчистить следы вашего пребывания здесь. Страховка. Но надо же было вам заметить эти чертовы штифты во лбах... План чуть не пошел насмарку, пришлось импровизировать...

– Но разговор Кости и старейшины?..

– Ох, Алексей, желаю и дальше не расставаться с этой искренней наивностью, она вам так к лицу. Ну конечно же, это была подделка. Адисты никогда бы не пошли на контакт с моим братом, которого почитали злее Дьявола...

– Ты подонок.

– Нет, вовсе нет. Подонком был мой брат, возжелавший подняться до божественных высот. Мне это никогда не было нужно – из двух зол я меньшее, гораздо меньшее. Я, если угодно, восстановитель справедливости. Задумав все это, я лишь хотел вернуть статус-кво. Мне хватает силы и власти, данной нашим изобретением, эксперименты с человеческим сознанием я считаю пошлыми и совершенно ненужными...

– Ах ты, сука!

– Спокойнее, Алексей, нервные клетки восстанавливаются очень медленно, а ругаться вам не идет... Статус-кво восстановлен. Люди добровольно лезут в гробы, теща мое тщеславие и увеличивая прибыли, вы вытаскиваете их оттуда, приводя в чувства. Один убегает, другой догоняет, вечный закон, не так ли?

– Ты ничем не лучше брата, превращавшего людей в скот...

– Действительно? А они не являются скотом, нет? Добровольно променяв лучшие годы жизни на виртуальную реальность? Сначала жирея в креслах, затем перебравшись на специальные лежаки, а после и в гробы – жемчужину наших открытий? Люди – животные, и только поэтому мы с Костей когда-то приняли решение покинуть ваш мир...

– Мы – не животные!

– Глупое и неаргументированное отрицание. Знаете, Алексей, про известный опыт с крысами, проведенный физиологами в конце прошлого века? Зверькам в мозг вживляли электроды, подводящие к кнопкам. Одна кнопка причиняла крысе боль, другая активировала выброс эндорфинов, доставляя зверьку небывалое удовольствие. Подопытные быстро разобрались, что к чему, игнорируя кнопку боли и без усталости давя на кнопку счастья. Балдели, совсем как современные вампиры, надо заметить. И знаете что еще, Алексей? В процессе получения удовольствия они начисто отказывались от приема пищи, начинаядохнуть. Представили? Так вот люди – те же звери, и вы никогда не убедите меня в обратном. И если они хотят давить на кнопку удовольствия, жирея в гробах и умирая от пролежней – это их эволюционный выбор.

– В Боги метишь, тварюга?

– Господь упаси, я уже говорил, что не страдаю амбициями брата...

– Мы найдем тебя, как нашли этот грузовик... Уничтожим и твой саркофаг, избавив мир от такой нечисти...

– А вот этого не советую, парни. Тут все чуть серьезнее, чем с покойным шизиком. Не забывайте, что Костю вы смогли найти, только благодаря мне, на бис этот номер не пройдет. Да и в игры я, в отличие от братца, баловаться не намерен – не успеете моргнуть, как оба

сядете за решетку за участие в организованном преступном сообществе. Или, быть может, хотите случайный передоз на следующем плановом визите к врачу? Оставьте эти мысли, Алексей, все кончено...

– Ты на самом деле перестал быть человеком...

– Возможно. Возможно... Но это не имеет отношения к делу. А теперь позвольте раскланяться, оставив вас перед самостоятельным решением, передать ли эту беседу своему шефу и напарнику. Желаю удачи в поимке и изведении вампиров, причем искренне. Если все же не побрезгуете получить награду, Павел знает, как меня найти. Всего хорошего, Алексей...

...Он стоял посреди пустынной трассы, не заметив, что во время разговора бездумно ушел далеко-далеко от места аварии и казни Константина Бескровного. Вынул наушник, ощущая себя выжатым до капли, словно растущий в пустыне кустарник. В висках шумело, настойчиво бился пульс, в левой половине груди ныло, как после удара.

Пошатываясь, он обернулся к дымящейся фуре, выгоревшей дотла, и стоящему подле нее кроссоверу. Возле «бэхи», размахивая рукой и что-то крича, был виден Покрышкин. Он все махал и махал руками, зовя вернуться, но Матвеев не слышал, погруженный в глубочайший омут тьмы, в который его только что швырнули.

Наконец он покачался на каблуках, словно раздумывал о чем-то, и нерешительно побрел обратно, продолжая до боли сжимать в пальцах умолкший навсегда передатчик.

Уровень загрузки – 100%, загрузка завершена.